

БРЯНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
АГРАРНОЙ ИСТОРИИ**

**ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕРЕВНИ
МАТЕРИАЛЫ I МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»**

с. Кокино

22-23 СЕНТЯБРЯ 2011 ГОДА

УДК 93/94
ББК63
И 74

«ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕРЕВНИ»/
МАТЕРИАЛЫ I МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ
АГРАРНОЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ». – Брянск, 2011-
198 с.

ISBN 9785885172035

**История и археология восточноевропейской деревни. Выпуск I. / Под редакцией
Р.В. Новожеева.**

Сборник научных статей издан по итогам работы Международной научной конференции «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы», которая состоялась в Брянской государственной сельскохозяйственной академии 22-23 сентября 2011 г. Велик диапазон научных интересов авторов – это проблемы истории и археологии земледелия, сельского расселения, крестьянское домохозяйство, экология древнего земледелия, древнерусское село, сельская повседневность, этнографические особенности восточноевропейской деревни, региональные проблемы аграрной истории, история аграрного образования, история сельскохозяйственной техники и др.

Для широкого круга историков, археологов, этнологов, культурологов и всех, кому небезразличны исторические судьбы восточноевропейской деревни.

ISBN 9785885172035

© Брянская ГСХА, 2011
© Коллектив авторов, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	5
-------------------	---

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Капустин К.Н.</i> «Взлёт на холмы» и южнорусские исторические реалии.....	6
<i>Квитковский В.И., Пашкевич Г.А., Горбаненко С.А.</i> К вопросу о земледелии населения салтовского селища Пятницкое-I	9
<i>Кишлярук В.М.</i> Ужесточение природно-климатических условий как фактор развития земледелия на древних поселениях Нижнего Приднестровья.....	16
<i>Новик Т.Г., Руденко В.Я.</i> Сельскохозяйственные орудия труда из археологической коллекции Национального архитектурно-исторического заповедника «Чернигов древний».....	26
<i>Новичихин А.М.</i> Экологическая характеристика хозяйственной деятельности сельского населения хоры Горгиипии (по материалам поселения Андреевская щель-I).....	30
<i>Новожеев Р.В., Потворов И.И.</i> Брянский «Сусанин» (об одной историко-археологической загадке).....	31
<i>Свистун Г.Е., Горбаненко С.А.</i> Потребительские предпочтения продуктов земледелия как проявление градообразующих тенденций на примере Чугуевского городища Салтово-Маяцкого времени.....	34
<i>Стародубцев Г.Ю.</i> Начало исследований городища Жидеевка.....	48
<i>Сытый Ю.Н.</i> Исследования древнерусской деревни на Черниговщине.....	54
<i>Черненко Е.Е., Кедун И.С.</i> Древнерусское поселение у с. Путивск на территории сельской округи Новгород-Северского.....	58
<i>Чубур А.А.</i> О доместикации песка в палеолите бассейна Десны.....	62

ИСТОРИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. КУЛЬТУРА

<i>Альмяшова Л.В., Романова Е.Н., Сапожников С.Е.</i> Сельская повседневность: производство кровяной колбасы в домашних условиях.....	68
<i>Барынкин А.В.</i> Образ трудовых масс в официальной большевистской пропаганде периода советско-польской войны 1919-1921 гг.....	70
<i>Барынкин В.П.</i> Аграрные исследования в России в первой трети XX.....	72
<i>Безгин В.Б.</i> Гендерные роли в семейной обыденности русских крестьян конца XIX века.....	74
<i>Ворон В.П.</i> Развитие женского аграрного образования на территории Надднепрянской Украины в последней четверти XIX-начале XX века.....	78
<i>Герасимчук А.М.</i> Столыпинские аграрные преобразования в Черниговской губернии в 1906 – 1908 гг.....	81
<i>Гузенков С.Г.</i> Выходцы из российских губерний в церковных документах юга Украины второй половины XIX – начала XX в.....	87
<i>Данилов П.Г.</i> Техника в хозяйстве крестьян Западной Сибири в конце XIX-начале XX века.....	89
<i>Житков А.А.</i> Парадигма «крестьянской революции» 1917-1922 годов в постсоветской историографии.....	91

<i>Искендеров Г.А.</i> Образ жизни сельского населения Дагестана в 70-е годы XX века.....	95
<i>Кирьянова Е.А.</i> Советская авторитарная система и колхозная деревня в конце 1920-х – начале 1930-х годов: становление механизма взаимоотношений.....	98
<i>Книга М.Д.</i> Сельскохозяйственные школы в конце XIX – начале XX вв.....	102
<i>Левченко О.Ю.</i> Читинское землемерное училище.....	106
<i>Лысенко Ю.М.</i> Изменения в сельском хозяйстве Дагестана в 20-е гг. XX в.: новации и проблемы.....	108
<i>Медведев В.В.</i> Чувашская усадьба в Башкирии во второй половине XIX-начале XX вв.....	112
<i>Мищанин В.В.</i> Аграрная политика в Закарпатье в 1944-1950 гг.....	116
<i>Морозов А.Г.</i> Крепостные люди ростовских крестьян-огородников в конце XVIII – первой половине XIX в.....	122
<i>Мотков С.И.</i> Историческая судьба поселений Берники бывшего Алексинского уезда Тульской губернии. Археографические заметки.....	127
<i>Мотревич В.П.</i> Сельское хозяйство Урала в 1946-1960 гг.....	130
<i>Мухин Д.А.</i> Способы формирования кворума на сельских сходах Вологодской губернии конца XIX – начала XX вв.....	141
<i>Новожеев Р.В.</i> Семья и крестьянское домохозяйство в домонгольской Руси: исторические и историографические заметки.....	145
<i>Новожеева И.В.</i> Проза 1970-х гг. о раскрестьянивании русской деревни.....	149
<i>Поляков Г.П.</i> Из истории сельскохозяйственных музеев провинциальной России. Трубчевский земский музей пчеловодства в начале XX в.....	153
<i>Посохин И.А, Посохина Г.И.</i> Словацкая деревня: специфика и традиционные черты.....	154
<i>Романович П.С.</i> История села Мотоль и аграрных отношений до начала XX века.....	158
<i>Сердюк И.А.</i> Мигранты с сёл в среде городского населения гетманщины	160
<i>Сологубов А.М.</i> Проблемы становления сельского хозяйства в Калининградской области (1940-е-1950-е гг.): ценологический подход.....	163
<i>Старовойтов М.И.</i> Крестьянство белорусско-российско-украинского пограничья в 1897-1917 гг. (социокультурный аспект).....	167
<i>Стародубец Г.Н., Стародубец Г.Ю.</i> Украинское село в период голода 1946-1947 гг. в региональном измерении Житомирской области.....	172
<i>Сулимов В.С.</i> Организация праздников древонасаждения в Шадринском уезде Пермской губернии на рубеже XIX-XX веков.....	176
<i>Терещенко Е.А.</i> Обрядовая жизнь и верования крестьянства Российской империи в первой половине XIX века по судебным и нарративным источникам.....	179
<i>Токарев Н.В.</i> Тамбовское крестьянство и земская агрономия в период столыпинского землеустройства.....	182
<i>Чуркин М.К.</i> Природно-географические детерминанты аграрного кризиса в районах миграционной активности населения во второй половине XIX – начале XX вв.....	186
<i>Шорина Е.Н.</i> «Власть на селе» на примере колхозов Вологодской области в 1960-е годы.....	192
Сведения об авторах	195

От редактора

Вы держите в руках сборник статей I Международной научной конференции «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы», проходившей 22-23 сентября 2011 года в Брянской государственной сельскохозяйственной академии.

Конференция была организована научно-исследовательской лабораторией аграрной истории Брянской ГСХА.

В работе конференции приняли участие как известные, так и молодые ученые из России, Белоруссии, Украины, Приднестровья, Словакии, из городов Москва, Киев, Минск, Тирасполь, Братислава, Брянск, Санкт-Петербург, Воронеж, Владимир, Тобольск, Омск, Екатеринбург, Калининград, Анапа, Курск, Махачкала, Магнитогорск, Чита, Тамбов, Кемерово, Ростов Великий, Рязань, Вологда, Шексна, Брест, Гомель, Запорожье, Чернигов, Нежин, Полтава, Житомир, Кировоград, Харьков, Ужгород.

Проблемы рассматриваемые в издании охватывают значительный отрезок времени от верхнего палеолита, в котором начинается domestikация диких животных человеком, что стало знаковым этапом в процессе возникновения производящего хозяйства и до второй половины XX века, когда деревня переживала серьезную деформацию в итоге приведшую к исчезновению традиционного хозяйства и традиционного общества.

Велик и диапазон научных интересов авторов – это проблемы истории и археологии земледелия, сельского расселения, крестьянское домохозяйство, экология древнего земледелия, древнерусское село, сельская повседневность, этнографические особенности восточно-европейской деревни, региональные проблемы аграрной истории, история аграрного образования, история сельскохозяйственной техники и др.

«Все люди родом оттуда, из деревни, только кто-то раньше, другие позже, и одни это понимают, а другие нет...» – эти замечательные слова великого писателя, певца умирающей русской деревни – Валентина Григорьевича Распутина призывают всех к сохранению исторической памяти, в том числе и через научное познание актуальных и сегодня проблем истории и археологии восточноевропейской деревни.

Председатель оргкомитета конференции

Р.В. Новожеев

«ВЗЛЁТ НА ХОЛМЫ» И ЮЖНОРУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

*Кирилл Капустин
(Киев, Украина)*

В последнее время все больше исследователей обращаются к анализу топографии, планировки, особенностей развития поселений второй половины XIII—XIV вв. Наиболее обстоятельно данная проблема изучена по материалам раскопок средневековых памятников Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Например, в работах С.З. Чернова рассмотрен процесс внутренней колонизации территории Московского княжества; А.В. Чернецова и М.Ю. Стрихалова – округи Старой Рязани; Н.А. Макарова и С.Д. Захарова — средневековых памятников в районе Кубенского озера [Чернов 2000; Чернецов, Стрикалов 2003; Макаров, Захаров 2003].

Что касается Южной Руси, то отдельные исследования в этом направлении проводились С.О. Беляевой (Среднее Поднепровье), Е.М. Веремейчик (междуречье Днестра и Десны), Ю.Н. Сытым (Задесенье), И.П. Возным (междуречье Серета и Днестра) [Веремейчик 1998; Ситий 1998; Возний 2009].

К сожалению, до сих пор остается нерешенным вопрос развития и трансформации поселенческих структур второй половины XIII—XIV вв., не известно, был ли перенос поселений на водораздел вызван объективными природно-географическими, климатическими факторами или скорее произошел вследствие социально-экономических трансформаций в обществе. Целью данной работы является попытка ответить на поставленный вопрос.

Как известно, в XII—XIII в. и особенно в XIV в. неукрепленные поселения все чаще основываются не в привычных топографических условиях (на берегах рек, озер и т.д.), а на водоразделе, вдалеке от открытых источников воды. Процесс, получивший в историографии название «взлет на холмы», характерен для территории не только Восточной, но и Западной Европы. Отметим, правда, что во Франции и Германии освоение водоразделов происходит в XI—XIII вв.; в Чехии и Польше — несколько позже, в XIII в. [Чернов 2005, 154—155]. Что касается территории Руси, то начало ее внутренней колонизации пришлось на период 1250—1350 гг., когда феодальное землевладение еще не сформировалось на большей территории страны, а общество, основанное на «служебной системе» и достаточно сильной княжеской власти переживало свой рассвет [Чернов 2005, 155].

Однако, такие выводы применимы лишь для территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, что подтверждается не только письменными, но и археологическими источниками. На землях Южной Руси наблюдаются несколько иные тенденции демографического развития. Так, абсолютное большинство селений второй половины XIII—XIV вв. на землях Черниговского Полесья располагалось на незначительных возвышенностях в поймах рек или озер. Таким, например, было поселение «Пойма», открытое в 1984 г. А.В. Шекуном около с. Шестовица Черниговской обл. Здесь невыразительный культурный слой располагался на склоне пойменной, не заливаемой даже в высокие половодья возвышенности, вдоль западного берега старицы р. Десны, называемой местными жителями Коровель [Веремейчик 2007, 367].

В подобных условиях находились поселения близ с. Комаровка Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. и с. Озаричи Конотопского р-на Сумской обл. Первое находилось на берегу затоки Днестра в его левобережной пойме; второе — в урочище Лутимнины Грудки на возвышенном останце над старицей р. Сейм [Беляева, Кубишев 1995, 5, 56].

На территории Днепроовского Правобережья наблюдается несколько иная ситуация. Анализ топографии археологических памятников середины XIII—XV вв. показал, что абсолютное большинство поселений продолжает существовать на берегах и в поймах рек, то есть в тех же топографических условиях, что и в древнерусское время [Капустин 2009, 78—83].

Сохранение установившейся системы расселения происходит и в других регионах древнерусского государства (междуречье Серета и Днестра, Днепроовское лесостепное Левобережье, Нижнее Поднепровье) [Возний 2009, 261; Супруненко, Приймак, Мироненко 2004, 75—77].

Чтобы понять, что же побуждало население одних регионов Руси переселяться на водораздел, а других оставаться «на месте», необходимо проанализировать конъюнктуру, сложившуюся в середине XIII в.

Прежде всего, попытаемся понять, как влияли природные факторы на процесс формирования поселенческой структуры середины XIII—XIV вв.

Как известно, на территории Южной Руси распространены преимущественно суббореально гумидные и суббореально семигумидные типы ландшафтов. Они отличаются от бореальных ландшафтов, ко-

торые распространены в северных регионах Руси, прежде всего более высокой теплообеспечиваемостью. Запасы тепла здесь возрастают к югу, но одновременно в этом же направлении сокращается атмосферное увлажнение. И если по количеству осадков бореальные и суббореальные типы ландшафтов не отличаются друг от друга, то по коэффициенту увлажнения эта разница хорошо прослеживается [Исаченко 1985, 161—162, 176—177]. Речная сеть хорошо развита, особенно в лесной зоне. По мере продвижения на юг поверхностный и подземный сток все более уменьшается, снижается количество осадков, увеличиваются относительные потери на испарение, более глубоко залегают подземные воды [Соколов 1952].

В целом, такие природные условия удобны для ведения сельского хозяйства, занятия ремеслами, торговлей и т.д. Однако следует учитывать, что в конце XII—XIII в. заканчивается малый климатический оптимум и наступает малый ледниковый период, для которого характерны процессы дестабилизации климатических условий, похолодания, активизации циклонической деятельности, увеличение числа паводков и других климатических экстремумов [Борисенко, Пасецкий 1985, 33—34].

Изменения климата, вызванные объективными геофизическими, астрономическими и метеорологическими факторами [Борисенко, Пасецкий 1985, 35—36], привели к тому, что в середине XIII в. значительно увеличилась влажность природной среды северных регионов Руси, вследствие чего население вынуждено было переселяться в более сухие области — на водораздел. На юге же изменения климата не были столь ощутимы, поэтому поселения продолжали оставаться в тех же топографических условиях, что и раньше. Такие выводы подтверждаются результатами палинологических изысканий. Исследования А.Н. Кренке подтвердили, что изменения температуры и влажности в разных регионах Руси проходили неравномерно. Например, в центре Русской равнины влажность возрастала на протяжении IV—XV вв., а максимальные показатели зафиксированы на рубеже тысячелетий; на северо-востоке такие изменения фиксируются в V в., а на юго-востоке они менялись вместе с соответствующими температурными колебаниями [Кренке, Золотокрылин, Попова, Чернавская 1989, 34—38].

К схожим выводам пришел Е.П. Борисенко, который заметил, что «изменения и изменчивость климата в малый ледниковый период носили ярко выраженный региональный характер и что существенную, если не основную, роль в этих региональных изменениях играли циркуляционные процессы» [Борисенко, Пасецкий 1985, 34]. Даже на Северо-Востоке Руси «взлет на холмы» происходит не повсеместно, а регионально. Это хорошо прослеживается на примере сельских поселений волостей Пехорка и Воря, где в одном случае наблюдался процесс сохранения сложившейся системы заселения, а в другом — его полная трансформация [Чернов 2000, 91].

Не следует забывать и об антропогенном факторе. Ведь, зачастую, именно истощение природных ресурсов заставляло население двигаться на неосвоенные территории. Как известно, причиной упадка Белозера было истощение промышленных ресурсов региона. Необходимость переориентации хозяйственного уклада на увеличение удельного веса аграрного сектора в экономике и расширения сельскохозяйственных угодий привела к созданию на противоположном берегу Белого озера нового центра сельскохозяйственной округа региона — Белозерска [Захаров 2000, 43—47]. На землях Южной Руси такие изменения, скорее всего, не происходили. Уменьшение в середине XIII в. антропогенной нагрузки на природу вследствие существенного сокращения количества населения позволило частично восстановить не только плодородность грунтов, но и экологический баланс в целом [Романчук 1975, 27—34].

По данным С.В. Кирикова негативное антропогенное влияние на природу восточноевропейской лесостепи проявилось несколько позднее — в середине XVI—XVII вв., когда увеличилось количество населения и интенсивность промышленного производства [Кириков 1979, 48].

Нельзя также забывать и о том, что южнорусские земли находились в непосредственной близости от золотоордынских кочевий. Отсутствие единого политического организма и сильной княжеской власти негативно сказывалось на восстановлении и развитии производственных сил региона. Только после стабилизации военно-политической ситуации в середине XIV в. началась реколонизация южных рубежей Руси. Она проходила постепенно и проводилась путем возобновления «старых» и постройки новых замков, вокруг которых концентрировалось мирное население [Грушевский 1890, 4]. Именно замки в XIV в. стали военно-политическим орудием колонизации территории Правобережной Украины [Виноградская 2002, 56—58].

В Северо-Восточной Руси соответствующие условия для внутренней колонизации сложились уже в середине XIII в.

Так, по мнению С.З. Чернова формированию новой системы заселения Московского княжества в XIII в. способствовало усиление княжеской власти и последующее формирование волостной общины, которая оказалась наиболее приспособленной для земледельческого освоения обширных пространств региона [Чернов 1991, 130].

Сохранению постоянной топографии способствовало также возрождение функционирования речных торговых путей, обслуживанием которых и занималось население некоторых поселений (поселение «Пойма» близ с. Шестовица) [Веремейчик 2007, 371].

Отметим, что приречный тип поселений сохраняется на землях Южной Руси и позднее. Так, А. Шарко в 1901 г. писал, что «села и деревни Малороссии ютятся обыкновенно вблизи рек, занимая места, непригодные для обработки в пахотные поля» [Шарко 1901, 119].

В Полесье это было вызвано тем, что разработка небольших полевых подсечных участков в окружении леса, в низинах или на водоразделе приводила к затенению последних, застою воздуха, туманам, увеличению влажности и наступлению ранних заморозков. Поля, расположенные на берегах рек (островах, мысах, в поймах) имели лучший дренаж, циркуляцию воздуха, равномерный ход суточных температур, что позитивно влияло на урожайность и эффективность ведения сельского хозяйства [Томашевский 2003, 22]. Кроме того, природные условия Полесья более всего подходили для архаической «пойменной» формы земледелия «когда производилось разбрасывание зерна (проса) в черную потрескавшуюся поверхность пересохших болот» [Бондарчик, Браим, Бураковская 1988, 105].

В южных регионах, где климат более аридный, основным источником влаги оставались открытые водоемы и реки, возле которых и продолжало селиться население. К примеру, абсолютное большинство поселений Южного Поднепровья расположены на берегах рек, реже на островах [Козловский 1992, 6].

Таким образом, видна четкая зависимость системы заселения от множества факторов (природных, антропогенных, политических и т.д.). На севере Руси общая конъюнктура способствовала освоению водоразделов уже в послемонгольское время, а на юге эти условия сложились значительно позже – в XVII—XVIII вв.

Источники и литература

- Беляева С.О., Кубишев А.И. Поселения Дніпровського Лівобережжя Х—ХV ст. — К., 1995
- Бондарчук В.К., Браим И.Н., Бураковская Н.И. Полесье. Материальная культура. — К., 1988
- Борисенко Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI—XVII вв. — Л., 1985.
- Веремейчик О.М. Географічне середовище і розміщення сільського населення межиріччя нижньої Десни та Дніпра у IX—XIII ст. // Україна і Росія в панорамі століть. — Чернігів, 1998 — С. 51—65
- Веремейчик Е.М. Поселение «Пойма» около Шестовицы близ Чернигова // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії центрально-східної Європи. — Чернігів, 2007 — С. 366—378
- Виноградська Л.І. Замок у соціально-просторовій структурі міст і містечок Правобережної України XIV-XVII ст. // Сучасні проблеми археології. Збірка наукових праць. — К., 2002. — С. 56—58
- Возний І.П. Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X—XIV ст. Частина 1. Поселення. — Чернівці, 2009
- Грушевський М.С. Южнорусские господарские замки въ половине XVI века. Историко-статистический очерк. — М., 1890
- Захаров С.Д. «На Беле озере два городка» // Русь а XIII веке: Континуитет или разрыв традиций. Тезисы докладов. — М., 2000 — С. 43—47
- Исаченко А.Г. Ландшафты СССР. — Л., 1985
- Капустін К.М. Тенденції демографічного розвитку Правобережжя Київської землі у середині XIII—XV ст. // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріали VIII Міжнародної студентської наукової археологічної конференції (Чернігів 10—12 квітня 2009 р.). — Чернігів, 2009. — С. 78—83
- Кириков С.В. Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X—XIX в. — М., 1979
- Козловський А.О. Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX—XIV ст. — К., 1992
- Кренке А.Н., Золотокрылин А.Н., Попова В.В., Чернавская М.М. Реконструкция динамики увлажнения и температуры воздуха за исторический период (по природным показателям) // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. — М., 1989 — С. 34—38
- Макаров Н.А., Захаров С.Д. Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII—XIII века // Русь в XIII веке: Древности темного времени. — М. 2003 — С.131—150
- Романчук С.П. До використання природних ресурсів Придніпров'я в епоху Київської Русі // Фізична географія та геоморфологія. — 1975. — Вип. 13 — С. 27—34
- Ситий Ю.М. Поселення X—XIV ст. північно-західної частини Чернігівського Задесення. // Україна і Росія в панорамі століть. — Чернігів, 1998 — С. 91—95
- Соколов А.А. Гидрография СССР. — Л., 1952 — <http://www.abratsev.narod.ru/biblio/sokolov/p1ch18b.html>
- Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепоного Лівобережжя. — К.—Полтава, 2004
- Томашевський А.П. Правобережне Полісся // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). — К., 2003 — С. 4—26
- Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых иссле-

дований // Русь в XIII веке: Древности темного времени. — М. 2003 — С. 18—33

Чернов С.З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII—XV вв. и происхождение волостной общины // СА. — М., 1991. — №1 — С.112—133

Чернов С.З. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: «традиционные» и «новационные» модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследований 1990—х годов волостей Пехорка и Воря) // Русь в XIII веке: Континуитет или разрыв традиций. Тезисы докладов. — М., 2000 — С. 88—92

Чернов С.З. Аграрная микро-история на примере Волока-Ламского и Радонежа (XIV—XVI вв.) и особенности раннемосковского общества // Cahiers du Monde russe. — 2005. — №46/1—2 — С.147—156

Шарко А. Малороссийское жилище // Этнографическое обозрение — М., 1901 — №4 — С. 119—131.

К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВСКОГО СЕЛИЩА ПЯТНИЦКОЕ-I

*Виктор Квитковский
Галина Пашкевич
Сергей Горбаненко
(Харьков, Киев, Украина)*

Селище Пятницкое-I расположено в Печенежском районе Харьковской обл. Оно занимает широкую пойму и песчаные дюны левого берега р. Большая Бабка, правого притока р. Северский Донец. Памятник занимает значительную площадь: вдоль реки он тянется широкой (около 1 км) полосой на протяжении 2 км (рис. 1).

Селище было открыто С.А. Плетневой во время разведок в 1957 г. [Плетнева 1957, 7-8], однако первые археологические исследования тут начал Б.А. Шрамко в 1977 г. после случайного обнаружения вещей из кремационного погребения богатого воина [Шрамко 1977, 19-20; 1983, 48-50]. В 1978 г. небольшой раскоп (№1) и несколько шурфов заложил В.К. Михеев [Михеев 1978, 6-7]. В 1988 и 1990 г. работы здесь продолжил А.В. Крыганов, который заложил раскоп 2, неподалеку от места обнаружения кремационного захоронения [Крыганов 1988, 4-5] и 3 в северной части поселения [Крыганов 1990, 10-16]. В 2005 г. немного севернее раскопа 3 В.К. Михеев, заложил еще 5 новых раскопов (№ 4-8) [Михеев 2005].

В 2008 г. исследования памятника были продолжены Средневековой археологической экспедицией Харьковского педуниверситета под руководством В.В. Колоды [Колода, Квитковский 2008; 2008а, 147-148], а с 2009 г. Слобожанской раннесредневековой экспедицией под руководством В.И. Квитковского [Квитковский, Колода 2009; Квитковский 2010]. Был расширен раскоп 3 и заложен новый (№9) в северной части поселения. Так же была проведена работа по картографированию памятника с нанесением всех существующих раскопов и присвоением им единой нумерации (рис.1). Более детальная история археологического исследования поселения уже опубликована в научной литературе [Квитковский 2009].

За все годы исследования в разных частях поселения было заложено 9 раскопов (рис. 1). Общая площадь составила приблизительно 1230 м² (700 м² на раскопе 3), что составляет лишь небольшую часть территории памятника. Тут было исследовано 76 раннесредневековых комплексов, среди которых 5 жилищ, 3 постройки 65 ям и 3 захоронения.

Следует отметить, что материал в пределах поселения несколько отличается. Керамика с раскопа 3 представлена приблизительно равным количеством амфорной и кухонной посуды (40-45%), значительная часть кухонных горшков (20%) была лепной. Средневековая керамика с раскопа 9 (прим.1) в основном – гончарная кухонная (75%), причем лепная практически отсутствует. Количество амфор значительно меньше, по сравнению с раскопом 3 и составляет приблизительно 15%. Соотношение столовой керамики на обоих раскопах примерно одинаковое (12-15%). Количество тарных пифосов было незначительно на всей исследованной площади. Категории изделий из других материалов, таких как кость, железо, бронза, так же очень похожи (бытовые вещи, орудия труда, предметы вооружения), однако, если на раскопе 9 были найдены предметы, связанные с земледелием, то в раскопе 3 их не было совсем. Обращает внимание и то, что количество находок костей животных на раскопе 3 почти в два раза больше, чем на раскопе 9. Отметим и разницу в сооружении отопительных устройств в исследованных жилищах. Если в раскопе 9 это был очаг, в жилых постройках раскопа 3 – печи каменки.

Артефактов связанных с земледелием было обнаружено немного, и в основном в южной части селища. Так, во время спасательных работ 1977 г. на поселении были обнаружены жернова, а в захоронении воина – складной серп и типичная салтовская мотыжка [Шрамко 1977, 20]; в 2008 г. – ручная зернотерка и фрагменты кварцитового жернова [Колода, Квитковский 2008; 2008а, 148], в 2009 г. в заполнении комплекса 28 была найдена еще одна тесло-мотыжка [Квитковский, Колода 2009, 23]. Кроме них, с территории селища происходят железные чересло и наральник, ныне находящиеся в фондах частных коллекционеров, которые разрешили с ними ознакомиться и сделать с них рисовки.

Следует так же отметить, что на поселении сравнительно с другими памятниками салтовской культуры, очень небольшой процент остатков тарных пифосов для хранения зерновых (2-3 % от всей средневековой керамики). Это, и небольшое количество сельскохозяйственных орудий наталкивает на мысль о второстепенном значении земледелия в хозяйстве жителей поселения Пятницкое-I.

Природные условия для занятий сельским хозяйством следует признать вполне благоприятными. Само селище находится в пойме на левом берегу реки. Таким образом, судя по рельефу, прилегающие участки вполне приспособлены для земледелия. Кроме того, большинство земель прилегающей территории должны были подтапливаться во время весенних паводков, таким образом, обновляя плодородие грунтов (рис. 1).

Про высокий уровень техники земледелия свидетельствуют находки орудий для первоначальной обработки грунта – наральник (рис. 2, 1) и чересло (рис. 2, 2). Они представлены типичными для конца I тыс. формами, которые часто встречаются как среди материалов непосредственно салтовской культуры [Михеев 1985, 33-37], так и соседних славян [Горбаненко 2007, табл. 6, рис. 10].

Наральник имеет следующие размеры (см): общая длина – 14; втулки – 5; лезвия – 9. По классификации Ю.А. Краснова принадлежит к типу IV2 и датируется второй половиной I – началом II тыс. н.э. [Краснов 1987, 41-42]. Имеет незначительную асимметрию плечиков.

Чересло имеет черешковое крепление и размеры (см): общая длина – 43; лезвия – 15,5; черешка – 27,5), вполне характерные для салтовской культуры [Михеев 1985, рис. 23, 4-7]. И та и другая деталь могли использоваться на орудии плужного типа – кривоградильном рале, с наральником, укрепленным широколопастным наконечником, поставленным горизонтально к земле, череслом и отвальной доской.

Кроме деталей на орудия первичной обработки грунта на памятнике так же были выявлены мотыги. Одна из них происходит из захоронения воина (рис. 2, 3), вторая была найдена непосредственно на поселении (рис. 2, 4). Они изготовлялись из цельного прямоугольного куска железа и были широко распространены на территории салтовской культуры (от Северного Кавказа до лесостепного Подонья) [Михеев 1985, 70, рис. 32, 5-9; Плетнева 1989, 91-93; рис. 36]. Вариантов возможного применения этих мотыжек несколько 1) для выдалбливания ям [Плетнева 1989, 91-93], 2) обработки небольших участков под огород [Магомедов 1987, 63], 3) очистки орудий первичной обработки грунта от налипшей земли [Михеев 1985, 38-39].

В 2009 году было проведено определение палеоботанического материала селища. С этой целью был просмотрен весь керамический материал с раскопов 3 и 9 (2008, 2009) непосредственно на месте работ, а так же материал, который сейчас хранится в фондах археологической лаборатории ХНПУ им. Г.С. Сковороды.

Палеоботанический спектр (ПБС) памятника получен благодаря снятию отпечатков зерен культурных растений на керамике. Снятие отпечатков проводилось по известной методике, которую в бывшем СССР впервые применил З.В. Янушевич [Янушевич, Маркевич 1970]. Далее материал был проанализирован Г.А. Пашкевич в отделе биоархеологии Института археологии НАН Украины.

Анализ отпечатков дал следующие результаты. Общее количество идентифицированных отпечатков составило 33 единицы; все идентифицированные отпечатки принадлежат зернам культурных растений. Максимальное количество (14) отпечатков принадлежит зернам ячменя пленчатого (*Hordeum vulgare*), на втором месте оказалось просо (*Panicum miliaceum*) – 8, далее пшеница голозерная (*Triticum aestivum* s.l.) – 7. Найден так же отпечаток пшеницы двузернянки (*Triticum diccocon*), ржи (*Secale cereale*), овса (не определенного вида) (*Avena* sp.) и гороха (*Pisum sativum*) (рис. 3).

По раскопам отпечатки на керамике разделились следующим образом: с раскопа 3 зафиксировано 27 отпечатков, с раскопа 9 – 7 (табл.1).

Ячмень пленчатый (*Hordeum vulgare*). Отпечатки его зерен имеют следующие размеры: ширина (В) – 3,1 – 3,91 мм; длина (L) – 7,25 – 9,06 мм. Индекс L/В составляет в среднем 2,34 (табл. 2; рис.3, 1 – 5). Количество ячменя по материалам салтовских памятников, где были сняты отпечатки с керамики (материалы городища Мохнач, Верхенсалтовского археологического комплекса, селища Корбовы Хутора) с достаточно большой степенью вероятности указывает на его ведущую роль в зерновом хозяйстве носителей салтовской археологической культуры [Пашкевич, Колода, Горбаненко 2004; Колода, Пашкевич, Горбаненко 2009; Горбаненко, Колода, Пашкевич 2009]. По данным селища Роголик обуглившиеся зерна ячменя пленчатого (*Hordeum vulgare*) вместе с овсом посевным (*Avena sativa*) имели преобладающее значение [Пашкевич, Горбаненко 2004]. Поскольку изученный материал отличается по характеру (отпечатки и обуглившиеся зерна), то он не может в полной мере отображать точное соотношение в спектре выращиваемых растений [Лебедева 2007, 290-292].

Ячмень – не только зерновая культура, но и фуражная и используется как корм лошадям и для откорма свиней на бекон. В хозяйстве используются также его солома и мякина, которые имеют качества, которые приближают их к селу [Растениеводство 1986, 124].

Просо (*Panicum miliaceum*). Среди отпечатков злаков на керамике второе место принадлежит зернам проса, точнее пшена (зернам, очищенных от пленок). Отпечатки зерен имели такие размеры: ширина – 1,95 – 2,64 мм, длина – 3,12 – 3,49 мм (табл. 2; рис. 3, 6-10). Ни одного отпечатка не было обнаружено на донцах горшков, что довольно не типично.

Пшеница голозерная (*Triticum aestivum* s.l.). Отпечатки зерен пшеницы голозерной так же были обнаружены на керамике из Пятницкого. Их характерные размеры: В – 2,84 – 3,83, L – 5,16 – 6,37мм; L/B — 1,62—1,82 (табл. 2; рис. 3, 13—16).

Так же обнаружен 1 отпечаток зерна **пшеницы двузернянки** (*Triticum dicoccon*): В — 3,67, L — 8,67 мм; L/B — 2,36 (табл. 2, рис. 3, 11).

Выявлено по одному отпечатку **ржи** (*Secale cereale*) (табл. 2; рис. 3, 12), **овса** (*Avena* sp.) (табл. 2; рис. 3, 17), и **гороха** (*Pisum sativum*) (табл. 2; рис. 3, 18).

Все отпечатки зерновых культур и горох посевной в целом подобны с ранее исследуемыми материалами как салтовской культуры [Пашкевич, Колода, Горбаненко 2004; Колода, Пашкевич, Горбаненко 2009; Горбаненко, Колода, Пашкевич 2009] так и с других памятников I тыс. н.э. [Янушевич 1986].

Поскольку из раскопа 9 происходит незначительное количество отпечатков зерна, а анализ указывает на разницу между материалами объектов раскопов 3 и 9, статистично можно проанализировать лишь палеоботанический спектр хозяйства, обнаруженного в раскопе 3. Таким образом, ячмень представлен 10 отпечатками, которые составляют относительное большинство. Далее идет просо, за ним пшеница голозерная. Дополняет ПБС единичные отпечатки зерен пшеницы двузернянки и ржи (рис. 4).

Общий ПБС с селища Пятницкое-I представляется довольно необычным в сравнении с результатами полученными на большинстве других салтовских памятников [Колода, Горбаненко 2001—2002; Колода, Пашкевич, Горбаненко 2009; Горбаненко, Колода, Пашкевич 2009]. Потому следует рассмотреть отдельно все составляющие ПБС.

Нетипичным является незначительное количество отпечатков проса или пшена. Это объясняется отсутствием отпечатков на донцах горшков – обычно их количество на этих частях керамики настолько значительно, что составляет около половины (и более) зафиксированных отпечатков проса. Как правило, суммарно этот показатель составляет наибольшее относительное значение ПБС, как например на Верхнесалтовском археологическом комплексе [Пашкевич, Горбаненко 2001—2002]. Относительно незначительный процент количества отпечатков зерен проса в этом случае объясняется тем, что его отпечатки на донцах отсутствуют.

В таком виде соотношение между количеством проса и ячменя близко к тем показателям, которые были подсчитаны с исключением отпечатков зерен проса с донец. Собственно ячмень представлен значительным процентом, что для салтовского ПБС довольно типично.

Нетипичным также является и малое количество пшеницы двузернянки и ржи; и в отличии от них – значительный процент пшеницы голозерной. Если же рассматривать значение обоих видов пшеницы совместно, то получим процент, подобный к аналогичным материалам с других салтовских памятников Северодонецкого региона. Вероятно, древнее население Пятницкого из видов пшеницы выращивали преимущественно пшеницу голозерную, что в целом соответствует высокому уровню земледелия салтовской культуры, что неоднократно отмечалось [Михеев 1985; Колода, Горбаненко 2001—2002 и др.]. Рожь же, возможно, не выращивали, или выращивали в незначительном количестве. В то же время имеем увеличение составляющей ячменя, пшеницы и проса.

Традиционно малой частью представлен овес. Сейчас трудно сказать про его место в зерновом хозяйстве – только с поселения Рогалик, которое находится в степной зоне (р. Евсуг, Луганская обл.) происходит значительное количество овса (вместе с ячменем) [Пашкевич, Горбаненко 2004]. Данные же, полученные на памятниках лесостепной зоны Северского Донца не свидетельствуют о существенной части выращивания овса [Колода, Горбаненко 2001—2002; Колода, Пашкевич, Горбаненко 2009; Горбаненко, Колода, Пашкевич 2009]. Незначительное количество овса зафиксировано и на синхронных славянских памятниках Левобережья Днестра [Горбаненко 2007], а так же во всех известных материалах I тыс. н.э. [Пашкевич 1988; 1991; 1991a].

Из погребения воина происходит так же складной серп (рис. 2, 5). По классификации В.К. Михеева, серпы такого типа относятся к группе I, подгруппы А. В таких серпах плоская пятка является непосредственным продолжением клинка. Конец пятки имеет шип, который входил в деревянную рукоятку и размещался перпендикулярно к рабочему лезвию. Рукоятка должна была, дополнительно крепится к пятке при помощи мягкой обмотки или железной обоймы [Михеев 1985, 45].

Орудия для переработки урожая представлены зернотеркой (рис. 2, 6) и жерновами (рис. 2, 7, 8). Вероятно, зернотерки использовались для переработки зерна на крупу (а не муку), поскольку процесс переработки зерна на муку достаточно трудоемкий, и целесообразнее с этой целью использовать более прогрессивные ротационные жернова. Найденные на селище орудия принадлежат по классификации

Р.С. Минасян к группе III. У таких устройств рукоятки вставляли в углубления на периферии верхнего жернового камня – это могла быть небольшая ручка (вариант Б), или маховой шток, который верхним концом закреплялся в потолке или балке над конструкцией (вариант А) [Минасян 1978].

Таким образом, материалы по земледелию представлены полным набором данных. Для земледелия жители Пятницкого-I использовали приселищные участки, вполне приспособленные по рельефу для этих целей. Кроме того, преимущество этих участков лежит в отсутствии необходимости вносить удобрения, поскольку они должны были возобновляться за счет разливов реки. Для обработки грунта могли использоваться прогрессивные орудия полуженного типа, которыми можно было поднимать целину.

Интересным оказался проанализированный ПБС салтовских памятников лесостепной зоны Северодонецкого региона, он отличается большей составляющей ячменя, а так же меньшими долями пшеницы двузернянки и ржи, компенсированными пшеницей голозерной. Сегодня, при незначительном количестве установленных для памятников салтовской культуры ПБС, сложно утверждать что-то наверняка, однако, увеличенная часть ячменя может указывать на подчиненность земледелия нуждам животноводства.

Примечания

1. В раскопе 9, кроме средневекового, найден культурный слой бронзового века (срубная культура).

Источники и литература

Горбаненко С.А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н. е. — К.: Академперіодика, 2007. — 198 с.

Горбаненко С.А., Колода В.В., Паишевич Г.О. Землеробство жителів салтівського селища Коробові Хутори // Археологія. — 2009. — № 3. — С. 82—92.

Квитковский В.И. История археологических исследований многослойного селища Пятницкое-I Печенежского района Харьковской области // Слобожанське культурне надбання: Збірка статей учених з пам'яткоохоронної роботи. — Харків: Курсор, 2009. — Вип. 2. — С. 85—91.

Квитковский В.И., Колода В.В. Отчет об археологических исследованиях Слобожанской средневековой экспедиции на селище Пятницкое-I Печенежского района Харьковской области / Архив научно-исследовательской археологической лаборатории ХНПУ им. Г.С. Сковороды. — 2009.

Квитковский В.И. Отчет об археологических исследованиях Слобожанской средневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2010 году / Архив научно-исследовательской археологической лаборатории ХНПУ им. Г.С. Сковороды. — 2011

Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. — М.: Наука, 1987. — 235 с.

Крыганов А.В. Отчет о полевых исследованиях Разведочного отряда Средневековой археологической экспедиции Харьковского университета в 1988 г. — Харьков, 1989 // Архив ИА НАН Украины. — № 1988/162.

Крыганов А.В. Отчет об археологических раскопках поселений и городища в Волчанском и Чугуевском районах Харьковской области в 1990 г. — Харьков, 1991 // Архив ИА НАН Украины. — № 1990/190.

Колода В.В., Горбаненко С.А. К вопросу о средневековом земледелии (по материалам Верхнесалтовского археологического комплекса) // Stratum plus. — 2001—2002. — № 5. — С. 448—465.

Колода В.В., Паишевич Г.О., Горбаненко С.А. Землеробство жителів городища Мохнач (часів салтівської культури) // Археологія. — 2009. — № 2. — С. 84—93.

Колода В.В., Квитковский В.И. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2008 году (селище Пятницкое-I и городище Мохнач в Харьковской области) / Архив научно-исследовательской археологической лаборатории ХНПУ им. Г.С. Сковороды. — 2008.

Колода В.В., Квитковский В.И. Археологические исследования ХНПУ на территории Харьковской обл. в 2008 г. // АДУ. — 2008а. — С. 146—149.

Лебедева Е.Ю. Методические аспекты археоботанических исследований // Матеріали та дослідження з археології Східної Європи: від неоліту до кіммерійців: Зб. наук. праць. — Луганськ, 2007. — № 7. — С. 289—296.

Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. — Киев: Наук. думка, 1987. — 110 с.

Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава // СА. - 1978. - № 3. - С. 101-112.

Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции Харьковского университета в 1978 году / Архив ИА НАН Украины. — 1978/72.

- Михеев В.К. Подонье в составе хазарского каганата. — Харьков: Вища школа, 1985. — 148 с.
- Михеев В.К. Отчет о научно-исследовательской работе Международного Центра хазароведения за 2005 г. — Харьков, 2006 // Архив Международного Соломонова университета (г. Харьков).
- Пашкевич Г.А. Палеоботанические исследования в области славянской археологии // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. — К., 1988. — Т. 4. — Древние славяне. — С. 169—174.
- Пашкевич Г.А. Палеоэтноботанические находки на территории Украины: Памятники I-го тыс. до н. э. — II тыс. н. э.: Каталог I. — К.: Препринт, 1991. — 48 с.
- Пашкевич Г.А. Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Памятники I-го тыс. до н. э. — II тыс. н. э.: Каталог II. — К.: Препринт, 1991а. — 47 с.
- Пашкевич Г.А., Горбаненко С.А. Приложение. Результат палеоэтноботанических исследований материалов из Верхнесалтовского археологического комплекса / Колода В.В., Горбаненко С.А. К вопросу о средневековом земледелии (по материалам Верхнесалтовского археологического комплекса) // Stratum plus. — 2001—2002. — № 5. — С. 460—463.
- Пашкевич Г.О., Колода В.В., Горбаненко С.А. Палеоэтноботаничні дані за відбитками на кераміці Верхньосалтівського городища (розкопки 1996—1998 рр.) // Древности. — Харьков, 2004. — С. 65—69.
- Пашкевич Г.А., Горбаненко С.А. К вопросу о земледелии племен салтовской культуры (по материалам поселения Роголик) // Древности. — Харьков, 2004. — С. 225—236.
- Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А. Палеоботаничні матеріали кінця I тис. до н. е. — I тис. н. е. Каталог // У друці.
- Плетнева С.А. Отчет к открытому листу № 8 Сев.-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1957 г. // Архив ИА НАН Украины. — 1957/17.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М.: Наука, 1989. — 288 с.
- Растениеводство. — М.: Агропромиздат, 1986. — 512 с.
- Шрамко Б.А. Отчет о разведках и раскопках 1977 года / Архив ИА НАН Украины. — 1977/95.
- Шрамко Б.А. Погребение VIII—X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. — Минск: Наука и техника, 1983. — С. 48—50.
- Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья: палеоэтноботанические исследования. — Кишинев: Штиинца, 1986. — 90 с.
- Янушевич З.В., Маркевич В.И. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья // Интродукция культурных растений. — Кишинев, 1970. — С. 83—110.

Таблица 1. Распределение отпечатков зерен культурных растений с селища Пятницкое-I по раскопам.

Название растения	Номер раскопа		Всего
	3	9	
<i>Panicum miliaceum</i>	8	—	8
<i>Hordeum vulgare</i>	10	4	14
<i>Triticum aestivum</i> s.l.	5	2	7
<i>Triticum dicoccon</i>	1	—	1
<i>Secale cereale</i>	1	—	1
<i>Avena</i> sp.	—	1	1
<i>Pisum sativum</i>	1	—	1
Всего	26	7	33

Таблица 2. Размеры отпечатков зерен культурных растений с селища Пятницкое-I.

Название	Размеры, мм		Индекс L/B
	Ширина (B)	Длина (L)	
<i>Hordeum vulgare</i>	3,37 (3,1—3,91)	7,9 (7,25—9,06)	2,34 (2,23—2,49)
<i>Panicum miliaceum</i> *	2,3 (1,95—2,64) Ч 3,3 (3,12—3,49)		—
<i>Triticum aestivum</i> s.l.	3,44 (2,84—3,83)	5,78 (5,16—6,37)	1,69 (1,62—1,82)
<i>Triticum dicoccon</i>	3,67	8,67	2,36
<i>Secale cereale</i>	2,59	8,25	3,19
<i>Avena</i> sp.	2,57	8,33	3,24
<i>Pisum sativum</i> *	5,98 Ч 6,37		—

Примечание. Даны средние размеры зерен; в скобках дана вариабельность зерен. * Для проса и гороха даны диаметры.

Рис. 1. Топографический план селища Пятницкое-I с местами раскопов

Рис. 2. Сельскохозяйственные орудия обнаруженные на селище Пятницкое-I: 1 — наральник, 2 — чересло, 3, 4 — мотыжки, 5. складной серп, 6 — зернотерка, 7, 8 — жернова

Рис. 3. Отпечатки зерен культурных растений селища Пятницкое-I: 1—5 — *Hordeum vulgare*, 6—10 — *Panicum miliaceum*, 11 — *Triticum dicoccon*, 12 — *Secale cereale*, 13—16 — *Triticum aestivum* s.l., 17 — *Avena* sp., 18 — *Pisum sativum*

Рис. 4. Палеозтботанический спектр зерновых культурных растений с раскопа 3 селища Пятницкое-I (количество зерен / их %): *P. m.* — *Panicum miliaceum*, *H. v.* — *Hordeum vulgare*, *T. a.* s.l. — *Triticum aestivum* s.l., *T. d.* — *Triticum dicoccon*, *S. c.* — *Secale cereale*.

Сокращения

ИА НАН — Институт археологии Национальной академии наук

ПБС — палеоботанический спектр

СМК — салтово-маяцкая культура

СА — советская археология

ХНПУ — Харьковский национальный педагогический университет

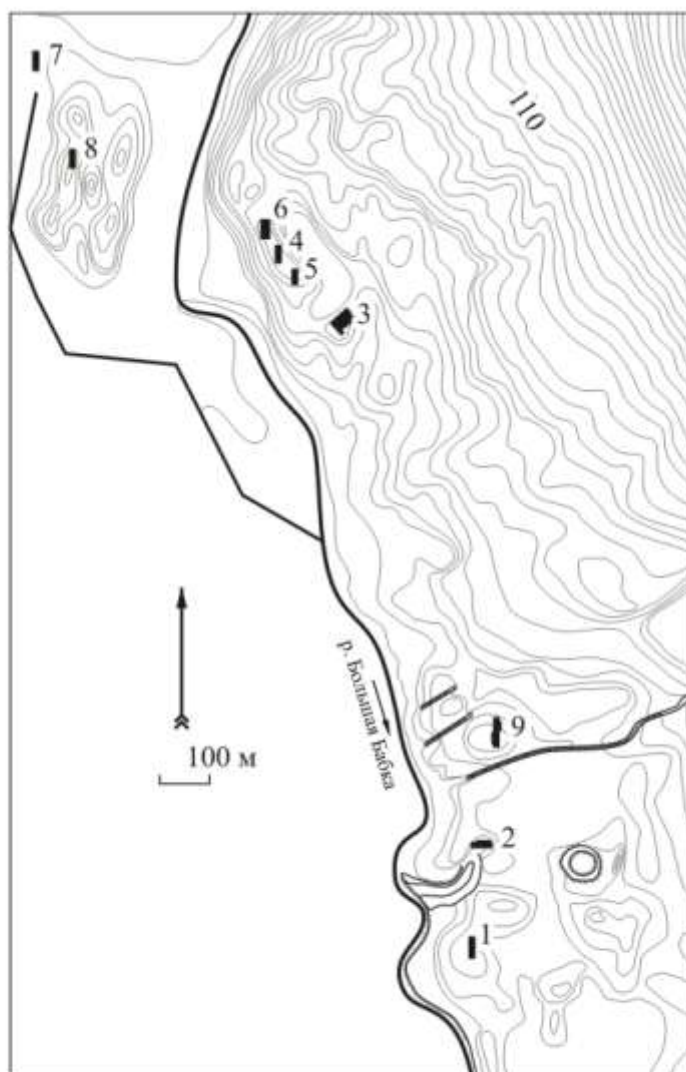

Рис. 1. Топографический план селища Пятницкое-I с местами раскопов

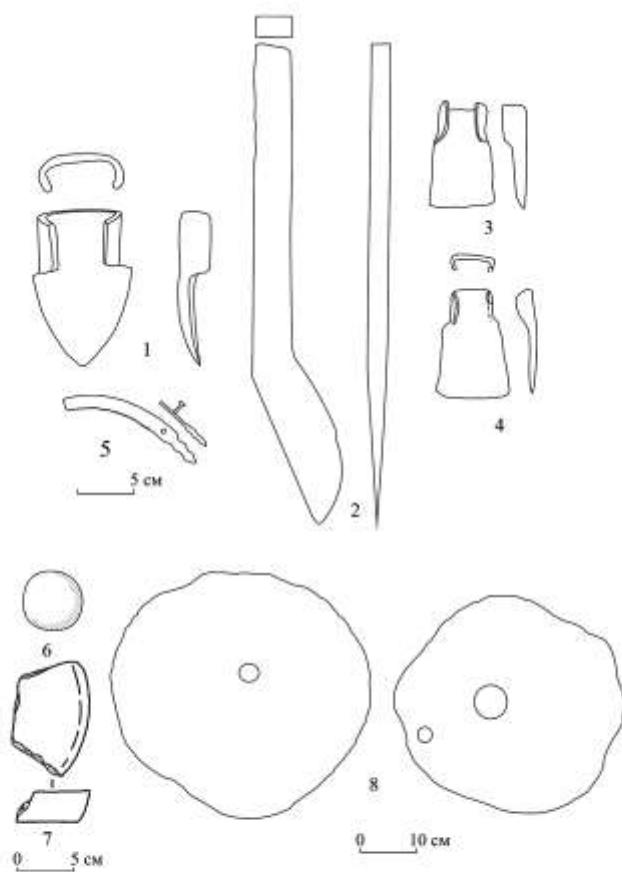

Рис. 2. Сельскохозяйственные орудия обнаруженные на селище Пятницкое-I: 1 — наральник, 2 — чересло, 3, 4 — мотыжки, 5 — складной серп, 6 — зернотерка, 7, 8 — жернова

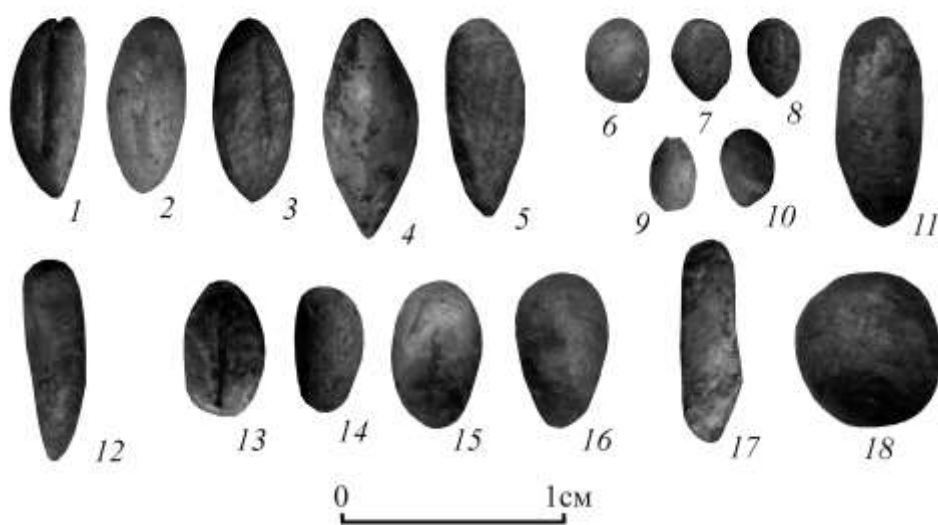

Рис. 3. Отпечатки зерен культурных растений селища Пятницкое-I: 1—5 — *Hordeum vulgare*, 6—10 — *Panicum miliaceum*, 11 — *Triticum dicoccon*, 12 — *Secale cereale*, 13—16 — *Triticum aestivum* s.l., 17 — *Avena* sp., 18 — *Pisum sativum*

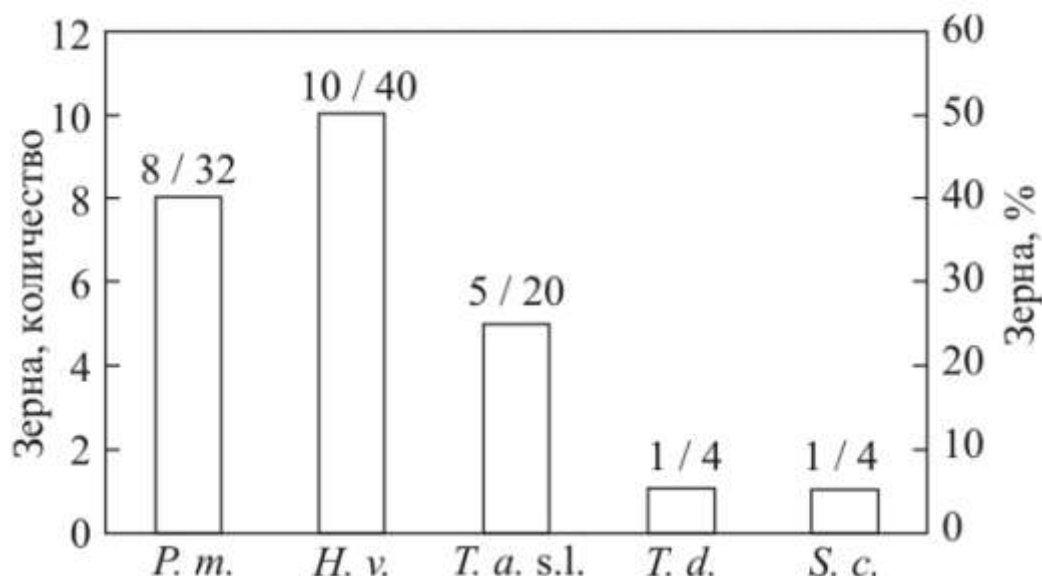

Рис. 4. Палеоэтноботанический спектр зерновых культурных растений с раскопа 3 селища Пятницкое-I (количество зерен / их %): *P. m.* — *Panicum miliaceum*, *H. v.* — *Hordeum vulgare*, *T. a. s.l.* — *Triticum aestivum s.l.*, *T. d.* — *Triticum dicoccon*, *S. c.* — *Secale cereale*

УЖЕСТОЧЕНИЕ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЯХ НИЖНЕГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Виктор Кишлярук
(Тирасполь, Приднестровье)

Благоприятная среда обитания, богатые кормовые, водные, ресурсы, мягкий климат, явились одними из основных факторов заселения Северного Причерноморья. Природно-климатические условия I тыс. до н.э. на территории Приднестровья сопоставимы с современными [Кременецкий 1986, 64-73; 1987, 5-18; 1991, 50-175; Хотинский, Чепалыга, Волонтир 1988, 71-80]. Однако даже на протяжении сравнительно небольшого временного отрезка отмечены частые климатические флуктуации: чередование фаз аридизации климата с этапами некоторого похолодания и увеличения количества атмосферных осадков [Адаменко, Гольберт, Осюк и др. 1996, 149-189].

Широкое освоение территории региона скотоводческими племенами скифов привело в V-IV вв. до н. э. к усилению пастбищной дигрессии, и стало одной из причин кризиса скифского общества [Гаврилюк 1987, 44-46; 1989, 102-121]. Часть населения вынуждена была перейти к занятию земледелием. Специфика, характер и уровень земледелия во многом определялись природно-климатическими условиями.

Процессы, происходящие в регионе, не могли не затронуть и территорию Нижнего Приднестровья. Археологические раскопки, проводимые в Нижнем Приднестровье НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко выявили крупное поселение Чобручи. Его исследование было начато в 1993 году [Щербакова 1994, 231-232; 1997(а), 167-170; 1997(б), 19-22; Никулицэ, Фидельский 2002(а), 206-216; 2002(б), 248-250; 2004, 190-216; Niculita, Fidelski 2004, 75-77]. Функционировало поселение, по видимому, на протяжении более тысячи лет (3110±130 (ИГАН-2128), 2109±80 (ИГАН-2134)) [Кишлярук 2005, 32-40] и занимало более 30 га на территории Слободзейского района. Однако большая часть археологических находок относится к VI-II вв. до н.э.

Анализ археологического материала из поселения Чобручи позволил выявить растительные остатки и отпечатки следующих видов культурных злаков: однозернянка (*Triticum monocossum* L.), двузернянка (*Triticum dicocum* Schrank.), спельта (*Triticum spelta* L.) ячмень голозерный (*Hordeum vulgare v. coeleste*), овёс (*Avena sativa* L.), просо (*Panicum miliaceum* L.) [Кишлярук, Кузьминова 2000, 355-358].

На территории Днестровско-Прутского региона наиболее ранние находки однозернянки выявлены на поселениях буго-днестровской культуры: Сороки и Руптура. На памятниках раннетрипольской культуры следы однозернянки становятся многочисленными. Также были выявлены следы од-

нозернянки и в более позднее время: эпоха раннего железа (поселения Кошница на левом берегу Днестра), римское время (поселения Вынэторь и Кукоара III).

На поселении Чобручи обнаружены отпечатки зерновок однозернянки на керамике, отпечатки колосков на обмазке (рис. 1).

На поселении Чобручи обнаружены отпечатки зерновок однозернянки на керамике (прим.1) [Кишлярук 1999, 99-104]. Важным показателем характеристики зерновок является величина индексов, т. е. отношение ширины зерновки (В) к её длине (L), толщины (Т) к длине (L) и толщины (Т) к ширине (В) в процентах.

Сопоставляя полученные результаты индексов зерновок однозернянки из поселения Чобручи (таб. 1) с данными, полученными при исследовании археологических памятников Молдавии и Украины [Янушевич 1976; 1988] (прим.2) видно, что размеры и форма зерновок из поселения Чобручи более близки к однозернянке Днестровско-Прутского междуречья. Сравнивая их с современными зерновками необходимо учитывать и изменения, происходящие при замешивании их в сырую глину и дальнейшем обжиге.

Сравнительно крупные зерновки однозернянки из поселения Чобручи могли стать результатом возделывания этой культуры в благоприятных условиях для роста и развития, т.е. земледельческим мероприятиям поселенцы уделяли достаточное внимание.

Таблица 1

Размеры (в мм) современных и ископаемых зерновок *Triticum monosocum* (З.В. Янушевич (1976, 1986) с дополнением)

Поселение	Длина (L)	Ширина (В)	Толщина (Т)	Индекс, %		
				В/L	Т/L	Т/В
Чобручи (VI-V вв. до н.э.)	6,5	2,1	-	32,3	-	-
Чобручи (III-II вв. до н.э.)	6,5	-	2,6	-	40,0	-
Солончены-Ланцугурь	6,5	2,0	-	31,0	-	-
Варваровка VIII	6,5	2,0	-	31,0	-	-
Брынзены-Цыганка	6,3	-	2,7	-	43,0	-
Брынзены-Цыганка	6,0	-	2,5	-	41,7	-
Слободка-Ширеуцы	6,5	2,1	-	32,3	-	-
Кошница	7,0	2,2	3,0	31,4	43,0	136,4
Магала	6,5	2,0	3,3	31,0	51,0	165,0
Магала	5,7	1,5	3,0	26,3	52,7	200,0
Магала	5,0	1,4	2,5	28,0	50,0	178,5
Уч-Баш	5,20	1,80	2,70	34,6	51,9	150,0
Панское I	5,25	2,0	2,70	36,2	51,4	135,0
Черная речка	6,23	2,10	2,80	33,7	44,9	133,0
Современная культурная (Кишинев)	7,6	2,02	3,22	26,5	42,4	159,0

В Днестровско-Прутском районе, на ранних поселениях, однозернянка возделывалась не в чистых, а в смешанных посевах с двузернянкой и спельтой. В керамике и обмазке поселения Чобручи из культурного горизонта, датируемого VI-V вв. до н.э. наряду с отпечатками однозернянки были выявлены следы двузернянки и спельты. В процентном отношении однозернянка составляет около 40% от общего числа отпечатков этих видов.

Находки однозернянки на поселении Чобручи свидетельствуют о том, что, вероятно, в эпоху железа однозернянка не полностью утратила свое значение, продолжая возделываться в Нижнем Приднестровье.

В Днестровско-Прутском регионе следы двузернянки отмечаются с эпохи раннего неолита (Сороки II, Руптура). На памятниках трипольской культуры и культуры Гумельница полба приобрела наиболее широкое распространение. Однако на территории Приднестровья находки двузернянки ранее не отмечались.

На поселении Чобручи отпечатки зерновок *Triticum dicocum* были выявлены на фрагментах керамики и обмазки, обнаруженных в горизонте VI-V вв. до н.э. (рис. 2). Вероятно, в основном в керамику и обмазку добавлялись фракции отходов. Но даже среди них встречается зерновки довольно крупных размеров. О высокой степени окультуренности и благоприятных условиях для роста и развития *Triticum dicocum* на территории Нижнего Приднестровья свидетельствуют форма и размеры зерновок этой культур (таб. 2). Достаточно крупные размеры зерновок могли стать следствием приурочения необходимых земледельческих мероприятий жителями поселения Чобручи.

Зерновки из поселения Чобручи ближе к находкам Днестровско-Прутского района.

Таблица 2

**Размеры (в мм) ископаемых зерновок *Triticum dicossum*
(Янушевич З.В. (1976, 1986) с дополнением)**

Поселение	Размеры зерновок			Индекс %		
	Длина (L)	Ширина (B)	Толщина (T)	B/L	T/L	T/B
Чобручи VI-V вв. до н.э.	6,5	2,7	-	41,5	-	-
Сороки	7,0	2,5	-	35,71	-	-
Руптура	6,0	2,2	-	36,67	-	-
Руптура	8,0	2,7	-	33,75	-	-
Александровка	6,7	2,4	2,5	35,82	37,31	104,16
Александровка	8,0	3,0	2,7	37,50	33,75	90,00
Лука-Врублевская	8,5	3,0	-	35,29	-	-
Лука-Врублевская	5,3	-	1,8	-	33,96	-
Раковец	7,0	2,5	-	35,71	-	-
Поливанов Яр	7,2	2,8	-	38,89	-	-
Поливанов Яр	5,3	2,5	-	47,17	-	-
Варваровка 8	5,6	2,2	-	39,28	-	-
Брынзены-Цыганка	7,8	3,0	-	38,46	-	-
Слободка-Ширеуцы	7,0	2,5	1,9	35,71	27,14	76,00
Слободка-Ширеуцы	7,3	2,5	2,3	34,25	31,51	92,00
Магала	6,0	2,6	-	43,33	-	-
Магала	5,9	2,8	-	47,46	-	-
Комрат 1	6,5	2,5	-	38,46	-	-
Будешты	5,7	2,8	2,7	49,12	47,37	96,42
Бельское 508\19 (средние)	5,55	2,42	2,04	43,6	36,7	84,8
Бельское яма 2 (средние)	5,50	2,40	2,00	43,6	36,3	83,3
Коломакское	5,90	2,84	2,50	48,1	42,3	88,0
Урочище Осняги (К-1)	5,0	2,00	2,00	40,0	40,0	100,0
Уч-Баш	6,25	2,40	2,50	42,86	44,64	104,16
Панское	5,60	2,40	2,35	42,85	41,96	97,91

Из всего комплекса ценных свойств, которые определяли присутствие *Triticum dicossum* в посевах поселения Чобручи, главным представляется, засухоустойчивость двузернянки. Опыты, проведенные в 1976-1977 гг. на территории Ботанического сада АН МССР подтвердили высокую устойчивость двузернянки, как и однозернянки, к недостаточному увлажнению [Янушевич 1986, 73-77].

В более позднем культурном горизонте поселения Чобручи датируемом III-II вв. до н.э. следы двузернянки отсутствуют.

Находки следов *Triticum spelta* на территории региона отмечены начиная с раннего неолита (Селиште, Руптура и Сороки). После эпохи бронзы, находки спельты становятся более редкими.

Однако находки следов спельты на территории Приднестровья до сих пор отсутствовали. И хотя на поселении Чобручи отпечатки *Triticum spelta* не многочисленны это все же позволяет в некоторой степени дополнить географию возделывания спельты на территории региона (рис. 3).

Отпечатки зерновок спельты были выявлены на керамическом материале обнаруженном в культурном горизонте датируемом VI-V вв. до н. э. Спельта, вероятно, возделывалась на поселении в смешанных посевах с однозернянкой и двузернянкой. В культурном горизонте, датируемом III-II вв. до н. э. отпечатки спельты отсутствуют.

Оценивая размеры зерновки спельты из поселения Чобручи (таб. 3), можно заметить, что они несколько короче и шире современных зерновок этой культуры, в тоже время, эта особенность характерна для ископаемых зерновок Днестровско-Прутского региона.

Первые следы ячменя на территории Днестровско-Прутского района относятся к началу V Тл. до н.э. (Сакаровка I). В дальнейшем следы ячменя прослеживаются почти на всех первобытных памятниках, причём голозерный ячмень в данном регионе, вероятно, был более распространен, чем плёчатый.

На поселении Чобручи было выявлено несколько отпечатков зерновок голозерного ячменя (рис. 4), как на фрагментах керамики из горизонта датируемого VI-V вв. до н. э. так и на фрагментах керамических изделий обнаруженных в слоях датируемых III-II вв. до н. э. [Кишлярук, Филипенко 1999, 625-627].

Таблица 3

**Размеры (в мм) ископаемых и современных зерновок *Triticum spelta*
(Янушевич З.В. (1976, 1986) с дополнением)**

Поселение	Размеры зерновок			Индекс %		
	Длина (L)	Ширина (B)	Толщина (T)	B/L	T/L	T/B
Чобручи VI-V вв. до н.э.	6,0	3,1	-	51,6	-	-
Руптура	7,0	3,0	-	42,8	-	-
Перерыта	6,0	2,5	-	41,6	-	-
Солончены	6,5	2,8	-	30,8	-	-
Брынзены-Цыганка	5,5	2,4	-	43,6	-	-
Екатериновка	5,4	3,1	2,7	57,4	50,0	87,1
Екатериновка	4,5	2,8	-	62,2	-	-
Екатериновка	6,0	3,6	-	60,0	-	-
Екатериновка	4,7	3,2	-	68,1	-	-
Магала	5,6	3,1	2,3	55,4	41,1	74,2
Магала	5,7	3,3	2,3	57,9	69,7	69,7
Магала	5,7	3,1	2,3	54,4	74,2	74,2
Магала	5,5	3,3	-	60,0	-	-
Урочище Осняги (К-1)	5,0	2,80	2,50	56,0	80,0	80,0
Современные	6,8	2,5	2,5	39,7	92,6	92,6

Зерновки из поселения Чобручи довольно крупные (таб. 4), однако уступают в размерах зерновкам голозёрного ячменя из поселений где, зерновки добавлялись в керамическое тесто в ритуальных целях, для чего отбирались наиболее крупные из них [Янушевич 1976, 113].

Таблица 4

**Размеры (в мм) ископаемых зерновок *Hordeum vulgare v. coeleste*
(Янушевич З.В. (1976, 1986) с дополнением)**

Поселение	Размеры		Индекс L/B
	Длина (L)	Ширина (B)	
Чобручи VI-V вв. до н.э.	7,5	3,4	2,20
Чобручи III-II вв. до н.э.	7,3	3,3	2,20
Лопатика	8,0	4,0	2,00
Путинешты	8,3	3,3	2,51
Карбуна	7,3	3,3	2,21
Новые Русешты 1 сл. 1, гор. Б	7,0	3,2	2,19
Яблона	6,9	4,1	1,70
Подул Добрий	7,4	3,5	2,11
Новые Русешты 1 сл. 1, гор. А	8,0	4,4	1,82
Раковец	6,05	3,5	1,73
Варваровка 15	7,8	3,6	2,17
Брынзены-Цыганка	7,4	3,8	1,95
Слободка-Ширеуцы	8,0	3,5	2,30
Лука-Врублевская	8,2	4,4	1,86
Лука-Врублевская	7,5	3,7	2,03
Лука-Врублевская	8,1	3,6	2,25
Лука-Врублевская	-	3,7	-
Лука-Врублевская	7,3	3,7	1,97
Лука-Врублевская	7,5	3,9	1,92
Лука-Врублевская	7,6	3,8	2,00
Лука-Врублевская	7,7	3,4	2,32
Лука-Врублевская	6,0	3,5	1,71
Лука-Врублевская	7,6	4,0	1,90
Лука-Врублевская	6,0	3,0	2,00
Лука-Врублевская	5,0	2,4	2,08
Поливанов-Яр	6,3	3,5	1,80
Поливанов-Яр	6,4	3,2	2,00
Поливанов-Яр	7,0	3,2	2,19
Поливанов-Яр	5,3	3,5	1,51
Поливанов-Яр	6,3	3,3	1,91
Поливанов-Яр	8,6	4,0	2,15

По форме зерновки голозёрного ячменя из поселения Чобручи удлинённо овальные и морфологически наиболее близки зерновкам ячменя из памятников Днестровско-Прутского района.

Наиболее древние отпечатки зерновок овса найдены на обмазке раннетрипольского поселения Путинешты и поселения Лопацика – культуры Гумельница. Очевидно, овес не имел самостоятельного значения в популяциях на первобытных поселениях региона, а был лишь случайной единичной примесью, вероятно полбы.

На поселении Чобручи выявлено несколько отпечатков следов *Avena sativa* в слоях датированных VI-V и III-II вв. до н.э. (Рис. 5). В материале из более древнего горизонта следам зерновок в колосовых чешуях овса сопутствуют отпечатки однозернянки и двузернянки, при некотором преобладании последнего вида. На фрагменте, датированном III-II вв. до н.э., на котором выявлен отпечаток зерновки овса, обнаружено также несколько следов-отпечатков однозернянки.

В Днестровско-Прутском регионе овес не имел большого распространения т.к. овес мезофит, а климатические условия данного района сравнительно сухие и жаркие.

Размеры зерновок овса из поселения Чобручи (таб. 5) несколько меньше размеров зерновок этой культуры из памятников Днестровско-Прутского района и близки к размерам *Avena sativa* из поселения Глубокое.

Таблица 5

Размеры (в мм) ископаемых зерновок *Avena sativa*
(Янушевич З.В. (1976) с дополнением)

Поселение	Размеры зерновок, мм.			Вид находки
	Длина (L)	Ширина (B)	Толщина (T)	
Чобручи VI-V вв. до н.э.	10,3	2,6	-	Отп. зерн. в чешуе
Чобручи III-II вв. до н.э.	6,3	2,0	-	Отп. зерн. без чешуи
Слободка-Ширеуцы	12,0	2,60	-	Отп. зерн. в чешуе
Селиште	12,0	3,0	-	Отп. зерн. в чешуе
Екимауцы	7,04	2,25	1,80	Обугл. зерн. без чеш.
Петруха	6,00	2,20	2,00	Обугл. зерн. без чеш.
Старый Орхей	11,50	2,70	2,20	Обугл. зерн. в чешуях
Кэпрэрия	7,00	2,20	2,00	Обугл. зерн. без чеш.
Глубокое	10,40	2,80	-	Обугл. зерн. в чешуях
Глубокое	6,60	2,10	1,70	Обугл. зерн. без чеш.

На территории Днестровско-Прутского региона древнейшими являются отпечатки проса из раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая [Бибиков 1953]. В эпоху бронзы и раннего железа растёт встречаемость отпечатков проса при повышении концентрации отпечатков, особенно на наружной стороне днищ сосудов. На некоторых фрагментах днищ сосудов из поселений эпохи Бронзы Ниспорены, Гура Галбенэ и Слободка Ширеуцы концентрация зерновок составляет 4,5 зерновок на 1 см² поверхности днища. Объясняется это явление тем, что необожжённые сосуды устанавливались на специальную подстилку, состоящую из зерна проса [Янушевич 1976, 155-156].

На поселении Чобручи отпечатки зерновок проса наиболее многочисленны (рис. 6). Отпечатки обнаружены на фрагментах керамики из культурно-хронологических горизонтов VI-V и III-II вв. до н.э. [Кишлярук, Кузьмина, Филипенко 2000, 358-360].

Размеры и форма зерновок проса из более древнего горизонта практически не отличаются от параметров зерновок из горизонта датированного III-II вв. до н.э. (таб. 6).

Зерновки *Panicum miliaceum* из поселения Чобручи средних размеров и их индекс отношения длины к ширине ближе к параметрам индекса зерновок проса с поселений эпохи бронзы и раннего железа Днестровско-Прутского региона.

Обращает на себя внимание то, что на одном из фрагментов днища сосуда из поселения Чобручи выявлено типичное для поселений Кошница и Селиште скопление 14 отпечатков *Panicum miliaceum*. В том же горизонте, датированном VI-V до н.э. были обнаружены фрагменты керамики представляющие собой стенки сосудов, с единичными отпечатками или группами, состоящими из 2-3 отпечатков зерновок проса.

Высокая концентрация отпечатков зерновок проса на фрагменте днища сосуда могла быть следствием подсыпки зерна под сосуды при их изготовлении. Возможно, эти действия проводились в ритуальных целях.

На поселения Чобручи на долю *Panicum miliaceum* приходится наибольшее количество отпе-

чатков зерновых культур, как в VI-V, так и в III-II вв. до н.э. В более древнем горизонте их доля около 50% от общего числа отпечатков. В горизонте, датированном III-II вв. до н.э. число отпечатков *Panicum miliaceum* около 25%.

Таблица 6

**Размеры (в мм) ископаемых зерновок проса *Panicum miliaceum*
(Янушевич З.В. (1976) с дополнением)**

Поселения	Длина (L)	Ширина (B)	Индекс L/B
Чобручи VI-V вв. до н.э.	2,6	2,0	1,30
Чобручи III-II вв. до н.э.	2,5	1,9	1,31
Путинешты	2,8	2,0	1,40
Лука-Врублевская	3,1	2,2	1,41
Болбочь	2,3	1,8	1,28
Поливанов Яр	3,3	2,1	1,57
Брынзены-Цыганка	3,0	2,0	1,50
Варваровка VIII	2,8	2,1	1,33
Варваровка XV	2,7	2,0	1,35
Варваровка XV	2,5	2,0	1,25
Лопацика I	2,5	1,9	1,31
Слободка-Ширеуцы	2,4	1,9	1,26
Ниспорены	2,5	1,9	1,32
Гура-Галбенэ	2,6	1,9	1,37
Селиште	2,7	1,9	1,42
Кошница	2,5	1,9	1,32
Комрат	2,7	2,0	1,35

На обломках керамики из поселения Чобручи наряду с отпечатками зерновок проса были выявлены и отпечатки сопутствующего сорняка щетинника (*Setaria viridis*). Причём в культурном горизонте VI-V вв. до н.э. их количество довольно значительное. В процентном отношении отпечатки щетинника составляют около 40% от общего числа отпечатков *Panicum miliaceum*. Растения проса, как известно, сразу после появления всходов развиваются медленно. В этот период они особенно боятся сорняков. Для получения высокого урожая эту культуру необходимо тщательно пропалывать. Столь значительное присутствие сорняков может служить основанием для предположения, что уровень возделывания проса на территории Нижнего Поднестровья в период VI-V вв. до н.э. был на низком уровне.

На керамических материалах датированных III-II вв. до н.э. наряду с отпечатками проса, щетинник представлен единственным отпечатком, что свидетельствует об, очевидно, возросшем внимании, которое уделялось сельскохозяйственным мероприятиям на поселении Чобручи.

Таким образом, в VI-V вв. до н.э. на поселениях Нижнего Приднестровья, при более благоприятных природно-климатических условиях возделывался более широкий спектр зерновых культур: *Triticum monosocum*, *Triticum dicocum*, *Triticum spelta*, *Hordeum vulgare v. coeleste*, *Avena sativa*, *Panicum miliaceum* (рис. 7). В период благоприятных природно-климатических условий земледелие оставалось на сравнительно низком уровне. Обработке полей и уничтожению сорняков уделялось недостаточное внимание.

Аридизация климата в III-II вв. до н.э. привела к сокращению числа возделываемых на поселениях Нижнего Приднестровья культур, и преобладанию в составе зерновых более засухоустойчивых *Triticum monosocum*, *Avena sativa* и *Panicum miliaceum*. В обстановке ужесточения природно-климатических условий произошло расширение обрабатываемых земель, за счет участков в высокой пойме реки, которые лучше обеспечены влагой. Населением региона также стали более широко проводиться сельскохозяйственные мероприятия. Предпринятые меры позволили расширить площади занятые зерновыми культурами, улучшить чистоту посевов, увеличить урожайность, повысить общий уровень земледелия и тем самым более полно обеспечивать население продовольствием в кризисной ситуации.

Примечания

1. Керамический материал был любезно предоставлен Щербаковой Т.А.
2. В других сравнениях размеров зерновок также использовались данные З.В. Янушевич (1976, 1988).

Источники и литература

Адаменко О.М., Гольберт А.В., Осиюк В.А., Матвишина Ж.Н., Медяник С.И., Моток В.Е., Сиренко Н.А., Чернюк А.В. Четвертичная палеогеография экосистемы Нижнего и Среднего Днестра. Киев. 1996.

Гаврилюк Н.А. Структурные превращения хозяйства степной Скифии. Киммерийцы и Скифы. Кировоград. 1987(а).

Гаврилюк Н.А. Пища степных скифов. Советская археология. 1987(б) г. №1.

Гаврилюк Н.А. Каменское городище и его округа. Древности Скифов. Киев. 1994.

Кишлярук В.М. Влияние природных условий на земледелие античного поселения Чобручи на примере *Triticum monosocum* L. Вестник Приднестровского университета. №1. Тирасполь. 1999.

Кишлярук В.М., Кузьминова Н.Н. Использование археологических материалов для палеоэтноботанических реконструкций поселения Чобручи. Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск. 2000.

Кишлярук В.М., Кузьминова Н.Н., Филипенко С.И. Роль *Panicum miliaceum* L. в земледелии поселения Чобручи. Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск. 2000.

Кишлярук В.М., Филипенко С.И. Роль *Hordeum vulgare* v. *coeleste* в земледелии поселения Чобручи. Труды VIII международного симпозиума Нетрадиционное растениеводство, экология и здоровье. Симферополь. 1999.

Кременецкий К.В. Природные условия энеолитических поселений на территории Молдавии и Нижнего Подонья. Известия А.Н. СССР. Серия географ. №4. 1986.

Кременецкий К.В. Природные условия неолитических поселений Причерноморья. Автореф. диссерт. Канд. геогр. наук. Москва. 1987.

Кременецкий К.В. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. Москва. 1991.

Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Фракийский горизонт на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье (по материалам исследований 2001 г.) Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь. 2002 (а).

Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Исследование на многослойном поселении Чобручи (по материалам раскопок 2001). Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Тирасполь. 2002 (б).

Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Чобручи – многослойное поселение на Днестре. *Thracians and Circumpontic world*. Chisinau. 2004.

Хотинский Н.А., Чепалыга А.Л., Волонтир Н.Н. Палинологические данные по истории растительности Нижнего Приднестровья в голоцене. Природные условия Молдавской ССР и их хозяйственное значение. Кишинев. 1988.

Щербакова Т.А. Новые материалы по археологии Нижнего Поднестровья. ДОЗССП. Тирасполь. 1994.

Щербакова Т.А. Позднеархаический горизонт поселения Чобручи на Нижнем Днестре. Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса. 1997(а).

Щербакова Т.А. К вопросу о населении Нижнего Поднестровья в III – первой четверти II вв. до н.э. Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур. (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Тирасполь. 1997(б).

Янушевич З.В. Культурные растения Юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев. 1976.

Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья. Кишинев. 1986.

Niculita I., Fidelski S. The researches on the multilayered settlement Ciobrucu. *Thracians and Circumpontic world*. Chisinau. 2004.

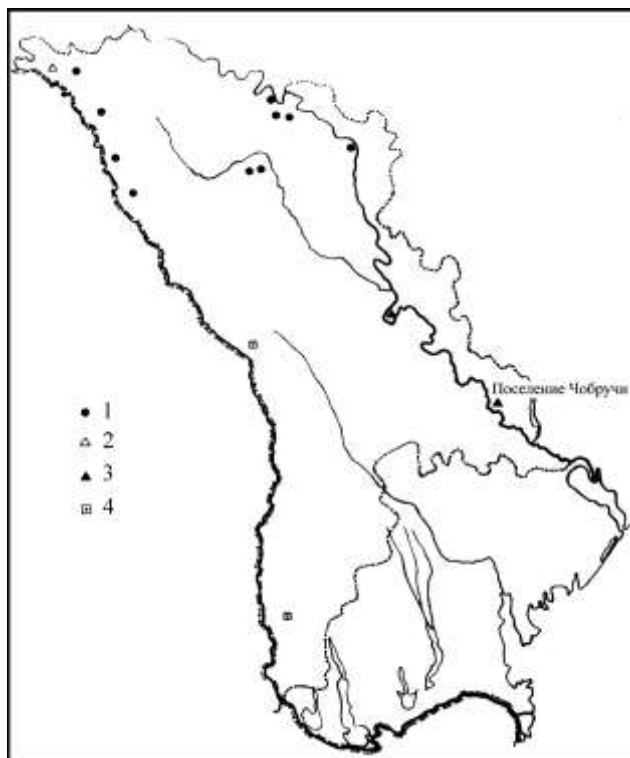

Рис. 1. Находки *Triticum monosossum* L. в Днестровско-Прутском регионе (по данным З.В. Янушевич (1977) с дополнениями);
1- средний и поздний энеолит; 2 - эпоха бронзы; 3 - раннее железо; 4 - римское время.

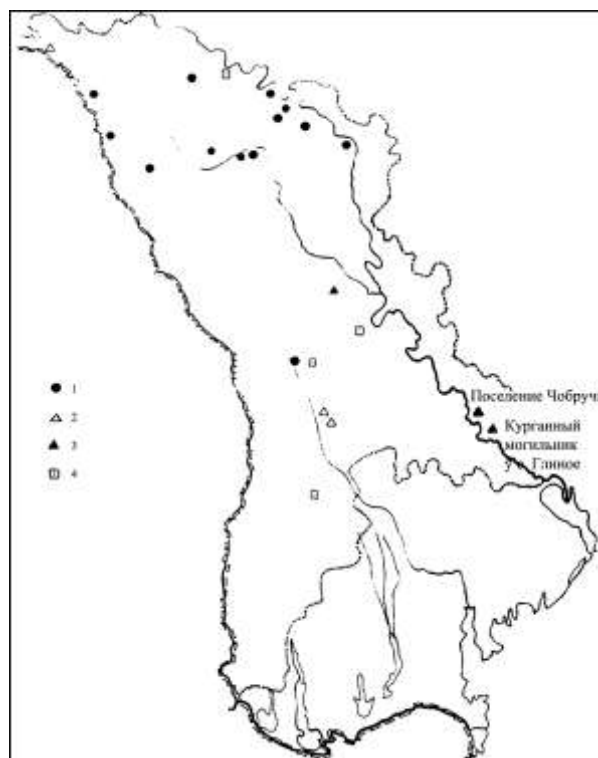

Рис. 2. Находки *Triticum dicossum* Schrank. в Днестровско-Прутском регионе (по данным З.В. Янушевич (1977) с дополнениями);
1- средний и поздний энеолит; 2- эпоха бронзы; 3- раннее железо; 4- римское время.

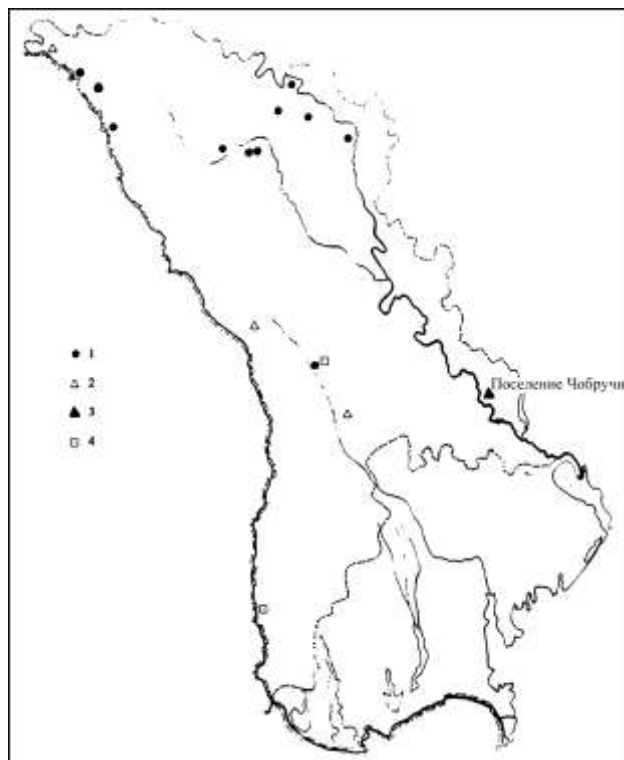

Рис. 3. Находки *Triticum spelta* L. в Днестровско-Прутском регионе (по данным З.В. Янушевич (1977) с дополнениями); 1- средний и поздний энеолит; 2- эпоха бронзы; 3- раннее железо; 4- римское время.

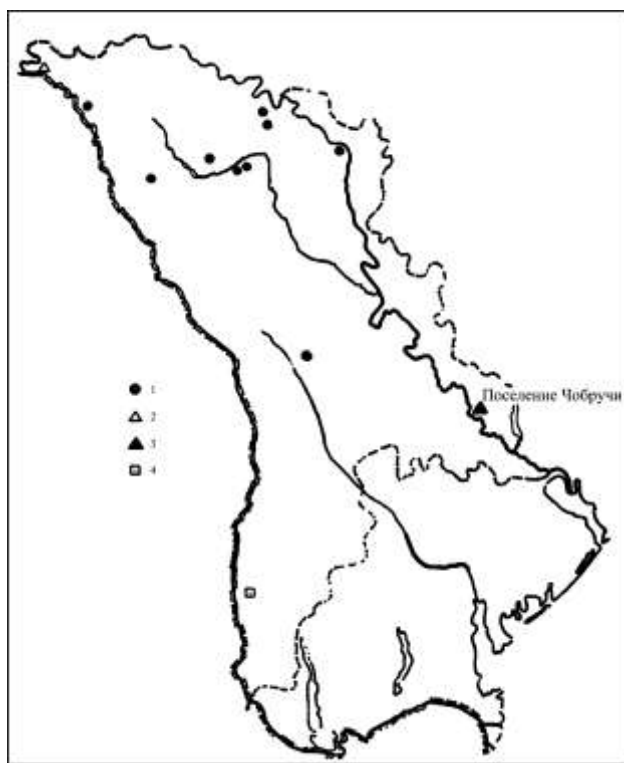

Рис. 4. Находки *Hordeum vulgare* в Днестровско-Прутском регионе (по данным З.В. Янушевич (1977) с дополнением); 1- средний и поздний энеолит; 2- эпоха бронзы; 3- железный век; 4- римское время.

Рис. 5. Находки *Avena sativa* L. в Днестровско-Прутском регионе (по данным З.В. Янушевич (1977) с дополнением);
1- эпоха бронзы; 2- раннее железо; 3- римское время.

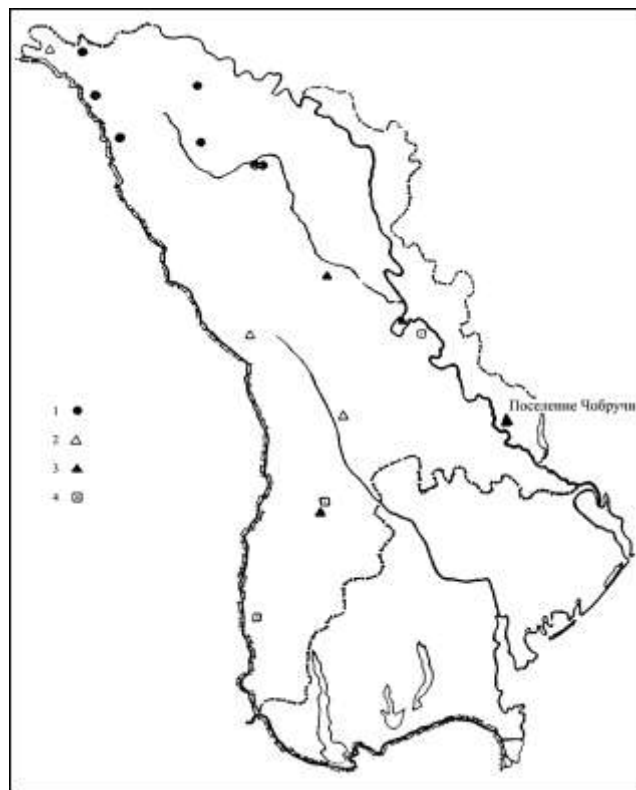

Рис. 6. Находки *Panicum miliaceum* L. в Днестровско-Прутском регионе (по данным З.В. Янушевич (1977) с дополнением);
1- средний и поздний энеолит; 2- эпоха бронзы; 3- железный век; 4- римское время.

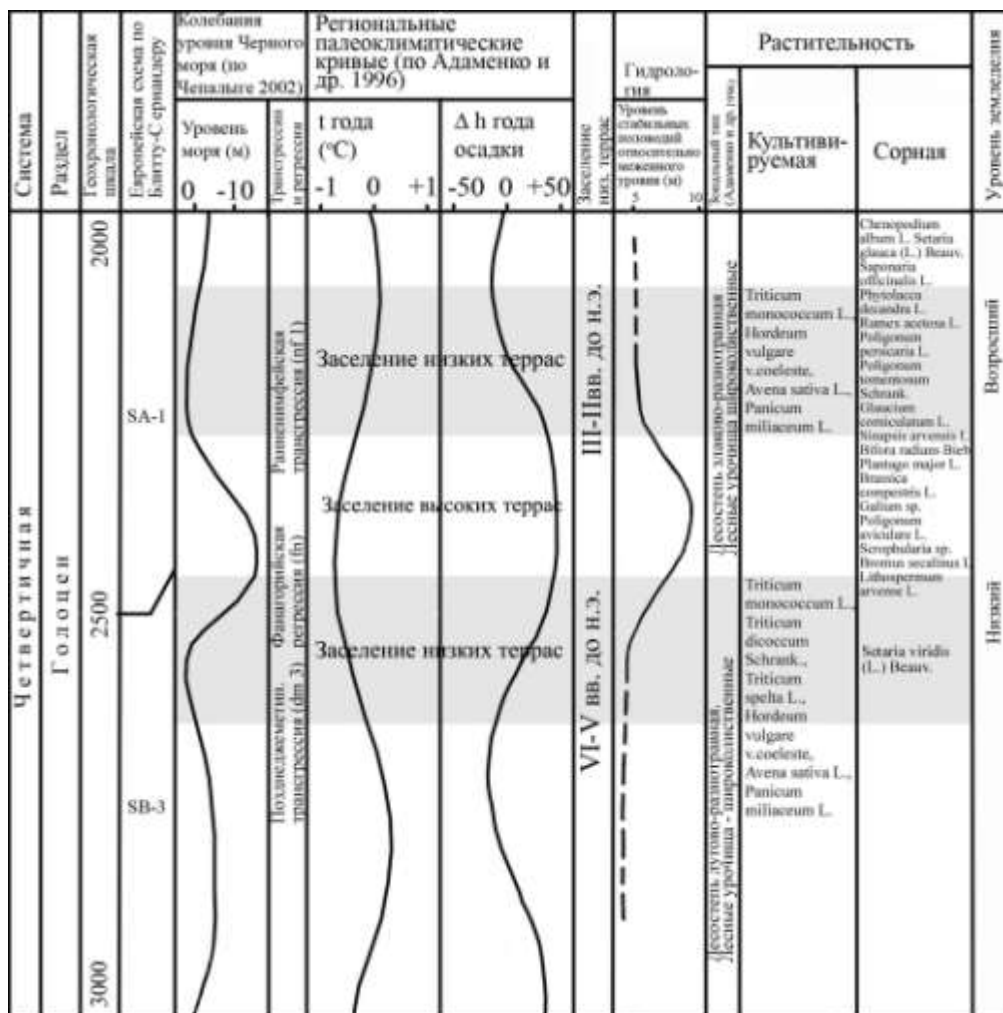

Рис. 7. Влияние природно-климатических условий на уровень земледелия на поселениях Нижнего Приднестровья в позднем голоцене

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ ТРУДА ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИТЕКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАПОВЕДНИКА «ЧЕРНИГОВ ДРЕВНИЙ»

Татьяна Новик
Владимир Руденко
(Чернигов, Украина)

Земледелие занимало важное место в хозяйственной деятельности как сельского так и городского населения вплоть до середины XIX столетия, а в эпоху средневековья оно было преобладающим. Поэтому орудия, предназначенные для обработки земли, являются важным источником для изучения уровня развития агротехники на разных этапах развития общества.

Поскольку средневековые письменные источники предоставляют нам довольно скудные сведения о пахотных и иных сельскохозяйственных орудиях, важнейшим источником для изучения земледельческих орудий эпохи средневековья является археология. Орудия земледелия находят во время археологических исследований сельских поселений, городов и монастырских территорий.

Цель данной публикации – введение в научный оборот орудий из черного металла для обработки земли из археологических коллекций, хранящихся в фондах Национального архитектурно-исторического заповедника «Чернигов древний». Эти орудия относятся к разным историческим периодам и происходят как с территории города Чернигова, так и из его округи. Большинство предметов найдено во время археологических раскопок и имеют четкую хронологическую и территориальную привязку, а отдельные из них – случайные находки (подъемный материал). Особое внимание хотелось бы уделить коллекции сельскохозяйственных орудий, найденных во время археологических исследований на территории Черниговского Ильинского монастыря, так как его хозяйственная деятельность в эпоху средневековья в известных письменных источниках совершенно не освещена.

Пахотными орудиями, которые бытовали на территории Восточной Европы, занимались Кирьянов А.В., Довженко В.И., Чернецов А.В., Краснов Ю.А. и другие. В описании наконечников пахотных орудий использована методика, разработанная Ю.А. Красновым. Кроме пахотных орудий – сошников и чересел, в состав коллекции входят и ручные орудия для обработки земли - железные оковки лопат, а также серпы и косы.

1. Чересло (КН 1621/1). Черешковый наконечник. Массивный ножевидный предмет с режущей частью, которая шире черешка и заметно выгнута вперед (рис. 1, № 1). Найдено во время археологических исследований на Черниговском посаде в 1991 году по ул. Князя Чёрного, 7, на территории летописного Третьяка в культурных пластах XI - XII вв. Находка отреставрирована, имеет утраты металла на лезвии вследствие коррозии. Общая длина – 52,3 см, длина лезвия – 26,0 см, ширина лезвия – 5,0 – 7,2 см, толщина – 0,7 - 0,9 см, на лезвии есть следы затачивания с одной стороны. Ширина черешка 3,7 – 4,7 см, толщина – 1,0 – 1,4 см (рис. 1, № 1).

2. Чересло (НДФ). Черешковый наконечник. Массивный ножевидный с прямой режущей частью, которая по ширине ненамного превышает черешок (рис. 1, № 2). Случайная находка на юго-восточном склоне оврага возле Ильинской церкви в Чернигове. Поверхность коррозирована, имеет незначительные утраты металла, черешок несколько деформирован. Общая длина – 43,2 см, длина лезвия – 22,2 см. Лезвие имеет ширину 4,3 – 5,1 см, толщина – 0,8 см. Черешок имеет ширину 3,0 – 3,7 см, толщину – 0,7 – 0,8 см (рис. 1, № 2). Случайность находки (подъёмный материал) усложняет её датировку. Но, учитывая место находки, вероятной датой может быть XVII-XVIII вв. Этому не противоречат стратиграфические наблюдения раскопок 1995-1998 гг., когда траншеями и шурфами на юго-восточном склоне оврага возле Ильинской церкви было зафиксировано, что верхние, достаточно мощные слои, от самой поверхности содержат вещи, которые датируются XVII-XVIII вв., а древнерусские слои залегают на глубине 2,6 – 3,0 м от современной дневной поверхности [Руденко, Новик 1996, 1999]. Хотя аналогичное по форме чересло происходит из Плесненска и датируется XII-XIII вв. [Древняя Русь 1985, 237].

3. Сошник (КН 614). Относится к типу III A1. Втульчатый, длина 17,0 см, ширина 9,5 см, длина втулки 8,0 см, ширина втулки 4,0 см. Втулка овальной формы, переход от втулки к лопасти слабо выраженный. Рабочий конец лопасти заостренный, лопасть несколько ассиметрична, в продольном сечении почти прямая, конец немного выгнут в противоположную от втулки сторону (рис. 1, № 3).

4. Сошник (КН 614). Относится к типу III A1. Втульчатый. Общая длина 17,9 см, ширина 8,5 см. Длина втулки 8,0 см, ширина 4,0 см. Втулка овальной формы, переход к лопасти слабо выражен. Рабочий конец лопасти заострён, лопасть несколько ассиметрична, в продольном сечении почти прямая. Наконечники № 3 и № 4 парные, сошник № 3 вставлен в середину сошника № 4 (рис. 1, № 3; рис. 2). В целом сошник полностью аналогичен наконечнику № 3, но ассиметрия его лопасти в противоположном направлении, что свидетельствует о том, что эти наконечники использовались в паре на одном пахотном орудии [Краснов 1987, 180-185].

Найдены они были во время археологических исследований в Антониевых пещерах в Чернигове в 1983 году (раскопки Г.А. Кузнецова). Исследования велись за алтарем подземной церкви Николы Святоши, где были обнаружены две замкнутые галереи, которые пересекались под прямым углом на расстоянии 1,24 м на восток за кирпичной стеною церкви. В слоях замыыва галерей были также найдены фрагменты рядовых и лекальных плинф красного и желтого цвета, аналогичные плинфе XII в., из которой сооружена наземная Ильинская церковь. Также были найдены фрагменты плинфы-сырца. В месте пересечения галерей на расстоянии 0,65 м от поворота в северо-восточной стене на высоте 0,65 м от пола была обнаружена ниша, замытая суглинком. Ширина её 1,2 м, высота 0,7 м, глубина 0,5-0,75 м. В замыве на полу ниши были найдены два человеческих черепа и большие кости конечностей. Кроме того, на полу ниши также были фрагменты жёлтой и красной плинфы, обломки плинфы-сырца. Там же, возле северной стенки были найдены, как отмечено в отчете, два железных наральника, вставленные один в один [Кузнецов 1984, 13-14]. Судя по форме ниши и её расположению, она является погребальной. Расположение черепов и больших костей конечностей напоминает исследованные на территории монастыря в разные годы костницы-кимитирии, в которых складывались мощи. Находка плинфы-сырца также напоминает о погребальных камерах нижнего яруса Антониевых пещер, входы в которые были заложены необожженным кирпичем. Тот факт, что сошники были сложены один в другой, свидетельствует о том, что в нишу они попали не случайно. Однако, однозначного объяснения присутствия сошников в погребальной нише пока нет. Точная датировка наконечников также усложнена отсутствием четко датированных вещей. Автор раскопок относит их к домонгольскому времени [Кузнецов 1984, 13-14]. Согласно Ю.А. Краснову, наконечники этого типа появляются на этой территории в конце I тыс.н.э., а уже в XI – XIII вв. соха была самым распространенным пахотным орудием в большей части лесной зоны, частично вытесняя уже существующие орудия, частично используя наряду с ними [Краснов 1987, 180-185].

5. Наральник (НДФ). Относится к типу I B1. Случайная находка на территории округа Черни-

гова. Втульчатый. Общая длина 14,6 см, ширина 7,3 см; длина втулки 7,0 см, ширина 6,3 см. Втулка овальной формы, переход к лопасти оформлен в виде слабо намеченных плечиков. Рабочий конец лопасти заострен, в продольном сечении лопасть прямая, конец слегка выгнут в противоположную от втулки сторону. Лопасть немного ассиметрична. Предмет коррозирован, есть небольшие утраты металла (рис. 1, № 4). Подобные наконечники появляются в первой половине I тыс. н. э. и используются до XIII – XIV вв. [Краснов 1987, 39].

6. Наральник (КН 1707/1). Относится к типу I Б1. Найден на городище в с. Феськовка Менского района Черниговской области. Втульчатый. Общая длина 16,8 см, ширина 7,2 см, длина втулки 8,0 см, ширина 7,0 см. Втулка вытянутой овальной формы, расширяется кверху до 8,7 см. Переход к лопасти оформлен в виде плечиков, которые шире нижней части втулки на 0,5 см. Лопасть заостренная, в продольном сечении слегка загнута в сторону втулки. Поверхность предмета коррозирована. Интересно то, что данный наконечник скован из двух частей – лопасть прикована к втулке таким образом, что на внешней стороне наконечника часть лопасти заходит на втулку на 3,5 см. С внутренней стороны предмет имеет практически ровную поверхность. Вероятно, это следы ремонта наральника (рис. 1, № 5).

7. Оковка лопаты (ДА № 24 496). Случайная находка 2003 года на территории Ильинского монастыря. Реставрирована. Длина оковки 23 см, общая ширина – 18 см. Имеет вытянутую полуовальную форму, верхняя часть сужается до 16,5 см, нижняя часть закругленная. Ширина лезвия оковки в верхней части 5,0 см, в нижней – 6,5 см, по внутреннему краю она имеет паз глубиной 1,5 см, в верхней части – два отверстия для гвоздей, расположенных с разных сторон оковки (рис. 3, № 1). Так как этот предмет является подъемным материалом, датировка его затруднена. Вероятной датой, как и в случае с череслом № 2, может быть XVII-XVIII вв.

8. Оковка лопаты (НДФ). Найдена во время раскопок на территории Ильинского монастыря в 2001 году в слоях XVII – начала XVIII вв. Фрагментирована, длина её составляет 15,0 см, реконструируемая ширина 12,0 – 13,0 см. Имеет полуовальную форму, нижняя часть закругленная. Ширина лезвия 4,5 см, по внутреннему краю – паз глубиной 2,0 см. В верхней части лезвия есть отверстие, в котором находится гвоздь длиной 6,5 см (рис. 3, № 2). Поверхность предмета коррозирована.

9. Оковка лопаты (НДФ). Обнаружена во время раскопок на территории Ильинского монастыря в 2010 году на юго-западном склоне Ильинского оврага в слое XII – п.п. XIII вв. [Руденок, Новик 2011, 7] Предмет коррозирован. Имеет полукруглую форму. Обращают на себя внимание довольно маленькие размеры этой оковки: длина 12,0 см, ширина – 14,0 см. Ширина лезвия – 3,5 см. С внутренней стороны лезвия читается паз, но по причине коррозии глубину его определить сложно. (рис. 3, № 3).

10. Оковка лопаты (КН 709). Найдена во время охранных археологических наблюдений в г.Чернигове в 1986 г. (рук. Карнабед А.А.). Автор датирует находку XVII-XVIII вв. Предмет реставрирован. Длина его 20,5 см, ширина 19,5 см. Имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами. Ширина лезвия 4,5 – 6,0 см, с внутренней стороны – паз глубиной 1,0 см, отверстий для гвоздей нет (рис. 3, № 4).

Основные числовые параметры наконечников пахотных орудий
из коллекции НАИЗ «Чернигов древний»

№п/п	Тип	Дата	Основные измерения (см)				Основные отношения		
			L	I	d ₁	d ₂	L/L	L/d ₁	L/d ₂
1.	ЧВ 1	XI - XII вв.	52,3	26,3	4,2	7,2	2,0	12,5	7,3
2.	ЧВ 1	XVII – XVIII вв. (?)	43,2	21,0	3,4	5,1	2,05	12,7	8,5
3.	III A1	XII - XIII вв.	17,0	8,0	6,5	9,5	2,1	2,6	1,8
4.	III A1	XII - XIII вв.	17,9	8,5	8,0	8,5	2,1	2,2	2,1
5.	I Б1	до XIII - XIV вв.	14,6	7,0	6,3	7,3	2,1	2,3	2,0
6.	I Б1	до XIII в.	16,8	8,0	7,0	7,2	2,1	2,4	2,3

Источники и литература

Древняя Русь. Город, замок, село. – М.: «Наука», 1985. – 432 с.

Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. – М., «Наука», 1987. – 236 с.

Кузнецов Г.А. Отчёт о работе Черниговского городского отряда Черниговской археологической экспедиции за полевой сезон 1983 г. – Чернигов, 1984. – ДФ НАИЗ.

Руденок В.Я., Новик Т.Г. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории Ильинского монастыря в городе Чернигове в 1995 году. – Чернигов, 1996. – С. 9-11.

Руденок В.Я., Новик Т.Г. Отчёт об археологических исследованиях на территории Троицко-Ильинского монастыря в городе Чернигове в 1998 году. – Чернигов, 1999. – ДФ НАИЗ.

Руденок В.Я., Новик Т.Г., Солобай П.В., Василенко А.А., Дем'яненко Д.Р., Звіт про наукові археологічні дослідження Троїцького Іллінського комплексу в зоні розташування Антонієвих печер і «Печери Аліпія» м. Чернігові в 2010 році. – Чернігів, 2011.

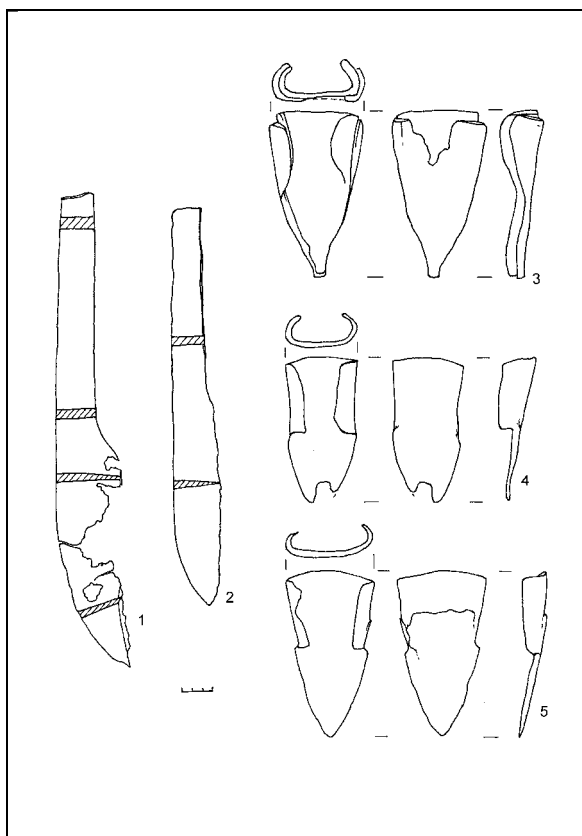

Рис. 1. Наконечники пахотных орудий: 1 – чересло из раскопок на Черниговском посаде; 2 – чересло с территории Ильинского монастыря; 3 – сошники из Антониевых пещер; 4; 5 – наральники с территории Черниговской округи.

Рис. 2. Сошники из Антониевых пещер

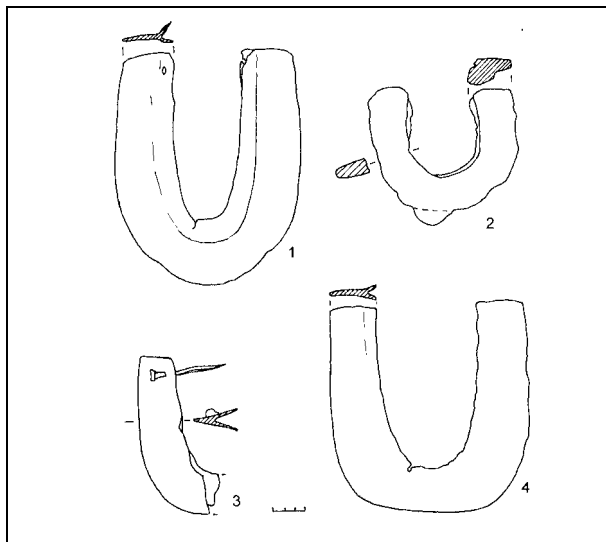

Рис. 3. Оковки лопат:
1-3 – с территории Ильинского монастыря;
4 – территория Чернигова.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХОРЫ ГОРГИППИИ (по материалам поселения Андреевская Щель-1)

*Андрей Новичихин
(Анапа, Россия)*

Комплексное изучение археологических памятников предоставляет уникальную возможность исследования материалов, получаемых в ходе археологических раскопок, методами естественных наук. Данные палеоботаники, палеозоологии позволяют дать оценку экологической ситуации, в которой осуществляла хозяйственную деятельность группа древнего населения, оставившая тот или иной археологический памятник: поселение или могильник.

Подобного рода комплексные исследования были проведены на поселении Андреевская щель I, расположенном на хоре Горгиппии, в 7 км к востоку от указанного античного центра. Памятник был открыт в 1978 г. анапским археологом А.И. Саловым, в 1991-1992 гг. исследовался археологическим отрядом Анапского археологического музея под руководством автора [Новичихин 1994], в 2004-2005 под его же руководством раскопки были продолжены отрядом Северо-Кавказской археологической экспедиции Института археологии РАН. Материалы, полученные в ходе работ 2004-2005 гг. стали объектом палеоботанических и палеозоологических исследований [Лебедева 2005; Малышев, Гольева, Новичихин 2008].

Поселение расположено на склоне отрога Семисамского хребта, замыкающего с северо-запада живописное урочище Андреевская щель, по которому памятник и получил свое название. Урочище известно своим прекрасным пресноводным источником, наличие которого делало данную местность привлекательной для заселения ее человеком с древнейших времен. Судя по находке характерного обсидианового остроконечника, урочище посещалось людьми еще в эпоху мезолита – среднего каменного века (VIII-V тыс. до н. э.). В эпоху энеолита–ранней бронзы (IV-III тыс. до н. э.) здесь уже существовало поселение, известное по отдельным находкам каменных и кремневых изделий. Наиболее интенсивно район Андреевской щели осваивался в античное время (IV в. до н. э. – III в. н. э.) и в средние века (IX-XIII вв.).

Поселение Андреевская щель I относится к античному периоду. Наиболее ранние из числа сделанных на нем находок относят возникновение поселения к середине – второй половине IV в. до н.э. При раскопках выявлено два слоя: слой эпохи эллинизма (IV-II вв. до н. э.) и слой раннеримского времени (I в. до н. э. – I в. н. э.). Судя по всему, при выборе места для поселения определяющую роль сыграл фактор близости пресноводного источника: у современного родника встречены фрагменты керамики античного времени. Другим фактором, повлиявшим на выбор места для поселения, послужили особенности рельефа: поселение расположено на достаточно крутом труднодоступном склоне, с которого отлично просматривается Анапская равнина. Несмотря на то, что следов древних фортификационных строений при раскопках пока не выявлено, есть основания полагать, что поселение Андреевская щель I несло, помимо прочих, и функции укрепления или сторожевого поста. Таким образом, природная среда стала определяющей для местоположения поселения и, возможно, для его функций.

В то же время, поселившиеся здесь люди также оказывали воздействие на окружающую среду. Для строительных нужд местные жители использовали камень, добывавшийся здесь же на склонах ущелья: из местного песчаника сложен открытый при раскопках участок стены IV-III в. до н. э. Для изделий специального назначения, например для каменных ступок, использовался известняк, ближайшее месторождение которого расположено в районе Верхнего Джемете в 10 км от Андреевской щели.

Основным занятием жителей поселения Андреевская щель I было сельское хозяйство. Среди найденных при раскопках семян культурных растений из слоя раннеримского времени (надо отметить достаточно многочисленных – в среднем 79 единиц на 10 л грунта) представлены такие культуры как просо (более половины образцов), пшеница (около четверти образцов) не менее чем трех видов, ячмень, бобовые, виноград. Если для бобовых культур и винограда могли использоваться горные склоны, то для выращивания зерновых культур местные жители, надо полагать, возделывали прилегающие равнинные участки. В полученных при раскопках палеоботанических образцах имеются фрагменты колошкеев, что убеждает в том, что зерно не закупалось, а выращивалось и обрабатывалось (обмолачивалось) на месте. Использовались и дикорастущие растения – в выборке представлены семена шиповника. Плоды этого кустарника, заросли которого и сегодня покрывают склоны Семисамского хребта, могли собираться в качестве не только пищевого, но и лекарственного средства.

Весьма показательны и результаты анализа полученных при раскопках остеологических материалов. Большую часть из них составили кости домашних животных – крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, – свидетельствующие о занятиях местного населения животноводством. Отметим, что и до настоящего времени прилегающие к поселению склоны использовались жителями близлежащего с. Су-Псех для выпаса овец и коз (что наблюдалось во время производства раскопок в 1991-1992 гг.). В то же время, заметную роль в жизни обитателей поселения Андреевская щель играла охота – 15 % найденных при раскопках костей принадлежала диким животным охотничьих видов, главным образом благородному оленю. Последнее обстоятельство, возможно, имеет религиозный оттенок – олень связан с почитанием культа богини-охотницы Артемиды.

Таким образом, результаты комплексного исследования археологических материалов, полученных при раскопках поселения Андреевская щель I, дают в распоряжение исследователей ценнейшие данные для экологической характеристики хозяйственной деятельности его населения. Природная среда обусловила выбор места поселения, и в период его функционирования продолжала воздействовать на его обитателей, снабжая их строительными и биологическими ресурсами. В то же время шел активный процесс воздействия человека на окружающую природную среду, выражающийся в активном использовании местных почв для выращивания сельскохозяйственных культур, выпасе скота, сборе плодов дикорастущих растений, охотничьем промысле. Экологическое взаимодействие шло как в направлении «природа – человек», так и в направлении «человек – природа», причем последний вектор явно был преобладающим.

Источники и литература

Лебедева Е.Ю. Сравнительный анализ археоботанических материалов с памятников античного времени Северо-Западного Кавказа // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. М.-Новороссийск, 2005.

Мальшев А.А., Гольева А.А., Новичихин А.М. Новое в изучении периферийных районов Азиатского Боспора // Краткие сообщения Института археологии. 2008. Вып. 222.

Новичихин А.М. Раскопки античного поселения в Андреевской щели близ Анапы // Боспорский сборник. 4. М., 1994.

БРЯНСКИЙ «СУСАНИН» (об одной историко-археологической загадке)

*Роман Новожеев
Иван Потворов
(Брянск, Россия)*

В 1909 году в «Известиях Императорской археологической комиссии» была опубликована заметка весьма любопытного содержания [Известия 1909, с.31-32]. В ней указана ссылка на издание, откуда перепечатана информация – это газета «Новое время» за 19 июля №11620. автором газетной статьи является некто «С.».

Для ясности вопроса мы приводим заметку полностью.

«В Полесье из поколения в поколения передается замечательнейшая легенда о полесском Сусанине - герое, имя которого осталось неизвестным, хотя можно надеяться, что оно будет открыто при исследовании местных архивов. Герой, как и костромской Сусанин, погибает для спасения Отчизны от руки иноземцев, которыми, вместо поляков, в полесской легенде являются литовцы. Легенда,

по-видимому, была не раз записана орловскими археологами, и в феврале 1908 г. оживленно комментировалась на заседании орловской ученой архивной комиссии. Заинтересованный некоторыми специальными подробностями, не выясненными в заседании архивной комиссии, в июне я предпринял поездку в Полесье - на границу Брянского и Карачевского уездов, где погиб легендарный Сусанин. Здесь мне удалось собрать обширный историко-археологический материал.

Событие, действительно, имело место во второй половине XIV века, когда в Полесье вторглись многочисленные литовские отряды. Литовцы шли через дебри знаменитых брянских лесов на Брянск. Редкое население края, почуяв приближение врага, бежало куда глаза глядят, и литовцы, не имея проводников, двигались наудачу. Однако в окрестностях нынешней ж\д станции Выгоничи им удалось захватить старика-крестьянина. Его привели к князю.

- Проведи нас, старик, к Брянску, приказал князь. Проведешь - награжу, нет - готовься к смерти.

- Смерти я не боюсь, - твердо ответил старик - а войско твоё проведу. Дорогу на Брянск я хорошо знаю.

Просеками и заброшенными лесными дорогами старик повел рать к речке Ловче. Кругом болота, трясины под ногами так ходуном и ходят, не только конные, но и пешие стали вязнуть и проваливаться.

Почуяли литовцы измену.

- Берегись, - грозят старику, - не сносить тебе головы на плечах!

А старик уже переправился на другой берег.

- Двигайся за мной! - крикнул он литовцам, - только быстро!

Рать двинулась...

Конница, пустившаяся галопом, едва кони ступили на другой берег, вдруг стала погружаться в трясины. В войске произошло смятение. Задние ряды, охваченные паникой, напирали на передние; болото колыхалось и хлябало как кисель; по обоим берегам речки сразу разверзлись широкие воронки и в них падали и исчезали один за другим литовские полки.

По преданию, все полчище погибло в недрах подземного озера. Старик погиб вместе с литовцами. Рассказывают, что его труп, вымытый половодьем, долго лежал на берегу реки окруженный сиянием, и на этом месте до XVI в. служились молебны. По другой версии, старик избежал смерти, принес в Брянск весть о гибели литовцев, был обласкан брянским князем Василием Александровичем и дожил свой век в городе, окруженный почетом. Но эта версия, на основании церковных записей, с которыми мне, к сожалению, не удалось познакомиться, опровергается большинством любителей полесской старины.

В настоящее время около ст. Выгоничи Полесской ж\д, при р. Ловче, левом притоке Десны, неподалеку от места гибели литовских полков, разбит крестьянский поселок. Ловча, с низкими болотистыми берегами, узкая мелководная речонка, в весеннее половодье разливается необычайно широко и с шумом, как бешеная, несется по равнине, разрушая преграды. По берегам встречаются «зыбуны» и «колодцы», выходящие из подземного озера; «колодцы», по словам крестьян, считаются бездонными. Каждую весну после спада воды жители поселка находят на берегах Ловчи шлемы, копья, конские черепа, части человеческого скелета и «деньги нерусские». Жители утверждают, что все эти предметы - останки литовской рати, выбрасываемые на поверхность напором подземных вод. Находимые вещи жители употребляют на разные домашние поделки: железо и сталь идут в кузницу на сварку, а медь и серебро продают в лом.

Следовало бы произвести здесь археологические исследования; но, к сожалению, на исследования местных археологов, не обладающих необходимыми денежными средствами, нельзя рассчитывать».

Возникает вопрос, какие исторические факты легли в основу этой легенды и могли ли произойти в действительности описываемые события? Не слились ли воедино в этом рассказе народные воспоминания о литовском владычестве XIV – XV вв. и память о событиях Смутного времени XVII в?

После прекращения династии Романа Михайловича Брянского, княжество попадает под власть смоленских князей. Первым из них был Василий Александрович, умерший в 1314 г. Второй князь с аналогичным именем, но другим отчеством - Василий Иванович, находился в 1356 году в Орде, когда Брянское княжество было разорено Ольгердом [Дмитриев 1894, с.15]. Вероятно вскоре после этого Великое княжество Литовское окончательно установило контроль над Брянском. То, что в легенде встречается имя реального исторического персонажа, наводит на мысль, что в этой героической народной былине возможна какая-то историческая основа. Вероятно, что события произошли в правление последнего брянского князя Василия Ивановича, когда давление на Брянск со стороны Великого княжества Литовского стало критическим и вполне вероятно к Брянску периодически пробирались литовские разведывательные отряды.

Мы попытались подтвердить или опровергнуть сведения приведенные корреспондентом «Нового времени». К сожалению, у населения, проживающего в описываемой местности в настоящее

время, эта легенда уже не сохранилась. Если место гибели героя легенды стало местночтимой святыней, то возможно, данные о нем сохранились в церковной летописи, какой-либо близлежащей церкви. Однако нам найти такого источника пока не удалось.

Река Ловча это левый приток Десны, она протекает по лесистой и заболоченной местности в Выгоничском районе Брянской области. Точнее, это две речки - Большая Ловча и Малая Ловча - соединяющиеся в одну уже почти в пойме Десны. Судя по описаниям речь идет скорее всего о Малой Ловче. Во второй половине XX века в тех местах проводились масштабные мелиоративные работы, само русло реки и прилегающая территория пересечены мелиоративными каналами. Поэтому в настоящее время заболоченность местности значительно снизилась, но и при этом, округа Ловчи это глухие болотистые леса, где весьма просто заблудиться. Мелиораторы не только существенно изменили ландшафт, но и нарушили течение самой реки, которая местами стала течь по искусственному руслу.

Крестьянский поселок, упоминаемый корреспондентом, это, скорее всего, деревня Залядка, возникшая не ранее второй половины XIX века на территории более менее свободной от болот, на берегу Малой Ловчи. Именно ее жители находили артефакты, вымываемые весенним половодьем.

Возрождение этой забытой легенды, уже более ста лет имеющей серьезное научное подтверждение, на наш взгляд очень актуально для Брянской области в целом и для Выгоничского района в частности. В ней очень органично слились традиции, героизм, патриотизм русского народа, исторические судьбы Брянщины, удивительно красивое художественное оформление. Этот сюжет, безусловно, может претендовать на одно из ведущих мест среди героических символов Брянщины, ориентиров духовного и нравственного развития.

С целью проверки современного состояния местности нами были проведены разведки в районе реки Ловчи. (Рис. 1). Как мы уже упоминали, местность претерпела серьезные изменения. Поэтому предпринятая нами разведка не принесла положительных результатов в части локализации описанного места. Это также было связано с трудностями обследования территории. Мелиоративные каналы, показанные на карте, не всегда совпадали с реальным их расположением на местности. Обилие болот, густая растительность, всё это не способствовало качественным разведывательным работам. Тем не менее, несмотря на отсутствие находок интересующих нас артефактов, основные характеристики местности полностью совпадают с описаниями начала XX века.

Неожиданно для нас в ходе разведки удалось обнаружить поселение Колочинской археологической культуры (V-VII вв.). В осыпавшемся левом берегу Ловчи были собраны фрагменты грубой лепной керамики с примесью дресвы и шамота – неорнаментированные стенки и венчики от баночных и тюльпановидных сосудов. (Рис. 2). Это свидетельствует об освоении человеком этой территории задолго до предполагаемого времени возникновения д. Залядка, что также наводит на определенные размышления.

Продолжение разведочных работ в дальнейшем желательно, однако очевидно, что они будут достаточно трудоемки так как «к сожалению, на исследования местных археологов, не обладающих необходимыми денежными средствами, нельзя рассчитывать». *Déjà vu.*

Источники и литература

Дмитриев Ф. История Брянска. Орел, 1894.

Известия Императорской археологической комиссии. Прибавление к вып. 31. (хроника и библиография. Вып.15). СПб.1909. с.31-32

Рис.1. Разведка по руслу Ловчи. На фото авторы

Рис. 2. Фрагмент вечака от банковидного сосуда

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПРОДУКТОВ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ НА ПРИМЕРЕ ЧУГУЕВСКОГО ГОРОДИЩА САЛТОВО-МАЯЦКОГО ВРЕМЕНИ

*Геннадий Свистун
Сергей Горбаненко
(Харьков, Киев, Украина)*

Задачей данной работы стало определение роли сельского хозяйства в жизни раннесредневекового населения Чугуевского городища и окружавшего его «гнезда» салтово-маяцких поселений, анализ степени их социально-экономического развития через призму сельского хозяйства. Основываясь на данных, полученных в результате археологических исследований, авторы попытались выявить возможные градообразующие тенденции. Отражением последних, помимо прочего, является отделение ремесла от сельского хозяйства, города от деревни. Как показали исследования Я.А. Левицкого, средневековое поселение может именоваться городом, став, прежде всего, центром ремесла, торговли, промыслов — т. е. главных **неземледельческих занятий** [Левицкий 1960, 69]. Это утверждение согласуется и с выводами М. Вебера, который утверждал, что, помимо прочих факторов, «с чисто экономической точки зрения город может быть определен как поселение, жители которого занимаются в преобладающей своей части не сельским хозяйством, а ремеслом и торговлей» [Вебер 1990, 309]. В таком случае поселение городского типа должно было неизбежно приобрести потребительские предпочтения относительно сельскохозяйственной продукции. По мнению авторов, основывающих свои выводы на археологическом материале, такой вектор развития прослеживается на салтово-маяцких памятниках Чугуевского «гнезда» поселений.

* * *

Чугуевское городище в историческом центре современного г. Чугуева занимает высокий коренной мыс, из которого под широким углом и на большое расстояние просматривается левый берег р. Северский Донец (рис. 1). Естественные защитные характеристики избранного под возведение оборонительных сооружений мыса и возможность контроля подходов к нему и расположенным на данном отрезке течения бродам через русло реки сыграли решающую роль в выборе места для укреплений. Надежный контроль над окружающей местностью способствовал длительному сохранению — в целом (с перерывами) около тысячелетия — за Чугуевским городищем военно-стратегического значения, которое было потеряно лишь в конце XVIII в. в связи с коренным изменением политической карты данного региона.

Согласно археологическим данным, первые защитные сооружения и наиболее древние культурные отложения поселения принадлежат к раннему средневековью. Они были оставлены носителями салтово-маяцкого культурного сообщества середины VIII — начала X вв. Вокруг укрепления зафиксированы селища, которые образовали одно из 14 известных на сегодняшний день «гнезд» салтово-маяцких поселений в лесостепной части Северского Донца [Свистун 2006б].

Согласно дошедшим до нашего времени письменным источникам Чугуевское городище известно еще с конца XVI в. [Багалея 1886, 4; Разрядная книга... 1966, 500, 501]. К этому времени принадлежат и первые, главным образом, отрывочные свидетельства относительно характера раннесредневековых укреплений, культурных отложений и природно-географической характеристики поселения.

В разное время памятник осматривали и делали попытки его культурно-хронологической и военно-стратегической интерпретации ряд исследователей. Наиболее ранние материалы указанного характера содержатся в трудах В.В. Пассека [Пассек 1840, 197-199], Филарета (Д.Г. Гумилевского) [Филарет 2005, 291], «Дополнениях к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией...» [Дополнения... 1875, 197-199], Д.И. Багаля [Багалей 1905, 32] и др.

Определенные теоретические построения относительно культурно-хронологической интерпретации Чугуевского городища делались известными археологами во второй половине XX в. Среди них, в первую очередь, следует назвать имя С.А. Плетневой. Осмотрев городищенский мыс, ей не удалось обнаружить никаких признаков раннесредневековых сооружений или хотя бы обломков керамических сосудов. В результате был сделан вывод о полном уничтожении городища позднейшими перестройками [Плетнева 1957, 8, 9].

Тем не менее, тему Чугуевского городища С.А. Плетнева затронет 18 лет спустя, осторожно предположив отождествление Чугуевского городища с летописным городом Шаруканью [Плетнева 1975, 270]. Еще 15 лет спустя в своей работе, посвященной половцам, исследователь повторит выдвинутое ею предположение более уверенно, но, тем не менее, продолжая акцентировать внимание на невозможности его перепроверки [Плетнева 1990, 62]. Также исследователь предполагала, что основным населением Шарукани было аланское (салтовское) население со своим князем, оставшееся после падения Хазарского каганата. Половцы же ограничивались признанием своего владычества над этим городом и лишь ставили возле него свои вежи [Плетнева 1975, 270, 271].

Первые шурфовки памятника проведены в 1996 г. силами археологической экспедиции под руководством Л.И. Бабенко [Бабенко 1996/64]. Результатом стало выявление культурных слоев салтово-маяцкой культуры и периода освоения территории Слобожанщины украинско-русскими и др. переселенцами в XVII—XVIII вв.

Археологические исследования городища и прилегающей к нему территории путем разведок и раскопок продолжены экспедицией под руководством Г.Е. Свистуна в 2004—2007 и 2009 гг. [Свистун 2004/37; 2005/34; 2006а/30; 2007; 2009]. В результате проведенных работ были зафиксированы следы жизнедеятельности раннесредневекового населения не только на компактно расположенных вокруг городища селищах как на правом (на естественных мысовых возвышениях, размежеванных руслами рек и ручьев), так и на левом (низких и равнинных надпойменных террасах) берегах Северского Донца, но и на прилегающем к цитадели с южной стороны посаде (рис. 1).

Правобережные салтово-маяцкие поселения (городище и селища) расположены на темно-серых оподзоленных (лесных) почвах. Лишь с южной стороны Чугуевской горы с расположенными на ней городищем и селищем-посадам есть достаточно большой ареал черноземов, расположенный вытянутой полосой вдоль правого берега Северского Донца до места впадения в него правого притока Уды. Следует отметить, что к настоящему времени на данном отрезке не зафиксировано ни одного салтово-маяцкого поселения (рис. 2).

Расположение поселений на тех или иных почвах как фактор отражения комфортности экологических условий существования, бесспорно, определяло виды хозяйственной деятельности населения. Очевидным является стремление социальных групп обеспечить себе стабильность получения продукта хозяйственной деятельности. При этом условии правобережные поселения, расположенные на темно-серых оподзоленных (лесных) почвах, имели бо́льшую стабильность относительно самообеспечения продуктами земледелия по сравнению с левобережными поселениями, расположенными на малоплодородных песчаных террасах, к которым дальше от русла реки прилегают черноземные почвы степного простора. (Прим.1).

В целом археологически исследованная площадь территории Чугуевского городища составляет 476 кв. м, что равняется всего приблизительно 0,35 % от общей площади верхней площадки коренного мыса (≈ 14 га). (Прим.2). В рамках раскопок выявлены зерновая яма, хлебная печь, жернова и фрагменты тарной посуды, пригодной для хранения продуктов земледелия.

Зерновая яма (яма-зернохранилище) обнаружена в раскопе 2 в юго-западной части памятника и была устроена в центральной части несколько углубленного подквадратного жилища каркасно-столбовой конструкции (яма 13 в раскопе 2 2007 г.) [Свистун 2007, 45-48] (рис. 3, 1). Края входного отверстия зерновой ямы относительно пола помещения имели небольшие скосы-заплечики, предназначенные, вероятно, для размещения на них деревянного щита-перекрытия в уровень с дном жилища. Яма имела округлую в плане форму, значительный общий объем (свыше 2 куб. м), широкое входное отверстие (около 1,7 м) и плоское дно (диаметром 1,7 м). Туловище, расширявшееся книзу, в самой широкой части составляло диаметр 1,85 м. Углубление зернохранилища от уровня пола жилища составляет 1,15 м; от заплечиков для удерживания перекрытия — 0,80-0,85 см (рис. 3, 1: 1, 2).

Заполнение ямы имело послойный характер перемежеванных отложений темного и светлого оттенков (рис. 3, 1: 4). Прослойки обращают на себя внимание стабильными параметрами толщины

каждой из них и упорядоченностью горизонтальных перемежевыющихся рядов. Таким образом, они слишком стабильны для заплывов, которые могли бы образоваться в результате периодического заполнения ямы водой (темные полосы) и грязевыми потоками (светлые полосы) во время постепенного разрушения уже покинутого жилища. Вода в материковой глине удерживалась долго и ее уровень в подобных случаях обычно отмечается темными полосами. Другими словами, по количеству темных наслоений можно было бы вычислить количество сильных водных агрессий до времени полного заплывания бывшего зернохранилища (весенние наводнения или сильные ливни и тому подобное). Но в нашем случае светлые прослойки не образованы исключительно материковой глиной, а напоминали по структуре сотлевшую (без доступа воздуха) органику — скорее всего, дерево. К тому же слишком правильными являются прослойки и по вертикальным рядам и по толщине каждой из них стабильны для обычных заплывов. Поэтому авторы отдают предпочтение наиболее достоверному объяснению, согласно которому такое стратиграфическое заполнение ямы является остатками заготовленного зерна. Причины, побудивших покинуть заготовленный урожай, может быть несколько. В частности, в случае ухода населения с городища часть имущества могли оставить, принимая во внимание его нетранспортабельность. Или же жилье с зерновой ямой оставили в результате некоего мора. Теоретически не исключено и возможное нападение, например, кочевников, для которых ценность, прежде всего, представлял скот, — его мобильно, в условиях краткосрочного набега, можно было перегнать в степь, да и для рациона питания кочевника он являлся более подходящим.

Заполнение ямы на момент обследования достигало уровня заплечиков: его объем достигал 2 куб. м, что приблизительно соответствует 20 гектолитрам или 1540 кг зерна (средний указатель веса зерна — 77 кг на 1 гектолитр) [Энциклопедический словарь... 1890-1907].

В этом же жилище между ямой-зернохранилищем и юго-западным углом обнаружено углубление размерами в плане 0,85×0,80 м и глубиной 0,3 м от уровня пола, предназначенное, судя по всему, для размещения в нем тарного пифоса (рис. 3, I: 1, 3). Остатки сосуда представлены мелкими частями красноглиняных стенок, шамотированных битой керамической массой и украшенных нарезным прямолинейным орнаментом на внешней поверхности, размещенным в горизонтальной плоскости. Их концентрация в пределах углубления указывала на то, что размещенный пифос был при каких-то обстоятельствах впоследствии вытянут и перемещен. Фрагмент верхней части красноглиняного пифоса, полностью идентичного по структуре теста и другим формальным признакам, найден на дне рассмотренной выше зерновой ямы (рис. 4, 5). Уплотненный по верху и отогнутый наружу венчик тарного сосуда украшен насечками, выполненными зубчатым штампом. Плечико орнаментировано прочерченными в горизонтальной плоскости прямыми линиями. Вероятно, кроме зерновой ямы, для хранения урожая использовали и пифос, размещенный стационарно в грунтовом углублении, устроенном в полу жилищного помещения.

В ходе археологических исследований найдены фрагменты и других тарных пифосов, отличающихся размерами, качеством теста и отделкой (рис. 4, I-4, 6, 7). Почти все они имели в той или иной степени плохо пропеченное тесто черепка, шамотированное крупнозернистым керамическим боем, рыхлую структуру поверхности, что предусматривало их стационарное использование, исключая частое перемещение в пространстве. Часть фрагментов сохранила следы побелки поверхности известковым раствором, что могло служить в качестве защитного средства от проникновения паразитов в содержимое тарной посуды.

В частности, крупные фрагменты тарных пифосов были использованы в конструкции печикаменки из углубленного в грунт жилища с биструктурной конструкцией стен — срубной и плетневой с глиняной обмазкой в районе размещения отопительного устройства (рис. 3, II: 1). Днище большого пифоса (рис. 4, 6) было впущено вверх дном в камеру топливника печи. Отопительное устройство помимо топливника имело округлый дымоход («чистую» часть), представляя собой, таким образом, двухкамерную конструкцию (рис. 3, II: 2). Она частично была вынесена за прямоугольный периметр основной камеры постройки. Конструктивные особенности печи могут указывать на то, что она служила для выпечки хлеба [Свистун 2009а, 272, 274-276]. Рядом с ней найден верхний камень ручного жернова (рис. 3, II: 1).

Все эти данные, характеризующие процессы приготовления еды из продуктов земледелия, привлекли внимание авторов к вопросу о рационе, в состав которого входили продукты земледелия. Для ответа на этот вопрос одним из авторов пересмотрена коллекция керамических изделий из Чугуевского городища с целью снятия отпечатков зерновок и семян культурных и сорных растений. Материал хранится в фондах Художественно-мемориального музея И.Е. Репина в г. Чугуеве. Снятие отпечатков проводилось по общеупотребимой методике, использованной в СССР З.В. Янушевич [Янушевич, Маркевич 1970]. В дальнейшем материал проанализирован благодаря его сравнению с ранее определенными аналогичными образцами, а также широким кругом публикаций на эту тему.

В результате анализа определены зерновки и семена культурных и сорных растений в количестве 41 шт. (по уменьшению количества): 14 проса (*Panicum miliaceum*), 8 пшеницы голозерной (*Triticum aestivum* s. l.), 5 пшеницы двузернянки (*Triticum diccocon*), 5 ячменя пленчатого (*Hordeum vulgare*), 3 ржи

(*Secale cereale*), 1 овса (не определено до вида) (*Avena* sp.), 1 семя гороха (*Pisum sativum*); 3 зерновки костра (не определено до вида) (*Bromus* sp.), а также 1 фрагмент колоска (рис. 5; приложение).

Для составления палеоэтноботанического спектра (прим.3) зерновок по количеству учтены лишь основные зерновые культуры: просо, пшеница голозерная и пшеница пленчатая, ячмень пленчатый, рожь, овес. Следовательно, по количеству зерновок, палеоэтноботанический спектр имеет следующий вид (%): просо — 38,9, пшеница голозерная — 22,2, пшеница двузернянка (пленчатая) — 13,9, ячмень пленчатый — 13,9, рожь — 8,3, овес — 2,8 (рис. 6, а).

Просо. Среди отпечатков злаков на керамике по количеству первое место принадлежит зерновкам проса, точнее пшена (зерновкам, освобожденным от пленок). Отпечатки зерновок проса имеют такие размеры: ширина — 2,12-2,32, длина — 2,62-3,12 мм (табл.; рис. 5, 1-4). Отпечатки обнаружены в основном в тесте или на поверхности керамических изделий. На донышках они встречались не часто.

Пшеницы голозерные. Отпечатки зерновок пшеницы голозерной также в достаточно большом количестве обнаружены на керамике с Чугуевского городища. Их характерные размеры: ширина (В) — 3,96-4,22, длина (L) — 6,01-6,52 мм. Индекс соотношения длины к ширине (L/B) — 1,4-1,65 (табл.; рис. 5, 5-7). Обнаружены отпечатки зерновок **пшеницы двузернянки**: В — 3,62-4,25, L — 7,11-7,77 мм; L/B — 1,68-2 (табл.; рис. 5, 8-10).

Ячмень пленчатый. Отпечатки зерновок имеют следующие размеры: В — 3,37-4,08 мм; L — 7,21-8,97 мм; L/B составляет 2,14-2,29 (табл.; рис. 5, 11-13).

Рожь по количеству занимает место после проса, пшеницы голозерной и двузернянки, ячменя пленчатого. Размеры: В — 2,3-2,42, L — 7,65-8,77 мм; L/B — 7,65-8,77 (табл.; рис. 5, 14-16).

Овес обнаружен в незначительном количестве. Его размеры: В — 2,83, L — 9,62 мм; L/B — 3,4 (табл.; рис. 5, 18).

Горох. Обнаружен один отпечаток семени гороха размерами 4,3×4,83 мм (табл.; рис. 5, 17).

Кроме зерновок культурных растений обнаружены также отпечатки зерновок сорняков. Среди них — 3 отпечатка костра. Оба его вида (костер ржаной (*Bromus secalinus*) и костер полевой (*Bromus arvensis*)) в настоящее время принадлежат к засорителям озимых посевов, в основном ржи, а также пшеницы. Его находки указывают на использование разноциклических культур. Так, например, в археологической литературе уже неоднократно отмечено, что зерновки костра ржаного и костра полевого (засорители озимых посевов ржи [Смирнов, Соснихина 1984, 5-7]) маркируют выращивание озимой ржи [см., напр.: Михайлина, Пашкевич, Пивоваров 2007, 60; Горбаненко, Журавльов, Пашкевич 2008, 157].

Все отпечатки зерновых культур в целом подобны к ранее исследованным аналогичным синхронным материалам с памятников салтовской культуры в Северско-Донецком регионе [Колода, Горбаненко 2010, табл. 6, 8; Квітковський, Пашкевич, Горбаненко готовится к печати, табл. 2] и с других памятников I тыс. н. э. [Янушевич 1986].

В пересчете ПБС зерновок культурных растений по объему (прим.4) видим, что первое место занимает пшеница голозерная (30 %); далее идут пшеница пленчатая и ячмень пленчатый (по 18,8 %), просо (17,5 %), за ними — рожь (11,2 %). Овес находится на последнем месте (3,7 %) (рис. 6, б). Также засвидетельствовано использование старопахотных земель (находки отпечатков сорняков в целом), озимых и яровых посевов (находка костра). Последнее опосредованно указывает на возможность использования двух-трехполья.

Отметим, что большой процент пшеницы голозерной указывает на высокий уровень земледельческой (пахотной) техники. Достаточно нетипичным представляется сниженный (в сравнении с другими салтовскими ПБС: Верхний Салтов, Мохнач, Коробы Хутора, Пятницкое-I [Колода, Горбаненко 2010; Квітковський, Пашкевич, Горбаненко готовится к печати]) процент зерен ячменя пленчатого. Возможно, это связано с тем, что на анализ попали материалы, отображающие предпочтения населения Чугуевского городища салтовского времени, а не собственно выращивание зерновых. При таком предположении следует вспомнить, что ячмень пленчатый могли использовать в качестве фуражной культуры. А его незначительное количество в определенном ПБС можно объяснить небольшим количеством животных на городище, который надо было кормить.

Кроме упомянутого выше (из полуземлянки (рис. 7, 2)), на памятнике были найдены еще несколько жерновых камней — в нескольких метрах севернее жилых сооружений (рис. 7, 3), на внутреннем дворе (рис. 7, 1) и в каменной кладке оборонительного сооружения в северо-западной части крепости (рис. 7, 4). Все они изготовлены из песчаника, обычно широко использовавшегося для изготовления жерновов в разные времена и разными народами. Жерновые камни должны характеризоваться однородным строением, отсутствием слоистости, значительной твердостью и равномерностью зернистости.

Выходы залежей таких песчаников, есть, в частности, на территории Харьковщины и фиксируются на поверхности правобережных донских склонов [Энциклопедический словарь... 1890-1907, 896; Пономарев 1943, 5]. В настоящее время известны карьеры по добыче песчаника в недалеком прошлом для замоще-

ния улиц, сооружения фундаментов зданий и т.д. г. Чугуева на его юго-западной окраине (севернее железнодорожного вокзала) и в районе расположенного в нескольких километрах на северный восток пгт Кочеток в междуречье правых притоков Северского Донца — Тетлеги и Большой Бабки.

Как справедливо отметил В.К. Михеев, на салтовских поселениях не зафиксированы заготовки жерновов или отходы от их производства и поэтому можно предположить, что изготовление жерновых камней производилось непосредственно возле мест добычи камня [Михеев 1985, 78]. Чугуевские памятники салтовского времени не стали исключением.

Все обнаруженные жерновые камни имели плоскую рабочую поверхность. Диаметры жерновов составляют 33-34, 36 и 39-40 см. Внутренние технологические сквозные отверстия конусообразного поперечного профиля варьировались в размерах от 4-6 см в наиболее узкой части до 8-9 см в самой широкой. Высота отдельных изделий могла иметь значительные перепады в пределах общего диаметра.

Жерновые камни, обнаруженные в кладке оборонительного сооружения и с северной стороны от жилых комплексов, фрагментированы и носят следы значительной изношенности — тонкие, со стертой насечкой. Один из камней был стерт до половины диаметра бокового отверстия рукоятки. Салтовское население рационально подходило к использованию уже непригодных жерновых камней, по крайней мере, частично используя их для других потребностей. Это обстоятельство может указывать на общий дефицит песчаника на Чугуевском городище. Невзирая на относительную близость песчаных карьеров, известных по материалам нового и новейшего времени, дефицит этого материала, кроме трудностей, связанных с добычей и доставкой на Чугуевское городище в результате большой трудозатраты и пересеченной местности (яры, мысы, русла рек), предопределен и плохим качеством местных пород, широкодоступные залежи которых не отличались достаточной прочностью и однородностью структуры. Последнее обстоятельство важно как для использования в качестве строительного материала, так и для изготовления жерновов. Поэтому, с одной стороны, добытый песчаник ценили, учитывая трудозатраты, с другой — использовали ограниченно, принимая во внимание преимущественно низкое качество камня. В пользу этого также свидетельствует и использование для возведения оборонительных сооружений Чугуевской крепости кирпича — искусственного заменителя камня. То, что салтовские строители учитывали плохое качество подавляющего большинства доступных залежей местных песчаников, прослежено и на других городищах региона [Свистун 2007а].

Так, например, один из обнаруженных на Чугуевском городище жерновов использован в каменной кладке фундамента керамического бруствера оборонного сооружения Чугуевского городища. Точное стратиграфическое положение другого установить, к сожалению, не представлялось возможным в результате нарушения культурного слоя современной землеройной техникой.

О вторичном использовании жерновых камней и в то же время изменении системы привода устройства жерновов в целом за время использования изделий по прямому назначению свидетельствует находка бегуна в яме 1 2006/2007 гг. На этом изделии зафиксированы сразу два отверстия для круговых оборотов жернова — верхнее для крепления деревянной рукоятки для непосредственного прикладывания усилия руки, и боковое — для крепления деревянной штанги, увеличивающей силу, прикладываемую для помола зерна (рис. 7, 2). Это говорит о смене системы привода за время использования жернова, скорее всего, от менее продуктивного прямого прикладывания силы (рис. 7, 5) к ее увеличению при помощи станка (рис. 7, 6). Таким образом, на определенном этапе эксплуатации жернова была осуществлена модернизация с целью увеличения производительности переработки продукта. К тому же, с высокой вероятностью можно предположить, что обвязка бегуна с целью крепления штанги была изготовлена из кожи — металлические обручи, присущие для данного устройства в новое и новейшее время, на салтовских памятниках до сих пор не известны, а их следы на поверхности бегунов не зафиксированы. По классификации Р.С. Минасяна, жерновые камни могут принадлежать к группе I (крепление рукоятки за пределами верхнего камня), группе III, варианту А, группе III, варианту Б (крепление рукоятки на периферии верхнего камня в специальном отверстии; может иметь и короткую, и длинную рукоять) [Минасян 1978]. Этнографическими материалами, находящимися в настоящее время в разных музеях Украины (напр., Пирогово, Меджибож), засвидетельствовано существование такого типа рукоятки: в боковое отверстие бегуна вставлена деревянная деталь «полочка», в которой сделано отверстие собственно для рукоятки (рис. 7, 7).

Кроме того, бегун жернова был, очевидно, использован вторично как подставка кронштейна для подвешивания котла над термическим источником (рис. 7, 8). На это может указывать находка камня в перевернутом положении с правой передней стороны от топливника печи на уровне его основы. Аналогичное размещение жернового камня зафиксировано В.В. Колодой на городище Мохнач в остатках жилого сооружения (яма 40, 2010 г.) — в перевернутом положении, с правой стороны от очага [Колода 2010, 23, 24; рис. 28, 2; 29; 30; 33, 12]. Кстати, три отверстия для рукоятей на верхней плоскости указанного жернового камня также свидетельствуют о его длительном использовании: на смену изношенному гнезду изготавливали новое.

Железный кронштейн разборной конструкции для подвешивания котла был найден поблизости Сухогомольшанського могильника. Технологические особенности позволили отнести находку к салтово-маяцкой культуре. Реконструкция способа использования изделия осуществлена В.В. Колодой [Колода 2007, 128-132, рис. 3, 4]. Учитывая факт выявления переносного кронштейна для подвешивания котла в среде салтово-маяцкой культуры, не исключена также и возможность существования его стационарного варианта (деревянного с тяжелой каменной подставкой, изготовленной из старого жернова). Аналогия такому устройству известна еще со времен античности, а именно среди находок в городе Аугуста Раурика (Augusta Raugica) — римской провинциальной столицы (середина I в. до н. э. — середина III в. н. э.), расположенной на территории Швейцарии в 20 км к востоку от г. Базеля у сел Аугст и Кайзераугст. В экспозиции музея Römermuseum (Римский музей), расположенного в с. Аугст на территории древнего города, представлена реконструкция типичного римского дома. В ней наглядно показана аналогичная конструкция кронштейна с использованием округлого в плане камня с отверстием посередине в качестве подставки, расположенного с правой стороны отопительного устройства [<http://www.augustaraugica.ch/>].

* * *

Подводя итоги, в первую очередь обратим внимание на следующие положения. На Чугуевском городище не найдены орудия труда, связанные с производственными земледельческими процессами (к этой категории следует относить орудия для обработки почвы — наральники, чересла, мотыжки; орудия для уборки урожая — серпы, косы разных типов). Следовательно, мы ничего не можем сказать о **выращивании** зерновых. При этом на городище открыты ямы для хранения продуктов земледелия, тарная керамика, используемая в аналогичных целях, а также жерновые камни. Все это имеет отношение к **использованию** продуктов земледелия. Кроме того, большинство обнаруженных жерновов (их изношенность, вторичное использование в качестве строительного материала или базы для фиксации стационарного кронштейна), кроме экземпляра из шурфа 1996 г. (рис. 7, 1), свидетельствуют об их использовании не по прямому назначению. Таким образом, при анализе материалов земледелия, происходящих с Чугуевского городища, следует констатировать, что мы имеем дело с **потреблением** продуктов, а не их продуцированием. Однако, потребительский процесс представлен типичными для носителей салтово-маяцкой культуры материалами, широко известными на других памятниках Северско-Донецкого региона в частности и в ареале указанной культуры в целом. Полученный палеоэтноботанический спектр также удостоверяет потребительские предпочтения, но в то же время служит отражением производственных тенденций. Следовательно, он может быть характерным для сельских поселений «гнезда» вокруг Чугуевского городища. Потребительское отношение к продуктам земледелия в целом свидетельствует в пользу того, что рассматриваемый нами памятник имел черты, характерные для городской структуры.

Расположение подавляющего большинства салтово-маяцких поселений Чугуевского «гнезда» на массиве плодородных серых лесных почв позволяло, очевидно, создавать достаточный прибавочный продукт в виде, прежде всего, продукции земледелия. Это, в свою очередь, обуславливало углубление процессов разделения труда (относительно продуктов земледелия — производство с одной стороны и переработка с дальнейшим потреблением с другой), способствовало возникновению ремесленничества и обмену товарами. Указанные проявления являются признаками, выделяющими поселение городского типа среди других. Такая пространственная и социально-экономическая организация в чем-то напоминает полисную систему античного города с культурно-социальным центром и сельской округой. Также можно найти пространственно-организационные параллели среди городов Средней Азии и Ближнего Востока, которые имели заимствование черт полисной системы античного мира. В такие структуры входила сельская округа с сельскохозяйственными территориями, расположенными между ними. Вся территория города в целом создавала на Ближнем Востоке и в Средней Азии так называемый баллад. В таком случае, экстраполируя данную организационную структуру на систему салтово-маяцкого «гнезда» поселений, можно выделить аналогичные составные части древнего города — центральную укрепленную часть (мадину или шахристан в городах Востока) с открытым поселением, прилежавшим к укрепленному центру (рабадом в городах Востока) и административно подчиненной округой (шахром в городах Востока).

Структуру пригородной сельской зоны среднеазиатского города можно проследить на примере Самарканда X в. В его зоне выделялось несколько скоплений застройки, бывших поселков, которые стали считаться кварталами рабада. От рабада отходили вдоль магистральных улиц-дорог языки более плотной застройки; пространство между ними занимали поля и сады [Беленицкий, Бентович, Большаков 1973, 228]. Нельзя не отметить общее сходство в расположении отдельных скоплений застройки с расположением селищ вокруг северскодонецких салтовских городищ, в том числе и Чугуевского «гнезда», часто разделенных лишь особенностями рельефа и руслами ручьев и рек, но в то же

время тяготеющих к общему административному центру (в нашем случае к Чугуевскому городищу).

Нельзя утверждать, что обнаруженные на Чугуевском городище признаки говорят о развитом средневековом городе в обычном понимании, но тенденции к его образованию в Чугуевском «гнезде» салтовских поселений можно проследить. Следует отметить, что до этого времени так и не выработано единственного понимания понятия «город» — регионально и в разные времена это понятие было различным [Велихов 1996. 3; Вебер 1990; Рожков 1902; Семенов-Тянь-Шанский 1910; Бюхер 1923; Анциферов 1925 и др.]. А.Г. Большаков справедливо заметил, что «...какое бы количество признаков не пытались мы учесть, мы никогда не найдем бесспорную границу города и негорода. И не потому, что города как явления не существует, а потому, что тут мы сталкиваемся с общей проблемой любой классификации» [Большаков 1984, 58].

С.А. Плетнева в своих исследованиях больше других обращалась к проблеме выделения городов среди салтово-маяцких городищ [Плетнева 1967, 13-50; 1987, 198-211; 2002, 110-128]. В той или иной мере эта тема нашла отражение в целом ряде работ ученой. Но, невзирая на большое внимание, уделенное этой проблеме, ей так и не удалось надежно выделить города в Хазарском каганате и определить их четкие критерии.

На наш взгляд, следует также обратить внимание и на восприятие непосредственно древним населением того или иного поселения как города [Свистун 2009б].

В спектре социально-экономических признаков окончательно ответить на вопрос относительно степени завершенности процессов градообразования на лесостепных салтово-маяцких памятниках, в том числе, и в Чугуевском «гнезде», станет возможным лишь при условии более широких археологических исследований. Так или иначе, на основе выявленных потребительских предпочтений к продуктам земледелия на Чугуевском городище как одного из факторов градообразующих проявлений, наряду с другими существующими признаками [Колода 2009], можно говорить о тенденциях образования социально-экономической структуры, по крайней мере, протогородского типа.

Примечания

1. Авторы выражают благодарность за предоставленную консультацию кандидату сельскохозяйственных наук В.Б. Соловей.
2. Точные границы Чугуевского городища сей час не установлены в связи с расположением памятника на территории современного города, где раннесредневековые фортификационные сооружения в значительной степени сnivelированы еще в XVII — в начале XIX в. Границы выведены главным образом соответственно топографическим особенностям местности и проходят по седловине коренного мыса — природной преграде, по которым обычно проходили линии древних укреплений городищ.
3. Понятия ПБС (и ПБК) см.: [Кравченко, Пашкевич 1985].
4. О пересчете см., напр.: [Пашкевич, Горбаненко 2002-2003, 161].

Источники и литература

- Анциферов Н.П.* Пути изучения города. Опыт комплексного подхода. — Л., 1925.
- Бабенко Л.И.* Отчет о работе археологической экспедиции Харьковского исторического музея в полевом сезоне 1996 г. / НА ИА НАН Украины. — № 1996/64.
- Багалея Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губернии) в XVI-XVIII ст., собранные в разных архивах и отредактированные Д.И. Багалеем. — Харьков, 1886.
- Багалея Д.И.* Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии // Тр. XII АС. — М., 1905. — Т. I. — С. 1-92.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. — Л., 1973.
- Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока (VII — середина XIII в.). Социально-экономические отношения. — М., 1984.
- Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства: публичные лекции и очерки / Пер. с нем. под ред. и с предисл. И. М.Кулишера. — 4-е изд., испр. и доп. по 15-му немецкому изд. 1920 г. — Петроград, 1923.
- Вебер М.* История хозяйства. Город // Избранные произведения. Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990.
- Велихов Л.А.* Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. — М., 1996.
- Горбаненко С.А., Журавльов О.П., Пашкевич Г.О.* Сільське господарство жителів Пастирського городища. — К.: Академперіодика, 2008.

- Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею...* — С-Пб., 1875. — Т. IX. — С. 171-173.
- Квітковський В.І., Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А.* Матеріали з землеробства жителів поселення П'ятницьке-І // Готується к печати.
- Колода В.В.* К вопросу об очажных принадлежностях салтовского населения Среднедонечья // Хазарский альманах. — 2007. — Т. 6. — С. 126-132.
- Колода В.В.* Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2010 году (городища Мохнач и Коробовы Хутора в Змиевском районе Харьковской области) / Архив археологической лаборатории ХНПУ им. Г.С. Сковороды, 2010.
- Колода В.В.* Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца) // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Мат. межд. научн. конф., посвящ. 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. — Курск, 2009. — С. 35-43.
- Колода В.В., Горбаненко С.А.* Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. — К.: ИА НАН Украины, 2010.
- Кравченко Н.М., Пашкевич Г.А.* Некоторые проблемы палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н. э.) // Археология и методы исторических конструкций. — К., 1985. — С. 177-190.
- Левицкий Я.А.* Английский город в XI в. (к вопросу о происхождении английского средневекового города) // Город и городское ремесло в Англии в X-XII вв. — М., 1960.
- Минасян Р.С.* Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.) // СА. — 1978. — № 3. — С. 101-112.
- Михайлина Л.П., Пашкевич Г.О., Пивоваров С.В.* Рільництво слов'яно-руського населення межиріччя верхнього Пруту та середнього Дністра // Археологія. — 2007. — № 2. — С. 57-66.
- Михеев В.К.* Подонье в составе хазарского каганата. — Харьков: Вища школа, 1985.
- Пассек В.В.* Границы Южной Руси до нашествия татар // Очерки России, издаваемые В. Пассеком. — М., 1840. — Т. 2. — С. 195—216.
- Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А.* Відбитки зернівок культурних рослин на кераміці Опішнянського городища // АЛЛУ. — 2002. — № 2; 2003. — № 1. — С. 161-163.
- Плетнева С.А.* Отчет к открытому листу № 8 Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1957 г. / НА ИА НАН Украины. — № 1957/17.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) / МИА. — 1967. — № 142.
- Плетнева С.А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. Москва, 1975.
- Плетнева С.А.* Города кочевников // От доклассовых обществ к раннеклассовым. — М., 1987. — С. 198-212.
- Плетнева С.А.* Половцы. Москва, 1990.
- Плетнева С.А.* Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. — Харьков, 2002. — Т. 1. — С. 110-124.
- Пономарев Н.А.* Руководство по изготовлению жерновов из естественных камней. — М.: Изд-во Наркомзема СССР, 1943.
- Разрядная книга 1475-1598 гг. Подгот. текста, вводная статья и ред. В.И. Буганова / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. — М., 1966.
- Рожков Н.А.* Город и деревня в русской истории (краткий очерк экономической истории России). — СПб., 1902.
- Свистун Г.Е.* Отчет об археологических разведках в Лесостепной зоне долины Северского Донца в 2004 г. / НА ИА НАН Украины. — № 2004/37.
- Свистун Г.Е.* Отчет об археологических раскопках и разведках в лесостепной зоне долины Северского Донца в 2005 г. / НА ИА НАН Украины. — № 2005/34.
- Свистун Г.Е.* Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И.Е. Репина в 2006 г. / НА ИА НАН Украины. — № 2006а/30.
- Свистун Г.Е.* Чугуевское «гнездо поселений» салтово-маяцкой культуры // Археологическое изучение Центральной России: Тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13-16 ноября 2006 года). — Липецк, 2006б. — С. 281-285.
- Свистун Г.Е.* Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И.Е. Репина в 2007 г. на территории г. Чугуева / НА ХММ И.Е. Репина. — Ф. 14; Оп. 1; Дело 7.
- Свистун Г.Е.* К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца // Харьковский археологический сборник. — Харьков, 2007а. — Вып. 2. — С. 40-58.

Свистун Г.Е. Отчет о проведении охранных археологических исследований на Чугуевском городище и Кочетокском могильнике в 2009 году / НА ХММ И.Е. Репина. — Ф. 14; Оп. 1; Дело 8.

Свистун Г.Е. Раннесредневековые жилища на Чугуевском городище (по материалам исследований 2006 и 2007 годов) // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. — 2009а. — Вып. 8. — С. 269-284.

Свистун Г.Е. К вопросу о городах в лесостепной зоне Хазарского каганата // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Мат. междунауч. конф., посвящ. 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. — Курск, 2009б. — С. 44-51.

Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. — СПб., 1910.

Смирнов В.Р., Соснихина С.П. Генетика ржи. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии в 3-х томах. — Т. 2. — Харьков, 2005.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — Т. ХІА. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1890-1907.

Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья: палеозитоботанические исследования. — Кишинев: Штиинца, 1986.

Янушевич З.В., Маркевич В.И. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья // Интродукция культурных растений. — Кишинев, 1970. — С. 83-110.

http://www.augustaurica.ch/ipx/Augusta_Raurica_Kueche.htm.

Сокращения

АЛЛУ — Археологічний літопис Лівобережної України

ИА НАН Украины — Институт археологии Национальной академии наук Украины

ЛГУ — Ленинградский государственный университет

НА ИА НАН Украины — Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины

НА ХММ И.Е. Репина — Научный архив Художественно-мемориального музея им. И.Е. Репина

СА — Советская археология

Тр. ... АС — Труды ... археологического съезда

ХНПУ — Харьковский национальный педагогический университет

Таблица. Размеры отпечатков зерновок и семян растений из Чугуевского городища

Название		Размеры, мм		Индекс L/B
латинское	русское	ширина, B	длина, L	
<i>Panicum miliaceum</i>	Просо обыкновенное	2,25×2,8; (2,12-2,32)×(2,62-3,12)		
<i>Triticum aestivum</i> s. l.	Пшеница голозерная	4,08 (3,96-4,22)	6,34 (6,01-6,52)	1,55 (1,4-1,65)
<i>Triticum dicoccon</i>	Пшеница двузернянка	3,93 (3,62-4,25)	7,38 (7,11-7,77)	1,89 (1,68-2)
<i>Hordeum vulgare</i>	Ячмень пленчатый	3,69 (3,37-4,08)	8,15 (7,21-8,97)	2,21 (2,14-2,29)
<i>Secale cereale</i>	Рожь	2,36 (2,3-2,42)	8,1 (7,65-8,77)	3,44 (3,26-3,73)
<i>Avena</i> sp.	Овес	2,83	9,62	3,4
<i>Pisum sativum</i>	Горох посевной	4,3×4,83		
<i>Bromus</i> sp.	Костер	1,93 (1,88-1,96)	6,5 (6,45-6,54)	3,37 (3,31-3,48)

Примечание. Даны средние размеры зерновок и семян; в скобках дана вариабельность зерновок.

Приложение. Описание керамики с отпечатками зерновок и семян растений

Шифр изделия	Код названия зерновки (кол-во)	Примечания
А-277 *	<i>Br. sp.</i>	Фрагмент стенки коричневоглиняного гончарного кухонного горшка с орнаментом в виде горизонтально прочерченных прямых линий. В тесте есть включения керамического шамота, плотное. Обжиг равномерный.
А-290 *	<i>P. m.</i>	Обожженная обмазка печи.
120/І-06	<i>T. d., T. a. s.l.</i>	Фрагмент нижней части сероглиняного парадного пифоса. В тесте есть примесь песка. Обжиг равномерный.
382/ІІ-06	<i>T. d.</i>	Фрагмент стенки сероглиняного кухонного горшка. В тесте есть примесь мелкого керамического шамота, обжиг неравномерный. Яма № 1.
396/ІІ-06	<i>T. d.</i>	Фрагмент дна сероглиняного кухонного горшка. В тесте есть примесь керамического шамота. С внутренней стороны имеет прочерченную спираль. Яма № 6.
426/ІІ-06	<i>T. a. s.l.</i>	Фрагмент стенки толстостенного тарного пифоса. В тесте есть частая примесь крупного керамического шамота. Обжиг неравномерный. Яма № 1.
481/ІІ-06	<i>P. m.</i>	Фрагмент дна сероглиняного кухонного горшка. В тесте есть примесь керамического шамота. Яма № 6.
654/ІІ-06	<i>P. m. (2)</i>	Фрагмент стенки сероглиняного кухонного горшка с орнаментом в виде горизонтально прочерченных прямых линий. В тесте есть примесь мелкого керамического шамота. Яма № 5.
668/ІІ-06	<i>A. sp.</i>	То же.
677/ІІ-06	<i>T. a. s.l.</i>	Фрагмент стенки серокоричневоглиняного толстостенного тарного пифоса с орнаментом в виде горизонтально прочерченных прямых линий. В тесте есть частая примесь крупного керамического шамота. Обжиг некачественный. Яма № 5.
690/ІІ-06	<i>P. m.</i>	Фрагмент стенки гончарной столовой посуды с орнаментом в виде вертикально пролощенных линий. Тесто хорошо отмученное, плотное. Обжиг равномерный. Яма № 5.
706/ІІ-06	<i>P. s.</i>	Фрагмент верхней части краснокоричневоглиняного гончарного кухонного горшка с орнаментом в виде горизонтально прочерченных прямых линий по плечу и косыми насечками, выполненными гусеничным штампом, по округлому краю венчика. Тесто плотное. Обжиг равномерный. Яма № 1.
730/ІІ-06	<i>P. m. (3)</i>	Обожженная обмазка. Яма № 1.
738/ІІ-06	<i>T. d.</i>	Фрагмент стенки серокоричневоглиняного толстостенного тарного пифоса с орнаментом в виде горизонтально прочерченных прямых линий с заполнения печи-каменки. В тесте есть частая примесь крупного керамического шамота. Обжиг некачественный. Яма № 1.
739/ІІ-06	<i>H. v.</i>	То же.
956/ІІ-07	<i>H. v.</i>	Фрагмент нижней части сероглиняной гончарной посуды. Тесто хорошо отмученное, плотное. Обжиг равномерный.
964/ІІ-07	<i>S. c.</i>	Фрагмент горловой части сероглиняной лощеной гончарной столовой посуды с орнаментом в виде широких горизонтально прочерченных линий. Тесто хорошо отмученное. Обжиг равномерный.
992/ІІ-07	<i>H. v.</i>	Фрагмент верхней части красноглиняной гончарной посуды с орнаментом, нанесенным в виде широких горизонтально прочерченных линий. Тесто плотное. Обжиг равномерный.
1006/ІІ-07	<i>P. m.</i>	Фрагмент стенки сероглиняной столовой посуды с орнаментом в виде горизонтально прочерченных прямой и волнистой линий с пролощенными линиями вверх прямой, прочерченной в вертикальном направлении. Тесто хорошо отмученное, плотное. Обжиг равномерный.

1018/II-07	<i>P. m.</i>	Фрагмент верхней части темногоглиняного кухонного горшка с орнаментом в виде горизонтально прочерченных прямых линий. В тесте есть включения керамического шамота. Обжиг некачественный.
1092/II-07	<i>S. c.</i>	Фрагмент плечика сероглиняной чернолощенной гончарной столовой посуды с орнаментом в виде горизонтально прочерченных и пролощенных прямых линий. Тесто хорошо отмученное. Обжиг равномерный.
1208/II-07	<i>T. a. s.l.</i>	Фрагмент стенки сероглиняного пифоса с орнаментом в виде горизонтально прочерченных прямых линий и со следами известняковой побелки. В тесте есть примесь крупного керамического шамота. Обжиг неравномерный.
1399/II-07	<i>T. a. s.l.</i>	Фрагмент стенки сероглиняного кухонного горшка с орнаментом в виде горизонтально прочерченных линий. Тесто пористое, с примесью мелкого керамического шамота и песка.
141?/II-07	<i>H. v.</i>	Фрагмент обожженного кирпича. В тесте есть незначительные примеси фракций песчаника, деревянных щепок и древесного угля. Обжиг неравномерный. Бруствер оборонительного сооружения.
1415/II-07	<i>P. m.</i>	Фрагмент днища сероглиняного гончарного кухонного горшка с клеймом в виде рельефно выпуклого кольца. Тесто пористое, с включениями керамического шамота. Яма № 13.
1440/II-07	<i>P. m.</i>	Фрагмент венчика коричневоглиняного толстостенного тарного пифоса с орнаментом в виде разнонаправленных косых вдавленных прямых линий-отрезков по верху уплощенного венчика. В тесте есть частые включения крупного керамического шамота. Обжиг неравномерный. Яма № 13.
1449/II-07	<i>P. m.</i>	Фрагмент нижней части сероглиняной гончарной посуды с орнаментом в виде горизонтально прочерченных прямых линий. Тесто плотное. Обжиг равномерный. Яма № 13.
1464/II-07	<i>T. a. s.l.</i>	Фрагмент верхней части краснокоричневоглиняного кухонного гончарного горшка с орнаментом по плечу в виде горизонтально прочерченных прямых линий. Тесто плотное, с незначительным количеством керамического шамота. Обжиг равномерный. Яма № 13.
146?/II-07	Фрагмент колоска	Фрагмент обожженного кирпича. В тесте есть незначительная примесь фракций песчаника, деревянных щепок и древесного угля. Обжиг неравномерный. Бруствер оборонительного сооружения.
98/III-09	<i>S. c., Br. sp.</i>	Фрагмент верхней части сероглиняного пролощенного столового горшка с уплощенной в поперечном разрезе ручкой. Тесто хорошо отмученное, плотное. Обжиг равномерный.
141/III-09	<i>T. a. s.l.</i>	Фрагмент стенки сероглиняной гончарной столовой посуды с орнаментом в виде вертикально прочерченных прямых линий. Тесто хорошо отмученное, плотное. Обжиг равномерный.
158/III-09	<i>Br. sp.</i>	Фрагмент стенки желтоглиняного гончарного кухонного горшка с нарезным линейным орнаментом. Тесто пористое, с примесью песка и редкой примесью мелкого керамического шамота. Обжиг неравномерный.
205/III-09	<i>T. a. s.l.</i>	Фрагмент стенки сероглиняной гончарной столовой посуды. Тесто плотное, хорошо отмученное. Обжиг равномерный.
495/III-09	<i>H. v.</i>	Фрагмент нижней части коричневоглиняной гончарной посуды. Тесто плотное, хорошо отмученное. Обжиг равномерный. Яма № 33.
996/III-09	<i>T. d.</i>	Фрагмент стенки сероглиняной толстостенной посуды с орнаментом в виде зонально прочерченных прямых линий. Тесто плотное, с примесью песка. Обжиг равномерный.
1001/III-09	<i>P. m.</i>	Фрагмент стенки сероглиняного кухонного горшка с орнаментом в виде прямых пересекающихся линий. Тесто пористое, с примесью песка. Обжиг равномерный.

Примечания: *P. m.* — *Panicum miliaceum* (просо), *H. v.* — *Hordeum vulgare* (ячмень пленчатый), *T. a. s.l.* — *Triticum aestivum* s. l. (пшеницы голозерные), *T. d.* — *Triticum dicoccon* (пшеница двузернянка), *S. c.* — *Secale cereale* (рожь), *A. sp.* — *Avena* sp. (овес), *Br. sp.* — *Bromus* sp. (бромус), *P. s.* —

Pisum sativum (горох посевной). **Всего определено** (41): просо — 14, ячмень пленчатый — 5, пшеница двузернянка — 5, пшеницы голозерные — 8, рожь — 3, овес — 1, горох посевной — 1, костер — 3, фрагмент колоска — 1. *Культурных растений* — 42; *зерновых* — 41; *сорных* — 3; *фрагмент колоска* — 1. * — инвентарный номер музейного собрания Художественно-мемориального музея И.Е. Репина; с разведочных шурфовок на Чугуевском городище в 1996 г.; другие — шифр соответственно полевой описи археологических раскопок на Чугуевском городище в 2005—2007 и 2009 гг. по схеме номер порядковый / номер раскопа — год исследований.

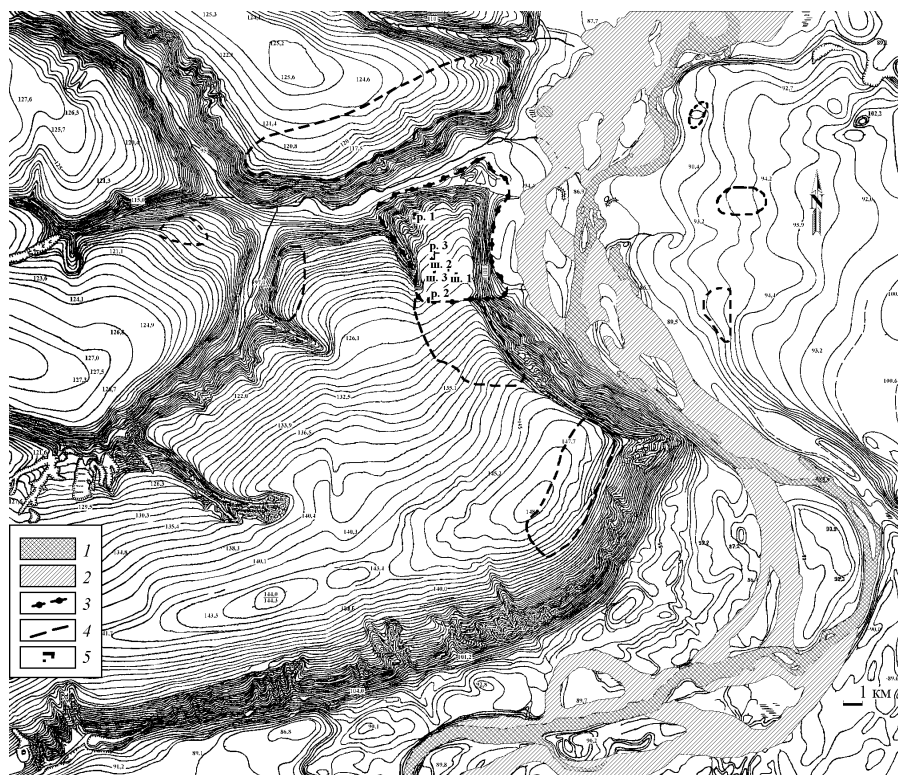

Рис. 1. Чугуевское городище и близлежащие к нему селища салтово-маяцкой культуры: 1 — современное русло р. Северский Донец, 2 — русло р. Северский Донец в XVIII-XIX вв., 3 — ориентировочные границы Чугуевского городища, 4 — ориентировочные границы салтово-маяцких селищ, 5 — раскопы и шурфы разных годов

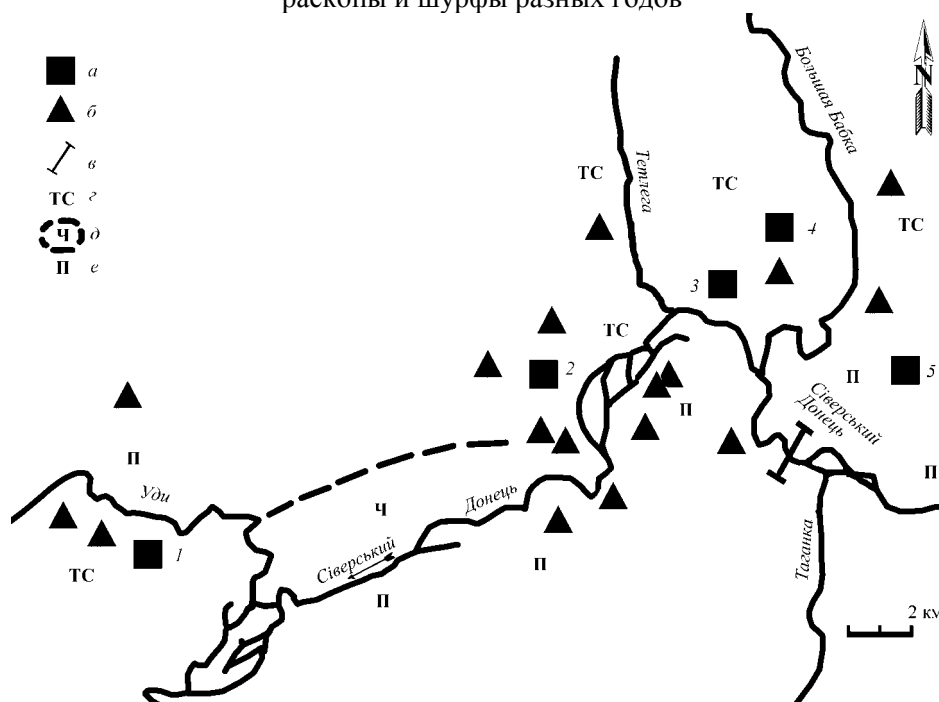

Рис. 2. Салтово-маяцкие поселения вокруг Чугуевского городища: 1 — Кабаново городище, 2 — Чугуевское городище, 3 — городище Кочеток-I, 4 — городище Кочеток-II, 5 — Кицевское городище; условные обозначения: а — городище, б — селище, в — Каганов перелаз (по А.З. Винникову, С.А. Плетневой), г — темно-серая почва, д — чернозем, е — песчаная почва

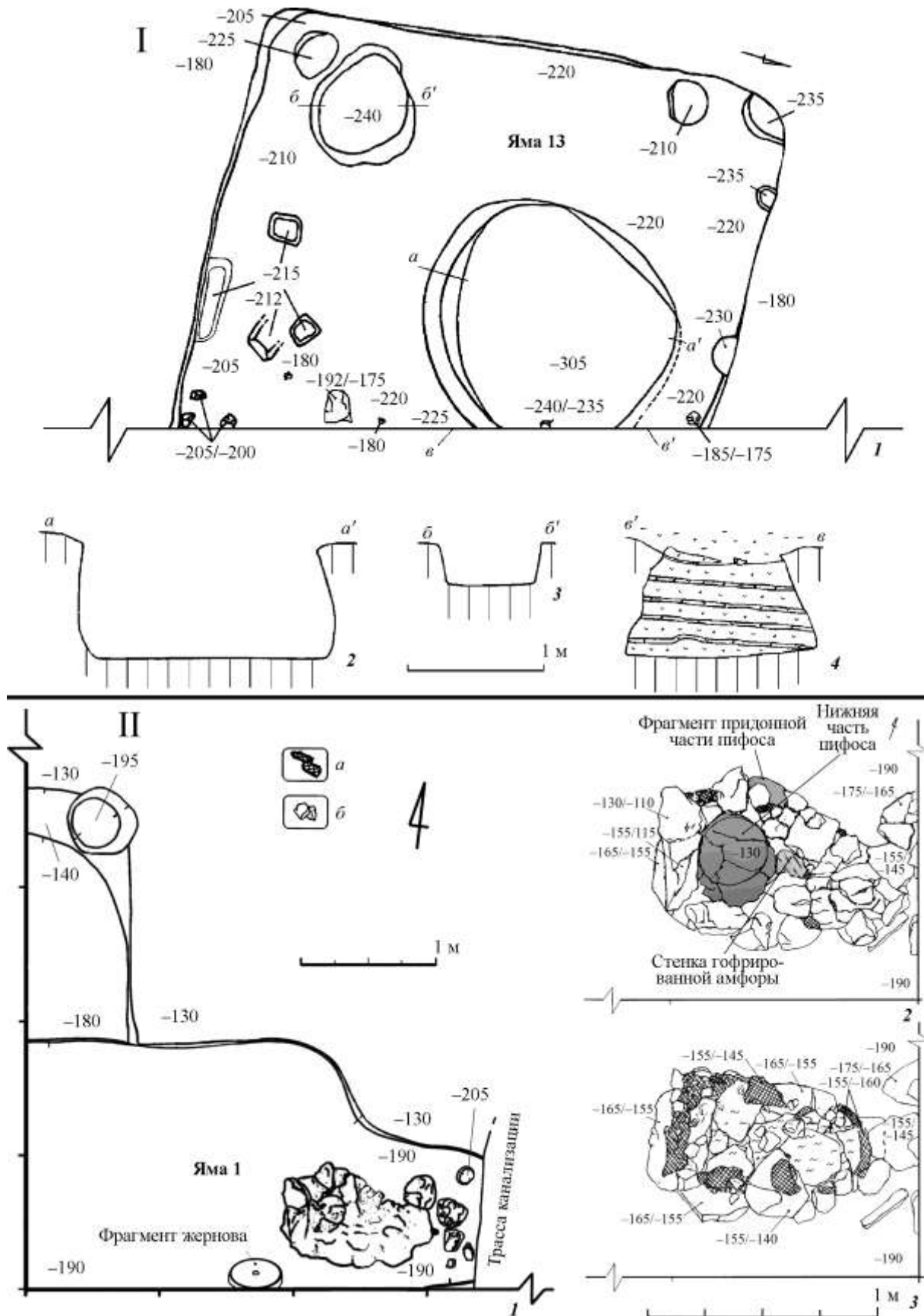

Рис. 3. Жилища: *I* — с зерновой ямой и ямой для размещения пифоса (**яма 13**): *1* — план жилища, *2-4* — разрезы ям; *II* — с печью-каменкой и жерновым камнем (**яма 1**): *1* — план жилища, *2* — первоначальное состояние печи, *3* — конструкция пода печи; **условные обозначения:** *a* — обожженная глина, *b* — песчаник

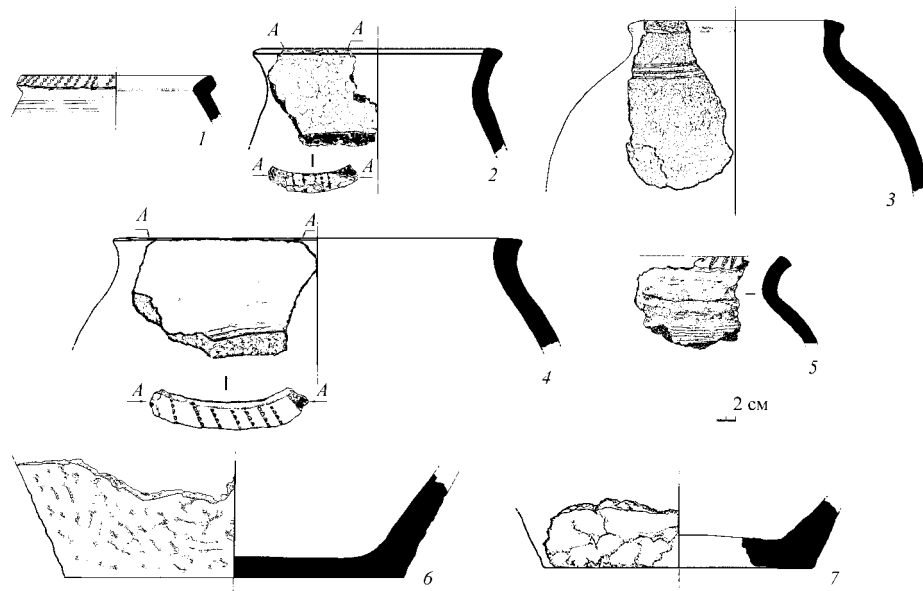

Рис. 4. Фрагменты гарных пифосов (1-7)

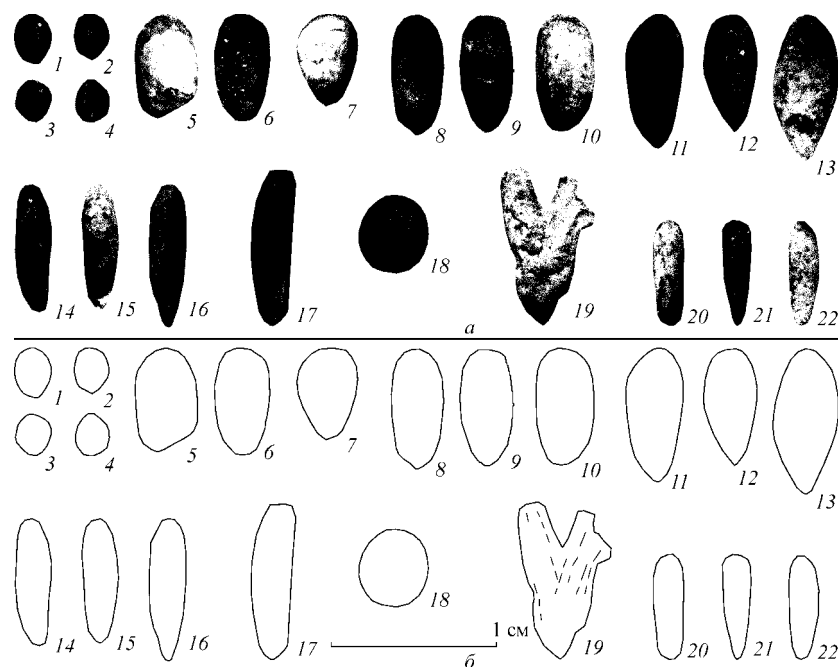

Рис. 5. Отпечатки зерновок культурных растений и сорняков с керамики Чугуевского городища; а — пластилиновые модели, б — прорисовки: 1-4 — *Panicum miliaceum*, 5-7 — *Triticum aestivum* s. l., 8-10 — *Triticum diccocon*, 11-13 — *Hordeum vulgare*, 14-16 — *Secale cereale*, 17 — *Avena* sp., 18 — *Pisum sativum*, 19 — фрагмент колоска, 20-22 — *Bromus* sp.

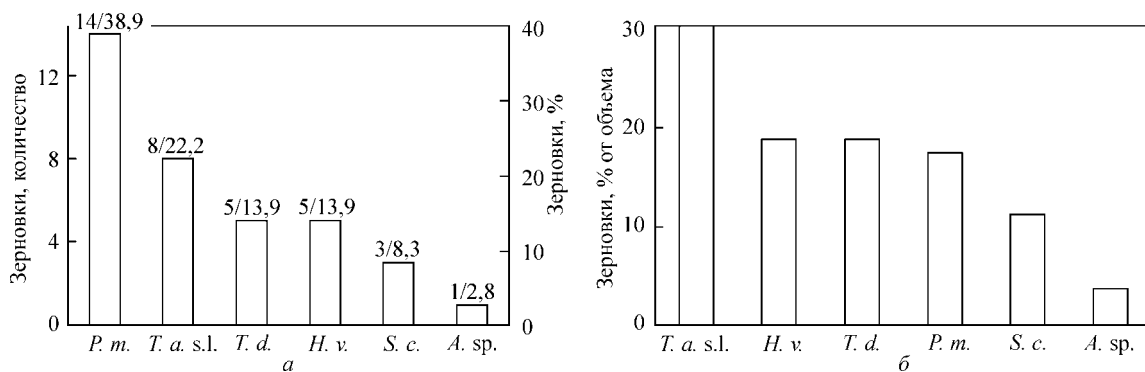

Рис. 6. Палеозтноботанический спектр зерновок культурных растений Чугуевского городища: а — по количеству, б — по объему. **Условные обозначения:** *P. m.* — *Panicum miliaceum*, *H. v.* — *Hordeum vulgare*, *T. a. s. l.* — *Triticum aestivum* s.l., *T. d.* — *Triticum dicoccon*, *S. c.* — *Secale cereale*, *A. sp.* — *Avena* sp. Над столбцами указаны: количество зерновок / их процент

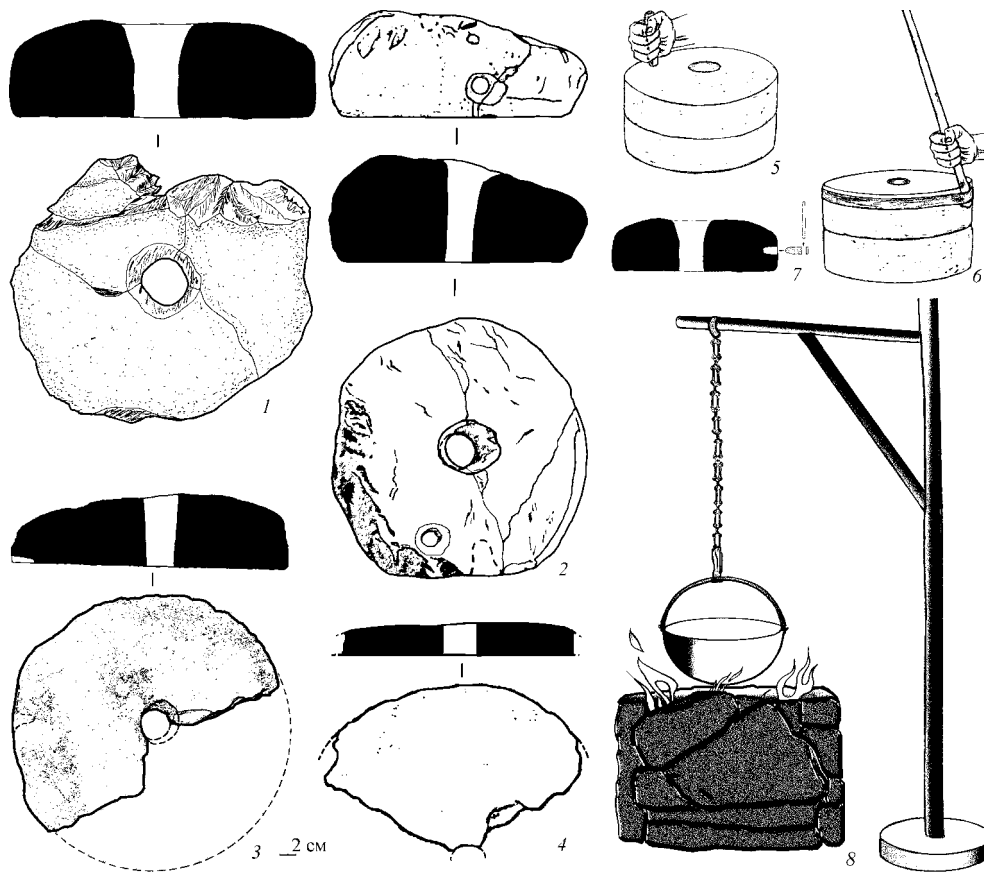

Рис. 7. Жерновые камни из Чугуевского городища (1-4) и варианты реконструкции их использования (5-8). По прямому назначению, приводы: 5 — с прямым прикладыванием силы; 6 — с усилением при помощи кронштейна; 7 — с боковой рукоятью; вторичное использование: 8 — реконструкция кронштейна для подвешивания котла

НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРОДИЩА ЖИДЕЕВКА

Геннадий Стародубцев
(Курск, Россия)

Городище расположено в 1 км к ЮЮВ от с. Жидеевка Железногорского района Курской области на останце в пойме правого берега р. Усожа (левый приток р. Свапа), примыкая с севера к урочищу «Городище» (рис. 1; 2). Западная часть площадки подмывается рекой. С напольной восточной стороны она укреплена подковообразным валом и рвом [Кашкин 1998, 183]. Городище обследовалось в ходе разведочных работ Ю.А. Липкинга в 1960-е гг., А.И. Пузиковой в 1972 г., П.Г. Гайдуковым в 1981 г. [Липкинг 1969, 190; Пузикова 1972, 2, 3; Гайдуков 1981, 19]. Стационарных раскопок на его территории не проводилось. Размеры сохранившейся части площадки в разные годы оценивались по разному: А.И. Пузиковой – 45 x 25 м, П.Г. Гайдуковым – 50 x 20 м. При составлении топографического плана в 2010 г. установлено, что в настоящее время ее размеры составляют 40 x 20 м., высота от уровня реки – 4,5-5,0 м. Высота вала – 0,5-2,0 м, глубина рва – 0,3-0,4 м (рис. 1). В насыпи северного участка вала наблюдаются две ямы от грабительских раскопок размером 2,5 x 2,3 м и 2,7 x 3,0 м.

В 2010 г. Древнерусской экспедицией Курского государственного областного музея археологии были начаты исследования городища. Раскоп I площадью 72 м² был разбит на северо-западном краю площадки, примыкая к обрыву берега в сторону р. Усожа.

Стратиграфия фиксировалась по северному, восточному и южному бортам раскопа. Сверху располагался дерновый слой мощностью 0,04 – 0,05 м. Под ним залегал слой серой золистой супеси, содержащий фрагменты камней и обмазки, а также обломки костей животных (в том числе кальцинированные) и металлического шлака (бронзового и железного) мощностью от 0,13 м до 0,26 м. Под серой супесью находился материк – светло-желтый песок.

Пласт I был достаточно беден на находки и содержал обломки костей животных, металлического шлака (в том числе бронзового и железного), а также фрагменты камней и обмазки.

При исследовании пласта найдено 319 обломков лепной посуды (из которых 20 относятся к раннему железному веку, 299 – к роменской культуре). В числе обломков роменской посуды зафиксировано венчики и стенки, орнаментированных «верёвочным» штампом. Кроме обломков лепной керамики найдено 151 фрагмент круговой керамики (из них 93 обломка раннекруговой посуды). Среди последних отмечены находки с линейным и зигзагообразным орнаментом, с крестообразной насечкой, с «верёвочным» штампом, а также с сочетанием верёвочного штампа и зигзагообразного или волнистого орнамента. Обращает на себя внимание наличие зигзагообразного орнамента, косой и крестообразной насечки на плечиках раннекруговой посуды, являющейся, судя по всему, переходной формой орнаментации от зигзагообразного «верёвочного» штампа роменской керамики к волнистому орнаменту древнерусской. Среди круговых стенок найдены обломки с волнистым и линейным орнаментом.

Пласт 2 содержал фрагменты камней и обмазки, а также зубы и обломки костей животных, железного и стеклянного шлака, мелких углей. При исследовании найдено 673 обломка лепной посуды, в том числе 53 фрагмента сосудов раннего железного века и 620 фрагментов, относящихся к роменской культуре. Также обнаружено 179 фрагментов круговой керамики (из них 90 раннекруговой).

В ходе работ обнаружены заглубленные в материк ямы, являющиеся остатками хозяйственных построек и столбовых конструкций. Кроме того, на границе квадратов А' 4 – А 4, А' 5 – А 5, А' 6 – А 6, А' 7 – А 7, А' 8 – А 8, а также в квадратах А 9, А 10 на глубине –99 – –131 обнаружено пятно прокаленного грунта подпрямоугольной формы, которое уходило в северный и южный борта раскопа, было прорезано пятнами ям 2, 3, 4, 5, 7, и в пределах раскопанной площади имело ширину 0,15-1,0 м. Вероятно, это следы сгоревшей ограды, связывавшей между собой хозяйственные постройки и образовавшей в сочетании с их наружными стенами оборонительную линию городища вдоль речного обрыва (рис. 2). При исследовании пласта из индивидуальных находок зафиксированы изделия из железа и бронзы. Среди первых – фрагмент крючка, пряжка, кольцо, стамеска, нож, серп, а также фрагменты неопределимых изделий (рис. 3, 1, 5-9, 15, 18). Из вторых – поясная лировидная пряжка, перстень с орнаментированным щитком и завязанными узлом концами и перстнеобразное проволочное височное кольцо (рис. 3, 3, 4, 10). Щиток перстня по краям украшен орнаментом типа «волчий зуб».

Заполнение всех обнаруженных в процессе раскопок ям (за исключением ямы 5) представляло собой гомогенную темно-серую золистую супесь, отличающуюся от культурного слоя более темным оттенком и меньшей плотностью.

Яма 1 округлая в плане находилась на границе квадратов А 8 – А 9. На глубине –100 – –103 имела размер 0,37 x 0,43 м, на глубине –116 – –126 была диаметром 0,4 м, при заглублении в материк имела размер 0,26 x 0,28 м. Стенки в материке вертикальные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,01-0,13 м. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 2 зафиксирована в квадратах А 9, А 10, Б 9, Б 10. На глубине –84 – –108 имела форму неправильного прямоугольника ориентированного по линии ССЗ – ЮЮВ размером 3,15 x 2,10 м. На глубине –110 – –134 имела неправильную вытянутую форму ориентированную по линии ССЗ – ЮЮВ размером 3,0 x 1,55 м. При заглублении в материк имела наклонные под разными углами стенки, сужающиеся к дну ямы. Дно плоское с незначительным уклоном к ССЗ. В заполнении ямы обнаружено 168 фрагментов лепной керамики (в том числе 3 относящихся к раннему железному веку), из них 13 роменских венчиков. Кроме лепной посуды найдено 27 обломков раннекруговых сосудов (в том числе 3 венчика). Заполнение насыщено углями. Помимо фрагментов керамики в его составе отмечены обломки камней, обмазки, железного шлака и костей животных. Из индивидуальных находок найдено: железные сверло и фрагмент изделия, биконическое шиферное пряслице, астрагал со сверлением, и бронзовый перстень с орнаментированным щитком и завязанными концами (рис. 3, 13, 14, 17, 20, 21). Орнамент щитка выполнен в технике мелкой насечки. Яма 2 представляет собой остатки хозяйственной постройки, погибшей при пожаре. На ее дне обнаружено пятно ямы 2 А.

Яма 2 А зафиксирована в западном участке дна ямы 2 на границе квадратов А 9 – А 10. Имела подпрямоугольную форму ориентированную по линии С Ю размером 0,15 x 0,11 м. Стенки ямы вертикальные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,09 м. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 3 округлая в плане диаметром 0,28 м находилась в квадрате А 7. При вскрытии пластов 1 и 2 фиксировалась на отметках –107 и –120. При окончательной расчистке в материке имела округлую форму размером 0,26 x 0,22 м. Стенки слегка наклонные, в материке вертикальные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,08-0,09 м. В заполнении обнаружен железный клин (рис. 3, 19).

Яма 4 округлая в плане диаметром 0,22 м, находилась на границе квадратов А' 7 – А 7. При вскрытии пластов 1 и 2 фиксировалась на отметках –107 и –118 – –120. В слое стенки ямы вертикальные, в материке слегка наклонные, дно плоское. При окончательной расчистке в материке имела

округлую форму размером 0,3 x 0,29 м, глубиной от уровня материка 0,01-0,02 м. В заполнении обнаружено 5 обломков стенок лепных сосудов (в том числе 1, относящийся к раннему железному веку) и 1 венчик с «веревочным» орнаментом по плечу. Кроме того, в заполнении найдены фрагменты обмазки, железного шлака и фосфоритов.

Яма 5 зафиксирована в квадратах А 7, А 8, Б 7, Б 8. На глубине –84 – –112 пятно ямы имело неправильную форму и уходило в восточный борт раскопа. Оно было ориентировано по линии ЮЗ – СВ и в пределах исследованной площади имело размеры 4,84 x 1,88 м. На глубине – 113 – –131 в пределах исследованной площади пятно ямы имело размеры 4,6 x 1,8 м. При заглублении в материк имела наклонные под разными углами стенки, сужающиеся к дну ямы. Дно плоское с незначительным уклоном к центру ямы глубиной от уровня материка 0,17-0,35 м. Заполнение ямы 5 – гомогенная темно-серая золистая супесь, в которой зафиксирована линза желтого песка размером 1,8 x 1,23 и мощностью 0,08-0,2 м, не выходящая за пределы раскопа I. В заполнении ямы обнаружено 119 фрагментов лепной керамики (в том числе 7 относящихся к раннему железному веку), из них 9 роменских венчиков и 1 раннего железного века. Кроме лепной посуды зафиксированы: 21 обломок раннекруговых сосудов (в том числе 3 венчика) и 17 круговых (в том числе 1 венчик). Помимо фрагментов керамики в заполнении отмечены мелкие угли; обломки камней, обмазки, железного шлака и костей животных (в том числе кальцинированные). Индивидуальные находки – точильный камень и фрагмент проволочного перстнеобразного височного кольца из билона (рис. 3, 2). Заполнение насыщено углями. Яма 5 также представляет собой остатки хозяйственной постройки, погибшей при пожаре. На ее дне обнаружены пятно ямы 5 А.

Яма 5 А находилась западной части ямы 5 и была округлой формы в плане размером 0,7 x 0,78 м, глубиной от уровня фиксации 0,08-0,13 м. Стенки вертикальные, дно плоское. В заполнении обнаружены 4 фрагмента стенок лепной керамики (среди них 1 раннего железного века) и 1 обломок камня.

Яма 6 округлая в плане находилась в квадрате А 7 и была заглублена в материк. Имела размер 0,37 x 0,4 м, глубиной от уровня материка 0,17-0,18 м. После окончательной расчистки в плане и имела форму неправильной окружности размером 0,22 x 0,44 м. Стенки слегка наклонные, дно плоское. В заполнении обнаружено 3 обломка стенок лепных сосудов (в том числе 2, относящихся к раннему железному веку) и 1 стенка раннекругового сосуда. Кроме того, в заполнении найдены фрагменты обмазки, фосфорита и мелких углей.

Яма 7 зафиксирована в квадратах А' 4, А' 5, А 4, А 5, А 6, Б 5, Б 6. На глубине –82 – –107 пятно ямы имело подпрямоугольную форму размером 3,72 x 1,58 м ориентированное по линии ЗСЗ – ВЮВ. На глубине –107 – –120 на уровне материка пятно также было подпрямоугольной формы размером 3,72 x 1,58 м. Северо-восточная стенка данной постройки на этом уровне была прорезана пятнами: на границе А 4 – А 5 на глубине –99 – –100 округлой ямы 7 А размером 0,4 x 0,46 м, в А 5 на глубине –102 – –105 округлой ямы 7 Б диаметром 0,33 м. Юго-восточная стенка ямы на участке протяженностью 0,7 м прорезана норой животного. Кроме того, в пределах пятна ямы 7 в А 6 на глубине –95 отмечена находка обломка горелого дерева ориентированного по линии З – В размером 0,16 x 0,11 м мощностью до 0,03 м, а также фрагмента железного изделия на глубине –105 (рис. 3, 12). При заглублении в материк яма имела слегка наклонные стенки, сужающиеся к дну. Дно плоское глубиной от уровня материка 0,06-0,14 м. В заполнении обнаружены: 61 фрагмент лепных сосудов (в том числе 5 венчиков украшенных «веревочным» штампом и 1 обломок сковороды) и 22 – круговых. Среди последних зафиксировано 20 фрагментов раннекруговой посуды (в том числе 2 венчика с волнистым орнаментом и 1 с волнистым и линейным). Кроме того, в заполнении найдены фрагменты обмазки, камней, железного шлака и костей животных (среди которых отмечены обгорелые обломки), из индивидуальных находок – фрагмент железного изделия, биконическое шиферное пряслице и железная игла (рис. 3, 11, 12, 16). Заполнение насыщено углями.

Яма 7 представляет собой остатки хозяйственной постройки, имевшей столбовую конструкцию и погибшую при пожаре. На ее дне были обнаружены пятна ям 7 В, 7 Г, 7 Д, 7 Е, 7 Ж. При расчистке их заполнения находок не обнаружено.

Яма 7 А зафиксирована на границе квадратов А 4 – А 5 на глубине –99 – –100 и прорезала северо-восточную стенку ямы 7. Имела округлую в плане форму размером 0,4 x 0,46 м, глубиной от уровня фиксации 0,02-0,03 м. Стенки ямы вертикальные, дно плоское.

Яма 7 Б найдена в А 5 на глубине –102 – –105 и прорезала северо-восточную стенку ямы 7. Имела округлую в плане форму диаметром 0,33 м, глубиной от уровня фиксации 0,01-0,06 м. Стенки ямы вертикальные, дно плоское. На границе ямы 7 Б на глубине –105 найден фрагмент железного изделия (рис. 3, 9).

Яма 7 В находилась в А 5 на глубине –125 – –128 на дне ямы 7. Имела округлую в плане форму диаметром 0,2 м, глубиной от уровня фиксации 0,04-0,07 м. Стенки ямы вертикальные, дно плоское.

Яма 7 Г зафиксирована в А 5 на глубине –127 – –128 на дне ямы 7. Имела округлую в плане форму размером 0,15 x 0,18 м, глубиной от уровня фиксации 0,07-0,08 м. Стенки ямы вертикальные, дно плоское.

Яма 7 Д найдена на границе квадратов А' 5 – А 5 на глубине –127 – –130 на дне ямы 7. Имела округлую в плане форму размером 0,34 x 0,3 м, глубиной от уровня фиксации 0,03-0,04 м. Стенки ямы слегка наклонные, дно плоское с незначительным уклоном к СЗ.

Яма 7 Е находилась в А 5 на глубине –128 – –129 на дне ямы 7. Имела округлую в плане форму диаметром 0,25 м, глубиной от уровня фиксации 0,07-0,08 м. Стенки ямы вертикальные, дно плоское с незначительным понижением к центру.

Яма 7 Ж зафиксирована на границе квадратов А 6 – Б 6 на глубине –128 – –129 на дне ямы 7. Имела округлую в плане форму диаметром 0,35 м, глубиной от уровня фиксации 0,04-0,08 м. Стенки ямы слегка наклонные, дно плоское с незначительным уклоном к З.

Яма 8 найдена в А 4 на глубине на глубине –104 – –105. Имела в плане подпрямоугольную форму размером 0,29 x 0,14 м ориентированную по линии С – Ю. После окончательной расчистки имела размеры 0,3 x 0,19 м, глубиной от уровня материка 0,23 м. Стенки ямы вертикальные, дно плоское. В заполнении обнаружено 4 фрагмента стенок лепных сосудов (из них 2 – раннего железного века) и 2 мелких обломка обмазки.

Яма 9, имеющая в плане форму неправильной окружности размером 0,6 x 0,66 м была зафиксирована в Б 9 на глубине –86 – –90 и была заглублена в материк. После окончательной расчистки в плане и имела форму овала размером 0,56 x 0,45 м, глубиной от уровня материка 0,15-0,18 м. Стенки слегка наклонные, дно плоское с небольшим уклоном к В. В центральной части дна зафиксирована яма 9 А. В заполнении ямы 9 обнаружено 8 фрагментов лепных сосудов (в том числе 1 венчик, относящийся к раннему железному веку) и 2 стенки (1 раннекруговая и 1 круговая). Кроме того, в заполнении найдены фрагменты обмазки и кости животного.

Яма 9 А зафиксирована на глубине –124 – –130 на дне ямы 9. Имела округлую в плане форму диаметром 0,15 м, глубиной от уровня фиксации 0,03-0,09 м. Стенки ямы вертикальные, дно плоское. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 10 обнаружена в Б 8 на глубине –90 – –92 и имела в плане форму овала размером 0,54 x 0,7 м. На глубине –116 – –117 имела размеры 0,54 x 0,68 м. Была заглублена в материк. После окончательной расчистки в плане имела форму неправильного овала размером 0,52 x 0,67 м, глубиной от уровня материка 0,06-0,08 м. Стенки слегка наклонные, дно плоское. В заполнении обнаружено 7 фрагментов стенок лепных сосудов (в том числе 1, относящийся к раннему железному веку), мелкие обломки обмазки и камней.

Яма 11 находилась на границе квадратов А 6 – Б 6 на глубине –110 – –121 южнее юго-восточного угла ямы 7. Имела округлую в плане форму размером 0,77 x 0,8 м. Её восточный участок в верхней части заполнения на участке протяженностью 0,65 м был прорезан норой животного шириной 0,3-0,33 м. Была заглублена в материк. После окончательной расчистки в плане имела округлую в плане форму размером 0,68 x 0,67 м, глубиной от уровня материка 0,62-0,64 м. Стенки слегка наклонные под разными углами, дно плоское с незначительным уклоном к югу. В заполнении ямы обнаружено 19 фрагментов стенок роменской лепной керамики и 2 круговой (в том числе 1 раннекруговой). Помимо фрагментов керамики в заполнении отмечены обломки камней, обмазки, железного шлака и костей животных.

Яма 12 зафиксирована в А 6 на глубине –114, была заглублена в материк и имела в плане подпрямоугольную форму размером 0,32 x 0,2 м. Была ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. Стенки наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,06 м. В заполнении находок не обнаружено.

Яма 13 найдена в Б 10 на глубине –107. Своей юго-восточной половиной прорезала северо-западную стенку ямы 14. Имела округлую в плане форму размером 0,38 x 0,32 м, глубиной от уровня фиксации 0,26 м. Стенки ямы слегка наклонные, дно плоское. В заполнении обнаружены 6 фрагментов стенок роменской лепной керамики, 2 мелких обломка обмазки и 1 кости животного.

Яма 14 выявлена в квадратах Б 10 – Б 11 на глубине –102 – –113 и своей восточной и южной частью уходила в восточный и южный борта раскопа. По той части, которая была подвергнута исследованию, можно предположить, что яма имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. Ее размеры в пределах раскопа составляли 3,2 x 1,5 м. Северо-западный угол был прорезан пятном округлой ямы 13. Была заглублена в материк, имела наклонные стенки, сужающиеся к дну ямы. Дно плоское с незначительным уклоном к югу. Глубина ямы от уровня материка составляла 0,21-0,31 м. Профили ямы были сняты по восточному и южному бортам раскопа. При выборке заполнения найдено 19 фрагментов лепной керамики, из них 1 роменский и 18 раннего железного века (в числе последних 2 венчика (рис. 43, 3)). Кроме того, обнаружены обломки обмазки, костей животных и железного шлака. Заполнение насыщено углями.

Яма 14 представляет собой остатки углублённой в землю постройки, погибшей при пожаре. После зачистки бортов и дна было обнаружено пятно ямы 14 А.

Яма 14 А зафиксирована в Б 10 на глубине –116 – –123 в пологом склоне северо-западного борта ямы 14, была заглублена в материк и имела в плане округлую форму размером 0,22 х 0,2 м. Стенки вертикальные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,19-0,26 м. В заполнении находок не обнаружено.

Во время проведения работ на городище сотрудниками экспедиции были зафиксированы многочисленные ямки на прилегающем с восточной стороны поселении, являющиеся результатами многолетних кладоискательских сборов, начиная с 2003 г., когда на памятнике был найден денежно-вещевой клад, состоящий из фрагментов серебряного пластинчатого очелья, двух серебряных браслетов с расширяющимися концами, серебряного навершия кресала в виде дракона, 5 серебряных семи-лучевых височных колец, 320 куфических дирхемов (из которых 23 имели бронзовые петли для привешивания, а 297 были обрезаны в кружок) [Шпилев 2008, 46]. В этих отвалах был собран подъемный материал, среди которого изделия из железа и бронзы. Среди находок: из железа – ножи и их обломки, гарпун, напильники, фрагменты изделий, обломок подковки от обуви и обломок лезвия топора; из бронзы – пластинчатая петля привески с заклепкой.

Помимо сборов была проведена убедительная беседа с одним из местных кладоискателей, результатом которой стала передача его находок сотрудникам экспедиции для научной обработки и последующей сдачи в фонды музея. Среди них изделия из бронзы – пуговица, орнаментированное кольцо и шахматная фигурка; и находки из серебра – обломок браслета с утолщающимися концами, 8 обрезанных в кружок арабских дирхемов и 3 фрагмента разрезанных дирхемов (прим.1).

Согласно предварительным результатам исследований городища Жидеевка можно сделать ряд выводов:

1. Городище Жидеевка представляет собой небольшой укрепленный пункт, сооружение, которого можно предварительно датировать концом X – началом XI вв. и существовавший относительно непродолжительный промежуток времени. Скорее всего, его возникновение связано с процессом присоединения курского Посеймья к Киевской Руси. Городище возникло на территории уже существовавшего к тому времени селища роменской культуры и погибло в результате пожара.

2. Вдоль речного обрывистого берега на площадке памятника находился ряд хозяйственных построек легкой столбовой конструкции, связанных между собой оградой, что в целом образовывало линию укреплений, прикрывавших городище со стороны реки.

3. Незначительные находки мелких фрагментов керамики раннего железного века, скорее всего, свидетельствуют о том, что поблизости (может быть на территории селища) существовало поселение этого времени.

4. Более детально судить о назначении и хронологии построек и укреплений городища, можно будет после их полного исследования в ходе дальнейших раскопок.

Примечания

1. Автор выражает признательность В.П. Лебедеву за помощь в определении монет.

Источники и литература

- Гайдуков П.Г. Отчет о работе Курского отряда в 1981 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 9692.
Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998.
Пузикова А.И. Отчет о работах Курского отряда в 1972 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 4807.
Шпилев А.Г. Об эволюции южносеверянского головного убора с очельем и венчиком (конец X – XI в.) // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). Вып. 4. Брянск, с. 43-59.

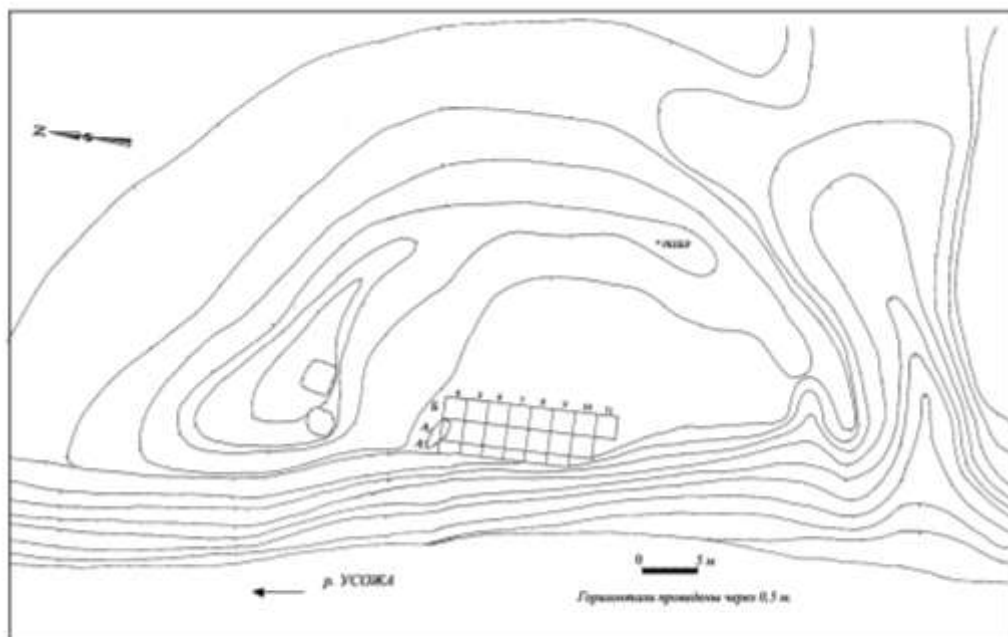

Рис. 1. Топографический план городища Жидовка. Съёмка 2010 г.

Рис. 2. Раскоп I. Сводный нивелировочный план объектов.

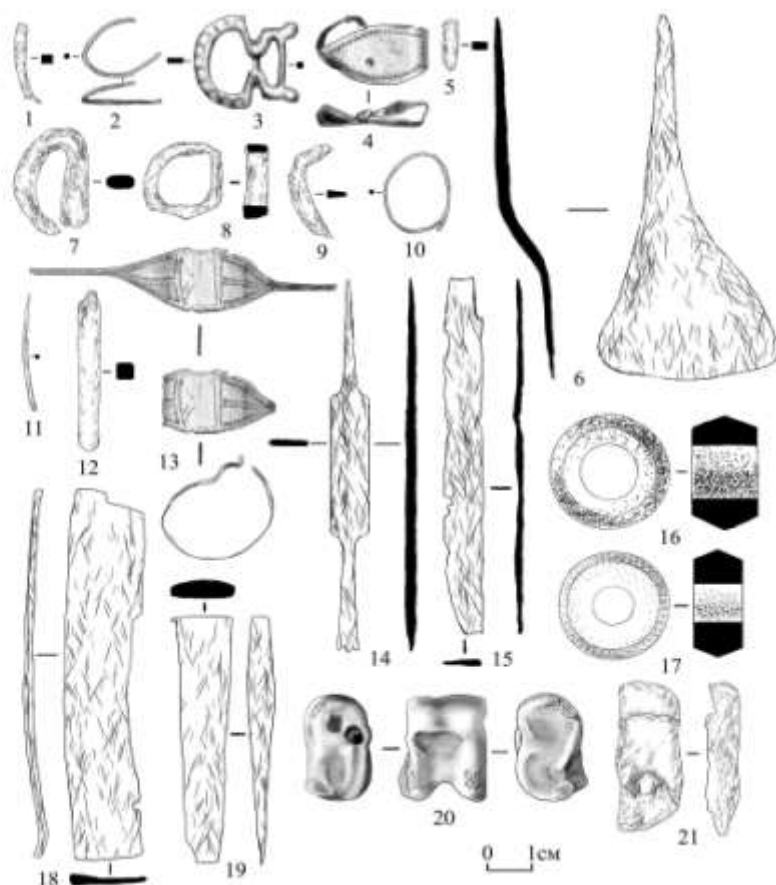

Рис. 3. Индивидуальные находки раскопа I.

1. Крючка фрагмент; 2. Кольца височного перстнеобразного фрагмент;
  3. Пряжка поясная лировидная; 4. Перстень с орнаментированным шитком и завязанными концами; 5. Изделия фрагмент; 6. Стамеска; 7. Пряжка;
  8. Кольцо; 9. Изделия фрагмент; 10. Кольцо височное перстнеобразное;
  11. Игла; 12. Изделия фрагмент; 13. Перстень с орнаментированным шитком и завязанными концами; 14. Сверло; 15. Нож; 16. Пряслице биконическое;
  17. Пряслице биконическое; 18. Бритвы обломок; 19. Клин; 20. Астрагал со сверлением; 21. Изделия фрагмент
- (1, 5-9, 11, 12, 14, 15, 18, 19, 21 - железо; 2 - билон; 3, 4, 10, 13 - бронза; 16, 17 - шифер; 20 - кость).

ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ДЕРЕВНИ НА ЧЕРНИГОВЩИНЕ

*Юрий Сытый
(Чернигов, Украина)*

В конце XX века изучение древнерусской деревни было одним из приоритетных направлений исследований проводимых Институтом археологии Национальной академии наук Украины. На левобережье Днепра на территории Черниговщины было выбрано поселение конца X – середины XIII вв. для исследований широкой площадью. Выбор Черниговщины был далеко не случаен.

Еще в 70-х годах XX в. на территории междуречья Десны и Днепра развернулись масштабные работы по выявлению древнерусских поселений и курганных могильников. Начиная с 1976 г. проводились целенаправленные работы на поселении конца IX – середины XIII вв. в урочище Лесковое Репкинского района. По результатам работ была издана монография А.В. Шекуна и Е.М. Веремейчик, которая ввела в научный оборот результаты более чем 15 лет археологических исследований памятника [Шекун, Веремейчик 1999].

Уже в 80-х годах исследования древнерусских поселений на Черниговщине осуществляются коллективом Отдела археологии Черниговского исторического музея. В первую очередь, расширился

регион охвата памятников – были начаты разведки в бассейне р. Снов [Пильник 1990, 31–35] и в междуречье Десны и Остра [Сытый 1996, 16–18]. Новые поисковые работы и продолжение исследований начатых в 70-х годах позволили создать карты древнерусских памятников указанных регионов. Степень обследованности территории домена Черниговских князей в настоящий момент является одной из наиболее высоких для всей территории Древней Руси [Веремейчик 2003, 26–47].

В 80-х годах в ходе хозяйственных работ был расширен круг сельских поселений, которые раскапывались широкими площадями. Результатом исследований сельских поселений нижнего течения междуречья Десны и Днепра стала кандидатская диссертация, защищенная Е.М. Веремейчик в 1994 г. [Веремейчик 1994, 17].

В процессе разведочных работ были составлены карты памятников отдельных территорий [Шекун, Веремейчик 1988, 93–110; Ситий 1996, 16–18] перенесенные на почвенные карты. Проведен анализ процессов освоения различных типов почв исходя из датировок времени возникновения выявленных древнерусских сел [Веремейчик 1998, 51–65; Ситий 1998, 38–50] и опубликована обобщающая статья [Коваленко В.П., Ситий 1994, 43–45]. Карты памятников отдельных составных частей Черниговского княжества, созданные на картах почв, позволили рассмотреть вопрос освоения различных типов грунтов центральных районов Чернигово-Северской земли. К сожалению, возможности типографии в 1994 г. были ограничены и карты не были опубликованы.

Анализ расположения памятников Нижнего Посемья и центральных районов Новгород-Северского княжества (территории наиболее приближенные к Брянщине) показал, что в X в. в первую очередь осваиваются ясно-серые и серые лесные грунты, в XI в. – темно-серые лесные и черноземы оподзоленные, дерново-подзолистые песчаные и продолжают осваиваться ясно-серые и серые лесные грунты; в XII – XIII вв. – темно-серые лесные и черноземы оподзоленные, ясно-серые и серые лесные грунты.

Такое освоение грунтов обуславливается уровнем развития пахотных орудий труда и наличием на указанной территории тех или иных видов почв (для каждого региона характерен определенный набор почв, что обусловлено его географическим расположением и природными факторами, влиявшими на формирование почв). Картографирование поселенческих структур на картах почв позволяет выявить особенности различных частей региона для определенных периодов развития общества и подчеркивает общую сельскохозяйственную направленность хозяйственного уклада Руси в X – XIII вв. В тоже время если использовать такие методы в рамках узких регионов или отдельных памятников, то неизбежно возникают результаты, которые могут противоречить всему ходу процесса сельскохозяйственного освоения тех или иных территорий или ландшафтов. Так С.А. Горбаненко рассматривая проблему развития пахотных орудий и их применения в микрорегионе конкретного археологического памятника (на котором эти орудия выявлены) на материалах городища Новотроицкое и Битица-I пришел к выводу, что населением роменской культуры были освоены и обрабатывались тяжелые по механическим свойствам и требующие значительных затрат черноземные почвы. Обобщая результаты автор приходит к парадоксальному выводу: «... давній землероб не надавав великого значення переважанню тих чи інших типів ґрунтів у навколоселищній зоні...» [Горбаненко 2006, 78]. Этот вывод приходит в полное противоречие с общими наблюдениями сделанными О.В. Сухобоковым и Е.А. Шинаковым относительно расположения роменских памятников в зоне лесостепи [Сухобоков 1985, 125–126; Шинаков 1991, 83]. А.В. Григорьев обобщая результаты исследований предшественников писал: «Тяготение северян к участкам леса, вероятно, также объясняется прежде всего хозяйственными потребностями» [Григорьев 2000, 57–58]. Тяготение поселений к участкам леса было обусловлено не только потребностями населения в строительных материалах, но и приближало к участкам легких грунтов на которых произрастал лес. Наличие таких природных условий позволяло применять традиционное для северян подсечное земледелие, находясь в зоне лесостепи.

В расположении отдельных поселений тех или иных эпох наблюдаются отдельные случаи расположения памятников в условиях не характерных для всей культуры в целом. Это происходит в результате определенных причин побудивших население к основанию населенного пункта именно в этом месте, несмотря на то, что условия не соответствуют сельскохозяйственному укладу жизни населения данной культуры. [Кизилев 1973, 51–66].

Среди материалов черниговского Задесенья имеется одно поселение расположенное в полосе черноземов. Такое расположение памятника было связано с необходимостью обслуживания пути Чернигов – Беловежа. Находясь посреди массива чернозема жители вынуждены были искать небольшие участки грунтов с более легкими механическими свойствами, и находили небольшие участки в пойме реки и на краях ее террас. Даже при наличии на картах почв указаний на сплошное распространение чернозема, в определенном микрорегионе найти участки других почв не составляет проблемы – просто эти участки не имеют больших размеров. Следует указать и на другие возможности существования поселения в условиях неблагоприятных для пашенного земледелия – это могло быть разведение ско-

та, торговля, промыслы, ремесла – все виды деятельности продукция которых могла найти сбыт благодаря расположению поселения в районе прохождения пути.

Путь исследования, когда производится конкретизация и детализация исследований на уровне одного памятника перспективен [Беляева 1993, 68–71], но поспешное распространение результатов возможно при более детальном изучении десятков или сотен памятников. Такой подход намечается в исследованиях, но на его результаты придется потратить много усилий и времени.

Распространение результатов исследований одного памятника на всю культуру – модернизирует представления о развитии сельского хозяйства Древнерусского государства. Логика исторического развития показывает медленное продвижение населения в зону лесостепи и освоение только участков по берегам рек там где имеются участки занятые лесом и ранее в предшествующий период освоенные летописными северянами. Южные границы Русского государства даже в XVI в. не распространялись ниже границы лесостепи и степи (южнее Белгородской черты) что было обусловлено всем развитием хозяйственного уклада предшествующего времени. Борьба на южных границах государства велась за каждый пригодный для хозяйственного освоения участок, а участки не пригодные (с точки зрения развития сельскохозяйственных представлений того времени) не являлись объектом притязаний [Шатохин 1991, 107].

В Черниговской области в районе летописной Беловежи (юг Бахмачского района) имеется участок черноземов, который в литературе именуется Беловежским степком. Еще в XVII – начале XVIII вв. данный степок использовался не иначе как место выпаса гетманской конницы. Положение изменилось только с переселением на эти земли немецких колонистов в XVIII в.

К досадным недоразумениям следует отнести и появление в коллективной монографии «Село Київської Русі» мнения о вывозе навоза на поля уже в древнерусское время. Этот тезис не аргументирован и непонятно на основании каких исследований он возник. В литературе вывоз навоза на поля относят ко второй половине XV в. [История 1986, 257] Исследователи культурного слоя Твери отмечали прямую зависимость сохранности древесины на Детинце от вывоза навоза. Начало его вывоза приводит к исчезновению древесины в постройках XVIII в. [Лапшин 2009, 54].

На материалах исследований древнерусских сел на Черниговщине можно ставить и решать множество вопросов: застройки сел, времени обособления малой семьи в самостоятельный хозяйственный коллектив, происхождения первых поселенцев и становления древнерусской государственности и многого другого.

Одним из перспективных направлений исследований последних лет следует считать исследования [Федин 2005, 77–81] связанные с изменением климатических условий и усовершенствование орудий труда, как результат прогресса общества и роста численности населения.

Продолжение исследований древнерусской деревни и накопление новых материалов полученных в ходе археологических работ неизбежно приведет к лучшему пониманию процессов происходивших на заре становления государства.

Источники и литература

Беляева С.А., 1993. К изучению систем земледелия Южной Руси IX – XIV вв. // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж.

Веремейчик О.М. 1994. Сільські поселення в межиріччі нижньої течії Десни та Дніпра IX – першої половини XIII ст. Автореферат дис. ...канд. іст. наук. Київ.

Веремейчик О.М. 1998. Географічне середовище і розміщення сільського населення межиріччя нижньої течії Десни та Дніпра у IX – XIII ст. // Україна і Росія в панорамі століть. Збірник наукових праць на пошану проф. К.М. Ячменіхіна. Чернігів.

Веремейчик О.М. 2003. Лівобережне Полісся // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). Київ.

Горбаненко С.А. 2006. Землеробство слов'ян останньої чверті I тис. н. е. // Археологія, № 3.

Григорьев А.В. 2000. Северянская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула.

История крестьянства в Европе. 1986. Эпоха феодализма. Т.2. М.

Кизилов Ю.А. 1973. Географический фактор в истории средневековой Руси // Вопросы истории. № 3.

Коваленко В.П., Ситий Ю.М. 1994. До питань про закономірності розміщення поселенських структур X – середини XIII ст. у Південній Русі // Проблеми раньословянської і давньоруської археології Посем'я. Білопілля.

Кузнецов Г.А., Шекун А.В., Шуляк В.В. 1977. Исследования в окрестностях Чернигова // Археологические открытия 1976 года. М.

Лапшин В.А. 2009. Тверь в XIII – XV вв. (по материалам раскопок 1993 –1997 гг.). СПб.

Пильник А.Г. 1990. Правобережье Поснов'я в X – XIII ст. // Минувле Сосниці та її околиць. Чернігів.

Ситий Ю.М. 1996. Чернігівське Задесення: підсумки і перспективи археологічних досліджень // Людина, суспільство, культура: історія та сучасність: Матеріали ювілейної наукової конференції, присвяченої 80-річчю ЧДП ім. Т.Г. Шевченка. Чернігів.

Ситий Ю.М. 1998. Етапи заселення Чернігівського Задесення (спроба реконструкції процесу внутрішньої колонізації) // Україна і Росія в панорамі століть. Збірник наукових праць на пошану проф. К.М. Ячменіхіна. Чернігів.

Сытый Ю.Н. 1992. К изучению сельских поселений Черниговского Задесенья // Проблемы развития средневекового села на Полесье. Чернігів.

Федин А.А. 2005. Влияние физико-географических и климатических факторов на расселение славян в Посемье в IX – XIII веках // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья (сборник статей). Воронеж.

Шатохин И.Т. 1991. Типология оборонительных сооружений юго-западного фаса Белгородской черты // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.

Шекун А.В., Веремейчик Е.М. 1988. Селища IX – XIV вв. в междуречье низовий Десны и Днепра // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. Сборник научных трудов. Киев.

Шекун О.В., Веремейчик О.М. 1999. Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів.

Шинаков Е.А. 1991. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII вв. (Этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.

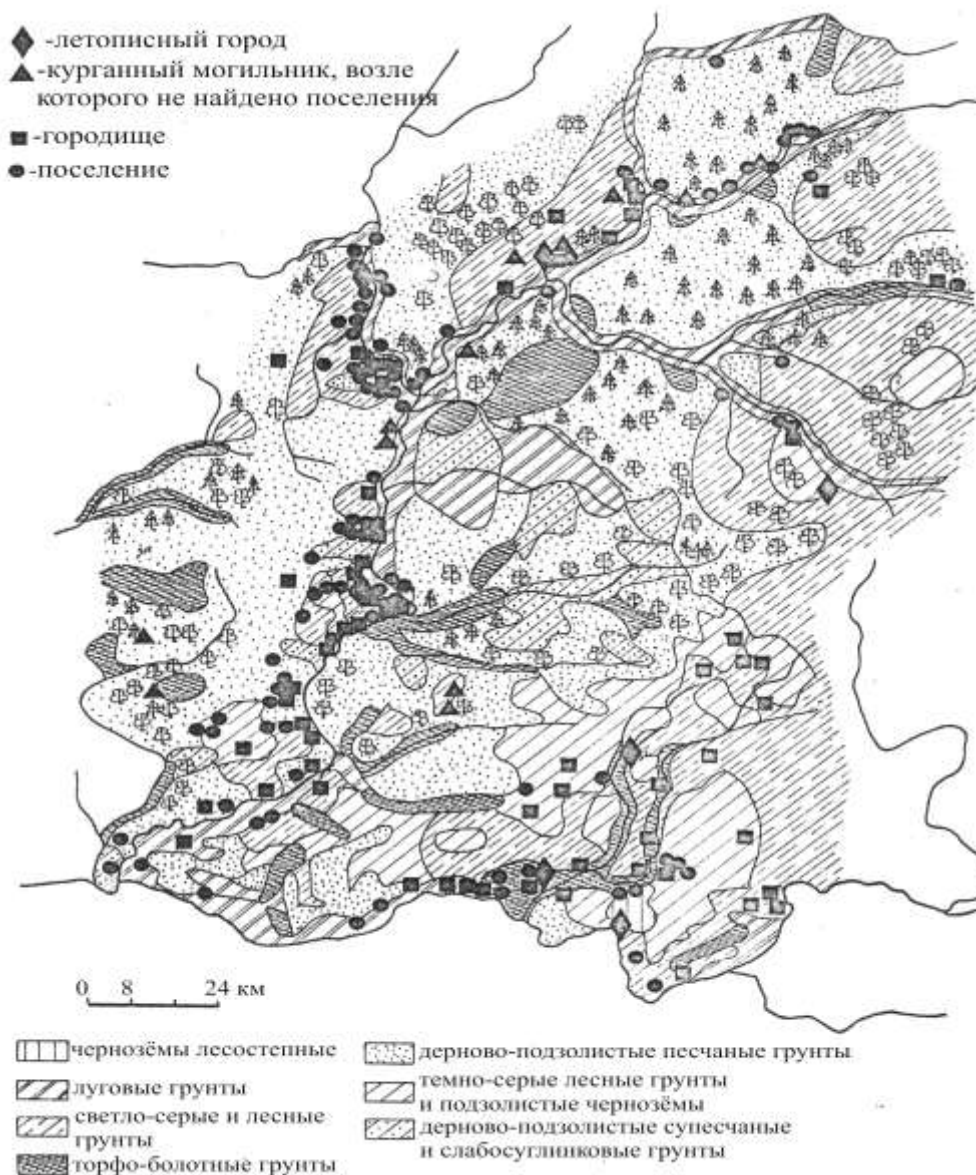

Рис. 1. Памятники древнерусского времени ядра Новгород-Северского княжества, нанесенные на карту грунтов (карта составлена В.П.Коваленко и Ю.Н. Сытым).

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У С. ПУТИВСК НА ТЕРРИТОРИИ СЕЛЬСКОЙ ОКРУГИ НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО

*Елена Черненко
Иван Кедун
(Чернигов, Новгород-Северский, Украина)*

До настоящего времени археологические памятники на территории сельскохозяйственной округа летописного Новгород-Северского остаются мало изученными. Исследования в данном регионе продолжаются более столетия, однако длительное время они проводились в незначительном объеме, а материалы только частично водились в научный оборот. Такая степень изученности, к сожалению, отличает округу Новгород-Северского от соседних территорий Черниговского и Брянского Полесья, в исследовании которых достигнуты значительные результаты (работы А.В. Шекуна, Е.М. Веремейчик, Ю.Н. Сытого, Е.А. Шинакова и других).

По мнению П.П. Толочко, сельскохозяйственная округа древнерусского города охватывала территорию в радиусе около 25 км [Толочко, 1989, с. 99]. Её размеры определялись приблизительным расстоянием, которое пешеход мог преодолеть за световой день, что обеспечивало прочные внутренние связи и позволяло хозяйственному комплексу город-округа функционировать. Если определить размеры сельско-хозяйственной округа летописного Новгород-Северского в указанных пределах, то на сегодня здесь известно 30 археологических памятников X – начала XIII вв. Среди них 12 городищ, 10 селищ, 4 курганных могильника и 2 отдельных кургана. Большинство из них вошли в научный оборот по материалам разведок. В разные годы небольшие по площади раскопки проводились на поселениях у с. Чулатово [Третьяков, 1977, с. 90] и Пушкари (урочища Песочный Ров и Масолов Ров) [Залізник, Каравайко, 2003, с. 5], частично исследовались также курганные могильники у сёл Форостовичи, Ушевка, Комань, Лариновка [Моця, 1987, с. 141]. Масштабные исследования на сегодня осуществлялись только на поселениях у с. Горбово [Григорьев, 2000, с.25 – 43], Домотканово [Коваленко, 1996] и Путивск [Черненко, Казаков, Кедун, 2002; Черненко, Казаков, Дудко, 2004; Григорьев, 2006].

Полученные материалы позволяют установить, что в хронологическом отношении памятники сельскохозяйственной округа Новгород-Северского можно разделить на две группы. К первой относятся 10 городищ и 2 открытых поселения, сформировавшиеся в роменский период. В XI – XII вв. жизнь здесь постепенно затухает. Вторая группа включает поселения, возникшие в конце XI – XII вв. – 2 городища и 8 селищ. Что касается могильников, то они так же разделяются на две группы: некрополи, расположенные у с. Форостовичи, Лариновка и Ушевка, соответствуют поселениям роменского времени; у с. Комань и Пушкари – поселениям конца XI – начала XIII вв. Учитывая недостаточную степень изученности региона, можно предположить, что по мере дальнейших исследований количество памятников каждой из указанных групп изменится, хотя вряд ли можно ожидать, что это повлияет на их общее соотношение.

В целом, можно констатировать изменение характера заселения округа Новгород-Северского на рубеже XI – XII вв. Интересно, что схожие процессы прослеживаются в период смены роменской культуры древнерусской в Курском Посеймье [Енуков, 2005, с. 277 – 278] и на территории Донского Правобережья [Тропин, 2007, с. 360].

Как можно установить, в XII в. наибольшим в окрестностях летописного Новгород-Северского становится поселение расположенное у современного с. Путивск. Оно находилось в 6 км на юго-восток от древнего детинца Новгород-Северского, в урочище Путивская гора и занимало высокий (до 40 м) мыс коренной правобережной террасы р. Десна. К сожалению, в настоящее время памятник уже не существует – он уничтожен меловым карьером. Последний уцелевший участок, площадью около 6 000 кв. м, был полностью раскопан. Исследования проводились в 1983-84 годах А.В. Григорьевым [Григорьев, 1985; 1986; 2006], в 2000 и 2002 годах – Е.Е. Черненко [Черненко, Казаков, Кедун, 2002; Черненко, Казаков, Дудко, 2004].

Во время раскопок 1983-84 годов было установлено, что культурный слой поселения незначителен по мощности (до 0,2 м) и насыщен материалами только в непосредственной близости от археологических объектов. По мнению А.В. Григорьева, это связано с незначительным периодом его функционирования – в пределах нескольких десятилетий [Григорьев, 2006, с. 91 – 92, 98]. Удалось так же установить, что застройка не была плотной: на площади около 5 000 кв. м. обнаружили всего девять построек разного назначения. Часть из них А.В. Григорьев счёл заброшенными, часть – уничтоженными в результате катастрофических событий, о чём свидетельствовали следы пожара и останки погибших людей [Григорьев, 2006, с. 98].

По предварительной версии, возникновение поселения у с. Путивск отнесли к первой половине XII в., а его гибель связали с событиями междоусобной войны 1146 – 1147 годов [Григорьев, Ко-

валенко, Моця, 1986, С. 229]. Позднее И.Г. Сарачев, опираясь на результаты изучения керамического комплекса памятника, определил его существование между серединой XII в. и 1174 г. По его мнению, поселение было уничтожено во время похода Святослава и Ярослава Всеволодовичей на Олега Святославича [Сарачев, 1995, с. 78 – 98]. Однако, А.В. Григорьев, на основании анализа вещевого инвентаря, в публикации материалов раскопок обосновал другую датировку памятника: вторая половина XII – первые десятилетия XIII в. [Григорьев, 2006, с. 99].

Исследования 2000 и 2002 годов охватили площадь около 1 100 кв. м. Они проводились на участке, где культурный слой был скрыт ещё до начала работ – здесь выбрали плодородную почву для благоустройства Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. Уцелели только углублённые в материк котлованы объектов. За два сезона удалось обнаружить и исследовать остатки восьми построек и ряд хозяйственных ям.

Обнаруженные в большинстве построек материалы, прежде всего, фрагменты гончарных сосудов, позволили датировать их XII – началом XIII в [11]. Однако, при дальнейшем рассмотрении было установлено, что в двух случаях керамический комплекс относился к более позднему времени. В нём преобладали сосуды с утолщённым краем венчика в виде массивного валика разной конфигурации (тип II, подтипы 1 и 2, варианты А, Б по С.А. Беляевой), которые датируются второй половиной XIII – XIV вв. [Беляева, 1982, с. 76]. Тут же, среди прочего многочисленного инвентаря (коса горбуша, фрагменты стеклянных браслетов, пиррофилитовые пряслица, обломки каменных жерновов и т.д.; рис. 1), найдены замки типа Г по классификации Б.А. Колчина, бытование которых относится к XIII – XV вв. [Колчин, 1982, с. 166]. Следует отметить, что в обоих упомянутых случаях в постройках были обнаружены следы пожара, что может свидетельствовать об их гибели в результате катастрофических событий.

Решая вопрос о датировке поселения у с. Путивск, необходимо учесть, что во всех случаях археологические исследования проводились на периферии значительного по площади поселения; ни в одном случае объекты не были связаны стратиграфически. Таким образом, полученная информация отрывчата. Создаётся впечатление, что различные комплексы принадлежат к различным этапам существования памятника. Возможно, что в период междоусобных феодальных войн XII – XIII вв., и позднее – до XIV в., когда политическая ситуация на Новгород-Северщине была нестабильной, жизнь здесь несколько раз прерывалась и возобновлялась. Такому выводу соответствует и наличие заброшенных построек рядом с разрушенными вследствие катастрофических событий постройками.

Неоднократное возобновление поселения можно объяснить его расположением в стратегически важном пункте, на подступах к переправе через Десну. Собственно говоря, название урочища, так же, как и современного села, связана с расположенной неподалёку Путимской (Пироговской) переправой (бродом). Дорога к ней проходила по дну яра, который отрезал Путивскую гору от речной террасы.

Переправа, известная по письменным источникам с XVI ст. была связана с традиционным путём на юг, в Глухов и Путивль, а также на север – в верховья Оки [Шинаков, 1981, С. 123, 124; Кулаковский, 2006, с. 16, 44 - 46]. Ещё в XIX ст. Десну в этом месте переходили вброд [Москаленко, Кедун, 2000, с. 23].

Следует отметить, что на правом берегу Десны в районе переправы располагается несколько крупных городищ разных эпох. Это, прежде всего, Юхновское городище раннего железного века и Горбовское городище роменского времени. Расстояние между ними не более 3 км. Существование данного узла разновременных памятников довольно уверенно можно связать с длительным существованием брода через Десну. Однако, по мнению А.В. Григорьева, в роменский период переправа через Десну находилась несколько южнее с. Путивск, в районе современного с. Горбово и только после изменения русла реки она переместилась. Именно этим исследователь объясняет угасание жизни на Горбовском городище и возникновение Путивского поселения [Григорьев, 2000, с. 90; 2006, с. 98 – 100]. Однако, как показывают исследования последних лет, к XII в. на территории округа Новгород-Северского угасают все поселения, основанные в роменское время, а не только Горбовское городище, что вряд ли можно связать с действием природных факторов.

Не исключено, что переправа через Десну изначально находилась у современного с. Путивск, однако в роменский период главная дорога к ней подходила не с севера, со стороны Новгород-Северского, а с юга. На юг от Путимского брода известен крупный роменский центр у современного с. Радичев. В X в. он значительно превосходил Новгород-Северский. Возможно, Горбовское городище возникло на пути из Радичева на Путимскую переправу. Позднее, после превращения Новгород-Северского в центр удельного княжества, большее значение приобретает северное направление, что вызвало увядание старого Горбовского городища и появление нового поселения у с. Путивск.

Следует также отметить, что вряд ли в древнерусское время дорога к Путимскому перевозу из Новгород-Северского шла напрямик, как считает А.В. Григорьев [Григорьев, 2000, с. 99]. В этом

случае она должна была бы пересекать большой лесной массив, который продолжал существовать ещё в XVII в. [Кулаковский, 2006, с. 32]. Скорее всего, в эпоху Древней Руси использовалась дорога вдоль берега р. Десна, проходившая мимо современного Спасо-Преображенского монастыря.

По мнению А.В. Григорьева, поселение в урочище Путивская гора было одним из княжеских владений, о наличии которых в ближайшей округе Новгород-Северского сообщают летописи [Григорьев, 2006, с. 100]. Существует также гипотеза, которую активно поддерживают писатели и краеведы, что именно здесь находился Путивль, упомянутый в «слове о полку Игоревом» [Шарлемань, 1961; Иванова, 1987; Домоцкий, 2009, с. 71 – 72]. Последнее необоснованное предположение вызвало резкую критику со стороны специалистов.

Изучение полученного вещевого материала, обнаруженного в ходе археологических раскопок, позволяет сделать вывод о разносторонних занятиях обитателей данного населённого пункта на протяжении всего его существования: сельском хозяйстве, ремёслах и промыслах. Все находки можно поделить на несколько категорий: предметы быта (ножи, точильные бруски, ключи, замки, оковки вёдер и т.д.) и те, что были связаны с домашними промыслами (пирофилитовые пряслица); орудия сельского хозяйства, предназначенные для сбора урожая и переработки сельскохозяйственной продукции (косы, серпы, каменные жернова); ремесленный инструмент (токарный резец, тесло); орудия рыболовли и охоты (крючки, костяные наконечники стрел); украшения (металлические и стеклянные браслеты, подвеска-иконка с изображением святого всадника). О развитии животноводства свидетельствуют остеологические материалы. Согласно определению А.П. Журавлёва, враскопанных в 2000 г. комплексах, присутствовали кости домашних свиней (4 молодые, 2 взрослые особи), быка (1 молодая, 1 взрослая особь), овцы (1 взрослая особь).

Особо следует отметить обнаруженные на поселении следы литейного производства. В 1983-84, 2000 и 2002 гг. здесь обнаружены многочисленные заготовки для литейного производства – обрезки и «рубленные» фрагменты бронзовых сосудов (железные ушки-ручки с раскованными концами, фрагменты венчиков и стенок с технологическими признаками сборки – холодная сварка «в зубец» с последующей проковкой). Большинство из них были найдены вне комплексов. Однако, значительное количество происходит из постройки второй половины XIII – начала XIV вв., исследованной в 2000 г. (рис. 1: 1)

Таким образом, есть все основания заключить, что в XII – начале XIV в. поселение у с. Путивск играло ведущую роль на территории сельско-хозяйственной округи Новгород-Северского, служило важным опорным пунктом на стратегически значимом направлении. В данный период по своей значимости оно превосходило расположенное неподалёку городище у с. Горбово, которое Р.С. Орлов и В.П. Коваленко интерпретировали как летописное Игореве Сельцо [Коваленко, Орлов, 1980].

Источники и литература

1. Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII – XIV в. – К., 1982.
2. Виноградська Л.І. До питання про хронологію середньовічної кераміки з Новгород-Сіверського // Археологія. – 1988. – Вип. 61.
3. Григорьев А.В. Раскопки в окрестностях Новгорода-Северского // АО. – 1983. – М., 1985.
4. Григорьев А.В., Коваленко В.П., Моця А.П., Работы Новгород-Северской экспедиции // АО 1984 г. – М., 1986.
5. Григорьев А.В. Древнерусское поселение в окрестностях Новгорода-Северского // Археология Верхнего Поволжья. – М., 2006.
6. Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. – Тула, 2000.
7. Домоцкий Б. Подорож Новгород-Сіверським Подесенням. Красназвчі етюди. – Частина I. – Шостка, 2010.
8. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. – Курск, 2005.
9. Залізник Л.Л., Каравайко Д.В., Маярчак С.П. Археологічна експедиція НаУКМА 2002р. Дослідження городища Пісочний Рів на Десні // Магістеріум. – Вип. 11. Археологічні студії. – 2003.
10. Иванова Р. У якому Путивлі плакала Ярославна: Одна із можливих гіпотез // Наука і суспільство. – 1987. – № 10.
11. Казаков А.Л., Черненко О.Є. Місце поселень округи Новгорода-Сіверського в системі феодальних землеволодінь XII – першої половини XIII ст. (за матеріалами досліджень археологічного комплексу між селами Путивськ та Араповичі) // УІЖ. – 2003. – № 3.
12. Коваленко В.П., Орлов Р.С. Работы Новгород-Северской экспедиции // АО 1979г. – М., 1980.
13. Коваленко В.П. Звіт про охоронні археологічні дослідження на посаді домотканівського горо-

диша у 1996 р. // Науковий архів ІА НАН України. 1996/94.

14. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1982.

15. Кулаковський П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618 – 1648). – К., 2006.

16. Москаленко О., Кедун І. Історична топографія Новгорода-Сіверського // Сіверянський літопис. – 2000. – № 1.

17. Сарачев И.Г. Возможности использования керамики для уточнения исторических фактов // Деснинские древности. – Брянск, 1995.

18. Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. – К., 1989.

19. Третьяков П.Н. Древности II и III четверти I тыс. н.е. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. – Л., 1977.

20. Тропин Н.А. Чернигов и юго-восточные территории Черниговской земли в XI – первой половине XIII вв. // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Збірник наукових праць, присвячений 100-літтю літописної згадки про Чернігів. – Чернігів, 2007.

21. Шарлемань Н.В. Где был Путивль, упоминаемый в «Слове о полку Игореве»? // Труды отдела древнерусской литературы – 1961. – Т. 17.

22. Шинаков Е.А. Характер размещения древнерусских памятников на территории «Воронежских лесов» // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. – К., 1981.

23. Черненко О.Є., Дудко О.С. Науковий звіт про археологічні роботи 2000 р. на поселенні між сс. Горбове та Араповичі Н.-Сіверського р-ну // Науковий архів ІА НАН України. 2000/66.

24. Черненко О.Є., Казаков А.Л., Кедун І.С. Науковий звіт про археологічні роботи 2002 р. на поселенні біля с. Путивськ Н.-Сіверського р-ну // Науковий архів ІА НАН України. 2002/183.

25. Черненко О.Є., Казаков А.Л., Дудко О.С. Охоронні археологічні роботи біля с. Путивськ Новгород-Сіверського р-ну // Археологічні відкриття в Україні 2002 – 2003 рр. – К., 2004.

26. Черненко О.Є., Казаков А.Л. Давньоруське поселення на місці сучасного Спасо-Преображенського монастиря // Сумська старовина. – 2005. – № 15.

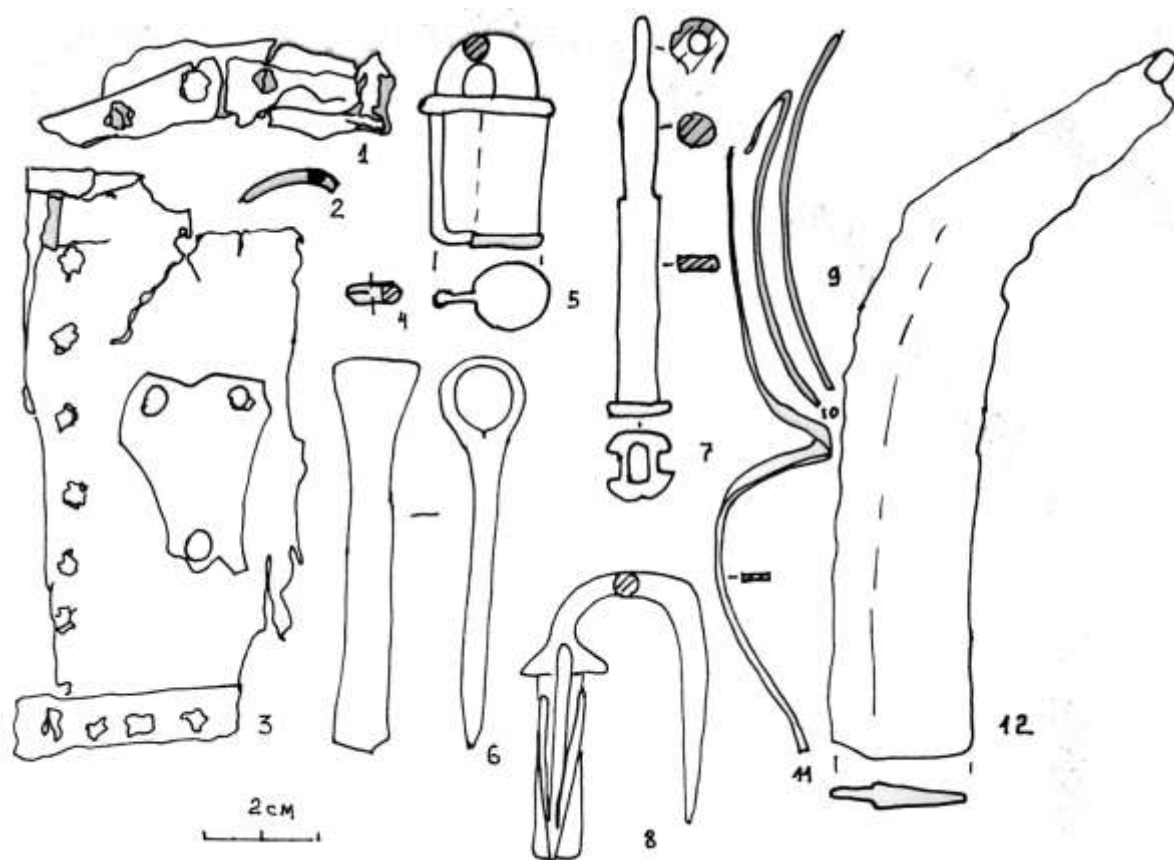

Рис. 1. Находки из заполнения постройки второй половины XIII – начала XIV в. (постройка 1, раскоп 2. 2000 г.).

1 – 3 – бронза; 4 – пирофилит; 5 – 11 – железо.

О ДОМЕСТИКАЦИИ ПЕСЦА В ПАЛЕОЛИТЕ БАССЕЙНА ДЕСНЫ

«Посвящается Анне Колпаковой,
вернувшей меня к теме песцов палеолита»

Артур Чубур
(Брянск, Россия)

Аграрная история человечества начинается с усложненного собирательства с одной стороны, и с процесса domestikации отдельных видов животных и растений с другой.

На протяжении десятилетий в археологической литературе фигурировало утверждение, подтвержденное многими палеонтологами, о том, что верхнепалеолитический человек первой приручил собаку и использовал ее на охоте. Некоторые склонны считать это событие становлением собственно производящего хозяйства. Правда, производящее хозяйство существует тогда, когда происходит обеспеченное определенными технологическими приемами стабильное воспроизведение общественного продукта. Собака, конечно, помогала человеку на охоте, но меняла ли эта помощь кардинально размеры добычи и делала ли ее стабильной? Вряд ли.

Самый древний череп, безусловно принадлежащий собаке, а не волку, обнаружен при современном анализе коллекций в пещере Гойе (Бельгия) исследованной в середине XIX века. Неясно, из какого культурного слоя череп происходит, но имеется его радиоуглеродная AMS-дата: 31700 л.н. Останки древних собак Европы были выявлены также в материалах пещеры Шове (Франция, около 26000 л.н.), на стоянках Межиричи и Мезин в Украине, Елисевици в России (14000-16000 л.н.) [Germonpre et al. 2009].

Недавнее генетическое исследование принесло парадоксальные данные о зоне изначальной domestikации собаки в палеолите. Анализы митохондриальной ДНК собак с большого географического ареала и при филогенетической широте показал, что их генофонд содержит 10 основных гаплогрупп. При этом, полный спектр – все 10 гаплогрупп – выявлен лишь в Юго-Восточной Азии к югу от р.Янцзы, 7 гаплогрупп присутствуют в Центральном Китае, лишь 5 в Северном Китае и Юго-Западной Азии, в Европе же присутствуют всего 4 гаплогруппы. На основании этого, генетики предположили, что все современные собаки могут являться потомками 51 волчицы, прирученной примерно 16300 лет назад на юге Китая [Pang et al. 2009]. Можно утверждать, что результаты генетического анализа неполны, поскольку никак не объясняют наличия практически синхронных домашних собак в Елисевицах (Россия, Брянская область) и, тем более, намного более древних собак из Шове и Гойе. Следует отметить, что и никаких кросскультурных связей Европы с Юго-Восточной Азией и Китаем в палеолите в принципе не фиксируется, потому собака вряд ли могла за короткий отрезок именно оттуда попасть в Европу. Скорее всего, крупные собаки плейстоцена, в отличие от современных, не образуют однородной генетической группы. Поскольку приручение шло независимо в нескольких очагах, не все генетические линии могли просуществовать до настоящего времени. К тому же, безусловно, имело место многократное повторное скрещивание с дикими волками.

Многие исследователи вновь и вновь возвращаются к идее приручения лошади также на излёте верхнего палеолита, хотя приводимые для такого умозаключения аргументы выглядят не очень уж убедительно [Capitan, Breuil 1902; Haddingham 1979]. И все же нужно признать, что опыты domestikации уже в эпоху палеолита-мезолита были куда шире, чем только волк и, возможно, лошадь. Яркий пример тому – недавно открытое свидетельство приручения лисицы (*Vulpes vulpes* L.) в палеолите Иордании (16500 л.н.) [Maher Lisa et al. 2011].

Domestikация животных приводит к заметным морфологическим изменениям, вплоть до изменений не только окраса, формы ушей, хвоста, но и краниального и посткраниального скелета. Палеонтологами давно определены, а зоологами, изучающими современные процессы приручения, подтверждены признаки domestikации, отражающиеся на морфологии скелета. Наиболее яркими признаками являются неотенические признаки: укорочение морды (максиллярной части черепа) и конечностей, расширение мозгового отдела черепа.

В свете этих признаков интересны костные останки песца *Alopex lagopus* cf. *Rossicus* (всего не менее 15 особей), обнаруженные автором при раскопках верхнепалеолитической стоянки Быки 1 в Посеймье [Чубур 2001] (Рис.1).

Плейстоценовый песец – один из важных компонентов мамонтового териокомплекса. Эта небольшая полярная лисичка вполне могла обитать непосредственно близ человеческого жилья, используя для своего питания, помимо прочего, пищевые отбросы. Основной пищей песцу служили полевки и лемминги. Главные враги – волки и более крупные хищники. Длина тела 58-70 см, масса от 4,5 до 7 кг, при этом самцы обычно крупнее самок. Экстерьер песцов занимает промежуточное положение между волками и лисицами. Уши короткие и округлые. Волосистой покров очень густой, высокий,

шелковистый, с длинной мягкой остью и очень плотным пухом. Хвост прямой, пушистый [Млекопитающие, 1963].

Для морфологического сравнения использованы данные о плейстоценовых песцах бассейна верхней Десны, верхнего Дона и о современных песцах Евразии (популяции Шпицбергена, Командорских островов и материковой тундры), [Кузьмина, Саблин 1993; Саблин 1994].

Морфометрия остеологической коллекции показывает, что песец из Быков, в целом, мельче как современного песца, так и плейстоценовых песцов из Елисеевичей, Юдиново и Костенок. Современный материковый песец по размерам костей посткраниального скелета крупнее быковского на 10–12 %, плейстоценовый песец из Юдиново крупнее на 6–8 %, песец из Костенок – на 5–6 %. В первую очередь эта мелкорослость связана с тем, что у песца из Быков более короткие лапы (Табл.1).

Укороченные конечности плейстоценового песца из Быков могли бы в принципе свидетельствовать о жестких климатических условиях и малой толщине и даже об отсутствии большую часть времени снежного покрова зимой. Но вот по индексам хищнических зубов песец из Быков, сходен не с плейстоценовым, а с рецентным материковым песцом: он менее узкозуб, чем другие плейстоценовые популяции. Между тем М.В. Саблин убедительно продемонстрировал, что ширина коронки хищнических зубов наименьшая у песцов из арктических пустынь и наибольшая у песцов с Командорских островов, где климат более мягкий и благоприятный [Саблин 1994]. Близость пропорций коронки хищнического зуба к показателям современных материковых песцов заставляет предполагать как раз более мягкий температурный режим, нежели в Юдиново и Елисеевичах.

Таким образом, для объяснения коротколапости песца из Быков мы должны искать иные, не климатические причины, особенно учитывая тот факт, что песцы в меньшей степени, чем многие хищники, подвержены географической изменчивости [Нанова, Павлинов 2009].

Промеры черепа и нижней челюсти (Табл.2) показывают, что по средним показателям песец из Быков более короткоморд, чем современные песцы и чем плейстоценовый среднерусский подвид (Рис.2). При этом заглазничная ширина черепа несколько больше, чем у среднерусской плейстоценовой и рецентной материковой популяций (то есть несколько шире лоб), тогда как остальные показатели – ниже. При этом индекс соотношения длины мозгового отдела черепа и основной длины черепа выше всего у песца из Быков – 42,2% (Юдиново – 40,6 %; Елисеевичи – 40,3 %; современный материковый песец – 37,5 %). Заметное измельчание черепа у одомашненных сеголеток современного песца по сравнению с дикими животными показывают и данные исследований ученых из Екатеринбурга (к сожалению, ими не опубликованы ни показатели этого измельчания, ни данные по сравнению взрослых особей [Ширяева, Ранюк 2008]).

Зубной ряд песца из Быков короче, чем у рецентных и среднерусских плейстоценовых песцов. М.В. Саблиным отмечено, что зубные ряды у песцовых из более холодных климатических зон короче [Саблин 1994]. Однако, песцы из Быков – более южная (на 110-160 км, т.е. на 1-1,5 градуса широты) и удаленная от ледникового щита популяция, чем та, что привлекалась для сравнительного анализа. И.Г. Пидопличко считал укорочение зубного ряда у псовых признаком приручения [Пидопличко 1969, С.99-104].

Правда, укорочение морды в принципе может быть обусловлено, помимо прямых процессов домостикации, и естественными изменениями в рационе. Но смена диет также может быть свидетельством начала взаимоотношений между людьми и песцами, сходных с изначальными отношениями между людьми и кошками. Ведь биологи утверждают, что кошки не были в общепринятом смысле одомашнены, они просто воспользовались тем, что люди привлекают мышей. На морском побережье современный песец часто сопровождает белых медведей, и ему в итоге достается часть мяса убитых тюленей. Аналогичное поведение могло связать часть плейстоценовых песцов и с людьми – с локальной группой (общиной) обитателей стоянки Быки. Как минимум, короткомордость песца из Быков может объясняться тем, что он безопасно кормился отходами охотничьей деятельности людей, а не собственной добычей, то есть был хорошо адаптирован к обитанию близ человеческого жилья.

Еще в начале XX века российские звероводы отмечали: «Песцы податливее к приручению, нежели лисицы. Из любого десятка песцов, содержащихся в срубах, всегда найдутся один-два, которые охотно идут к рукам. А, казалось бы, какую привязанность можно чувствовать к человеку, который их держит в темнице и показывается раз в сутки, чтобы бросить кусок падали, рыбы и т. п.» [Искусственное разведение 1913]. Именно поведением, в первую очередь – отсутствием реакции страха на человека, домашние животные отличаются от диких, причем их поведение строится на доверии, привязанности и преданности [Беляев 1964]. Можно предположить, что часть животных вечно вертевшихся поблизости от жилья и куч отбросов, обитатели стоянки попытались приручать, отбирая по данному признаку.

Это вовсе не означает, что дикий песец автоматически перестал быть объектом охоты. Хотя и в этом плане остеологическая коллекция Быков даёт интересные свидетельства. Так, среди костных ос-

татков встречен фрагмент нижней челюсти с постоянными зубами в стадии прорезывания. Прорезывание всех молочных зубов заканчивается на 26–27 день после рождения, смена зубов на постоянные происходит в конце лета начале осени. Щенки питаются молоком до 1,5 – 2 месяцев. Затем еще некоторое время подкармливаются молочной пищей [Барышников, Аверьянов 1993]. Мог ли детеныш, да еще в начале осени, когда мех низкого качества, только начинается линька, стать объектом охоты. Ведь в пищу песцов в Быках не употребляли. Встречен на стоянке и череп с совершенно несросшимися швами, принадлежавший песцу-сеголетке.

Любопытно в свете возможного приручения песка полное отсутствие в Быках подвесок и ожерелий из его зубов, широко представленных на несколько более ранних и синхронных памятниках, таких как Авдеево, Костенки 1, Гагарино, Зарайск, Хотылево 2, (бассейны Сейма, Дона, Оки, Десны). С другой стороны не менее интересно полное отсутствие останков волка в фауне стоянки.

Таблица 1 Размеры костей скелета конечностей песка стоянки Быки. Сравнительные данные по [Кузьмина, Саблин 1993; Саблин 1994]

Кость	Промер мм	Быки			Десна	Дон	Совр.
		n	lim	M	M	M	M
плечевая	макс. длина -	7	87,4-102,2	96,7	102,8	100,4	108,4
	ширина дист. эпифиза -	10	14,0-17,6	15,8	17,3	17,1	17,7
локтевая	макс. длина -	4	95,8-118,2	103,8	110,2	104,4	118,1
	шир.локтевого отростка	10	9,2-12,5	10,3	12,3	11,9	12,1
лучевая	макс. длина -	7	80,6-100,5	87,9	98,8	95,7	99,9
	ширина прокс. эпифиза	8	8,4-9,9	9,2	10,3	9,9	10,3
	ширина дист. эпифиза -	8	10,8-13,6	12,4	13,4	13,0	13,5
Бедренная	макс. длина -	1	107,3	-	107,1	105,5	109,4
	ширина дист. эпифиза -	5	15,8-18,0	16,9	17,9	17,6	18,0
Большая берцовая	ширина прокс. эпифиза -	3	17,0-22,0	18,6	19,9	19,4	20,2
	поперечник прокс. эпифиза -	1	18,3	-	21,3	21,0	21,2
	ширина дист. эпифиза -	1	11,3	-	13,2	13,1	13,8
Пяточная	длина -	4	23,2-27,7	25,8	26,5	26,6	27,4
Таранная	длина -	3	14,8-18,2	16,5	16,2	15,9	16,3
Mc II	длина -	5	28,4-33,1	32,5	36,4	35,6	37,7
	ширина прокс. сустава	5	3,8-4,0	3,6	3,8	nd	4,0
	длина прокс. сустава	5	4,8-5,6	5,2	5,6	nd	5,9
Mc III	длина -	6	33,2-39,7	37,5	41,2	41,0	42,9
	ширина прокс. сустава	6	3,9-4,4	4,2	4,7	nd	4,7
	длина прокс. сустава	6	4,8-5,7	5,2	5,8	nd	5,9
Mc IV	длина -	5	33,0-38,7	36,0	40,1	39,8	41,8
	ширина прокс. сустава	5	3,4-4,2	3,7	4,3	nd	4,7
	длина прокс. сустава	5	4,8-5,7	5,2	5,8	nd	5,8
Mc V	длина -	5	26,4-33,0	30,0	33,3	33,6	35,6
	ширина прокс. сустава	5	4,9-6,5	5,5	6,2	nd	6,4
	длина прокс. сустава	5	4,7-5,3	5,0	5,4	nd	5,6
Mt II	длина -	7	40,5-47,5	43,8	47,0	46,0	48,7
	ширина прокс. сустава	6	3,2-3,8	3,5	3,2	nd	3,4
	длина прокс. сустава	5	7,0-7,8	7,4	7,9	nd	8,1
Mt III	длина -	7	7,6-8,5	48,9	50,7	50,9	53,6
	ширина прокс. сустава	7	3,2-4,0	4,8	4,8	nd	4,9
	длина прокс. сустава	7	7,0-7,5	8,1	8,3	nd	8,4
Mt IV	длина -	5	42,8-49,0	49,7	53,3	51,9	54,8
	ширина прокс. сустава	5	3,7-4,2	3,6	3,7	nd	3,6
	длина прокс. сустава	5	7,0-7,5	7,2	7,7	nd	7,8
Mt V	длина -	5	42,8-49,0	45,8	48,5	47,7	49,9
	ширина прокс. сустава	5	3,7-4,2	3,8	4,3	nd	4,4
	длина прокс. сустава	5	4,9-6,7	6,0	6,7	nd	7,0

О характере же охоты на дикого песца мы уже писали ранее [Чубур, Медведева 1999]. Вероятно, применялись ловушки-давилки (например, типа «пасть»), поскольку охота с луком или дротиком

на пушного зверька приводила бы к порче шкурки. Не случайно у части песцов из Быков перебиты бедренные кости на задних лапах. Интересен факт находки в Быках нескольких метаподиев песца пораженных хроническим остеомиелитом – посттравматическим заболеванием, причиной которого могло быть, скорее всего, попадание лапки в подобный капкан. В ряде случаев отдельно от скелетов обнаружены дистальные отделы конечностей (последние когтевые фаланги, или все фаланги сразу, или даже фаланги вместе с метаподиями и костями заплюсны и запястья) – так, судя по всему, происходило их отчленение при снятии шкурки.

Потенциально есть еще один признак доместикиации, уже не морфологический, а археологический. Это погребение: либо человека с домашним животным (вспомним уже упоминавшиеся палеолитические погребения людей с лисой в Иордании), либо отдельно домашнего животного (как погребение собаки в полу палеолитического жилища на стоянке Ушки-1 на Камчатке). Рядом с телом собаки в скоплении красной охры были уложены обсидиановый нож, скребок, точильный камень [Диков 1979, 55, Рис.13, 15]. Древнейшее известное совместное погребение человека и собаки известно в мадленском культурном слое пещеры Оберкассель на левом берегу Рейна (Германия) и датируются периодом около 14.000 лет назад [Nobis 1986].

Классических погребений песца в Быках мы не наблюдаем, однако наличие частично разрушенного скелета животного с отделенной и положенной поблизости (на соседнем квадрате) головой, захороненного под очагом после временного перерыва в обитании жилища (или в начале этого перерыва), представляется именно преднамеренным культовым актом (Рис.3-5). Возможно, домашнее животное было принесено в жертву при повторном заселении заброшенного на время полуземляночного жилища. Заметим, что и под нижней углисто-золистой прослойкой очага, отмечающей первый этап существования жилища, также имеются кости песца. Похожие обряды принесения жертвы (фрагментов туш дичи, охры), связанные с культом очага, фиксирует на палеолитическом поселении Подзвонкая в Забайкалье В.И. Ташак [Ташак 2003]. Интересен и тот факт, что нигде в Быках не встречены черепа песца, сочлененные с позвоночником. При этом песцовые черепа явно занимали особое положение в вещном мире обитателей стоянки. Так один из них был закопан в яме у подножия наковальни из берцовой кости мамона, на которой велась обработка кремня (Череп с Рис.1).

Итак, учитывая комплекс фактов, следует признать имеющей право на существование гипотезу об опыте доместикиации среднерусского плейстоценового подвида песца *Alopex lagopus rossicus* Kuzmina et Sablin обитателями стоянки Быки 1, имеющей возраст 17000-18000 лет.

Таблица 2. Черепа и нижние челюсти песцов стоянки Быки.
Сравнительные данные по [Кузьмина, Саблин, 1993]

Кость	Промер Мм	Быки			Десна	Совр.
		n	lim	M	M	M
череп	основная длина	3	121,2-123,5	122,6	124,2	127,2
	длина мозгового отдела	3	49,0-52,0	50,7	50,0	47,7
	заглазничная ширина	5	22,0-26,9	24,4	23,7	23,6
	мастоидная ширина	5	40,5-42,5	41,2	42,4	43,2
	ширина затылочных мыщелков	4	20,8-24,0	22,5	23,9	24,4
	высота в обл. барабанных камер	5	41,0-48,0	44,1	46,2	47,4
	длина зубного ряда C1/-M3/	8	49,2-61,0	53,5	55,2	55,6
P 4/ правый	длина	8	11,5-14,8	12,8	13,9	14,0
	ширина	8	5,4-6,7	6,1	6,3	6,6
Нижняя челюсть	Длина зубного ряда C/1-M/3	9	55,4-61,5	58,4	61,4	61,8
M/1 правый	длина	9	12,4-14,9	13,2	14,5	14,2
	ширина	9	4,7-5,5	5,1	5,2	5,4

Источники и литература

- Барышников Г.Ф., Аверьянов А.О. Молочные зубы хищных млекопитающих (отряд Carnivora). Часть IV. Семейства Amphicyonidae и Canidae. // Материалы по мезозойской и кайнозойской истории наземных позвоночных. Труды ЗИН, т.249. – СПб. 1993. С.158-197.
- Беляев Д.К. Поведение и воспроизводительная функция животных. // Бюллетень Московского общества испытателей природы. 1964. Т.69, вып.3.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1979.

- Искусственное разведение лисиц // Вестник кролиководства, 1913 - №4 (под ред. С.Е. Голубицкого).
- Кузьмина И.Е., Саблин М.В. Песцы позднего плейстоцена верховьев Десны. // Материалы по мезозойской и кайнозойской истории наземных позвоночных. Труды ЗИН РАН, т.249. – СПб 1993. С.93-104.
- Млекопитающие фауны СССР. Т.2. Под ред. Соколова И.И. - М.-Л.: АН СССР 1963.
- Нанова О.Г., Павлинов И.Я. Структура морфологического разнообразия признаков черепа трех хищных млекопитающих (Carnivora) // Зоологический журнал, 2009, Т.88, № 7 С.1-9.
- Пидопличко И.Г. Палеолитические жилища из костей мамонта. – Киев: Наукова думка, 1969.
- Саблин М.В. Позднеплейстоценовый песец (*Alopex lagopus rossicus*) из Костенок Воронежской области. // Четвертичная фауна северной Евразии. Труды ЗИН РАН, т.256. – СПб. 1994. С.59-68.
- Ташак В.И. Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии, 2003, № 3(15), С.70-78.
- Чубур А.А. Быки. Новый верхнепалеолитический микрорегион и его место в палеолите центра русской равнины. Брянск, 2001.
- Чубур А.А., Медведева Е.М. Хищники палеолитической стоянки Быки. Археозоологические зарисовки. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы VIII конференции. – Калуга, 2001, С.10-13
- Ширяева Е.Л., Ранюк М.Н. Влияние промышленной селекции на краниометрическую изменчивость песца *Alopex lagopus* L. // Биосфера Земли: прошлое, настоящее и будущее. Материалы конф. молодых ученых, 21-25 апреля 2008 г. / ИЭРиЖ УрО РАН. – Екатеринбург: «Гощицкий», 2008. С.316-318.
- Capitan L., Breuil H. Figures préhistoriques de la grotte des Combarelles (Dordogne) // Comptes-rendus des séances de l'année. Académie des inscriptions et belles-lettres, 46e année, N. 1, 1902. pp. 51-56
- Germonpre M., Sablin M.V., Rhiannon E., Stevens R.E., Hedges R.M., Hofreiter M., Stiller M., Despre V.R. Fossil dogs and wolves from Palaeolithic sites in Belgium, the Ukraine and Russia: osteometry, ancient DNA and stable isotopes // Journal of Archaeological Science 2009 - 36(2), p.473-490.
- Haddingham E. Secrets of the Ice Age. – N.Y.: Marboro Books, 1979.
- Maher Lisa A., Stock J.T., Finney S., Heywood J.N., Miracle P.T., Banning Edward B. A Unique Human-Fox Burial from a Pre-Natufian Cemetery in the Levant (Jordan) // PLoS ONE 6(1): e15815. doi:10.1371/journal.pone.0015815
URL:www.plosone.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0015815 [по состоянию на 06.06.2011]
- Nobis G: Die Wildsäugetiere in der Umwelt des Menschen von Oberkassel bei Bonn und das Domestikationsproblem von Wölfen im Jungpaläolithikum. In: Bonner Jahrbücher 186. 1986, Seite 367–376
- Pang J.-F., Kluetsch C., Zou X.-J., Zhang A., Luo L.-Y., Angleby H., Ardalan A., Ekstrom C., Anna, Skolleremo A., Joakim Lundeberg J., Shuichi Matsumura S., Leitner T., Zhang Y.-P., Savolainen P. mtDNA Data Indicates a Single Origin for Dogs South of Yangtze River, less than 16,300 Years Ago, from Numerous Wolves // Molecular Biology and Evolution. 2009 September 1.

Рис.1. Композитный скелет песца из Быков 1 (череп - из ямы 8 в полу полуземлянке), смонтирован автором в экспозиции Брянского государственного объединенного краеведческого музея в 2000 г.

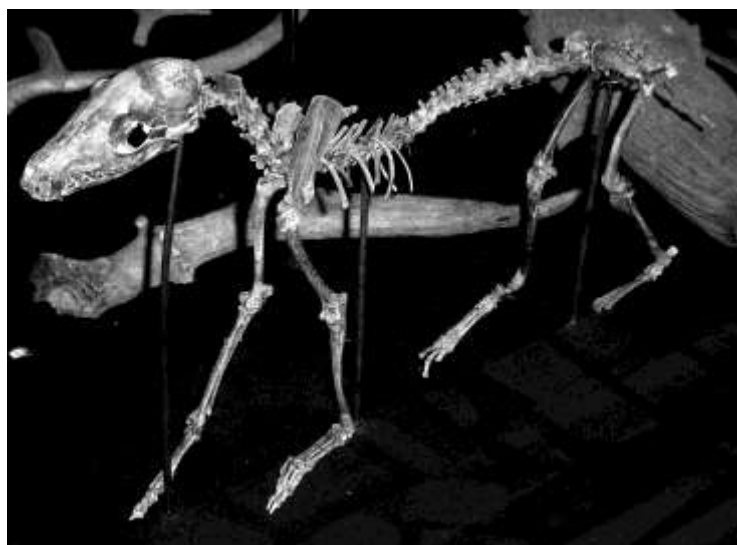

Рис.2. Черепа песцов из палеолитической полуземлянки в Быках 1 во время разборки культурного слоя

Рис.3. План очажной ямы полуземлянки на стоянке Быки 1 с предполагаемым ритуальным захоронением песца.

Рис.4. Фотография части скелета песца в очажной яме между прослойками центрального очага жилой полуземлянки Быки 1.

Рис.5. Автор расчищает очаг в Быках 1. Стрелкой указано положение скелета песца.

СЕЛЬСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ПРОИЗВОДСТВО КРОВЯНОЙ КОЛБАСЫ В ДОМАШНИХ УСЛОВИЯХ (на материале Кемеровской области)

*Альмяшова Людмила
Романова Елена
Сапожников Сергей
(Кемерово, Россия)*

Повседневность - отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности, как термин используется также социологами, этнографами и культурологами.

Хотя повседневность как специальная область исторических исследований была обозначена и стала популярной недавно, основные аспекты ее рассмотрения (история труда, быта, отдыха и досуга, обычаев, различных срезов культуры и т.д.) изучались давно и традиционно, чаще в отдельных фрагментах. В отечественной исторической науке становление тематики повседневности обычно связывают с именами исследователей середины XIX – начала XX веков А. Терещенко, Н. Костомарова, И. Забелина и других. Их работы носили ярко выраженный фактографически-описательный характер, они сосредоточили внимание на внешней, предметно-материальной стороне жизни и внешнем проявлении человеческих чувств, выражавшихся в определенных устоявшихся формах: обычаях, обрядах, ритуалах [Безгин 2008,3].

Повседневность связывается не просто с ежедневным существованием человека, но с определенными особенностями образа жизни людей. Разграничивая среду обитания человека на сельскую и городскую, происходит и соответственно разграничение повседневности на городскую и сельскую.

Понятийный ряд повседневности образует пища или еда. Пища или еда как составляющий элемент повседневной жизни сопровождает человека всю его историю и имеет свои эволюционные стадии.

Сама пища и отношение к еде различаются в городской и сельской среде. Нет необходимости объяснять причины отличия мясных или молочных продуктов на столе горожанина и сельского жителя. Один из немецкоязычных авторов написал в своем романе о том, как в немецких деревнях с поденщиками осенью было принято рассчитывать, ко всему прочему, и кровяной колбасой. Причем, автор отмечал, что колбасу делали все, деревня буквально наполнялась запахом кровяной колбасы. Но, что интересно, от двора ко двору запах был разным, хотя рецептура одна, сырье одно.

В одной только поисковой системе Яндекс можно встретить сотню страниц, посвященных теме кровяной колбасы: история возникновения, способы и виды приготовления и т.п., материал общей численностью в 30 тысяч упоминаний. На сайте «Домашняя кулинария» существует также целый раздел о кровяной колбасе. Этот обширный материал свидетельствует о распространенности и популярности этого изделия.

Нас заинтересовал вопрос домашнего производства колбас, собственно кровяной колбасы в российских деревнях, а именно, в Кемеровской области. Мы рассчитывали собрать, путем опроса сельских жителей, то есть использовать метод сбора и записи жизненных историй – интервью, информацию о домашнем изготовлении кровяной колбасы. Проанализировать данные и определить наличие или отсутствие каких-либо особенностей. Кроме того, предполагалось установить, насколько популярно было и остается сейчас это изделие у сельских жителей нашего региона. Кузбасс считается одним из высокоразвитых индустриальных регионов России, ведь только 5% жителей заняты в сельскохозяйственной отрасли. Опрос проводился студентами вуза из числа сельчан среди своих земляков. В состав Кемеровской области входят 19 районов, так что, информанты представляют все эти районы. Был собран 21 текст-рецепт, а не 19, как планировалось. Но, так как есть среди них повторяющиеся, решили ограничить количество собранного материала девятнадцатью текстами-рецептами.

В обобщенном виде рецепт кровяной колбасы следующий: в подготовленные кишки закладывается фарш из пережаренной с салом крови, смешанной со специями, солью и вареной крупой. Кишки перевязываются сегментно, а затем варятся до готовности, как вариант могут еще по желанию и обжариваться. Вместо обжаренной крови может использоваться и сырая. Сам процесс изготовления кровяной колбасы в домашних условиях можно представить тремя этапами.

Согласно всем этим рецептам, важное место отводилось оболочке колбасы, а именно, обработке кишок. Это был очень трудоемкий процесс: приходил на помощь кто-либо из родни, топили баню, чтобы была горячая вода, устанавливался особый стол, чтобы было удобно скоблить кишки, где-

нибудь не в жилом помещении, так как запах был неприятный. Например: [*Вымывать кишку, вымочить в солевом растворе, отскоблить на кишках жировые наросты*] (Промышленовский р-он, д. Ваганово, Журавлев Иван Степанович, 1955 г.р. запись 2011г.), [*Почистить и промыть в большом количестве горячей воды свиные кишки.*] (Топкинский р-он, д. Терехина, Чернова Вера Александровна, 1941г.р., запись 2010).

Следующим этапом является подготовка фарша для заполнения оболочки. Сырьем служит свежая, как вариант обжаренная, кровь забитого домашнего скота, чаще всего это свинья, реже говядья кровь. Среди ингредиентов указываются различные крупы, сало, ливер, мясо и специи. Что касается специй, то информанты повсеместно называют соль и перец, и лишь единичны случаи использования английского перца и майорана. Этот факт говорит об отдаленности поселений от районных городов, скудной торговой обеспеченности, неприхотливости людей.

Заключительный этап представляет собой доведение продукта до потребительской готовности. Для этого колбасу варят, обжаривают, запекают. Нарботано много приемов. Например: [*Во время варки проткнуть в нескольких местах, чтобы не лопнула. После варки обжарить*] ((Гурьевский р-он, п. Лесной, Филатов Александр Михайлович, 1958 г.р., запись 2010г.), [*Варить ½ часа. Если проколоть их вилкой, покажется жир, а не кровь – значит, колбаса готова. Тогда обмывать их в холодной воде, разложить на столе. Прижать их доской часа на 2, чтобы сделались полосками, вынести в холодное место.*] (Яшкинский р-он, д. Литвиново, Сладкоедова Анна Ивановна, 1936г.р., запись 2011г.), [*Наполнить получившейся смесью кишку, отварить и обжарить.*] (Тяжинский р-он, д. Прокопенко Валентина Сидоровна, 26.11.43г.р., запись 2010г.), [*Набивать кишки (у мясорубки есть насадка) не больше половины, перевязать с 2-х сторон, отварить 5 минут и на сковороде поджарить со всех сторон. Если сильно набухнут, проткнуть ножом.*] (Гаштагольский р-он, п. Каз, Федянин Иван Игнатъевич, 1940г.р., запись 2011г.), [*Наполнить кишку, завязать, выложить на лист. Запекать в русской печке до готовности.*] (Тисульский р-н., д. Большая Натальевка, Молохова Пелагея Ивановна, 14.04.21г.р., запись 2011г).

Проведя качественную и количественную характеристику материала, т.е. текстов-рецептов, было установлено, что 11 рецептов, составляющих 58%, представляют собой самую распространенную рецептуру. Сюда входит обязательно крупа: гречка, манка, перловка, причем крупы предварительно варятся до полуготовности или полной готовности, а лишь затем смешиваются с жидкой кровью. Например: [*Отварить рис или другую крупу, какая есть, до полуготовности...;*] (Крапивинский р-он, д. Сарапки, Резниченко Петр Алексеевич, 1952 г.р., запись 2011г).

Однако, 3 рецепта, что составляет 15,75%, предполагают добавление невареной крупы. Например: [*Свиную обжаренную кровь смешать с крупой типа манки, ячки. Добавить приправы, соль, перец. Наполнить кишку, завязать;*] (Тисульский р-н., д. Большая Натальевка, Молохова Пелагея Ивановна, 14.04.21г.р., запись 2011г).

Один рецепт (5,25%) включает в состав продукта обжаренную муку. Например: [*... муку с нарезанным салом обжарить, затем смешать с сырой кровью, добавить соль и перец;*] (Юргинский р-н, д. Новороманово, Карманов Александр Григорьевич, 14.04.63г.р., запись 2011г).

Все эти 15 рецептов кровяной колбасы объединяет включение в рецептуру изделий из крупы (муки, как разновидности) и свежей, жидкой крови. Причем, этот вид колбасы в ряде местностей называется заливной, как раз по способу использования сырой крови, которую «заливают» [*колбасу такую у нас называют заливной.*] (Юргинский р-н, д. Новороманово, Карманов Александр Григорьевич, 14.04.63г.р., запись 2011г).

Следующие три рецепта (15,75%) очень просты по составу, т.к. предполагают использование только жареной, поджаренной с кусочками сала крови, мяса и специй. Например: [*Свернувшуюся кровь жарят вместе с кусочками сала, а затем перекручивают на мясорубке, добавив вареное мясо, соль и специи.*] (Мариинский р-он, д.Суслово, Прокопенко Валентина Сидоровна, 26.11.1943г. р., запись 2010г).

Объединяет эти рецепты в одну группу еще и то, что среди ингредиентов может называться ливер, мясо свиных голов и т.п. Например:

[*...нижний кусок свиного сала, ливер и куски свиной головы варить ½ часа, потом прибавить свиную печенку и варить еще ½ часа. Потом печенку и ливер изрубить, сало и срезанное с головы мясо и уши нарезать не слишком мелкими кусочками, посолить 3-4 ст. л. соли, прибавить перца, по желанию прибавить майорана. Размешать все вместе, развести свиной кровью (около 3 стаканов) так, чтобы размягченная масса была не слишком густой;*] (Кемеровский р-он, д. Елыкаево, Куданкина Лариса Владимировна, 1949 г.р., запись 2011г).

Все эти составные части рецептуры предварительно варятся, измельчаются, а лишь затем добавляется кровь. Один рецепт (5,25%) предполагает добавление обжаренной крупы. Например: [*... кровь пожарить со срезанным с головы салом, а затем перекрутить на мясорубке. Сырую гречку*

обжарить на масле, затем отварить. Смешать кровь с гречкой, добавить соль и перец.] (Топкинский р-он, д. Терехина, Чернова Вера Александровна, 1941г.р., запись 2010).

Эти 4 рецепта объединяет между собой использование для приготовления колбасы ливера и т.п., а кровь может идти в качестве дополнительного ингредиента.

Итак, собрав собственную источниковую базу за счет свидетельств живущих на территории Кузбасса информантов, мы установили, что кровяная колбаса в домашних условиях изготавливалась повсеместно, рецептура имеет как схожие, так и отличительные черты от района к району. Но, в целом, сравнивая собранные рецепты с имеющимися в сети Интернета, можно сказать, что существенных различий не обнаруживается. Более того, есть сходства с рецептами районов юга России, Удмуртии, Украины, Забайкалья. Это может быть связано, на наш взгляд, с внутренней миграцией населения, которая исторически сопровождала освоение Сибири. Переселенцы приносили с собой свои бытовые привычки.

Таким образом, использование междисциплинарного подхода (элементы социологии, этнографии, культурологии) к проблемам сельской повседневности позволило осуществить комплексное изучение вопроса производства кровяной колбасы в домашних условиях жителями Кемеровской области.

Литература

1. Безгин, В.Б. История сельской повседневности: учеб. пособие. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та. – 2008. – 88 с.

ОБРАЗ ТРУДОВЫХ МАСС В ОФИЦИАЛЬНОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРИОДА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1919-1921 гг. (по материалам газеты «Правда»)

*Артём Барынкин
(Санкт-Петербург, Россия)*

Советско-польская война 1919-1921 годов была первым наиболее крупным внешнеполитическим конфликтом в истории молодой Советской республики. Программный максимум лидеров РКП(б), сформированный по мере развития военных успехов на Западном фронте, решал грандиозные политические задачи; сам В.И. Ленина полагал, что Польша представляла собой настолько «...могущественный элемент ... в Версальском мире, что, вырывая этот элемент, мы ломали весь Версальский мир»[1].

Вполне очевидно, что без соответственного пропагандистского оформления, реализация указанных задач была бы невозможна. В таких условиях советская пресса становится рупором официальной политической идеологии, посредством которого делалась «...попытка формирования необходимых правящему режиму стереотипов и образа мышления» [2].

Политическая пропаганда в условиях жёсткой конфронтации немыслима без формирования образа врага. Газета решала этот вопрос посредством изобличения польской политической элиты: в обиход вошёл подчёркнуто негативный термин - «паны» и синонимичные ему обороты - «польские буржуа» и «белополяки» [3]. При этом вводился обязательный контраст, который выражался в представлении польских трудовых масс, и особенно крестьянство, страдающей стороной, дружелюбно настроенной по отношению к Советской России.

Газета неустанно снабжала советских обывателей однотипными заметками, которые были посвящены социальной нестабильности в Польше. Из номера в номер издание твердило о росте безработицы, о многочисленных забастовках, о социальных брожениях в польской деревне[4] и др. При этом на себя обращает внимание источники подобного рода заметок - «...по слухам...», или же некто «...приехавшие из Польши...», «...хорошо осведомлённый источник...»[5]. Перенасыщение издания подобной информацией влекло за собой формирование представления о том, что война ведётся не против польского народа, а - против эксплуататоров польских трудящихся.

И вполне очевидно, что в верхах партии большевиков были люди, которым «сотрудничество» с польскими рабочими и крестьянами в «назревающей» польской революции казалось очевидным. В простонародном стихотворном жанре это было выражено следующим образом:

«В плен мы хлопов берём, ухмыляемся,
Сами глупости их удивляемся:
-«Братцы! Разве ж мы вам злые вороги?
Чем вам ваши паны любы – дороги?...
Нам сказали в ответ хлопы пленные:-
«Все паны нам враги неизменные!»

Как обратно домой мы воротимся,
так за шляхтой своей поохотимся...»[6].

Представленное являло собой заметно приукрашенную, идеальную картину, при которой польские солдаты должны были бы переходить на сторону Красной Армии, осознавая, что «паны» – «враги неизменные». Очевидно, написанное в газете, являлось отражением стараний польских коммунистов Мархлевского и Дзержинского, усилия которых, во время решающих событий на польско-советском фронте, были направлены на вербовку сторонников советизации Польши из среды военнопленных. Так, в июне 1920 года Юлиан Мархлевский писал лично Ленину о необходимости «содержания польских солдат отдельно от их офицеров и русских белогвардейцев, а также указывал на необходимость улучшения их положения в советском плену, при ведении соответствующей пропаганды»[7]. Подобные требования выставлял и Дзержинский; по его мнению, «забота» о пленниках в лагерях давала бы двоякую выгоду, так как пленные, «...вернувшись в Польшу, были бы «нашими», а также появилась бы возможность под видом сбежавшего из плена посылать наших агентов к ксёндзам и др. подозреваемым полякам...»[8]. Таким образом, за строками Демьяна Бедного скрывалась вполне прагматичные цели, направленные на создание просоветской опоры из среды пленных польских солдат.

Впрочем, иллюзии касательно солидарности польских трудовых масс при вступлении на территорию Второй Речи Посполитой весьма скоро рассеялись. Складывалась парадоксальная картина. Ведь весь рассматриваемый нами газетный материал за период от января 1919 по май 1921 года полон заметок, в которых с поражающей однотипностью повторялось, что во Второй Речи Посполитой нарастал экономический кризис, следствием чего были постоянные выступления рабочих и крестьян, грозившие вылиться ещё в 1919 году в революцию, в которой «...польский пролетариат видел помощь...» со стороны Советской России[9].

Посредством газеты «Правда» большевистская пропаганда планомерно формировала представление о развитом польском государственном национализме, отрицающим права любых непольских народностей. Соответственно, «помощь», в частности, украинскому трудовому населению также являлась составной частью пропагандистской программы. Так, например, «украинская тема» ярко проявилась на страницах «Правды» перед польским наступлением весной 1920. Тогда свет увидели статьи «Крестьянское восстание в Волыни» и «Под игом польской шляхты»[10]. В обеих статьях авторами заметно подчёркивался отказ украинских крестьян признавать польскую власть. Украинская проблематика не сходила со строк издания даже в то время, когда обе стороны пошли на перемирие. Были опубликованы следующие статьи: «Польше угрожают украинские волнения», «Репрессии против украинцев», что, вероятно, могло быть своего рода попыткой противостоять польской пропаганде, выражавшей планы по присоединению ряда украинках территорий к Польше[11]. Более того, образ угнетённого трудового населения Украины, пережив несколько десятилетий, удачно лег в основу советской пропаганды в 1939 году. Ведь именно необходимость защиты «единокровных украинцев и белорусов» стала обоснованием советской акции 17 сентября 1939 года не только в глазах собственных граждан, но и для всего мира. Газета в ноябре того же года отмечала, что «Яркой страницей истекшего года в жизни советского народа является освобождение Красной Армией наших братьев — украинцев и белорусов — от тяжкого «ясновельможного» панского ига»[12].

Подводя итог вышесказанному, мы можем заключить, что помещаемая на страницах «Правды» информация, касавшаяся Польши, Украины и Беларуси периода 1919-1921 гг., меньше всего способна расширить наши сведения о положении трудящихся указанных областей. Тем не менее, содержание газетных статей и заметок позволяет сделать ряд выводов. Наблюдения, в частности, позволяют говорить о целенаправленном формировании в советском обществе исключительно позитивных образов крестьянства и рабочих. Редакция, используя самые разные способы подачи материала (от больших аналитических статей до простонародной лирики), убеждала советского обывателя в том, что миссия, возложенная на плечи каждого красноармейца, – историческая; а Советская Россия, по словам Карла Радека, являлась «...столпом мировой революции»[13]. И, несмотря на то, что трудовое население Польши не откликнулось на призывы большевиков к мировой революции, необходимость помощи «единокровным» трудящимся «на западе», станет ключевым пунктом в советской пропаганде конца 30-х годов.

Источники и литература

1. Из стенограммы выступления В.И. Ленина с политическим отчетом ЦК РКП(б) на IX конференции РКП(б) // <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/72236>
2. Великий А. Сентябрьская кампания 1939 в освещении советской прессы. Polska i Białoruś w XX wieku. Z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej.- Wrocław. 2009. С. 129
3. Правда, 1920, 4июня; Там же 1920, 1 июля; Там же 1920, 13 июня; Там же 1920, 4 июня
4. Там же 1919 года; Там же 1919, 15 марта; Там же 1919, 29 ноября
5. Там же 1921, 5 марта; Там же 1920, 20 декабря; Там же 1919, 25 сентября

6. Там же 1920, 11 июля
7. Польско-советская война 1919- 1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). Часть 1. М., 1994.. С. 123
8. Там же. С. 152
9. Правда. 1919, 18 января
10. Там же. 1920, 21 марта; Там же. 1920, 17 марта
11. Там же. 1920, 7 декабря; Там же. 1921, 29 января
12. Там же. 1939, 18 сентября; Там же. 1939, 7 ноября
13. Там же. 1920, 12 мая

АГРАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

*Владимир Барынкин
(с. Кокино, Россия)*

Социально-экономическая и политическая история крестьянства всегда привлекала внимание историков, ученых-экономистов, политиков. Период с конца XIX до середины 1920 – х годов представлен исследованиями экономистов, общественных и политических деятелей.

В это время наблюдается преобладание теоретических трудов концептуального характера таких авторов как А. Кауфман, Н. Карышев, Ю. Янсон, С. Бехтеев, С. Демченский [1]. С. Бехтеев и С. Демченский отражали интересы консервативного крыла помещиков. Идеалом оптимальной модели сельскохозяйственного производства С. Демченского было исполное хозяйство [2]. С. Бехтеев считал исчезновение помещичьих хозяйств шагом назад в аграрном развитии [3]. Отстаивал помещичье землевладение в своих трудах и Н.Зворыкин [4]. Ю. Янсон обосновывал сохранение общинных порядков на деревне, но признавал необходимость ее реформирования.

А.Кауфман в работе "Аграрный вопрос в России" определяет аграрный кризис в России как совокупность условий, сложившихся в деревне после 1861 года. Сущность аграрного вопроса он видел в крестьянском мало-земелье, основной причиной которого считал низкий культурный уровень крестьянского хозяйства [5]. Автор исследования доказывал, что наделение крестьян землей за счет помещичьих владений это еще не выход из кризиса. Необходимо было решить целый комплект проблем, таких как аграрное перенаселение, податная система.

Русская аграрно-теоретическая мысль была представлена также работами Н.Огановского, А.Чупрова, П. Маслова, В. Косинского [6]. Их объединяет стремление теоретического обоснования некапиталистической эволюции сельского хозяйства в России.

В предвоенный период вышли исследования, раскрывающие отдельные вопросы по истории сельского хозяйства и крестьянства, например работа В.В. Святославского "Мобилизация земельной собственности в России". На основе анализа обширных материалов земельных переписей он приходит к выводу, что дворянство на русском земельном рынке в начале XX века играло еще значительную роль, являясь первым покупщиком земли [7]. В.Г. Бажаев и П.П. Маслов разработали вопрос о крестьянской аренде, где выступили против отработочной, издольной и продовольственной аренд, разоряющих крестьянство [8].

Появляются работы, посвященные аграрной политике правительства в 1907-1914 годы. Н.Огановский в работе "Индивидуализация землевладения в России и ее последствия" резко критиковал столыпинское землеустройство [9]. Противоположную точку зрения отстаивал ответственный чиновник А.А. Кофод в работе "Крестьянские хутора на надельной земле". По указанной тематике следует указать труды И.В.Чернышева, П.И.Лященко [10].

Большое значение аграрному вопросу в России придавал В.И.Ленин. Им были написаны работы, освещающие разные аспекты аграрной истории, в частности это анализ численности, состава и размещения населения российской деревни, вопросы аграрного перенаселения, землевладение и землепользование, техническая оснащенность хозяйств, характеристика сельского хозяйства в период империализма. В.И.Ленин является основоположником теории двух путей буржуазно-аграрной эволюции в России. Большое место в ленинском наследии занимает вопрос о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве и способы решения аграрного вопроса. Ленинская концепция двух путей аграрно-капиталистической эволюции пыталась согласовать аграрно-индустриальную модель Запада с российской аграрной действительностью [11]. В России... объективно возможен иной путь капиталистического аграрного развития не "прусский", а "американский", не помещичьи-буржуазный (или юнкерский), а крестьянско-буржуазный"[12].

В период февральской революции возникла необходимость проведения аграрной реформы. Большое участие в ее теоретической подготовке приняли видные специалисты-аграрники, входящие в межпартийное объединение Лига аграрных реформ. В ходе работы Лиги ученые пытались разработать

наиболее важные вопросы, касающиеся аграрного развития России. Среди них: обеспечение крестьян землей, реальные размеры свободного земельного фонда. Планировалось с помощью местных комитетов Лиги разработать варианты проведения реформы в различных регионах страны. В итоге, сложился объемный перечень изданий научно – практических трудов Лиги, вызывающий сегодня исследовательский интерес для современных ученых [13].

Представители теории "семейно - трудового крестьянского хозяйства" А.В.Чаянов, Н.П. Макаров отстаивали модель преобразования крестьянского хозяйства на основе рациональной организации производства, кооперации и интенсификации за счет передовых методов хозяйствования [14]. А.В. Чаянов был против огульного разделения земли, выступал за изъятие земли из торгового оборота. Роль государства он видел в организации переселенческого фонда, проведении мелиорационных и землеустроительных работ. Б. Д. Бруцкус выступал против национализации, социализации земель и считал, что земля должна быть выкуплена у крупного собственника. Н.П. Огановский выдвигал двухступенчатую аграрную реформу. За первый период предлагалось решить земельный вопрос, удовлетворив интересы малоземельных крестьян. Второй период, рассчитанный на 20 лет, решает вопросы переселения, расселения крестьян и приспособление их хозяйств к интенсивным формам [15]. Н.П.Макаров выступал за сочетание трудовых и потребительских норм при наделении земель.

Октябрьские события 1917 года сузили возможности появления работ немарксистского направления. Социально-экономический анализ российской деревни оттеснился историко-революционной тематикой [16]. Довольно подробное исследование столыпинского землеустройства было проведено П.Н.Першиным, С.М.Дубровским [17]. Богатый фактический материал, содержащийся в этих работах, не потерял своей значимости и сегодня при изучении аграрной истории отдельных регионов и страны в целом. Появляются работы по исследованию сельского хозяйства в военные и революционные годы [18].

Необходимость поиска путей выхода из кризиса, охватившего деревню в начале 20-х годов, создала потребность в научно-обоснованных разработках представителей организационно-производственного направления. К середине 20-х годов выходят фундаментальные труды А.В.Чаянова, А.Н.Челинцева, Н.П.Макарова [19]. Трудовое крестьянское хозяйство в исследовании Чаянова - это крестьянская семья, не прибегавшая к найму рабочей силы, располагавшая земельной собственностью и средствами производства. Такое хозяйство сосредоточивает в лице своего хозяина работника и предпринимателя. А.В.Чаянов понимал крестьянское хозяйство как отдельную единицу большой народнохозяйственной системы, которая не может развиваться на обычных рыночных законах: "...мотивацию хозяйственной деятельности крестьянина мы принимаем не как мотивацию предпринимателя, а скорее как мотивацию рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы." [20].

Другое исследование А.В. Чаянова "Организация крестьянского хозяйства" имела большое практическое значение, в ней был показан анатомический анализ крестьянского хозяйства, строение семьи, принципы организации хозяйства, мотивация хозяйственной деятельности. В 1927 году выходит 2-е издание книги "Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации".

Во второй половине 20-х годов на аграрные исследования непосредственное воздействие оказывала резко изменившаяся политическая обстановка. Руководство страны склонялось к более надежной, нерыночной системе получения продукции села - это ее прямое и многоканальное изъятие, что не могли принять экономисты, историки немарксистского направления. Научная полемика втискивалась в рамки ленинской концепции двух путей буржуазно-аграрной эволюции, которая утвердилась в работах Л.Н.Крицмана, И.Д.Верменичева, С.М.Дубровского, Г.С.Гордеева, М.Й.Кубанина, Н.Н.Ванага и развивалась вплоть до 80-х годов [21].

Источники и литература

1. Кауфман А. Аграрный вопрос в России. Курс лекций. - М., 1917; Крестьяне и земля. - М., 1917; Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. - М., 1917; О крестьянском землевладении. - Пг, 1917; Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. - СПб, 1891; Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги истекшего сорокопятилетия и меры к хозяйственному подъему. - СПб, 1902, т.1.
2. Демченский С. Нужды сельского хозяйства и будущее России. - СПб, 1903, с.27.
3. Бехтеев С. Указ. соч., с.163.
4. Зворыкин Н.Н. Желательный тип крупного землевладения. - М., 1899.
5. Кауфман А. Аграрный вопрос в России. - М., 1917, с.61-62.
6. Огановский А. Закономерность аграрной эволюции. - Саратов, 1909; Чупров А.И. Крестьянский вопрос. - М., 1909; Маслов П. Аграрный вопрос в России. - М., 1908; Косинский В. К аграрному вопросу. - Киев, 1917, вып. II; Огановский Н.П. Обновление земледельческой России и аграрная политика. - М., 1914, вып. I.

7. Святославский В.В. Мобилизация земельной собственности в России. – СПб, 1911.
8. Бажаев В.Г. Крестьянская аренда в России. - М., 1910, с. 97; Маслов П. Аграрный вопрос в России. – М., 1908.
9. Огановский Н.П. Обновление сельскохозяйственной России и аграрная политика.- М., 1914, вып.1.
10. Чернышев В.И. Община после 9 ноября 1906 года. - Пг,1917; Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции в России. Том I. Разложение натурального строя и условия образования сельскохозяйственного рынка. - СПб, 1908.
11. Ленин В.И. Развитие капитализма в России / Полн. собр.соч., т. 3; Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов, там же, т.16; Аграрный вопрос к концу XIX века, там же, т.17; Столыпин и революция, там же т.20.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.17., С,30.
13. Основные вопросы аграрной реформы на II всероссийском съезде Лиги. - М., 1917; Герценштейн М.Я. Конфискация или выкуп. - М., 1917; Кондратьев Н.Д. Аграрный вопрос, о земле и земельных порядках. – М., 1917; Огановский Н.П. Переселение и расселение. - Пг, 1917; Чайанов А.В., Что такое аграрный вопрос. - М., 1917; Клепиков С.А. Атлас диаграмм и картограмм по аграрному вопросу. - М., 1917; Мозжухин К. Аграрный вопрос в цифрах и фактах действительности. - М., 1917.
14. Чайанов А.В., Макаров Н.П. Природа крестьянских хозяйств. - Пг, 1917; Макаров Н. Крестьянское хозяйство и его интересы. - М., 1917.
15. Огановский Н.П. Переселение и расселение. - Пг, 1917.
16. Шестаков А.В. Крестьянская революция 1905-1907 г. В России. - М.-Л., 1926; Борьба сельских рабочих в революции 1905 -1907 годов. К 25-летию революции 1905 г.- М.-Л, 1930.
17. Першин П.Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за 10 – ление 1905-1916 годы и судьба во время революции (1917-1920). – М., 1922.
18. Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. – М., 1925.
19. Чайанов А.В. Организация сельского хозяйства. - М., 1925;Челинцев А. Н. Русское сельское хозяйство перед революцией.- М.,1928; Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция.- М.,1920,т.1.
20. Чайанов А.В. Организация крестьянского хозяйства - М.,1925, с. 10-11.
21. Верменичев И.Д. Крестьянское движение между Февральской и Октябрьской революцией. - М., 1928; Дубровский С.И. Крестьянство в 1917 году. М. - Л., 1927; Вананг Н.Н. Ленинская концепция путей развития капитализации в России. М. - Л., 1931.

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ В СЕМЕЙНОЙ ОБЫДЕННОСТИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН КОНЦА XIX ВЕКА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ
и администрации Тамбовской области, проект 11-11-68003а/Ц*

*Владимир Безгин
(Тамбов, Россия)*

Сельский мир, будучи по своей сути миром мужским, сформировал по отношению к женщине стереотипы, которые сам же и культивировал в повседневной жизни. Что же касается проводимых исследований взглядов самого крестьянства на семью, семейную жизнь, гендерные роли мужчины и женщины, то они глубоко патриархальны.

Муж, по исконному взгляду народа, неизменно должен главенствовать в семейном быту. Только при соблюдении этого условия будет в семье все идти по-доброму, по-хорошему. Мужик воспринимал бабу как существо, низшее по положению, и поэтому она должна находиться у него в подчинении. В деревне считали, что женщину надлежало держать в строгости, пресекая присущие ей пороки, а при необходимости применять и силу для ее вразумления. Невысоко оценивали и умственные способности женщины. «У бабы волос долог, да ум короток», – говорили в селе [Русские крестьяне 2004, 290]. Женщине считалось предосудительным высказывать свое мнение при обсуждении мирских дел («не бабское это дело»). Порицалась женская склонность к многословию («язык, что помело»), пересудам и склокам. Вмешательство женщин в «мужские» дела вызывало раздражение. Нередко мужики тяготились присутствием женщин, а их уход воспринимался с облегчением. Может, в этих случаях они и произносили ту самую фразу: «Баба с воза – кобыле легче». Все сказанное не означает,

что в повседневном общении, вне посторонних глаз, мужчина не был ласков, внимателен и заботлив по отношению к супруге. Но выказывать нежные чувства к жене на людях, в русском селе считалось зазорным.

Женщина в деревне, напротив, относилась к мужчине с почетом и уважением, как людям более их знающим и понимающим. Часто, во время расспросов, баба отвечала: «Ты спроси это у мужиков, они все это расскажут толком» [Русские крестьяне 2005, 53].

Во главе крестьянской семьи стоял старший по возрасту и положению мужчина (большак). Большак обладал в семье неограниченной властью. Глава семьи судил поступки домашних и налагал на них наказания, представлял интересы двора на сельском сходе, уплачивал повинности [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 13–14]. Он управлял всем хозяйством, отвечал за благосостояние двора перед сельским обществом. В случаях пьянства, мотовства, нерадения хозяйства решением сельского схода он мог быть лишен главенства в семье. Община вмешивалась только тогда, когда действия большака вели к разорению двора [Весин 1891, 47].

В семейной иерархии патернализм как принцип, присущий крестьянскому сообществу проявлялся наиболее зримо. Большаком, как правило, становились по праву старшинства. Все решения большак принимал самостоятельно, но мог узнать мнение отдельных членов семьи, преимущественно старших. По представлению крестьян большак имел право выбрать за леность, за хозяйственное упущение или безнравственные проступки. Хозяин обходился с домашними строго, повелительно, используя при этом начальственный тон. При необходимости он прибегал к наказанию провинившихся домочадцев. Если конфликт выходил за пределы семьи и становился предметом обсуждения схода, то последний, как правило, занимал позицию отца-домохозяина, а сын мог быть наказан за необоснованную жалобу.

Большак выступал организатором и руководителем всего производственного процесса крестьянского двора [Мейендорф 1909, 6–7]. С вечера он распределял работу на следующий день, и его распоряжения подлежали неукоснительному исполнению [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1087. Л. 1]. Прерогативой большака являлись определение сроков и порядка проведения полевых работ, продажа урожая и покупка необходимого в хозяйстве. В его руках находились все деньги, зарабатываемые семьей, и в расходовании их никто не имел право требовать у него отчета [Всеволожская 1895, 2]. Только он мог выступать в качестве заимодавца или заемщика. Именно домохозяин был ответственен перед обществом за отбытие двором мирских повинностей. По сельским традициям отец был волен отдать своих детей в работу по найму, не спрашивая на то их согласия.

Глава семьи вел все дела хозяйства, свободно распоряжался его имуществом, заключал обязательные соглашения, но наряду со всем этим владельцем двора не являлся. Существовавший обычай воспрещал домохозяину предпринимать важнейшие распорядительные действия, например отчуждение, без согласия всех взрослых членов семьи [Хауке 1914, 196]. Он не мог завещать имущество двора. После его смерти двор оставался в распоряжении семьи, а большаком становился его сын, брат, реже вдова. Если двор по смерти хозяина и делился, то это происходило не по гражданскому закону, а в рамках того же обычного права. Порядок наследования выражался в распределении общего имущества между членами семьи, а не в переходе права собственности от домохозяина [Левин 1997, 120]. Члены семьи и при жизни домохозяина имели право на общее имущество. Такое право реализовывалось при выделе сына.

Всем домашним хозяйством безраздельно ведала старшая женщина в семье – «большуха». Она распределяла между невестками хозяйственные работы, устанавливала очередность приготовления пищи, ведала сохранностью и выдачей продуктов и главное, зорко следила за неукоснительным исполнением каждой своих обязанностей. Помимо работ по дому, заботой хозяйки был огород, уход за скотом, выделка пряжи, изготовление одежды для домочадцев. Если в семье было несколько невесток, она смотрела за тем, чтобы шерсть, лен, конопля были распределены между ними соразмерно их трудовому вкладу. Все коллективные работы, требующие женских рук, осуществлялись при ее непосредственном контроле и участии. От нее во многом зависела четкая работа механизма крестьянской экономики. По мнению калужской крестьянки в их семье нет ссор благодаря свекрови, которая всегда равняет их работу, а когда между ними начинается спор, кому сделать какую-нибудь работу, свекровь идет и делает сама [Русские крестьяне 2005, 53]

Личные качества хозяйки играли в семейной атмосфере определяющую роль. Не случайно в народе говорили: «При хорошей большухе ангелы в семье живут, а при плохой семью нечистый обуюет» [Милогорова 1991, 95]. Семейная повседневность часто становилась ареной противоборства хозяйки и снох. Все то, что исследователь М. Левин метко назвал «борьбой за хват и квашню» [Левин 1997, 121]. В своем стремлении сохранить контроль над семейным очагом свекровь не останавливалась ни перед чем, включая и физическое насилие. Безграничная власть свекрови над снохами являлась отражением диктата большака по отношению к своим домочадцам.

Наибольшим авторитетом в семье после большака и большухи пользовался старший сын. Он первый выделялся среди других сыновей. К нему всегда обращались только по имени-отчеству. Он был первым помощником отцу в хозяйственных делах. Отец посылал его на ярмарку продавать хлеб и покупать необходимые для семьи товары. Жена старшего сына была первой помощницей свекрови и считалась главной среди снох-невесток. В самом низу семейной иерархии находилась «молодуха». Ее часто обижали старшие невестки. На любую работу она должна была просить благословление у родителей мужа. Невестка не могла без разрешения выходить на улицу и ходить в гости [Домников 2002, 166].

Таким образом, существо внутрисемейной иерархии определялось безропотным подчинением младших членов семьи старшим, жен – мужьям, детей – родителям. Власть большака, опирающаяся на «домостроевские» правила, выступала в семейной повседневности источником многочисленных злоупотреблений. Кризис патриархальной семьи выражался в стремлении «младших» ее членов вырваться из-под власти большака и завести собственное хозяйство.

Патриархальная семья, прежде всего, экономическая ячейка общества, содружество соработников. Тот, кто работал для общего семейного блага, был в почете и уважении, а того, кто по тем или иным причинам не работал, рассматривали на периферии семьи. Вот как основоположник российской земской статистики Ф.А. Щербина в вышедшем в свет в 1897 г. «Сводном сборнике по 12 уездам Воронежской губернии» отметил, что в крестьянском хозяйстве определяющим была не степень родства, а степень участия в труде и потреблении. Кто сполна со всеми работал и «хлебал щи из одной миски» со всеми, – того не забывали. А вот тех, кто еще (дети) или уже (старики) не был в состоянии работать, – «нечаянно» могли и пропустить в перечне членов семьи. Земские статистики иногда раздражались: как же это глава многодетного семейства способен вообще не упомянуть о малом ребенке, зато точно знает, сколько у него всех телят и поросят.

В крестьянской семье существовало половозрастное разделение труда. Вся хозяйственная деятельность двора традиционно подразделялась на «мужскую» и «женскую» работы. Такая градация производственных операций позволяла наиболее эффективно использовать особенности и возможности организма мужика, бабы, подростка. «Все полевые работы на мужчине, он также готовит весь необходимый сельхозинвентарь и осуществляет уход за лошадей, – сообщала в конце XIX в. А. Михеева, жительница Орловского уезда той же губернии. – Женщины на сенокосе и в уборке помогают мужчинам в поле. Работа в огороде и уход за скотом лежит на женщине. Муж обязан доставить семье прокормление, одежду и обувь. Муж заботится, чтобы все было куплено, а жена – чтобы все приготовлено» [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 13–14]. В тех селах, где мужики находились в отхожем промысле, все земледельческие работы ложились на плечи баб и подростков.

Основные трудовые усилия сельской семьи были направлены на получение урожая, поэтому земледельческие операции носили приоритетный характер. Мужики выполняли все полевые работы, требующие физической силы, будь то пахота, боронование, сев и заделка семян, косьба и уборка сена, жатва хлебов, молотьба, вывоз навоза и т.п. Странная пора требовала максимальной мобилизации сил крестьянской семьи. В покосе и жатве принимали участие все члены семьи, за исключением стариков и младенцев. Обычный распорядок дня в странную пору привел в своей корреспонденции П. Фомин, житель Брянского уезда Орловской губернии. Он, в частности, писал: «В 4 часа крестьянин встает и идет косить, работает до 9 часов, завтракает и снова работает до обеда. Пообедав в 12 часов, отдохнув час, крестьянин спешит ворошить и убирать сено. В то время как мужики косят луг, бабы жнут рожь» [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1088. Л. 9]. Подростки и дети оказывали родителям необходимую помощь в их работе. Во время пахоты они боронили, носили завтраки взрослым, во время сенокоса – сгребали сено, приводили в поле лошадей, во время жатвы – резали снопы, укладывали их, одним словом, выполняли всякую необходимую работу, которая была им под силу [Русские крестьяне 2004, 455]. По наблюдению информатора из Нижегородской губернии «все отдельные сельскохозяйственные работы – частью уже по традиции, по обычаю, а частью по своему характеру распределяются в каждой крестьянской семье между ее членами, смотря по тому, кто к чему более пригоден» [Русские крестьяне 2006, 143].

Помимо своего главного занятия – хлебопашества – деревенский мужик занимался рубкой и возкой дров, строительством или починкой избы, хозяйственных построек, изгороди, изготовлением колес, саней, ремонтом конской упряжи и сельскохозяйственных орудий [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 439. Л. 1; Д. 446. Л. 1]. Каждый мужик в селе обладал навыками плотницкого, слесарного, гончарного, скорняжного ремесел. И только для изготовления сложных деталей и приспособлений, осуществления работ, требующих профессионального мастерства, он обращался к сельским умельцам: кузнецу, печнику и т.п.

Нелегким был труд крестьянки. Помимо упомянутых полевых работ, на ее плечах лежали обязанности по уходу и содержанию скота, приготовление пищи, уборка избы и стирка одежды. В тех местах, где имелись конопляники или посеы льна, в ее обязанности входили уборка, вымочка, сушка и другие операции, необходимые для производства пеньки и сукна [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1088. Л.

12]. Каждая баба в селе должна была не только держать огород, но и по окончании уборки овощей произвести рубку капусты, выборку картофеля. Сельские женщины производили все необходимые для семьи заготовки на зиму: солили огурцы, квасили капусту, сушили грибы и пр. В период с поздней осени до ранней весны деревенские бабы были заняты прядением льна, шерсти, конопли. В селах Павловского уезда Воронежской губернии в зимнюю пору женщины вязали шерстяные чулки, ткали кушаки, которые потом сбывали на ярмарках Войска Донского по цене от 80 копеек до 2 рублей [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 451. Л. 3]. Вплоть до начала XX в. крестьянская одежда в большинстве своем изготавливалась из домотканого сукна. Хозяйка следила за тем, чтобы все домочадцы имели необходимую одежду, а в случае необходимости занималась ее починкой. В круг обязанностей женщины входило также приготовление пищи для всей семьи.

Равномерное и правильное распределение обязанностей между членами крестьянской семьи составляли основу ее сплоченности. В тех семьях, где каждый делал свое дело, и все одинаково заботились об интересах всего семейства – дело спорилось. Это влияло и на общее настроение в семье, в них, по выражению крестьян, царит «тишь, да гладь, да Божья благодать». Напротив, в тех семьях, где не было порядка, а ее члены манкировали свои обязанности, стремились переложить свои работы на других, хозяйство приходило в расстройство.

Детей с малых лет приучали к нелегкому крестьянскому труду. Лет с шести дети уже помогали отцу или матери загонять коров или лошадей, сопутствовали им в лес для сбора грибов и ягод и вообще оказывали постоянную помощь в домашнем хозяйстве [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 428. Л. 15]. Нередки были случаи, когда 5 – 6 летних детей посылали за несколько верст отнести хлеба или воды работающей семье [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2029. Л. 15]. В селах Бобровского уезда Воронежской губернии мальчиков по достижении 6-летнего возраста отдавали в найм или отправляли пасти скот [АРГО. Разр. 19. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 1об]. Традиционно сельские подростки пасли овец, стерегли выводок гусей, гоняли коров на росу, для чего поднимались очень рано. Когда сажали огород, то детям наказывали охранять его от домашней птицы и скота. Любимым занятием деревенских мальчишек было отгонять и сторожить лошадей в ночном [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 15]. Вовлечение детей в трудовой ритм семьи позволяло подрастающему поколению овладеть необходимыми хозяйственными навыками, формировало в нем трудолюбие – основу жизненного успеха.

Рано отцы начинали приучать сыновей к главному жизненному предназначению крестьянина – хлебопашеству. С десяти лет мальчики уже бороили, как говорили в деревне «скородили», под наблюдение взрослых, а с двенадцати пробовали пахать самостоятельно [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 15]. С 14 – 15 лет сыновья выполняли наряду с отцом все полевые работы [Кузнецов 1998, 233]. Попутно, в процессе выполнения хозяйственных работ, парубки учились владеть топором, чинить инвентарь и упряжь, изготавливать предметы обихода и пр.

Социализация девочек определялась традиционными представлениями о месте и роли женщины в семье. Мать стремилась, прежде всего, передать дочери умение и навыки по ведению домашнего хозяйства. С детства крестьянская девочка была включена в напряженный трудовой ритм, а по мере взросления менялись и ее производственные функции. Девочек лет с пяти – шести отправляли в няньки или поручали полоть огород. Крестьянские бабы часто использовали дочерей в качестве помощниц в своих работах. Весной девочки занимались белением холстов, а с осени до весны они пряли [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 15]. Родители всегда давали детям только ту работу, которая им была по силам. Трудовое обучение в селе осуществлялось, выражаясь современным языком, с учетом возрастных особенностей. Так крестьянскую девочку в лет одиннадцать сажали за прялку, на тринадцатом году обучали шитью и вышивке, в четырнадцать – вымачивать холсты. Одновременно учили доить коров, печь хлеб, грести сено [Кузнецов 1998, 234]. Одним словом, обучали всему тому, что было необходимо уметь в крестьянском быту. Трудолюбие высоко ценилось общественным мнением деревни. Оценка односельчанами девушки как работницы непременно учитывалась при выборе невесты.

Если семья была многодетной, то старшие дети были обязаны присматривать за своими младшими братьями и сестрами. Заменяя няnek, они должны были забавлять малюток, качать их в люльке, кормить кашей, поить молоком и давать соску [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 15]. Малых детей, годовалых уже оставляли под присмотром старшей сестры, даже если ей и было лет пять. Бывало, что такая «алёнушка» заиграется с подружками, а дитя оставалось без присмотра. Поэтому не редки были в деревнях случаи смерти малолетних детей, когда ребенка свинья съела, солома задавила, собака изуродовала [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 685. Л. 2]. В большей мере присмотр за малыми детьми отсутствовал в бедняцких семьях. В отчете в Синод за 1913 г. из Орловской епархии сообщали: «Дети бедняков, брошенные часто без присмотра, гибнут в раннем детстве по этой причине. Особенно это замечается в семьях малоземельных крестьян. Здесь отец и мать, занятые целый день добыванием куска хлеба, весь день проводят вне дома, а дети предоставлены сами себе. Теперь не редкость, что в доме нет ни одного старого человека, под надзором коего можно было оставить детей. Как правило, мале-

нькие дети остаются вместе с такими же малыми сестрами и братьями, поэтому без надлежащего присмотра они целый день голодные, холодные и в грязи» [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2596. Л. 13].

В русской деревне сложились традиционные представления о родительских обязанностях. Они включали в себя требования к родителям содержать, одевать и кормить своих детей, учить их страху Божьему и грамоте, приучать к работе по дому и в поле, женить или выдать замуж [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1128. Л. 4, 5]. Если отец не кормил и не одевал сына, то он должен был платить ему как наемному рабочему.

В крестьянской семье родители в отношениях с детьми избегали открытого проявления своей любви. Чаще всего они вели себя нарочито грубо, считая, что доброта и ласка по отношению к детям может им навредить и они «забалуют». Родители в обращении с детьми особенно не достигшими совершеннолетия, почти всегда использовали приказной тон, только малолетние могли рассчитывать на более мягкое обращение. Матери более оказывали ласки детям, чем отцы [АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1128. Л. 2]. Детей крестьяне наказывали мало и редко. Секли детей в редких случаях, чаще ограничивались угрозами. Если приходилось сечь, то это делал отец.

Содержание семейной повседневности определялось существовавшей иерархией и половозрастным разделением труда. Гендерные роли в хозяйственной жизни были характером крестьянского труда. Воспитание детей в крестьянской семье заключалось в приобщении в передаче социального опыта, выработке хозяйственных навыков, формировании поведенческих стереотипов.

Источники и литература

1. Архив Российского этнографического музея (АРЭМ).
2. Архив Русского географического общества (АРГО).
3. Российский государственный исторический архив (РГИА).
4. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». СПб.: «Деловая полиграфия». 2005–2008. Т. 1–6.
5. Весин Л. Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни // Русская мысль. 1891. Кн. X. С. 37–65.
6. Всеволожская Е. Очерки крестьянского быта / Е. Всеволожская // Этнографическое обозрение. 1895. № 1. С. 1–34.
7. Домников С.Д. Мать – земля и Царь – город. Россия как традиционное общество. М., 2002.
8. Кузнецов С.В. Культура русской деревни. // Очерки русской культуры. М., 1998. Т.1. Общественно-культурная среда. С. 212–261.
9. Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи / М. Левин // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. Вып. 2. С. 84–127.
10. Мейендорф А.Б. Крестьянский двор в системе русского крестьянского законодательства и общинного права, и затруднительность его применения. СПб., 1909.
11. Милогорова И.Н. Распределение хозяйственных функций в пореформенной русской крестьянской семье / Советская этнография. 1991. № 2. С. 93–102.
12. Хауке О.А. Крестьянское земельное право. М., 1914.

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО АГРАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ НАДДНЕПРЯНСКОЙ УКРАИНЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Виталий Ворон
(Минск, Беларусь)*

Исследование проблем и основных тенденций развития женского сельскохозяйственного образования на территории Надднепрянской Украины во второй половине XIX–начале XX ст., является следующим шагом в понимании специфики аграрной истории данного региона.

Последняя четверть XIX – начало XX ст. стало временем зарождения на Украине, как и в Российской империи в целом, системы женского аграрного образования, и в первую очередь ее высшей ступени. Это было связано с ростом общественных требований в отношении социально-правовой эмансипации женщин. Поэтому инициатива в создании первых женских вузов во многом принадлежала частным лицам. Такими учебными учреждениями являлись: Киевские (1878 г.), Харьковские (1907 г.), Одесские (1906 г.), Екатеринославские (1916 г.) высшие женские курсы (ВЖК) [Губанов]. Организационной основой для их создания, по требованию Министерства Народного Просвещения (МНП) послужили принципы работы Санкт-Петербургских высших женских курсов (1878 г.). А

именно их структурное разделение на два основных факультета (историко-филологический и физико-математический) с двух либо четырех годичным сроком обучения [Обз. деят. МНП 1901, 211].

Система подготовки на физико-математическом факультете базировалась на углубленном изучении ряда предметов естественнонаучного цикла, составляющих основу технического, в том числе и аграрного образования: математику, аналитическую геометрию, физику, химию, астрономию, ботанику, биологию [Кобченко 2002, 192]. Качество образования, полученное на высших курсах, находилось на уровне университетского, это объясняется фактом того, что преподавателями ВЖК являлись работники местных государственных вузов, причем, как правило, имеющие достаточно широкую известность в научных кругах [Пам. кн. одесск. уч. окр. 1914, 24–25]. В частности, на Одесских ВЖК курс лекций по микробиологии читал А.И. Набоких – ординарный профессор Императорского Новороссийского университета (ИНУ), выдающийся организатор ширококомасштабных почвенных исследований на Украине [Михайлюк 2003, 95]. По ботанике – Ф.М. Породко, известный специалист в области физиологии растений, приват-доцент ИНУ [Рудишина 2010, 109]. По зоологии и сравнительной анатомии – Н.Г. Лигнау, хранитель зоотомического кабинета Новороссийского университета, пионер в области проведения комплексных исследований фауны Северо-Западного Причерноморья [Богачик, Дьяков, Рясиков 2005, 346]. Однако ВЖК имели только педагогическую направленность. Кроме того в течение длительного времени не предусматривалась выдача дипломов государственного образца, свидетельствовавших о полученном образовании. Выпускницы так же были лишены прав на получение соответствовавших образованию должностей. Лишь законом от 19 декабря 1911 г. «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса учебных заведений и о порядке приобретения ими учёных степеней и звания учительниц средних учебных заведений», предоставлялась возможность занятия должностей учительниц в низших либо средних учебных учреждениях после дополнительных экзаменов [ПСЗРИ 1911, 1297–1299].

Вопрос же об открытии аграрного вуза для женщин с конца XIX ст. неоднократно поднимался в украинском обществе, но правительство заняло несколько иную позицию. Так, в официальных публикациях министерства земледелия в 1897 г. был выделен ряд важных направлений в отношении развития женского сельскохозяйственного образования, полагающих достаточным создание средних и низших аграрных школ, а также проведение сельскохозяйственных курсов и чтений [Глинский 1900, 307–312]. При этом опасаясь дальнейшего роста общественных сил, правительство блокировало и попытки создания негосударственного вуза. По этим причинам открытие первого на Украине женского высшего аграрного учебного учреждения – Харьковских Высших Женских Курсов Сельского Хозяйства и Лесоводства произошло уже после падения самодержавия – 5 сентября 1917 г [Павлова 2008, 40–41].

На территории Надднепрянщины во второй половине XIX – начале XX ст. существовали характерные для всей Российской империи типы женских средних учебных заведений. Во-первых, к ним относились подчиненные МНП гимназии и прогимназии, учительские семинарии, институты благородных девиц. Во-вторых, следует выделить гимназии ведомства учреждений императрицы Марии [Дерюжинский 1898, 242]. Вместе с тем, обучение в этих учреждениях было ориентировано только на общеобразовательную подготовку по некоторым предметам естественнонаучного и гуманитарного цикла: географии, математике, истории, русскому языку, рисованию и т.д., что практически исключало возможность основательного ознакомления воспитанниц с основами агрономии [ПСЗРИ 1862, 22; Александров 1917, 34; Учит.семин.; Ин-т благ. дев.]. Однако Министерство Земледелия и Государственных Имуществ (МЗиГИ) по причине острой потребности в улучшении обеспечения деревни необходимыми специалистами по сельскому хозяйству предпринимало решительные меры, необходимые для распространения агрономических знаний, в том числе и среди женщин. Этим целям служили утвержденные этим министерством 8 декабря 1894 г. «Правила об устройстве сельскохозяйственных курсов для народных учителей при подведомственных Департаменту Земледелия заведениях», регламентирующие порядок их учреждения и дальнейшую работу.

Весьма важным являлось то, что согласно принятому закону, женщинам, окончившим средние учебные заведения, так же не запрещалось посещать агротехнические курсы [Мещерский 1895, 294]. Наряду с этим, улучшалось их государственное финансирование, с 10 тыс. руб. в 1893 г., до 15 тыс. руб. в 1894 г [Обз. деят. МЗиГИ 1901, 46]. Предпринятые шаги заметно ускорили формирование системы сельскохозяйственной подготовки на курсах, организованной, по сведениям И.И. Мещерского, в 1894–1904 гг. в 3 средних и 10 низших аграрных школах Надднепрянщины. Но только в пяти из них – Харьковском и Уманском средних земледельческих училищах (Киевская губ.), Гнединской казенной начальной сельскохозяйственной школе (Екатеринославская губ.), Полтавской и Екатеринославской начальных школах садоводства – на курсах присутствовали женщины, общая численность которых не превышала 50 человек. При этом мужчин посетивших эти мероприятия было около 1500 чел [Мещерский 1906, 49–64]. Кроме того, с 1896 г. периодически функционировали курсы при Преславской учительс-

кой семинарии (Екатеринославская губ.), на которых лишь в 1896 г. присутствовали 2 слушательницы [Канишева 2005, 27–28]. Основная причина слабого представительства женщин заключалась, в специфике закона от 8 декабря 1894 г., предоставляющего право преимущественного зачисления на курсы учителей, располагающих, наряду с надлежащей образовательной подготовкой, необходимыми участками земли при школах. В то же время, как показывает статистика 1894 г., большая часть учительниц девяти украинских губерний (70%) работала в городских школах таких типов как фабричные, железнодорожные, городские общественные. В них в значительно меньшей степени возможна была организация пришкольного хозяйства, в силу того, что в курс обучения не входили сельскохозяйственные дисциплины [Покровский 1913, 16; Покровский 1914, 12; Покровский 1914, 13].

Начало формирования сети женских начальных аграрных учебных заведений относится к концу 80-х гг. XIX ст. что, в первую очередь, было связано с активизацией общественной инициативы. Так, первые на Украине школы такого типа – Зозулинская женская школа сельского хозяйства и домоводства (Киевская губ. 1888 г.) и Преображенская женская сельскохозяйственная школа 1-го разряда (Черниговская губ. 1891 г.) – были основаны частными лицами [Глинский 1900, 302–303; Солин]. В свою очередь правительство не уделяло необходимого внимания проблеме развития начальных женских аграрных учебных заведений. Не смотря на то, что этот вопрос во второй половине 1890-х гг. активно обсуждался в печатных органах Министерства земледелия, а «Положением о сельскохозяйственном образовании» вышедшим 26 мая 1904 г. предусматривалась возможность создания аграрных школ для женщин при МЗиГИ, существенных сдвигов в этой области вплоть до падения самодержавия не произошло, а их формирование в дальнейшем так и осталось прерогативой общественности [ПСЗРИ 1904, 544–545]. В результате к 1916 г. на Украине общее количество начальных женских сельскохозяйственных учебных заведений, с учетом основанных частной Киево-Лукьяновской практической женской школы (1911 г.) и Межгорской женской сельскохозяйственной школы (1916 г. Киевская губ.), находящейся в ведении Священного Синода, составило 4 [Рибченко 2004].

Таким образом, последняя четверть XIX–начало XX ст. стали периодом зарождения и эволюции системы женского аграрного образования. Вместе с тем для рассматриваемого периода были характерны не высокие темпы формирования сети соответствующих высших и начальных сельскохозяйственных учебных учреждений, поскольку импульс развития данных процессов исходил главным образом от общественных кругов и зависел от их возможностей, в том числе и материального потенциала. При этом какого-либо заметного участия со стороны государства не прослеживается. В то же время, следует подчеркнуть, что именно МЗиГИ принадлежит заслуга в создании системы среднего женского аграрного образования. Однако ограничение ее рамками подготовки на курсах стало преградой к появлению действительно массовой специализированной школы.

Источники и литература

- 1 Александров, В. Подробные правила и учебные программы всех классов женских гимназий и прогимназий ведомства МНП / В. Александров. –Одесса: 1917. –146 с.
- 2 Богачик, Т.А., Дьяков, В.А., Рясиков, Л.В. Жизнь и деятельность профессора-зоолога Николая Георгиевича Лигнау / Т.А. Богачик, В.А. Дьяков, Л.В. Рясиков // Современные проблемы зоологии и экологии: Материалы междунар. конф., посвящ. 140-летию основ. Одесск. нац. ун-та. им. И.И. Мечникова, каф. зоологии ОНУ, зоологич. музея ОНУ, Одесса, 22–25 апр. 2005 г. / Одесск. нац. ун-т. им. И.И. Мечникова; редколл.: Т.А. Богачик [и др.]. – Одесса, 2005. – С. 345–348.
- 3 Высочайшеутвержденный устав училищ для приходящих девиц ведомства императрицы Марии, 9 января 1862 г., № 37849 // Полн. Собр. Зак. Рос.имп. – 1862. –Т.37. –Ст.21.
- 4 Высочайшеутвержденное положение о сельскохозяйственном образовании, 26 мая 1904 г., № 24628 // Полн. Собр. Зак. Рос.имп. – 1904. –Т.24. –Ст.3.
- 5 Высшее образование в России в 1800 – 1917 гг. / Губанов В.В. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sary-shagan.narod.ru/esse/esse010.html>– дата доступа: 31.12.2010.
- 6 Глинский, Б.Б. Очерки русского прогресса. Статьи исторические по общественным вопросам и критико-библиографические / Б.Б. Глинский. – СПб:1900. – 578 с.
- 7 Дерюжинский, Н.Ф. Народное образование / Н.Ф. Дерюжинский // Систематический сборник очерков по отечествоведению / Императорский александровский лицей; под. ред. М.Н. Беклемишева. –СПб, 1898. –С.225–256.
- 8 Институт благородных девиц // Достопримечательности Киева [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uatour.com.ua/kiev_sights/15– дата доступа: 15.01.2011.
- 9 Канишева, М.А. Развитие начального образования болгарских переселенцев Крыма в конце XIX –

- начале XX века /М.А. Канишева // Таврійський вісник освіти .– 2005. – № 4(12). – С. 9–33.
- 10 Кобченко, К. А. Київські вищі жіночі курси: становлення жіночого університету / К.А. Кобченко // Наукові записки НаУКМА. Спеціальний випуск / Нац. ун-т. «Києво-Могилянська Акад.». –Київ, 2002. – Т. 20: Спеціальний випуск. – С. 107–111.
  - 11 Лекции о Н.Н. Неплюеве / Сомин Н.В. [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chrisoc.narod.ru/rusrelphil_nepluev.htm– дата доступа: 27.01.2011.
  - 12 Михайлюк, В.И. А.И. Набоких – теоретик и организатор почвоведения в Украине / В.И. Михайлюк // Грунтознавство. – 2003. –№1-2. – С.95–101.
  - 13 Мещерский, И.И. Народная школа и сельское хозяйство: в 2 т. / И.И. Мещерский.– СПб, 1895. – 1 т.
  - 14 Мещерский, И.И. Народная школа и сельское хозяйство: в 2 т. / И.И. Мещерский.– СПб, 1906. – 2 т.
  - 15 Об испытаниях лиц женского пола в знании курса учебных заведений и о порядке приобретения ими учёных степеней и звания учительниц средних учебных заведений, 19 декабря 1911 г., № 36226 // Полн. Собр. Зак. Рос.имп. – 1911. –Т.31. –Ст.2,11.
  - 16 Обзор деятельности Министерства Народного Просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 по 20 октября 1894 гг.) .– СПб: 1901. – 371 с.
  - 17 Обзор деятельности Министерства Земледелия и Государственных Имуществ в царствование императора Александра III (1881–1894 гг.) .– СПб: 1901. – 295 с.
  - 18 Павлова, Т.Г. Вищі жіночі курси сільського господарства та лісівництва в Харкові (1917–1919 рр.) / Т.Г. Павлова // Вісник харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Вип. 11, історичні та філософські науки. – 2008. – № 835. – С. 39–43.
  - 19 Памятная книжка одесского учебного округа на 1913 – 1914 учебный год.– Одесса: 1914. – 570 с.
  - 20 Покровский, В.И. Однодневная перепись начальных школ в империи. произведенная 18 января 1911 г. (Киевский учебный округ) / В.И. Покровский. – СПб , 1913, – 175 с.
  - 21 Покровский, В.И. Однодневная перепись начальных школ в империи. произведенная 18 января 1911 г. (Одесский учебный округ) / В.И. Покровский – Петроград, 1914, – 119 с.
  - 22 Покровский, В.И. Однодневная перепись начальных школ в империи. произведенная 18 января 1911 г. (Харьковский учебный округ) / В.И. Покровский – СПб, 1914, – 164 с.
  - 23 Рудишина, О.С. Внесок фізіологів рослин новоросійського університету в розвиток гормональної теорії тропізмів на початку XX ст. / О.С. Рудишина // Історичний архів. Наукові студії / Чорном. держ. ун-т ім. Петра Могили. –Миколаїв, 2010. – Вип. 4: Історія розвитку науки та освіти. – С. 107–111.
  - 24 Учительские семинарии // Большая советская энциклопедия [электронный ресурс] . – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Учительские%20семинарии/>– дата доступа: 15.01.2011.
  - 25 Формування мережі та розвиток сільськогосподарських освітніх закладів Київщини в XIX – на початку XX століття / Рибченко Д.В. [электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://www.ucairnica.org/catalogue/subject_index/?order=2.up&cat_id=0&typep=&from=750 – дата доступа: 20.12.2009.

СТОЛЫПИНСКИЕ АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1906 – 1908 гг.

*Александр Герасимчук
(Чернигов, Украина)*

Необходимость реформирования царским правительством аграрных отношений в начале XX в. была вызвана целым комплексом экономических, политических и идеологических факторов. Названная именем премьер-министра П. Столыпина аграрная реформа имела целью, прежде всего, снятие революционного напряжения на селе. Как одно из самых заметных общественно-исторических явлений начала XX в. столыпинская аграрная реформа постоянно находилась в сфере научных интересов многочисленных исследователей земельных отношений. Однако, аграрная реформа Столыпина, хотя и не является большим пятном в истории, все же продолжает оставаться недостаточно изученной на региональном уровне. Обделенной вниманием исследователей оказалась бывшая Черниговская губерния, земли которой сейчас входят в состав трех независимых государств: Украины, России и Беларуси.

Учитывая недостаточность исследования процесса реализации столыпинской аграрной реформы в Черниговской губернии, целью данной статьи является освещение начального этапа земельной реформы на Черниговщине, а именно: социально-экономические условия, в которых началась аграр-

ная реформа, и анализ первых результатов преобразований на селе.

Осложнение политической ситуации в Украине в начале XX в. заставило наконец правительственные круги перейти от дискуссий к практическим мерам. Реалии жизни были таковы, что сельская община уже не могла предупредить массовую пролетаризацию крестьянства и обеспечить политическую стабильность в стране. На полную несовместимость общинного землевладения и рыночного хозяйствования указывал еще в 1904 г. председатель Комитета министров С. Витте [Якименко 1997, 64]. Хотя Витте и был автором основных положений будущих аграрных преобразований, воплотить в жизнь идеи реформирования аграрной отрасли пришлось Столыпину, в котором правящие круги видели «русского Бисмарка», то есть более последовательного, а главное – значительно более жесткого, политического деятеля, чем либерал Витте [Волобуев 1987, 137]. Столыпинская аграрная реформа предусматривала создание новой землеустроительной системы, которая бы базировалась на хуторах и отрубках по типу капиталистического фермерского хозяйства.

Первым существенным шагом в направлении реформирования общины стал царский указ от 4 марта 1906 г. о создании губернских и уездных землеустроительных комиссий и Комитета по землеустроительным делам. Комиссии должны были способствовать достижению «добровольного соглашения между заинтересованными сторонами и выработке всех деталей, всех конкретных моментов каждого отделения». На губернские землеустроительные комиссии указом была возложена обязанность «объединения действий уездных землеустроительных комиссий, наблюдение за их деятельностью и разрешения возникающих противоречий». Губернские комиссии возглавляли губернаторы или губернские предводители дворянства, а уездные – местные руководители дворянства. При отсутствии уездного предводителя дворянства председательство переходило к его заместителю или к председателю уездной земской управы [Отдел ГАЧО в г. Нежине, ф. 1336, оп. 1, д. 24, л. 85, 88 об., 100].

Землеустроительные комиссии должны были начать деятельность, прежде всего в тех уездах и губерниях, где находилась самая многочисленная часть безземельных крестьян и где были наибольшие площади помещичьих земель. В течение 1906 – 1907 гг. уездные землеустроительные комиссии были созданы во всех 15 уездах Черниговской губернии: в 1906 г. в Городнянском, Черниговском, Нежинском, Суражском, Новгород-Северском, Глуховском, а в 1907 г. – во всех остальных уездах [Отдел ГАЧО в г. Нежине, ф. 1336, оп. 1, д. 24, л. 26 об.].

Решающее значение для окончательного разрушения общины имел царский указ от 9 ноября 1906 г. под названием «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Как правило, историки именно с этой даты начинают отсчет столыпинских аграрных преобразований. Указ 9 ноября 1906 г. внес существенную поправку в законодательство 1861 г. и разрушил главные устои общины – коллективную и семейную собственность [Румянцев 1990, 67]. Первая статья царского указа твердила, что теперь каждый домохозяин, владеющий наделной землей на общинном праве, может в любое время требовать закрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части земли. Укрепленный в личную собственность участок земли крестьянин имел право продать, заложить в банк под кредит или прикупить к ней дополнительную землю [Белоусов 1992, 78].

Выступая на Особенном совещании Нежинской уездной землеустроительной комиссии 16 ноября 1906 г., командированный в Черниговскую губернию начальник переселенческого управления Глинка разъяснил членам комиссии, что указом от 9 ноября «крестьянам предоставлена полная свобода распоряжаться своим имуществом, оставаться в своем обществе, пользоваться своим наделом на общинных правах или просить о выделении его в подворное владение, беспрепятственно выходить из общины и выбирать себе занятие по своему выбору» [Отдел ГАЧО в г. Нежине, ф. 1336, оп. 1, д. 89, л. 7 об.]. Чиновник сообщил также, что для крестьян, желающих иметь землю, но не имеющих возможности ее приобрести, правительством организовано добровольное переселение на свободные казенные и приобретенные Крестьянским банком земли в азиатской части России. Попутно отметим, что уже в 1906 г. в Черниговской губернии правом переселения воспользовались 9,4 тыс. чел. (1 533 семьи), что составило в три раза большее количество чем в 1905 г. и в пять раз большее, чем в 1904 г. [Переселение 1913, 3].

Реализация столыпинской аграрной реформы на Черниговщине началась губернскими чиновниками уже в начале 1907 г. На заседании Черниговского губернского правления под председательством губернатора Родионова 19 января было принято решение разослать уездным съездам, земским начальникам и волостным правлениям бланки общественных приговоров и постановлений земских начальников о закреплении в собственность наделных земель для обществ, в которых происходили переделы, и для тех, в которых на протяжении 24 лет, предшествовавших заявлению о закреплении земли, не было переделов. Земские начальники Черниговской губернии были обязаны сделать все для удовлетворения ходатайств крестьян о закреплении наделов в личную собственность даже в случае несогласия сельского схода или отказа общины собраться на сход [Отдел ГАЧО в г. Нежине, ф. 1336, оп. 1, д. 24, л. 3 – 8].

Первые годы реформы в губернии были ознаменованы широкой пропагандистской работой правительства среди населения с целью популяризации новой системы хозяйствования. Организовывались поездки членов землеустроительных комиссий, представителей от крестьян в образцовые хозяйства Подольской и Волынской губерний, а также в другие местности, где уже активно развивалась хуторская система. Среди населения Черниговщины распространялась соответствующая литература, в частности книга А. Кофода «Хуторское хозяйство», книги «Сведения по землеустройству в Пруссии», «Земельный вопрос в Ирландии» и др. [Отдел ГАЧО в г. Нежине, ф. 1336, оп. 1, д. 452, л. 80].

Однако для успешного продвижения реформы одной пропаганды оказалось недостаточно. Комитетом землеустроительных дел работа большинства землеустроительных комиссий Черниговской губернии за 1906 – 1908 гг. была признана неудовлетворительной. Вот несколько выдержек из аттестации, которая была дана царскими чиновниками губернским уездным комиссиям: «Черниговская комиссия образована 25 сентября 1906 г. Деятельность комиссии абсолютно неудовлетворительна. За 2 года и 3 месяца существования комиссия не только не провела никаких работ по улучшению внутринадельного землепользования, а даже не добилась поступления соответствующих ходатайств со стороны населения. Борзенская – создана 27 июня 1907 г. и в деле улучшения внутринадельного землепользования прежде предстоит указать на крайне незначительное количество поступивших заявлений... Глуховская комиссия – открыта 6 октября 1906 г. Деятельность комиссии – совершенно неудовлетворительная...» [Лось, Михайлюк 1976, 39 – 40]. Помощник губернского землемера Тиреев в «Сведениях о ходе межевых работ в губернии за 1907 год» отмечал, что за весь год землемерами было составлено всего 2 плана разверстки земель для землеустроительных комиссий, которые включали 5 участков общей площадью около 67 дес., и 4 плана по 15 участкам, которые подтверждали принадлежность 5 012 дес. земли Дворянскому и Крестьянскому банку [ГАЧО, ф. 127, оп. 11, д. 1802, л. 92 – 93]. 3 августа 1907 г. черниговский губернатор уже сообщал уездным съездам и земским начальникам о том, что виновные в «медлительности и отсутствии усердия при выполнении обязанностей, возложенных Указом 9 ноября 1906 г., будут неуклонно привлекаться к законной ответственности» [ГАЧО, ф. 195, оп. 1, д. 8, л. 39].

16 августа 1908 г. в своем циркуляре уездным съездам, землеустроительным комиссиям и земским начальникам черниговский губернатор Родионов выразил обеспокоенность тем, что в докладах земских начальников о выходе крестьян из общины «обращает на себя внимание полное отсутствие случаев отвода к одним местам закрепленных в личную собственность участков общинной земли» и напомнил, что конечной целью указа 9 ноября является именно сведение чрезполосных участков надельной земли воедино, а также потребовал у чиновников объяснения причин недостижения этой цели [Отдел ГАЧО в г. Нежине, ф. 1336, оп. 1, д. 452, л. 103].

Как один из основных факторов медленного развития землеустройства члены землеустроительных комиссий называли наличие малоземелья. В докладе черниговского губернатора от 2 января 1909 г. констатировалось, что розверстанию на отруба препятствовали различные причины, главной из которых является большое количество малоземельных крестьян, которые очень дорожат правом выпаса скота на совместном выгоне [Лось, Михайлюк, 40]. Еще одной важной причиной медленного хода землеустроительных работ была нехватка землемеров, иногда их некомпетентность, несовершенство землемерной техники, отсутствие нормальных дорог, а то и просто пассивность землемеров, которые находясь в командировке на государственном обеспечении (землемер получал 2 руб. 50 коп., а его помощник 1 руб. за сутки нахождения в командировке [ГАЧО, ф. 127, оп. 11, д. 2318, л. 92 об.]), не слишком торопились проводить обмеры значительных площадей да еще и со сложным рельефом. Процесс розверстания земли на хутора и отруба в одном населенном пункте мог длиться годами. Ярким примером такой волокиты может служить процесс ликвидации 230 дес. земли Крестьянского поземельного банка в с. Печенюги Новгород-Северского уезда. Процесс был начат землемером Кушенко весной 1908 г., однако уже через год губернская землеустроительная комиссия была вынуждена передать дело землемерам Новгород-Северской землеустроительной комиссии Протопопову и Олифину, которые начали дело сначала, поскольку Кушенко за год практически ничего не сделал [ГАЧО, ф. 127, оп. 11, д. 1848, л. 1, 44].

На ход реформы в губернии в первые годы ее проведения негативно повлиял неурожай 1907 – 1908 гг., подобного которому, как сообщали периодические издания, «не помнили даже 90-летние старики» [ЗСЧГ 1907, № 10, 6]. Засуха в начале мая 1907 г., а затем похолодание в середине месяца, вплоть до выпадения 17 мая снега в Мглинском, Суражском, Стародубском, Сосницком и Конотопском уездах, повредили сады, овощи, просо, ячмень и гречиху. Дожливый июнь с градом по всей губернии, ливень 29 июня в Кролевецком, Новгород-Северском и Сосницком уездах вызвали ужасные опустошения, превратив поля и огороды в песчаную пустыню. «Надежды на урожай во многих местах этих уездов погибли окончательно», – сообщали корреспонденты. В с. Андреевка Черниговского уезда перед самым сбором ржи появилась саранча, которая уничтожила урожай на корню. Непогодой и вредителя-

ми в 1907 г. было вызвано полную гибель урожая зерновых на 6 068 дес. и овощей на 370 дес. [Сельскохозяйственный обзор 1908, 21 – 25]. Губернская земская управа на заседании 18 сентября 1907 г. пришла к неутешительному выводу, что «выдержав подряд два неурожайных года, уже ослабленное население губернии подвергается редким неурожаем нынешнего года, который превышает недобор за оба предыдущих года вместе взятых. Такой неурожай сопровождается непомерно завышенными ценами на хлеб». Недобор урожая в 1907 г. в губернии составил 30% от необходимого, а за 1905 – 1906 гг. – 21%. Наиболее пострадавшими от неурожая были северные уезды Черниговской губернии – Мглинский, Новозыбковский, Стародубский, Суражский. Урожай в этих уездах был примерно вдвое ниже среднего за 1896 – 1905 гг. (приблизительно 15 пудов против 30) [ЗСЧГ 1907, № 10, 3 – 4].

Земский начальник 4-го участка Новгород-Северского уезда Голицын в докладе губернатору от 12 сентября 1907 г. о положении дел в регионе отмечал, что в селе Стахорщина неурожай был страшный, летним ливнем смыто всю гречиху, коноплю и сенокос, весь хлеб из продовольственных магазинов уже выбрано, корма скоту нет, приходилось его кормить соломой и то не каждый день. Такое положение было чревато большой бедой, потому что вело к продаже крестьянами скота, поскольку им самим нечего было есть. Часть крестьян, продавая свои наделы, была полна желания немедленно переселяться в другие местности, мотивируя свое стремление тем, что «в Сибири цена хлеба 40 – 50 коп. за пуд, а у нас же стоит невероятно высокую цену 1 руб. 35 коп., а к зиме дойдет и до 2 руб.». Земский начальник просил у властей дать разрешение 32 крестьянским семьям на отправку ходяков в Сибирь для поиска участков для переселения, чтобы не дать крестьянам умереть с голоду. «На случай если не будет дано разрешение на переселение, – с тревогой добавлял чиновник, – неизбежно грозит беда, а при современном возбуждении умов неизвестно чем все это может закончиться» [ГАЧО, ф. 147, оп. 1, д. 1137, л. 3].

В Мглинском уезде, где основным продуктом питания была картошка, в 1907 г. ее урожай был на четверть ниже, поскольку крестьяне за дороговизны хлеба значительную часть картофеля съели еще молодым. Проблему с продовольствием в уезде углубили и сезонные работники, которые вернулись из отхожих промыслов ни с чем. Земский начальник 5-го участка Конотопского уезда Таравинов 17 октября 1907 г. докладывал в губернское присутствие, что цены на ржаную муку уже осенью достигли 1 руб. 50 коп. – 1 руб. 60 коп. и покупают его как бедные, так и зажиточные крестьяне, «выходит среди крестьянского населения какая-то хлебная паника». Такое положение было выгодно спекулянтам, которые «пользуясь чужой бедой, воспрянули духом и наживаются на хлебной торговле огромные деньги» [ГАЧО, ф. 147, оп. 1, д. 1095, л. 87 – 87 об., 276].

В результате неурожая на конец 1907 г. дефицит хлеба в Черниговской губернии составлял 475 855 пудов (из расчета 18 пудов на душу для взрослого и наполовину меньше на ребенка в год). Черниговский губернатор уже в августе 1907 г. вынужден был просить у Министерства внутренних дел заем в сумме 124 772 руб. на закупку хлеба и на посев озимых в уездах, которые наиболее пострадали от неурожая [ГАЧО, ф. 147, оп. 1, д. 1093, л. 4 об., 6, 7]. В сентябре 1907 г. чиновники подсчитали, что на каждую душу населения Черниговщины для выживания не хватает 5,18 пудов хлеба и подсчитанная сумма продовольственной помощи выросла в 15 раз (!), достигнув 1,9 млн. руб. [ЗСЧГ 1907, № 10, 33 – 35].

О серьезности положения с продовольствием на Черниговщине осенью 1907 г. свидетельствует и то, что сам Столыпин лично переписывался с черниговским губернатором Родионовым и выражал обеспокоенность недостаточным вниманием чиновников к нуждам крестьян. В письме к Столыпину 1 декабря 1907 г. это бюрократическое равнодушие губернатор объяснил занятостью земских начальников и уездных предводителей дворянства на выборах в Государственную Думу в сентябре 1907 г. [ГАЧО, ф. 147, оп. 1, д. 1093, л. 5 об., 7 об.].

В начале 1908 г. через государственный банк губерния все же получила финансовую помощь на закупку хлеба за счет имперского продовольственного капитала в размере 500 тыс. руб. Наиболее пострадавшему от неурожая уезду – Мглинскому было разрешено дать займы населению 30 422 пуда ржи, купленного за счет имперского продовольственного капитала [Черниговское слово 16 января 1908, 2]. В таких условиях, когда на повестке дня стоял вопрос жизни и смерти черниговского крестьянства, проблемы землеустройства в голодные годы отодвинулись на задний план.

Исходя из вышеизложенного, не вызывает удивления, что 1907 – 1908 гг. были периодом высшей активности жителей региона в плане переселения за пределы Черниговской губернии. Пик переселения из Черниговщины пришелся на 1908 г., когда по данным губернской земской управы из губернии виселилось 7 004 семьи, которые насчитывали 47 027 человек [Отдел ГАЧО в г. Нежине, ф. 1336, оп. 1, д. 119, л. 221] (по данным Челябинского и Сизраньского переселенческих пунктов 7 181 семей и 45 818 человек обеих полов, а за весь период 1907 – 1908 гг. соответственно 14 630 семей и 91 429 человек, то есть почти столько же, сколько за предыдущее десятилетие [Переселение 1913, 3, 9, 33].

Из-за значительных масштабов переселения черниговских крестьян за пределы губернии тормозилось и закрепление земли в частную собственность. Крестьяне, которые планировали переселиться в другие местности, вовсе не проникались необходимостью выхода из общины и приватизацией своего участка, ведь на него потом пришлось бы искать покупателя, а это могло задержать их на родине на неопределенное время. Непременный член Нежинской землеустроительной комиссии, докладывая об условиях ликвидации земель, оставленных переселенцами, отмечал: «В Нежинском уезде был лишь один случай в 1907 г.,

когда 7 домохозяйств хут. Гармашина, собираясь переселиться в Сибирь, закрепили за собой свои наделы из общинного владения. Выделение переселенцами из общинной земли участков к одному месту не было. Незакрепленные наделы, которые находились в общинном владении, не продавались» [Отдел ГАЧО в г. Нежине, ф. 1336, оп. 1, д. 119, л. 249].

По данным, поступившим от земских начальников в губернское присутствие, по состоянию на 1 июня 1907 г., т.е. за полгода реформы, желание об укреплении земли из общинной в частную собственность изъявили 1 358 домохозяев, по которым сельскими сходами было дано 404 согласия («приговоров») и 72 постановления земских начальников. Губернатор тогда оценил работу земских начальников по выполнению указа от 9 ноября 1906 г. как «неудовлетворительную» и требовал объяснений причин такого положения дел [ГАЧО, ф. 195, оп. 1, д. 8, л. 32]. Всего же за 1906 – 1908 гг. по Черниговской губернии поступило лишь 1 539 заявлений о переходе на отруба и хутора и было образовано 215 хуторских и отрубных хозяйств [Лось, Михайлюк 1976, с. 40]. Простой подсчет показывает, что за неудачные в хозяйственном отношении вторую половину 1907 и 1908 гг. о выходе из общины заявил лишь 181 домохозяин. В подавляющем большинстве вновь образованные хозяйства были отрубными, хуторов в том смысле, который предполагался правительством, было мало. Да и новообразованные хутора были разного типа. Черниговское земство осенью 1908 г., обследуя 105 хуторов в 9 уездах губернии (в других не было уездных агрономов), вынуждено было признать, что наряду с крупными хозяйствами, которые велись с помощью наемного труда, были хозяйства площадью 1 – 3 дес., в которых средства существования добывались не от собственной земли, а от побочных заработков, в частности в местных кулаков. Хозяйства таких хуторян ничем не отличались от бедняцких. В них оставалась трехпольная система земледелия, удобрения были только органические, да и те применялись мало, животноводство было на низком уровне как количественно, так и качественно [Тархов 1909, 82 – 84]. Из всех обследованных хуторов только 32 были новыми, все остальные уже существовали длительное время и были или отрубными хозяйствами, или только носили название «хутор», на самом деле не являясь таковыми. Характеристику хуторского хозяйства Черниговской губернии в 1907 – 1908 гг. представим в табл. 1 [Тархов 1909, 89].

Приведенные данные табл. 1 наглядно показывают, что в первые годы столыпинской аграрной реформы хуторская система в Черниговской губернии была развита очень слабо, ведь обследовались наиболее успешные в хозяйственном отношении уезды. Это были хозяйства с неразвитой агротехникой и средним размером хуторского земельного участка около 9,5 дес., который обрабатывался в основном лошадьми [Тархов 1909, 88].

Уезды	Кол-во хуторов	Усадьба (дес.)	Пашня (дес.)	Сенокос (дес.)	Выгон (дес.)	Удобренная площадь (дес.)		Лошади
						поле	огород	
Глуховский	2	3,125	18,62	2,0	-	2,143	0,25	6
Городнянский	3	2,68	23,0	6,5	-	0,58	0,5	7
Козелецкий	8	6,35	75,875	11,87	-	15,8	3,125	13
Конотопский	1	1,0	8,75	-	-	-	0,3	2
Кролевецкий	6	4,625	57,125	12,0	0,25	4,25	2,375	12
Нежинский	7	6,08	39,875	15,041	0,031	5,75	3,075	7
Н-Северский	2	1,0	21,5	10,5	-	1,62	0,25	5
Остерский	1	0,5	9,5	-	-	0,125	0,125	1
Стародубский	2	4,21	19,25	1,5	-	0,75	1,0	5
Всего	32	29,57	273,495	59,411	0,281	31,018	11,0	58

В 1907 – 1908 гг. снизились и темпы продажи земли индивидуальным владельцам из фонда Крестьянского поземельного банка. Хотя сам Крестьянский банк и увеличил свои владения, однако если сравнить количество домохозяйств, которые купили банковскую землю в 1907 г. (4 610 домохозяйств), с теми, которые приобрели ее в 1908 г. (260 домохозяйств), то результат говорит сам за себя. В 1909 г. количество покупателей земли в Крестьянского банка составляло уже 946 домохозяйств [ЗСЧГ 1914 Вып. I-й, 50], что свидетельствовало о том, что крестьянские хозяйства понемногу начинали выходить из кризиса. Сами же черниговские крестьяне за период 1907 – 1908 гг. продали всего 1 176,6 дес. собственной земли на сумму 88 616 руб. [Шевченко 2007, 96]. Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что в 1906 – 1908 гг. реализация столыпинской аграрной реформы в Черниговской губернии продвигалась медленными темпами. Причинами такой медлительности в реализации намеченных преобразований были: малоземелье черниговских крестьян, которые дорожили землями общего пользования, неурожай, и как следствие, массовая миграция за пределы губернии, пассивность и медлительность чиновничьего аппарата, сезонность землемерных работ и несовершенство

Таблица 1. Хуторское хозяйство Черниговской губернии в 1907 – 1908 гг. землемерной техники.

Источники и литература

1. Белоусов Р. Две крестьянские реформы: 1861 и 1907 г. / Р. Белоусов // Экономист. – 1992. – № 3. – С. 73 – 81.
2. Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность / П.В. Волобуев. – М., 1987. – 312 с.
3. Госархив Черниговской области (далее – ГАЧО). – Ф. 127. – Оп. 11. – Д. 1802. – Отчеты уездных землемеров о их деятельности, сведения о расходовании кредитов на путевые издержки землемерам (30 января 1907 г. – 30 января 1908 г.), 97 л.
4. ГАЧО. – Ф. 195. – Оп. 1. – Д. 8. – Сборник документов о проведении по Черниговской губернии закона 9 ноября 1906 г. о выделении надельной крестьянской земли из общинной (январь 1907 г. – февраль 1909 г.), 146 л.
5. ГАЧО. – Ф. 147. – Оп. 1. – Д. 1095. – Переписка с уездными съездами, земскими начальниками и сведения о семейном и имущественном положении сельского населения об урожае озимого и ярового хлебов 1907 г., о размере продовольственной помощи населению до нового урожая и др. (21 июля 1907 г. – 11 октября 1907 г.), 755 л.
6. ГАЧО. – Ф. 147. – Оп. 1. – Д. 1093. – Переписка с Министерством Внутренних Дел о продовольственной помощи населению, пострадавшему от неурожая, о выдаче ссуды из имперского капитала для обсеменения полей Мглинского, Суражского и др. уездов (август 1907 г. – декабрь 1907 г.), 10 л.
7. ГАЧО. – Ф. 147. – Оп. 1. – Д. 1137. – Дело Черниговского губернского присутствия по ходатайству Земского начальника 4-го участка Новгород-Северского уезда об оказании продовольственной помощи населению участка (15 сентября 1907 г. – 21 ноября 1907 г.), 28 л.
8. ГАЧО. – Ф. 127. – Оп. 11. – Д. 1848. – Дело о ликвидации земель, принадлежащих Крестьянскому банку в даче с. Печенюг и города Новгород-Северска (21 марта 1908 г. – 26 января 1910 г.), 92 л.
9. ГАЧО. – Ф. 127. – Оп. 11. – Д. 2318. – Циркуляры Черниговского губернатора, Главного управления по земледелию и землеустройству, губернского землемера и др. о скорейшем приступлении земских начальников к исполнению поручений Землеустроительных комиссий, о присылке губернскому землемеру сведений Землеустроительных комиссий о исполнении работ по межеванию, о порядке составления экспликаций к планам и др. (31 января 1913 г. – 18 декабря 1913 г.), 94 л.
10. Главнейшие итоги для характеристики Черниговской губернии в статистико-экономическом отношении // Земский сборник Черниговской губернии (далее – ЗСЧГ). – 1914. – Вып. I-й. – Чернигов, 1914. – 188 с.
11. Земские известия (по Черниговской губернии) // ЗСЧГ. – 1907. – № 10. – С. 6 – 37.
12. К недороду в Черниговской губернии // Черниговское слово. – №347. – 16 января 1908 г. – С. 2.
13. Лось Ф.Є., Михайлюк О.Г. Класова боротьба в українському селі. 1907 – 1914 / Ф.Є. Лось. – К., 1976. – 284 с.
14. Отдел ГАЧО в г. Нежине. – Ф. 1336. – Оп. 1. – Д. 89. – Протоколы заседаний Нежинской уездной землеустроительной комиссии за 1906 г. (4 октября – 19 декабря 1906 г.), 14 л.
15. Отдел ГАЧО в г. Нежине. – Ф. 1336. – Оп. 1. – Д. 24. – Циркуляры Черниговского губернатора о порядке проведения аграрной реформы (19 января – 30 ноября 1907 г.), 150 л.
16. Отдел ГАЧО в г. Нежине. – Ф. 1336. – Оп. 1. – Д. 452. – Циркуляры Черниговского губернатора

- уездным землеустроительным комиссиям о разделе казенных земель на хутора и отруба (2 декабря 2007 г. – 16 января 2009 г.), 183 л.
17. Отдел ГАЧО в г. Нежине. – Ф. 1336. – Оп. 1. – Д. 119. – Дело Нежинской Уездной Землеустроительной комиссии о переселении сельских обывателей за Урал в 1909 году (2 января 1909 г. – 31 июля 1909 г.), 317 л.
18. Переселение из Черниговской губернии в 1909 – 1911 гг. По материалам Челябинского и Сызранского переселенческих пунктов. – Чернигов, 1913. – 96 с.
19. Румянцев М. Столыпинская аграрная реформа: предпосылки, задачи, итоги / М. Румянцев // Вопросы экономики. – 1990. – № 10. – С. 63 – 74.
20. Сельскохозяйственный обзор по Черниговской губернии за 1907 г. По сообщениям корреспондентов. Год 4. – Чернигов, 1908. – 346 с.
21. Тархов К. О хуторских хозяйствах в Черниговской губернии / К. Тархов // ЗСЧГ. – 1909. – №12. – С. 82 – 90.
22. Шевченко В. Реформа П.А. Столыпина та її вплив на еволюцію поземельних відносин в Україні (1906 – 1916 рр.) / В.Шевченко // Сіверянський літопис. – 2007. – № 1. – С. 91– 101.
23. Якименко М.А. Приватизація селянської надільної землі в Україні 1906 – 1917 рр.: причини, зміст, наслідки / М.А. Якименко // Економіка України. – 1997. – № 8. С. 62 – 70.

ВЫХОДЦЫ ИЗ РОССИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ В ЦЕРКОВНЫХ ДОКУМЕНТАХ ЮГА УКРАИНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-НАЧАЛА XX ВЕКА

*Сергей Гузенков
(Запорожье, Украина)*

Законодательством Российской империи на церковь была возложена обязанность регистрировать акты состояний. Ее выполнение породило целый ряд документов в которых фиксировалась информация об именовании, социальном, семейном статусе и месте проживании лица.

На сегодняшний день в архивах Днепропетровской, Запорожской, Херсонской областей и Автономной республики Крым по приблизительным подсчетам содержатся более 60 различных фондов, содержащих церковную документацию трех южных губерний Украины – Екатеринославской, Херсонской и Таврической.

Среди наиболее важных фондов можно выделить: коллекции метрических книг, фонды консисторий и религиозных учреждений.

Так, Государственном архиве Днепропетровской области (ГАДО) находится 1297 единиц хранения церковной документации в коллекции актов гражданского состояния (ф-193).

В Государственном архиве Запорожской области (ГАЗО) сохраняется коллекция метрических книг (ф. р-5593), 51 фонд религиозных учреждений и фонд Херсонской духовной консистории (ф. 246).

В Государственном архиве Херсонской области (ГАХО) имеются фонды Херсонской духовной консистории (ф. 198), Херсонского духовного правления (ф. 207), Таврической духовной консистории (ф. 279), церковью Мелитопольского уезда Таврической губернии (ф. 316) и Херсонского уезда Херсонской губернии (ф. 137).

В Государственном архиве Автономной республики Крым (ГААРК) хранятся коллекция метрических книг (ф. 142) и фонд Таврической духовной консистории (ф. 118).

В ходе исследования церковных документов, относящихся к системе метрикации населения (метрических тетрадей, книг, записей, выписей и т.д.), оказалось, что жители ряда губерний России постоянно фигурируют в метрических записях региона не только в частях «О родившихся», «О бракосочетавшихся» и «О умерших», т.е. имеется полный жизненный цикл индивида – рождение брак – смерть, что свидетельствует о длительности проживания в одном населенном пункте.

Официальные статистические сборники, разделявшие жителей населенного пункта на «наличное местное, приписное население» и «постороннее» [См., напр., 2 и 4] не помогли объяснить разнообразия географической атрибуции индивида в актах состояния.

Если появление в записях жителей соседних населенных пунктов можно объяснить брачными миграциями; личными связями населения, приглашавшего знакомых из других городов и сел быть восприемниками, свидетелями на свадьбе; различием границ прихода и населенного пункта, церковь в котором могла обслуживать духовные потребности жителей окрестных сел, то фигурирование в актах российских крестьян требовало поиска других причин.

Так, в фондах Херсонской духовной консистории сохранились документы, которые свидетельствуют о контроле церковных властей за процессом переселения на юг Украины. В частности,

«Именной список переселенцев из различных губерний в Таврическую в 1848 г.». В нем фиксировались следующие сведения: нумерация лиц мужского и женского пола (отдельно); имена, фамилии переселенцев; название губернии, из которой переселялись; возраст по словесному свидетельству; год и кем были крещены по словесному свидетельству. Наличие графления свидетельствует о типичности документа. Всего в список внесено 298 лиц мужского и 251 женского пола, которые переселились из Орловской, Воронежской, Тульской и других губерний [4, л. 156–174].

О том, что свидетельства переселенцев проверялись, свидетельствуют, в частности, ряд указов консистории, направленных священнику села Терпенье Мариупольского уезда Екатеринославской губернии Якову Черниговскому. Их содержание сводилось к сообщению священнику информации (как правило, в виде выписей из метрических книг), которая была получена из консисторий тех мест, откуда прибыли переселенцы.

Так, например, консистория сообщала священнику села Терпенье о результатах проверки сведений о переселенцах из Тульской и Воронежской губерний [4, лл. 163 об, 168–171].

Документы, которые служили удостоверением личности, как правило, в архивы не попадали и сохранились фрагментарно. Однако в фондах Херсонского духовного правления сохранилась небольшая коллекция подобных документов, которая включает: 1) метрические свидетельства; 2) свидетельства о том, что лицо значится в ревизских сказках или материалах народной переписи определенной местности за определенный период; 3) отпускные свидетельства, выданные волосными правлениями или помещиками [6, лл. 1–160].

Процесс приобретения статуса местного жителя занимал определенное время. Об этом свидетельствуют записи в метрических книгах начала XX в. Так, например, в метрике села Акимовка Мелитопольского уезда Таврической губернии в 1915 г. в акте о браке жених записан как «причисляемый к Акимовской волости из крестьян Калужской губернии Мединского уезда Полотняно-Заводской волости села Муковина Иоанн Иоаннов Чугреев» [3, л. 215 об – 216].

Проведенные мною исследования записей метрических книг Рождество-Богородичной церкви села Деревецкое Мариупольского уезда Екатеринославской губернии, в которых активные (с гражданской, а не церковной) точки зрения участники (родители, жених, невеста, умершие) были записаны не как местные жители показали, что за период с 1886 по 1905 гг. из 2410 записей 786 (или 32,72%) касаются указанной категории.

При этом во внимание не брались записи части «О бракосочетавшихся», в которых один из вступающих в брак был жителем Деревецкого, т.к. их появление можно объяснить брачными миграциями.

Кроме лиц, записанных в актах как «крестьяне села Деревецкое» в актах в течении ряда лет фигурируют:

- 1) жители соседних, географически близких уездов;
- 2) лица, относительно которых имеется только информация о социальном статусе и отсутствует географическая атрибуция;

- 3) лица, записанные как жители других губерний, уездов, населенных пунктов. В частности выходцы из таких губерний России как Тульская, Тамбовская, Курская, Нижегородская, Орловская и Калужская. Примечательно, что список губерний совпадает с тем, который исследователи называют при перечислении переселенческих потоков на юг Украины [детальнее см. напр, 1].

Всего по результатам исследований была частично восстановлена история 35 семей, которые в течении длительного времени регистрировали акты в церкви Деревецкого и, судя по частоте приглашения быть восприемниками и свидетелями на свадьбе, были интегрированы в местную общину, хотя формально продолжали оставаться жителями других сел, уездов и губерний.

Таким образом, в архивах юга Украины сохранилось немало документов церковного происхождения.

В отличие от документов государственной статистики, которые содержат формализованные данные, информация церковной документации персонализирована, что открывает широкие перспективы для исследований генеалогического, микроисторического, социального характера.

Информация из источников церковного происхождения позволяет дополнить и уточнить историю переселения из России на юг Украины, пролить свет на судьбу переселенцев, процесс их интеграции в местное сообщество и т.д.

Источники и литература

1. Иванова Ю.В., Чижикова Я.Н. Из истории заселения Южной Украины // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. – М.: Наука, 1979. – С. 3–11.
2. Материалы для оценки земель Екатеринославской губернии. – Екатеринославское товарище-

- ство «Печатня С.П. Яковлева». – 1902. – 260 с.
3. Метрическая книга Казанско-Богородичной церкви села Акимовка Мелитопольского уезда Таврической губернии за 1914–1915 гг. – ГАЗО, ф. р-5593, оп. 3, д. 22, 268 л.
  4. Свидетельства о рождении, списки детей, которым сделаны прививки от оспы, именной список переселенцев из разных губерний. – ГАЗО, ф. ф-246, оп. 1, д. 105, 254 л.
  5. Список населенных пунктов Таврической губернии. Выпуск 1. – Симферополь: Типография Таврического губернского земства, 1914 г. – 104 с.
  6. Херсонское духовное правление г. Херсон. – ГАХО, ф. 207, оп. 1, 290 л.

ТЕХНИКА В ХОЗЯЙСТВЕ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

*Петр Данилов
(Тобольск, Россия)*

Издавна русский крестьянин пользовался ограниченным ассортиментом орудий труда, в первую очередь сохой и бороной, однако со временем технические новшества стали проникать и в сельский быт. В Западной Сибири этот процесс получает развитие в конце XIX столетия с проведением Транссибирской магистрали. Железнодорожное сообщение ускорило внутренний и внешний товарообмен Сибири, удешевило перевоз грузов. По железной дороге в Сибирь стала поступать сельскохозяйственная техника, ввоз которой в конце XIX – начале XX вв. постоянно рос. Спрос рождал предложение. Если в 1897 году в Сибирь было ввезено 51132 пуда земледельческих орудий, то в 1903 году уже 1061539 пудов [Соболев 1908, 27], при этом 81 % этой техники был заграничного происхождения. Ввоз сельскохозяйственной техники в Россию начался в 60-х гг. XIX века. Поставщиками в то время были Англия и Германия, а с 1876 года и США. Из этих стран ввозили паровые молотилки, сепялки и жатвенные машины [Фаресов 1895, 559]. С 1898 по 1917 гг. в Сибири было продано привозных машин и орудий на 250 – 300 млн. рублей. Наибольшее количество продаж пришлось на шестилетие 1908 – 1913 гг., когда Сибирь получила 20 млн. шт. машин на 114 млн. рублей [Бочанова 1978, 189]. Изготовление сельскохозяйственной техники началось и на отечественных предприятиях. Одними из первых стали производить технику Воткинский завод на Каме и завод «Э. Липгард и К⁰» в Москве. К 1914 году в России насчитывалось 921 предприятие по выпуску сельскохозяйственной техники. Производство было сосредоточено на Украине (55 %), в центральной России (40 %) и на Урале (5 %) [Фаресов 1895, 560; Винокуров, Суходолов 1996, 145].

С началом активного переселения в начале XX века европейского крестьянства в Сибирь правительство предпринимает меры к успешному оседанию выходцев из России на землю в земледельческой полосе Сибири. С этой целью стали создаваться специальные склады, где переселенцы могли приобретать машины, орудия, семена, листовое железо и прочие предметы. Оплата производилась наличными, можно было получить ссуду в государственном банке под залог купленных машин. Эта мера правительства оказалась успешной, количество складов непрерывно росло. В начале XX века К. Оланьон писал о наличии 24 складов. Главные из них находились в Омске, Кургане, Петропавловске, Ишиме, Таре, Петухове, Акмолинске, Барнауле и Красноярске.

Правительство занималось только продажей сельскохозяйственной техники, производство находилось в руках международной компании «Интернациональ Гарвестер К⁰» в Америке [Боголепов 1908, 193; Оланьон 1903, 90]. Успех казенных складов послужил стимулом для появления частных фирм и владельцев на рынке сельскохозяйственной техники. Количество государственных и частных складов в Сибири непрерывно возрастало. В Тобольской губернии перед началом Первой Мировой войны действовало 59 складов [Таблица] [Памятная книжка... 1915, 141-142]. Из них 37,3 % складов принадлежали двум владельцам – Переселенческому Управлению (12) и международной компании

Молотилки, плуги и веялки пользовались большим спросом, на рынке ощущался их недостаток, следствием чего стало появление мастерских по их производству. В этом были заинтересованы не только крестьяне, но и владельцы складов, зачастую выступавшие в роли заказчиков у местных мастеров. Кроме того, техника, изготовленная местными умельцами, была на порядок дешевле, чем привозная. Так, в Ирбите молотилки стоили от 80 до 150 рублей, в Омске от 150 до 180 рублей, изготовленная кустарем оценивалась в среднем в пределах 40 – 90 рублей [Обзор Тобольской губернии... 1903, 23-24; Обзор Тобольской губернии... 1905, 53]. Цены различались по уездам. В Тарском уезде в Утьминской волости веялки продавались по 30 рублей за штуку, в Аевской волости по 15 – 17 рублей, в Бутаковской волости по 20 рублей. В Ялуторовском уезде веялки продавали по 20 – 30 рублей; в Курганском уезде в Митинской волости по 25 – 30 рублей, в Морайской волости по 8 рублей, моло-

тилки по 30 – 40 рублей [Скалозубов 1895, 59-60; Скалозубов 1902, 58, 82, 91; ГУТО ГА в Тобольске, ф. 417, оп. 1, д. 343, л. 239-239 об.].

Склады сельскохозяйственной техники в Тобольской губернии в начале XX в.

владелец	Ишим с уездом	Курган с уездом	Тарас уездом	Туринск с уездом	Тюкалинск с уездом	Тюмень с уездом	Ялуторовск с уездом	Тобольск с уездом	Итого
Главное Управление Землеустройства и Земледелия								1	1
Переселенческое Управление	6	2	1	1		1	1		12
Т-во В. Г. Столь и К ⁰	2	1			1				4
Адриан Плат и К ⁰	2								2
Т-во Работник	2	1							3
Международная Компания	4	1	1			1	3		10
Сельскохозяйственные общества	1		2				2		5
Готлиб Рейзер	2								2
Ялуторовск. Отд. Москов. Общ. с\х	1						1		2
Ванюков А. П.		1							1
Братья Кейль		1							1
Русско-Шведское Т-во		1							1
Эйнер Кипп			1						1
Касацкий И. А.			1						1
Дудиков П. В.			1						1
Семенов И. Н.			1						1
Кичеров А. А.			1						1
Шестеркин Е. Д.			1						1
Шадрин С. Д.			1						1
Фирма «Чемпион»			1						1
Шипаев И. М.					1				1
Блэндовский Э. А.					1				1
Силин Т. А.					1				1
Иевлев С. М.					1				1
Т-во «Братья Ченцовы»							2		2
Кредитное т-во							1		1
Всего	20	8	12	1	5	2	10	1	59

Некоторые из этих мастерских достигли значительных успехов за счет качества изделий и их усовершенствования. Так, в Тобольске с 1897 года действовала мастерская А. С. Аксенова, изготавливавшая сохи. Изделия сбывались в Тобольском и Ишимском уездах по цене 4 руб. 50 коп. В Кургане с 1886 года действовала мастерская Ивана Степановича Зырянова. Владелец делал молотилки, веялки и бороны. И. С. Зырянов внес изменения в устройство молотилки, заменив железный привод деревянным с рогалями – воробами для каната. Эти приводы под названием «сибирской воробы» получили широкое распространение благодаря своей дешевизне. В Тюменском уезде изготовлением сох и веялок занимались в Червишевской волости крестьянин Пермитин, в Успенской волости крестьяне И. Ермаков и Серебренников. Свои изделия они сбывали в Тюмени, Томске, Семипалатинске. Материал – железо, сталь – приобретали на Уральских заводах [Скалозубов 1902, 5-6, 21-22, 82, 90]. В большинстве уездов в деревнях действовали небольшие мастерские, обслуживавшие нужды односельчан, зачастую за дело брались кузнецы. Сведения об этом встречаем в официальной статистике – вопросных бланках о состоянии ремесел в уездах, сбор которых осуществлялся в 1910, 1912, 1914 гг. [ГУТО ГА в Тобольске, ф. 417, оп. 1, д. 334, л. 65 об., 190 об. – 195, 240 об. – 241, 261; д. 338, л. 17 – 17 об.]. Первая Мировая война оказала негативное влияние на ввоз сельскохозяйственной техники в Сибирь. К 1917 году непополнявшийся машинный парк основательно износился и составлял 49 % от числа необходимой техники [Горюшкин 1967, 204]. Последующие события, связанные с Гражданской войной, привели к прекращению поставок сельскохозяйственной техники на сибирский рынок.

Источники и литература

Боголепов М. Торговля в Сибири// Сибирь, ее современное состояние и ее нужды: сборник статей/ Под ред. И. С. Мельника. СПб., 1908. С. 169-200.

Бочанова Г. А. Обработывающая промышленность Западной Сибири: конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1978.

Винокуров М. А., Суходолов А. П. Экономика Сибири: 1900 – 1928. Новосибирск, 1996.

Горюшкин Л. М. К вопросу о влиянии Первой Мировой войны на сельское хозяйство и положение крестьянства Сибири// Общественно-политическое движение в Сибири в 1861 – 1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 201 – 208.

Обзор Тобольской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1901 год. Тобольск, 1903.

Обзор Тобольской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1902 – 1903 гг. Тобольск, 1905.

Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность/ Перевод с фр. А. Д. Погрузова. СПб., 1903.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 год. Тобольск, 1915.

Скалозубов Н. Л. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии. Тобольск, 1895.

Скалозубов Н. Л. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии. Тобольск, 1902.

Соболев М. Пути сообщения в Сибири// Сибирь, ее современное состояние и ее нужды: сборник статей/ Под ред. И. С. Мельника. СПб., 1908. С. 24 – 36.

Фаресов А. И. Современная Россия// Исторический вестник. 1895. № 5. С. 555 – 574.

Сокращения

ГУТО ГА в Тобольске – Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в Тобольске.

ПАРАДИГМА «КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» 1917 – 1922 ГОДОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*Александр Житков
(Кировоград, Украина)*

Десятилетиями историография шла к осознанию того, что центральной фигурой революции и гражданской войны был человек, гражданин, преследующий свои конкретные цели, сколь бы различны они не были [Протасов 2007, 126]. В большинстве исследований российских и украинских историков «человек с ружьем», при внимательном рассмотрении, оказывался обычным крестьянином, оторванным от сохи, мобилизованным в армию, и призванным стать действующим лицом великой «крестьянской революции» 1917 – 1922 гг.

Крестьянская тема занимает центральное место среди многообразия трудов по отечественной истории новейшего времени. Ее значимость определяется ролью крестьянства в становлении и развитии национальной государственности славянских народов начала XX столетия.

Основной задачей, определенной автором данной публикации, является обзор накопившейся научной литературы, в которой отражены концептуальные идеи исследования роли крестьянства в

революции и гражданской войне 1917 – 1920 гг. в преломлении историографической традиции российской и украинской исторической науки постсоветского периода.

Следует отметить, что поворотным моментом формирования современных подходов к изучению истории крестьянства стал отказ значительного числа исследователей от старой схемы «двух революций» 1917 года – Февральской и Октябрьской, преобладающей в советской историографии, и признание того факта, что в ней сосуществовали две фазы – социальная и политическая, перспективы развития которых зависели от взаимодействия различных политических сил [Будник 2008, 1]. Новый взгляд на революцию, как на многоуровневый процесс открывал широкие возможности ее целостного исследования в различных плоскостях, независимо от классовой парадигмы, гуманизировал исследовательский потенциал исторической науки в целом.

Наиболее известной схемой революции, подпадающей под определение «крестьянской», является схема, базирующаяся на признании общественной значимости крестьянской общины. Идеалы общественного устройства, построенные на принципах общинной демократии, которые демонстрировали свою жизнестойкость, запас духовности, прочность культурных традиций крестьянства, определяли ход развития событий 1917 г., были названы В.П.Булдаковым «общинной революцией» [Булдаков 1998, 11– 36].

Авторитетнейшие ученые-аграрники В.Данилов и Т.Шанин считали, что глубина социальных, экономических и политических потрясений в истории России начала XX века определялась нерешенностью аграрного вопроса, влиянием крестьянских сословных структур на общество и окрашивалась особенностями менталитета крестьянства [Данилов 1996, 6 – 7; 23]. «Все другие социальные и политические революции, включая большевистскую революцию в октябре 1917 г.», основывались на крестьянском движении, полагал В.П.Данилов [Данилов 1996, 8]. Отмечая своеобразие крестьянских выступлений в различные периоды революции, ученый подчеркивал, что все они «уходили своими корнями в крестьянское малоземелье» [Данилов 1996, 6]. Убежденность крестьян в том, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает своим трудом, проявлялась не только в массовых захватах помещичьих земель, погромах лета – осени 1917 г., открытой войне с большевистским режимом в 1918 – 22 гг., но и в формировании самой радикальной политической программы крестьянской революции. Радикализм и цивилизованность крестьянского движения напрямую зависели от силы государственной машины и способов ее применения в деревне. Крестьянская революция показала способность крестьянского мира не только вырабатывать программу действий, защищать ее, но и видоизменяться под властью обстоятельств [Данилов 1996, 8 – 12].

В украинской историографии исследование крестьянской проблематики активизировалось с середины девяностых годов. Своеобразным эквивалентом признания ее значимости является формула выработанная исследователями и приведенная в фундаментальном академическом труде «История украинского крестьянства» (2006 г.). В этой формуле отмечено, что «характерной чертой революционных событий в Украине являлось тесное единение национального и социального моментов, которые фокусировались на фигуре украинского крестьянина» (Здесь и далее перевод наш, А.Ж.) [Історія українського селянства, 527].

Связующим звеном национального и социального направлений развития революционного процесса в современной модели Украинской национальной революции, по мнению украинских историков, является противостояние двух социумов: города и деревни. В силу этого противостояния украинская национальная революция приобрела характер крестьянского движения, даже в большей мере, повстанческого движения, которое с особенной силой влияло на революционные события в Украине с осени 1918 года. «Приобретенный повстанческим движением масштаб позволяет говорить об Украинской революции, как о революции крестьянской – считает известный украинский историк В.Ф. Верстюк [Верстюк 2007, 132].

Часть исследователей склонны искать первопричины характерных черт украинской революции в особенностях колониальной политики, осуществляемой в Надднепрянской Украине (Левобережье и Правобережье), и западноукраинских землях правительствами России и Австро-Венгрии, отодвигая событийную сторону к 1914 году, признавая тем самым влияние Первой мировой войны на революционные процессы в Украине, специфику крестьянского движения [Грицак 1998, 77].

Определенная смена акцентов, которая произошла в направлении актуализации социально-политической истории украинского крестьянства со второй половины девяностых годов, свидетельствует о новом направлении работы историков-аграрников. В многообразии проблем, поднятых ими, военная составная крестьянских движений, что являлось в предшествующее время своеобразной данью советской историографической традиции, отходит на второй план, уступая место изучению повстанческой идеологии, истории создания органов крестьянского самоуправления на местах – полити-

ческой альтернативы советской модели власти. В особенности эти умозаключения справедливы в отношении масштабных движений, осуществляемых под руководством известных крестьянских вождей, например, таких как Н.И.Махно [Верстюк 1991; В.Волковинский, 1996]. Отказ от трактовки крестьянского движения как сугубо деструктивной силы, наметившийся в последнее время в украинской историографии, обусловил возрастание интереса к развитию источниковой базы проблемы, расширению тематики и географии изучения повстанчества как социально-политического явления [Щербатюк 2010, 49 – 45].

На рубеже столетий становится заметным переход от изучения аграрной революции лета-осени 1917 года как проявлений локальных революционных движений крестьянства, к широкой трактовке проблемы в увязке с политической линией общероссийских и национальных партий, а также различного рода властей. На уровне историографических исследований был сделан вывод о том, что все политические партии в Украине располагали аграрными программами, которые по демократизму и заботе о малоимущих слоях крестьянства ничем не уступали аграрной программе большевиков. При этом отмечалось, что правительства, пребывающие у власти в 1917 – 1918 гг., искали «наиболее оптимальные пути решения аграрной проблемы, в которой на первом месте стояло удовлетворение земельного голода беднейших крестьянских масс» [Земзюліна 1998, 40]. Приобретенный опыт проведения аграрных реформ эволюционным путем в условиях военного времени, присутствия в Украине немецко-австрийских войск, показал нереальность осуществления последних [Ковальова 1998, 17].

Именно аграрный вопрос в его политическом преломлении формировал революционную армию крестьянства, определял его активность и формы борьбы. Украинское крестьянство, как свидетельствует многочисленный архивный материал, результаты исследований аграрной политики в Украине периода национально-демократической революции, являлось силой не столько ожидающей решение вопроса о земле в свою пользу, сколько силой, берущей в свои руки решение этого вопроса. «Никогда не следует забывать того, что «великая крестьянская революция 1902 – 1922 гг.» вопреки всем негативным проявлениям, которые она породила, была явлением объективным, призванным решить тугой узел назревших социально-экономических проблем» – отмечали историки [Ковальова, Корновенко, Малиновський, Михайлюк, Мороз 2007, 251].

Одна из немногих монографий, посвященных данной проблеме, принадлежащая перу украинского исследователя В.Лозового, не случайно получила название «Аграрная революция в Надднепринской Украине: отношение крестьянства к власти в период Центральной рады (март 1917 г. – апрель 1918 г.)» [Лозовий, 2008].

Вопрос о земле и власти в концентрированном виде и на ментальном уровне отображал понимание крестьянством своего места в революции. К началу 1917 года оно оставалось носителем традиционной земледельческой культуры. Патриархально-локальное сознание крестьянства определяло его низкую социальную мобильность и ограниченность политического мышления интересами конкретного населенного пункта, сословия. Проекция ментальных установок на политические отношения революционного периода, которые характеризовались разрушением стереотипа власти, с наступлением «воли» привела к идеализации «своих», сословных властных органов самоуправления – общинных и органов сельського колективного самоуправления – схода. Решения схода в системе крестьянского правосознания являлись не только законными, но и такими, которые должны непременно исполняться. При этом система «внешней» государственной власти воспринималась крестьянами как насильственная, бюрократическая, «придуманная панями». Отсюда и неприятие крестьянством попыток Центральной рады создать на местах путем реформирования волостного земского самоуправления новые органы демократической власти – народные рады и народные управы [Лозовий 2008, 382 – 383, 385].

Отталкивание основной массой крестьян «внешней» власти усиливалось затянувшимся принятием аграрного законодательства в Центральной раде, нерешительностью действий украинского правительства – Генерального секретариата. Наибольшее опасение у крестьянских делегатов вызывала разгоревшаяся в украинском парламенте дискуссия относительно сохранения нормы трудового землевладения в размере 40 десятин. Их сословные позиции нашли отражение в большинстве зафиксированных выступлений на крестьянских сходах, кооперативных съездах и, в том числе, с парламентской трибуны Центральной рады.

В частности в своем выступлении на очередном заседании восьмой сессии Центральной рады (декабрь 1917 г.) делегат-крестьянин Мицкевич фактически отказал в доверии временному, до Учредительного собрания, аграрному закону украинских социал-демократов. «Пусть скажут ясно: земля крестьянам или нет? Если крестьянам, то уничтожьте собственность на землю с корнем, а не оставляйте по 40 десятин, чтобы не выросло старое. Потому что по 40 десятин теперь – это те, которые против нас с крупными землевладельцами. Говорят, крестьянство зелено, а я скажу, что уже созрело,

чтобы не принимать таких зеленых законов», отмечал делегат от украинского крестьянства [Киевская мысль, 1917 г.]. Из материалов обсуждения хорошо видны настроения крестьян на осуществление «черного передела» в деревне, оказание прямого давления в ситуации политического противоборства вокруг решения судьбы законопроекта, представленного украинскими социал-демократами – УСДРП. 17 декабря 1917 г. Центральная рада приняла соответствующее постановление вследствие проведения прений по проекту решения предложенного партией украинских эсеров (УПСР) о принципиальных подходах к решению аграрного вопроса: «за» - 131 голос, «против» - 101, «воздержались» - 13. Проект аграрной программы социал-демократов был отправлен в отставку. Правительству Украины было поручено разработку нового проекта аграрного закона на принципах «...ликвидации частной собственности, осуществления социализации земли, ... согласно постановлению Седьмой сессии Центральной рады» [Українська Центральна рада 1996, 35].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что содержательный потенциал источников, ярко характеризующий политическую сторону борьбы украинского крестьянства за землю на демократическом этапе развития революции в марте 1917 – апреле 1918 г., как и в последующие периоды, далеко не исчерпан исследователями.

Разработка концептуально значимых проблем истории крестьянства на современном уровне требует активизации организаторских усилий, укрепления издательской базы, координации исследований. В контексте сказанного, следует отметить роль Научно-исследовательского института крестьянства созданного под эгидой Национальной академии наук Украины и Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (2000 г.). Институт крестьянства объединил в сообщество историков-аграрников значительное количество исследователей, работающих над проблемами социально-экономической, политической и социоментальной истории украинского крестьянства. С 2001 года результаты изучения этой проблематики публикуются на страницах специализированного издания «Український селянин». В двенадцати номерах этого научного журнала отражены материалы международных и всеукраинских симпозиумов по аграрной истории, в которых принимали участие российские, польские, украинские исследователи. Анализ этих материалов свидетельствует о возрастающем интересе историков-аграрников к теоретическим проблемам крестьяноведения, изучению менталитета крестьянства, роли общины и органов крестьянского самоуправления, их влияния на развитие революционного движения в различных регионах.

Таким образом, современные концептуальные подходы к изучению места крестьянства в революционном процессе 1917 – 1922 гг. во главу угла ставят аграрный вопрос. Большое внимание отведено в научной литературе последних лет проблемам социоментальной истории крестьянства. Сделан заметный шаг в сторону изучения политической составной крестьянского движения. Продолжается активный поиск ответов на ряд вопросов сформированных логикой исследования археографического материала. Среди них приобретают новое звучание вопросы взаимовлияния общественных и сословных структур представительства, организованности и стихии в крестьянском движении, формирования традиций освободительной борьбы крестьянских масс.

Источники и литература

Будник Г.А. Новые подходы к изучению революции 1917 г. в России /Г.А.Будник// Вестник Ивановского государственного энергетического университета имени В.И.Ленина. – 2008. – Вып. 1. – С. 1 – 5.

Булдаков В.П. Октябрь и XX век: Теория и источники (1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому мышлению) – М., 1998. – С. 11 – 36.

Верстюк В.Ф. Махновщина. Селянський повстанський рух на Україні (1918 – 1921). – Київ, 1991. – 368 с.

Верстюк В. Селянська проблема в політиці українських політичних сил та урядів 1917 – 1920 рр. // Історія українського селянства: Нариси в 2-х т. / НАН України; Інститут історії України / В.А.Смолій (відпр. Ред..) – Київ, 2006. – Т.1. – С.527 – 555.

Верстюк В. Українська революція: метафори, предмет, інтерпретація. // Україна – Росія : діалог історіографій. Матеріали міжнародної наукової конференції. Київ – Чернігов, 2007. – С 128 – 134.

Волковинський В.М. Нестор Махно: легенди і реальність. – Київ, 1994. – 252 с.

Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). – Архангельск, 2000. – 278 с.

Грицак Я. Нариси з історії України: Формування української модерної нації XIX – XX століття. – Львів, 1998. – 249 с.

Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902 – 1922 гг. // Крестьяне и власть. – Москва – Тамбов, 1996. – С. 4 – 23.

Земзюліна Н.І. Аграрне питання в українській революції: в пошуках шляхів розв'язання. Исто-

ріографічний нарис. – Київ, 1998. – 43 с.

Історія українського селянства. – Т.1. – Київ, 2006. – 632 с.

Киевская мысль. – 1917 г. – 16 декабря.

Ковальова Н.А. Аграрна політика українських національних урядів (1917 – 1921 рр.) / Автореф. ... канд. ... дис. – Дніпропетровськ, 1999. – 22 с.

Ковальова Н., Корновенко С., Малиновський Б., Михайлюк О., Мороз А. Аграрна політика в Україні періоду національно-демократичної революції (1917 – 1927 рр.). – Черкаси, 2007. – 280 с.

Лозовий В. Аграрна революція в Наддніпрянській Україні: ставлення селянства до влади в добу Центральної ради. – Камянець-Подільський, 2008. – 480 с.

Українська Центральна рада. Документи і матеріали. У 2-х тт.. – Т.2. – Київ, 1996. – 422 с.

Протасов Лев. Незабываемый 1917-й: историографические заметки. // Україна – Росія : діалог історіографій. Матеріали міжнародної наукової конференції – Київ – Чернігов, 2007. – С.115 – 128.

Щербатюк В.М. Повстанський рух під проводом Н.Махна в сучасній вітчизняній історіографії // Наука. Релігія. Суспільство. – 2010. - №2. – С. 49 – 65.

ОБРАЗ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА В 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА

*Гаджимурад Искендеров
(Махачкала, Россия)*

XXI век предполагает радикальную смену алгоритмов экономического и социального развития, что связано с появлением новых факторов, определяющих качество и темпы развития государства, общества и экономики. Речь идет прежде всего о том, что в социальной программе российского государства большое место занимает улучшение условий труда, быта, жизни, совершенствование образа жизни населения.

В связи с практическим решением масштабных задач в сфере социального строительства, все большее значение приобретает исследование опыта радикальных изменений, которые произошли в общественных отношениях в национальном селе в недавнем прошлом.

Сельский образ жизни следует рассматривать как с точки зрения сложившихся общих черт образа жизни носителей страны, так и с учетом его специфики, особенностей различных регионов.

При рассмотрении основных сфер сельской жизни устанавливаются рельефные различия с жизнью города. При подобном сопоставлении мы констатируем довольно заметную разницу как в материально-технических условиях, так и в формирующихся на их основе особенностях образа жизни в развитии производственных отношений, в уровне и характере материального благосостояния и культуры, в организации быта и расселения, в обеспеченности средствами связи и транспорта.

Не касаясь всего комплекса причин этой разницы, следует отметить, что эти различия – социально-экономические и культурно-бытовые – обусловлены как различием исходных пунктов исторического развития города и села, так и существующим еще до сих пор неравномерным распределением материальных и духовных средств и возможностей. [Кочан, 1964, 32]

В условиях Дагестанской АССР культурно-бытовые различия особо проявляются во-первых, в уровне общего и технического образования, во-вторых, в типах расселения сельских жителей и характере их культурно-бытового обслуживания, что непосредственно связано с количеством и качеством потребляемых культурных благ, в-третьих, в уровне сознания, что сказывается на сохранении феодально-патриархальных традиций и обычаев, а также на отношении к общественному труду отдельной части сельских жителей.

Существенные различия между городом и деревней проявляются в типах поселения и в культурно-бытовом обслуживании. Этот факт проходит мимо ряда наших исследователей, изучающих проблему города и села. Для исследования часто берется не конкретное село или тип сел, характерный для данного экономического района страны, а вообще село, деревня, аул, не конкретный город, а вообще город, в результате чего стирается острота проблемы. Между тем общеизвестно, что в нашей стране существуют самые разнообразные сельские поселения. По Всесоюзной переписи населения 1970 года, в СССР насчитывалось более 700 тысяч сельских поселений, в которых проживала почти половина населения страны. Большинство этих поселений – крохотные деревушки с населением до 100 человек, они составляют 71,2% всех сел страны. Это, как правило, деревни из 25 – 30 дворов.

Еще более разнообразны населенные пункты в Дагестанской АССР, где из 1660 аулов число аулов с населением до 100 жителей составляет 20,5%, от 100 до 200 - 17,8%, от 200 до 500 - 29,2%, от 500 до 1000 - 17,3% и более 1000 жителей-15,2%. Большинство аулов ДАССР представляет собой разбросанные мелкие населенные пункты от 40 до 80 хозяйств. В этом отношении особо выделяется высокогорный Тляратинский район, где имеется наибольший в ДАССР процент мелких разбросан-

ных аулов, отдаленных от районного центра на расстояние до 25 км. Из 91 аула упоминаемого района 9 - с населением от 11 до 25 человек (всего здесь проживает 297 человек), 13 - с населением от 26 до 50 человек (всего проживает здесь 487 человек), 28 - с населением 50 - 100 человек (всего здесь проживает 2118 человек), 23 - с населением 100 - 200 человек (3163 человека), 18 - с населением 200 - 500 человек (5938 человек) и только в трех аулах проживает от 500 до 1000 человек. [Итоги Всесоюзной переписи 1970, 32] Скудность дворов, отсутствие свободного места для строительства домов городского типа – все это результат раздробленности сельских поселений.

Здесь мало культурно-бытовых учреждений. В ряде аулов Тляртинского, Гумбетовского, Цунтинского, Агульского, Рутульского районов имелись только клубы и библиотеки, не всегда отвечающие современным требованиям.

Материальная база культуры и быта в сельской местности значительно слабее, чем в городе. Об этом свидетельствует то, что из 636 библиотечных помещений в сельской местности в 1972 г. 54 являлись арендованными, из 717 сельских клубов для культурно-массовой работы имели одну или две комнаты только 379 клубов. В ряде сельских клубов не было достаточного количества музыкальных инструментов, а также других технических средств. [ГАРД. ф.1236 оп. 2, д. 69, л.77]

По данным Министерства культуры Дагестанской АССР, на 1 января 1974 года из 589 сельских Домов культуры и 264 сельских клубов только в 163 сельских клубах имелись телевизоры, в 449 – магнитофоны, в 128 – проекционные аппараты, в 83 – рояли и пианино, в 60 – киносьемочные камеры, в 67 – радиотрансляционное устройство, в 71 – комплекты музыкальных инструментов, в 523 клубах – 717 баянов, гармоний, кумузов и аккордеонов. [ГАРД. ф.1236 оп. 2, д. 89, л.17]

Заметно повысилась требовательность сельского населения к их работе.

Эта требовательность объективно вынуждала работников сельских клубов и библиотек повышать свое мастерство, искать наилучшие формы организации культурно-массовой работы, в конечном итоге иметь специальное образование.

К сожалению, подавляющая часть лучших специалистов работала в городах и поселках городского типа, в то время как в селениях работали менее квалифицированные специалисты.

Так, например, по данным Казбековского, Гумбетовского и Хасавюртовского отделов культуры, из 116 сельских клубных работников всего 12 человек имели профессиональную подготовку, а большинство руководителей клубов и библиотек – люди со средним образованием.

В то же время в городе работают в основном специалисты со средним и высшим образованием.

Недостаточно обеспечены были квалифицированными культпросветработниками Гумбетовский, Ахвахский, Ленинский, Тляртинский, Бабаюртовский, Акушинский районы.

На 1 января 1974 года в Дагестанской культурно-просветительной школе из этих районов обучались единицы, а в высших учебных заведениях культуры в Москве и Ленинграде не было ни одного человека.

Текущая кадров учреждений культуры в Тляртинском, Буйнакском, Цунтинском и других районах достигла 10%. Это обстоятельство в большинстве случаев связано было с тем, что приехавшим в аул специалистам часто не создавались элементарные бытовые условия.

За 1970 – 1978 гг. в Московском и Ленинградском институтах культуры было подготовлено 28 человек из коренного населения Дагестанской АССР, которые работают в основном в городах.

Задача заключалась в скорейшем преодолении текучести кадров культпросветучреждений.

Этого можно было добиться за счет подготовки кадров из сельской молодежи, окончившей сельскую школу, с одной стороны, и закрепления ее в ауле путем создания материальных и культурно-бытовых условий – с другой.

К сожалению, степень электровооруженности аулов не могла удовлетворять возросшие потребности хозяйств в электроэнергии, и это резко тормозило развитие быта в сельской местности.

На 1 декабря 1974 года из 92 313 колхозных дворов электрифицировано 74956, из 1647 населенных пунктов – 636. [ГАРД. ф.168-р, оп. 64, д. 17, л.28]

Недостаточно использовалась электроэнергия и в колхозном производстве.

Общественные формы бытового обслуживания в ауле слабее развиты, чем в городе. В городах, как известно, давно существуют различные учреждения коммунально-бытового обслуживания - водоснабжение, хлебопечение, стирка белья, баня, парикмахерская, химическая чистка одежды, фабрики-кухни, специализированные магазины, где можно взять напрокат телевизор, пылесос, фотоаппарат и другие бытовые машины.

Даже в 70-е годы в отдельных аулах республики отсутствовали бытовые учреждения (парикмахерские, прачечные, столовые, пекарни, мастерские, павильоны, ателье бытового обслуживания).

Как показывали исследования, один районный комбинат бытового обслуживания, как правило действующий в районном центре, при существующей технической его вооруженности не мог удовлетворять каждодневно растущие бытовые потребности сельских жителей района.

Так, Казбековский районный комбинат бытового обслуживания в основном обслуживал жителей Дылыма – районного центра и близлежащих аулов, а передвижная мастерская районного комбината бытового обслуживания не могла своевременно брать в ремонт и своевременно доставлять заказчику бытовые предметы. Даже в таких крупных аулах этого района, как Буртунай, Ленинаул, Гертма, с населением от 1000 до 3000 человек, до 1970 года отсутствовали бытовые учреждения, а поэтому в целях удовлетворения своих бытовых потребностей жители упомянутых аулов вынуждены были оставлять на 1 – 2 и даже несколько дней, производство и ехать в районный центр или в город Хасавюрт, Махачкалу.

Большое значение для улучшения бытового обслуживания сельского населения имеет наличие в сельских магазинах товаров культурно-бытового назначения и домашнего обихода. В отдаленные аулы не всегда завозили товары культурно-бытового назначения – холодильники, телевизоры, стиральные машины, ковры, электробытовые приборы и др.

Многие жители селений жаловались именно на отсутствие названных товаров. В магазине селения Алмак Казбековского района в августе 1975 года было только несколько кусков ситца и другой ткани, которые никто не покупал, несколько ящиков печенья и конфет, 2 ящика хозяйственного мыла, полмешка сахара и 20 ящиков минеральных напитков [Дагестанская правда, 1975, 30 июля]. Это являлось результатом плохой организации торговли товарами культурно-бытового назначения и домашнего обихода.

В Агульском, Ботлихском, Гергебильском, Цумадинском, Магарамкентском, Тляратинском, Гумбетовском, Цумадинском, Кулинском, Хивском и других районах на центральных усадьбах колхозов и совхозов недостаточно было Домов быта и комплексных приемных пунктов. Кроме того, имелись факты, когда помещения построенные для предприятий бытового обслуживания, использовались не по назначению.

Несмотря на это услуги, предоставляемые предприятиями коммунального и бытового обслуживания в конце 70-х годов стали неотъемлемой частью общественного и семейного быта. Количество видов бытовых услуг за 1975-1980 гг. увеличилось на 133, и оказывалось 440 видов услуг, в том числе на селе около 200, против 300 и 95, оказываемых в 1970 году. Как видно из данных, в городе бытовых услуг оказывали в 2,4 раза больше, чем в сельской местности. [Дагестанская правда, 1981, 16 января].

В районных центрах, на центральных усадьбах совхозов и колхозов и других крупных населенных пунктах была создана сеть организаций общественного питания: чайных, столовых, кафе.

Расходы на питание занимают наибольший удельный вес: в 1975г. в среднем на семью колхозника они составили 32,6%, а в 1980 – 38,4% [ГАРД. Ф.22-р, оп. 56, д.127, л.4].

Изменяется структура питания в сторону увеличения удельного веса высококалорийных продуктов и сближения ее с научно обоснованными нормами питания.

Особенностью изменения структуры питания населения являлось последовательное уменьшение потребления хлебных продуктов и картофеля.

В сельской местности Дагестана удельный вес объема реализации муки и зерна через потребительскую кооперацию в общем объеме розничного товарооборота составил в 1961г. – 6,1%, 1965г. – 6,6%, 1970г. – 6,2%, в 1975г. – 5,6%, в 1980г. – 5,2%. По картофелю же эти показатели следующие (в %): 1961г. – 0,2, 1965г. – 0,2, 1970г. – 0,1, 1975г. – 0,18, 1980г. – 0,16 [ГАРД. Ф. 22-р, оп.56, д.159, л.37].

Прослеживается и такая тенденция: чем выше доходы семьи, тем меньшую долю в общей стоимости потребляемых товаров занимают продукты питания.

Существенно меняется потребность колхозного крестьянства и рабочих совхозов в одежде. Быстрыми темпами увеличиваются затраты сельских семей на приобретение мебели, предметов культуры и быта. Показательно, что в бюджете колхозников доля расходов на приобретение одежды, обуви, мебели, предметов культуры и быта возросла с 18,2% в 1979г. до 22,5 в 1980г. Для сельского населения особо важно было развитие телевидения и радио. Жители даже самых отдаленных высокогорных районов, чабаны, находящиеся на отгонных зимних пастбищах, постоянно бывают в курсе событий происходивших в стране и за рубежом.

Радиотоваров в 1975г. продано на 4889 тыс.руб. против 775 тыс. руб. в 1961г., а на душу населения продажа увеличилась в 4 раза. Телевизоров сельскому населению продано в 1978г. 8567 против 4735 в 1970г. [Дагестанская правда, 1979, 28 декабря].

Расширилась реализация на селе холодильников, автомобилей, мотоциклов и других товаров культурно-бытового назначения длительного пользования.

Продажа легковых автомобилей на селе, в 1975г. увеличилась по сравнению с 1970г. более чем в три раза, а мотоциклов – на 36%. Если в 1970г. было продано 498 штук, в 1975г. – 1800 штук, мотоциклов в 1971г. 1122 штук, а в 1974г. – 1504. Холодильников бытовых в 1962г. было продано 4480 штук, а в 1973г. – 8406(187,3%) [Дагестанская правда, 1976, 19 января].

Если исходить из сравнительных статистических подсчетов, то можно сделать вывод, что по-

требительский спрос сельских жителей все ближе приближался к спросу городских жителей. В то время как различия в продовольственном потреблении незначительны, обеспеченность на селе товарами бытового и культурного назначения была еще значительно ниже, чем в городе.

При оценке обеспеченности сельского населения товарами культурно-бытового назначения следует учитывать, что большое количество этих изделий сельское население покупало в городах, поскольку в магазинах государственной торговли выбор этих товаров был обычно шире, чем в торговой сети потребительской кооперации. Аналитическим отделом Дагпотребсоюза в 1973г. был проведен анкетный опрос 1200 семей сельских жителей (7347 чел.) в 7 районах Дагестана, о географии покупок непродовольственных товаров в городах Дагестана, где в 70-е годы торговала только государственная сеть. Из числа опрошенных семей в городе купили (в %%): телевизоры – 23,4, радиоприемники – 20,8, велосипеды – 21,4, часы наручные мужские – 45,1, стиральные машины – 16,3, швейные машины – 13, мебель – 24,6, кровати металлические – 9,6, костюмы мужские – 32,7. [Бучаев, 1975, С.261]. Каждая семья в год выезжала в город 9,3 раза и затрачивала на каждую поездку массу времени, отвлекаясь от сельскохозяйственного производства. Поездки в города за покупками товаров вызвали у сельских жителей дополнительные расходы.

На преобразование всего уклада сельской жизни возрастающее влияние оказывает фактор культуры. О росте духовной потребности сельского населения в определенной мере свидетельствуют показатели культурных мероприятий: посещаемость кино, концертов, спектаклей, подписок на периодическую печать, покупка книг и журналов. Например, в Дагестанской АССР один сельский житель в 1974г. в среднем посещал кино 28 раз, городской житель – 34, в 1978г. сельский житель – 38 раз, городской – 32. В 1975г. подписка на газеты и журналы на 1 тыс. жителей составила 1152 экз., а по Российской Федерации – 1157. [ГАРД. ф.168-р, оп.69, д.72, л19].

В сфере удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей сельских жителей Дагестана в 70-е годы XX века было еще немало сложных и трудных проблем, разрешение которых требовало огромной работы. В то же время в рассматриваемые годы всемерное развитие получил такой образ жизни сельского населения, такие его черты, как коллективизм, социальное равенство, уверенность в социальной перспективе, высокий престиж образования и культуры, здоровая нравственная атмосфера.

Источники и литература

1. Бучаев Г.А. Уровень жизни и торговля на селе. Махачкала, 1978, С.261.
2. Государственный архив Республики Дагестан (ГАРД). ф.1236, оп. 2, д.69, л.77.
3. Там же, д.81, л.17.
4. Там же, л.84.
5. Там же, ф.168-р, оп. 64, д.17, л.28.
6. Там же, ф.22-р, оп. 56, д.127, л.
7. Там же, ф.22-р, оп. 56, д.159, л.37.
8. Дагестанская правда, 1975, 30 июля.
9. Дагестанская правда, 1981, 16 января.
10. Дагестанская правда, 1979, 28 декабря.
11. Дагестанская правда, 1976, 19 января.
12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970г. М.1970. С.32.
13. Кочин И.И. Преодоление социально-экономических различий между городом и деревней. М.1964, с.32.

СОВЕТСКАЯ АВТОРИТАРНАЯ СИСТЕМА И КОЛХОЗНАЯ ДЕРЕВНЯ В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ: СТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

*Елена Кириянова
(Рязань, Россия)*

В исторической науке уже была дана достаточно развернутая характеристика советского авторитарного управления и его основных черт: монополия чиновников на выработку и проведение политики, тайна политических и управленческих процессов, политические привилегии и количественный рост (число служащих, административных структур и нормативно-распорядительных документов)

аппарата, преобразование социальных и политических проблем в административные, пропаганда убеждения в том, что государство есть главный источник материального благополучия граждан и гарант социального порядка, связь между ростом расходов на управление и хищением государственных средств, подчинение законодательства исполнительной власти, канцелярщина, волокита, прямая и косвенная коррупция, громоздкость административной машины, искусственное создание социальных групп, материально и политически обязанных правительству, регламентация политической жизни и производства социально-политических знаний, сокрытие правды о положении государства и его отношениях с другими странами [Макаренко В.П. 1989, 33-34].

Политический режим конца 1920-1930-х годов в нашей стране складывался не только под воздействием социально-экономических факторов, но и под влиянием характера политических деятелей, конкретного хода политических событий, традиций политической культуры и других обстоятельств. Среди основных причин формирования режима личной власти Сталина историки называют: плотное капиталистическое окружение СССР, общую отсталость страны, невысокий уровень ее социально-экономического и особенно культурного развития; увеличение роли централистских начал и резкое сужение начал демократических; революционное насилие [Режим личной власти 1989, 17, 21, 25, 26, 37]. На формирование сталинского режима определенное влияние оказала слабость демократических традиций, умений, привычек, навыков защищать свои права.

Не последнюю роль сыграли и личностные особенности И.В. Сталина – сочетание в нем политической пронизательности, сильной воли, выдающихся организаторских способностей с неограниченным властолюбием, невысокой культурой, грубостью, болезненной подозрительностью, жестокостью, абсолютной политической безнравственностью.

Социально-экономические особенности страны (многомиллионное патриархальное крестьянство, невысокий уровень развития промышленности, слабость пролетариата) в сочетании с особенностями политического развития в 1920-1930-е годы привели к складыванию директивной экономики. Колхозы попали в само основание этой системы, став источником материальных и человеческих ресурсов для государства.

Директивное планирование было одним из элементов существовавшей системы управления сельским хозяйством. Составление производственных планов колхозов превращалось в разверстку государственных заданий, полученных из центра. Организация производства от начальных процессов всего цикла сельскохозяйственных работ вплоть до завершающих операций по сдаче продукции государству была строго регламентирована и централизована. В архивах сохранилось множество документов по севу и уборке зерновых культур, посадке, прополке, окучиванию овощных, сеноуборке, силосованию, молотье и т.д. Эти и другие сельскохозяйственные работы определялись для каждого колхоза с точностью до гектара и в строго определенные сроки. Все эти задания спускались сверху – для рязанских, тульских, калужских и прочих колхозов они поступали из Москвы, из Московского областного исполнительного комитета и Московского областного земельного управления. Очевидно, из кабинетов этих учреждений лучше виделись все особенности земледелия в подведомственных районах.

Но такие методы планирования себя не оправдывали, поэтому часто практиковался пересмотр и изменение плановых заданий, перекалывание заданий, срываемых одними колхозами, на плечи других, более мощных артелей. Так, в июне (!) 1934 года в соответствии с постановлением Московского областного исполнительного комитета был определен дополнительный план сева яровых зерновых в Захаровском районе – 700 га для 37 колхозов [ГАРО. Ф.Р-28. Оп.1. Д.12. Л.129], в Сапожковском районе – 1400 га [ГАРО. Ф.Р-38. Оп.1. Д.151. Лл.53-57].

Местные руководители неоднократно отмечали серьезные недостатки в планировании областных организаций, говоря о том, что «МОЗО (Московский областной земельный отдел)... планирует с потолка» [ЦГАМО. Ф.2157. Оп.1. Д.927. Л.203-204], «контрольные цифры преподносятся колхозам не один раз», «районные организации дают нереальный план посева, т.е. преувеличивают, а расширение посевных площадей невозможно, приходится на крыше сеять или с непосеянного госзаготовок платить» [ЦГАМО. Ф.2157. Оп.1. Д.1205. Л.71, 211]. Аналогичным было положение с планированием в животноводстве: «В ряде районов план превратился в пустую формальность, планы давали механически, доводили даже кур, кроликов и проч. Все делалось чисто механически, канцелярски» [ЦГАМО. Ф.2157. Оп.1. Д.1353. Л.30]. Это дезорганизовывало производство, затрудняло развитие общественного хозяйства колхозов.

Показательно в этом отношении высказывание председателя колхоза из Рязанского района, члена партии Климанова: «РИК и РК неправильно нами командуют, заставляют пахать, сеять, дают каждому колхозу контрольную цифру по севу, не зная, что в некоторых колхозах еще пахать и сеять нет возможности – земля сырая и неподготовленная. Я лично буду делать по-своему, зная, что колхозники будут с хлебом, и в случае, если меня посадят в Домзак (Дом заключения, т.е. тюрьму. –

Е.К.) за промедление в севе, то мне колхозники хлеба принесут, а если я буду сеять сейчас, то колхозники останутся без хлеба, а меня так и так могут посадить» [ГАРО. Ф.П-222. Оп.1. Д.760. Л.149]. Из этого примера видно, что были председатели колхозов, которые, даже под угрозой ареста, при проведении сельскохозяйственных кампаний руководствовались здравым смыслом и крестьянским опытом, а не партийными рекомендациями.

Одна из причин такого положения с планированием и организацией колхозного строительства и производства состояла в том, что вышестоящие партийные, советские, хозяйственные органы в силу различных обстоятельств (наличие большого числа мелких колхозов, разнообразие направлений деятельности, во многих случаях – невысокий уровень компетентности в вопросах сельского хозяйства и т.д.) зачастую имели слабое представление о сути происходящих в деревне процессов. Еще в начале 1930-х годов из уст партийных руководителей Московской области звучали признания о том, что о колхозном строительстве «мы знаем больше всего правды из данных ОГПУ» (Л.М. Каганович, конец 1930 года) [РГАСПИ. Ф.81. Оп.3. Д.139. Л.60]. Ему вторил Г.Н. Каминский в 1931 году: «Ни один орган до сих пор не знает, что у нас делается в колхозах, кроме одного, ни один районный комитет, ни одна областная организация так не знакома с положением колхоза... ГПУ – вот та организация, которая знает колхозы, которая провела большую работу в этой области, которая изучила колхозы и провела ту работу, которую должны были провести облплан и ряд других организаций» [ЦАОДМ. Ф.3. Оп.13. Д.3. Л.20]. Принимавшиеся на основе рекомендаций ОГПУ решения зачастую были губительны для деревни и крестьянства. В итоге ситуация складывалась так, как, например, описывал секретарь Волоколамского райкома партии Московской области Тарасов, рассказавший на областной партийной конференции летом 1937 года о поднятии целины в районе в предшествующий период: «На основе ложных сведений района о поднятии целины область все годы давала району нереальные планы сева, район давал колхозам, последним план спускать некуда, они его не выполняли, а госпоставки выполняли полностью» [ЦАОДМ. Ф.3. Оп.19. Д.2. Л.189-190].

Одним из основных элементов системы управления сельским хозяйством в условиях бюрократизации был институт уполномоченных, посылаемых в хозяйства из районов, куда, в свою очередь, приезжали «для оказания практической помощи» работники областных организаций. Круг обязанностей этих «специалистов» был достаточно широк. Райисполкомы в специальной памятке для «выезжающих на места» определяли, что они должны «обеспечить решение» целого ряда проблем: подготовка к весеннему севу, полное завершение плана текущего года по займу и другим платежам, завершение мясоставок, развертывание соцсоревнования, организация систематической агро-зоо-техучебы колхозников и т.д. [ГАРО. Ф.Р-36. Оп.1. Д.294. Лл.35, 85-87].

Уровень компетентности этих людей в вопросах сельского хозяйства и знания местной специфики был, в большинстве случаев, крайне невысок. Так, из посланных в деревни и села Московской области в 1932 году 360 человек свыше 50 человек «оказались форменными жуликами». Одни из них, получив денежные авансы и документы МОИК, немедленно скрылись; другие, прибыв на место, также быстро «просто дезертировали из района» [РГАСПИ. Ф.81. Оп.3. Д.176. Л.142]. Такой же низкой была и оценка их деятельности со стороны руководителей колхозов и сельсоветов, которые отмечали, что уполномоченные райисполкома «практической помощи не оказывают, а лишь только администрируют», «приезжают в колхозы в виде прогулки» [ЦГАМО. Ф.2157. Оп.1. Д.1669. Л.95]. В некоторых селениях они «производили чистку членов сельсоветов», допускали «командование и угрозы» [ГАРО. Ф.Р-27. Оп.1. Д.49. Л.40, Ф.Р-38. Оп.1. Д. 123. Л.18-19]. При этом на местах складывалась такая ситуация, когда «заведующий райЗО говорит лишь с уполномоченными и требует от них выполнения хозяйственных работ, а с председателем сельсовета или колхоза не разговаривает» [ГАРО. Ф.П-1388. Оп.1. Д.370. Л.6-7]. Ситуация с уполномоченными не изменилась до конца 1930-х годов. В 1938 г. в Тульской области указывалось на необходимость того, чтобы «инструкторы обкома не гастролировали по районам, а проводили работу на местах и все видели и слышали, что происходит в районе. А то получается так, что они как будто глухие и слепые и ничего не видят» [ЦНИТО. Ф.177. Оп.3. Д.1. Л.103].

У деятельности уполномоченных был и другой отрицательный результат – они стремились подменить собой сельское руководство, которое все чаще боялось брать на себя ответственность, а предпочитало ждать, «когда к ним приедут уполномоченные райисполкома, которые начнут работу по той или другой кампании ...» [ГАРО. Ф.Р-26. Оп.1. Д.123. Л.18-19]. Такая ситуация объяснялась в том числе и тем, что с уполномоченных, по их же собственному признанию, «спрашивали больше, чем с председателей колхозов и сельсоветов».

Зачастую ожидание приезда и советов «мудрых руководителей» из области или района было

не всегда оправданно – с одной стороны, по причине их низкой компетентности в вопросах колхозного строительства и сельскохозяйственного производства, а с другой стороны, – не всегда они «доезжали», а, приехав, не всегда задерживались на местах. На протяжении всего периода с конца 1920-х до конца 1930-х есть многочисленные сведения о том, что «выделенные ребята бегут из деревни» [ЦНИТО. Ф.1. Оп.5. Д.458. Л.112].

Увлечение чисто административными методами вообще присуще изучаемому региону в 1930-е годы. Административный стиль руководства был характерен, прежде всего, для партийных органов, которые решали все основные экономические вопросы сами. Достаточно проанализировать принятые Мособлкомитетом ВКП(б), его секретариатом и бюро постановления. Вот некоторые из них за 1935 год: «О мероприятиях по выполнению государственного плана развития животноводства на 1935 год в Московской области», «О ремонте тракторов», «О семенных фондах», «О распределении семян лука и огурцов», «О сверхплановых посевах вики с овсом в пару» и т.д. [ГАРО. Ф.П-222. Оп.1. Д.782, 783, 784]. Такая ситуация, складывавшаяся в сельском хозяйстве, может быть объяснена тем, что во многом сконструированная сверху колхозная система «не имела достаточных импульсов для развития» [ТСД. Т.4, 27]. Составные элементы этой системы находились в слабом взаимодействии, с трудом соединялись в единый слаженный организм. Чтобы поддерживать движение плохо состыкованного механизма, было необходимо постоянно усиливать «руководство партии», т.е. осуществлять постоянный надзор и давление на сельских тружеников со стороны разветвленного аппарата власти.

Ситуация, когда партийные органы и руководители подменяли хозяйственные организации, решали хозяйственные вопросы, была достаточно типичной для всей вертикали управления – снизу доверху. На районном уровне это осуществлялось приблизительно так, как в Ухоловском районе (Московская область): «В райЗО работает 7 коммунистов, а на деле получалось как будто бы райком партии не доверял нам работать, т.е. ряд вопросов за заведующего райЗО, за старшего агронома решался райкомом. Пришло 300 ц семенного овса, райком и РИК разрешили этот вопрос за агрономов... Распределение доходов колхозов, кредитов решались в райкоме... Требуешь с председателя колхоза что-либо, а он говорит, мы согласовали с райкомом, и приходится отступать» (из выступления райагронома Ухоловского райЗО Фролова на общем партсобрании района 5 мая 1937 года) [ГАРО. Ф.П-380. Оп.2. Д.8. Л.30].

Подобное положение складывалось и в колхозах. Парторг колхоза «Вперед» Спировского района (Калининская область) П.Е. Ермакова рассказывала: «90 % моего времени уходило на хозяйственные дела колхоза. Не выйдет конюх своевременно на работу – обращаются ко мне. Надо дать аванс кому-нибудь – приходят ко мне. Фактически я подменяю и предколхоза, и бригадира, и завхоза, и предсельсовета... Меньше всего я, как колхозный парторг, была занята партийно-массовой работой» [Крестьянская газета. 1937, 8 марта].

В таких условиях, когда партийные органы все нити решения социально-экономических проблем держали в своих руках, советским и исполнительным органам приходилось рассматривать мелкие, незначительные вопросы, во всяком случае, именно они доминировали. Так, президиум МОИК в 1935 году принимает такие постановления: «О хранении лука-севка и матки», «Об уходе за жеребыми матками», «О глазуровании гончарных изделий», «О защите льняных посевов от льняной блохи» и т.д. [ГАРО. Ф.Р-27. Оп.1. Д.89. Л.134-135; Д. 138. Л.40. Д.141. Л.48-49. Д.165. Л.23-24 и др.] При этом стиль руководства районами был, по словам председателя Мособлисполкома Н.А. Филатова, «телеграммным» [ЦГАМО. Ф.2157. Оп.1. Д.1217. Л.20]. В 1937 году он вновь говорит о «бумажности руководства», отмечая, например, что в январе 1937 года из стен Московского областного земельного управления вышло 28 тыс. бумаг, т.е. 900 бумаг в день [ЦГАМО. Ф.2157. Оп.1. Д.1558. Л.28-29].

Таким образом, на местах живая, непосредственная работа с людьми все более заменялась борьбой за проведение определенных кампаний и составление отчетов по их итогам. Количество представляемых документов превосходило все разумные пределы. Еще в 1928 году при проверке работы Парфеновского сельсовета Калужской губернии было установлено, что предписания из волостного исполнительного комитета «сыпятся» в сельсовет «как из рога изобилия». В присутствии бригады проверяющих сельсоветом было получено 29 срочных и несрочных бумаг – «председатель сельсовета свертывает их в трубочки и отправляет, связав нитками, на верхушку шкафа» [ГАКО. Ф.Р-26. Оп.1. Д.953. Л.38]. Современник отмечал, что губернские и уездные учреждения «заваливали» нижестоящие организации трудно выполняемыми формами отчетов. «Все они теребят, торопят и требуют, требуют упорно: отчитываться по форме. А вики стонут: «Мы больше половины вопросов не понимаем, и отвечаем на них с помощью потолка...» [Большаков 1927, 9]. Не в этом ли «потолке» был залог низкой исполнительской дисциплины местных партийных, советских и хозяйственных руководителей?

Ситуация не улучшилась и в 1930-е годы. Так, к кустовому совещанию в Михайловском районе (1933 г.) председатели колхозов должны были представить 15 различных документов (справок, сведений, планов и т.д.), председатели сельсоветов – 8 [ГАРО. Ф.П-1388. Оп.1. Д.118. Л.1]. (Это только к одному совещанию!) А существовала еще периодическая отчетность, формы которой были утверждены ЦИК и СНК СССР в 1933 году. В течение года сельсоветы должны были представить в различные организации более 200 отчетов, а райисполком – 452 отчета, не считая текущей отчетности [ГАРО. Ф.Р-441. Оп.1. Д.17. Л.3, 36-37]. Бумажный стиль руководства «предусматривал» также проведение различных совещаний, собраний, слетов и т.д., которые приносили мало практической пользы, а лишь отрывали сельских руководителей от работы. Так, в декабре 1936 года председателя колхоза «Борьба» Рязского района Московской области 26 раз (!) вызывали в райцентр по различным вопросам [ГАРО. Ф.П-123. Оп.1. Д.310. Л.6]. В целом же руководство на районном и местном уровне выглядело так: «Районные организации только тогда начинают руководить селом, когда замечают творящиеся безобразия... Тогда выезжает и фининспектор, и прокурор, вплоть до агентов ГПУ» [ЦГАМО. Ф.2157. Оп.1. Д.927].

Такая практика руководства все чаще давала сбой, и тогда приходилось использовать репрессивно-карательные методы. Тем более что, «пример» в этом отношении подавали первые лица в области. Старый большевик И.П. Алексахин вспоминал, что осенью 1933 года, когда в Московской области возникли трудности с хлебозаготовками, секретарь МК ВКП(б) Л.М. Каганович приехал в Ефремовский район. Первым делом он отобрал партийные билеты у председателя райисполкома и секретаря РК партии Уткина, предупредив, что, если через 3 дня план хлебозаготовок не будет выполнен, Уткин будет исключен из партии, снят с работы и посажен в тюрьму. На резонные доводы Уткина насчет того, что план хлебозаготовок нереален, т.к. урожай определялся в мае на корню, а хлеба и картофеля убрано вдвое меньше, Каганович ответил площадной бранью и обвинил Уткина в правом оппортунизме. Хотя уполномоченные МК работали по деревням до глубокой осени и забрали у крестьян и колхозов даже продовольственное зерно, картошку и семена, план заготовок по району был выполнен только на 68%. После такой «заготовительной» кампании почти половина населения района выехала за его пределы, заколовив свои избы. Сельское хозяйство района было разрушено, в течение 3 лет сюда завозили семенное зерно и картофель [Медведев 1990, 104-105].

Таким образом, сталинский режим конца 1920-х – 1930-х годов в отношении с колхозами демонстрировал все характерные черты советского бюрократизма – директивное планирование, возрастание роли партийного, советского и хозяйственного аппарата, увеличение количества бумаг и бумажной волокиты в целом. Когда же не срабатывали чисто бюрократические методы, власть активно использовала репрессивно-карательные.

Источники и литература

- Большаков А.М. Деревня 1917-1927. М., 1927.
Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф.Р-26.
Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф.Р-22, Р-26, Р-27, Р-28, Р-29, Р-34, Р-36, Р-38, Р-39, Р-363, Р-370, Р-441, П-42, П-123, П-212, П-222, П-380, П-1388.
Крестьянская газета, 1937.
Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов/н/Д, 1989.
Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 1990.
Режим личной власти Сталина: К истории формирования / Под ред. Ю.С.Кукушкина. М., 1989.
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.81.
Трагедия советской деревни (ТСД). Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: В 5 т. / Под ред. В. Данилова, Маннинг, Л. Виолы. Т.1-5. М., 1999-2004.
Центр новейшей истории Тульской области (ЦНИТО). Ф.1, Ф.177.
Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ). Ф.3, Ф.93, Ф.144.
Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф.2157.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ШКОЛЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Марина Книга

Великие реформы второй половины XIX в. стали катализатором экономического и социального обновления страны.

Новым явлением социальной жизни России стало появление профессиональных учебных заведений, которые провозгласили своей целью «подготовку лиц, пригодных к практической сельскохозяйственной деятельности, а также распространение в народе основных сельскохозяйственных познаний по полеводству, скотоводству, огородничеству и пчеловодству» [ГАВО, 87].

Низшие школы готовили «сведущих и умелых исполнителей по сельскому хозяйству», а училища учреждались для подготовки к практической сельскохозяйственной деятельности [Высочайше утвержденное положение 1911, 3]. Они являлись самыми распространенными типами учебных заведений, к ним относились практические школы, школы I и II разрядов (включая возникшие позже начальные и народные школы) и низшие училища. Сроки обучения в них были одинаковы – три года. В школы I разряда принимались те, кто окончил двухклассные сельские или городские училища, а в школы II разряда – те, кто окончил начальные училища или народные школы.

В низшие сельскохозяйственные училища принималась молодежь с образованием в объеме двухклассных сельских или церковно-приходских школ. Срок обучения продолжался также три года. Упор делался на отработку практических сельскохозяйственных навыков. Формами практических занятий были: зимой дежурство и выполнение работ на скотном дворе, занятие ремеслами; летом – выполнение сельскохозяйственных, ремесленных и землемерных работ.

Все профессиональные учебные заведения по образовательному уровню поступающих можно условно разделить на следующие группы:

-Учебные заведения, куда принимались претенденты с образованием в объеме начальных училищ. В них можно было получить общеобразовательные знания по программам городского училища и теоретическую подготовку по избранной специальности.

-Училища, которые принимали выпускников начальных школ и обучали лишь специальным предметам.

-Заведения, в которых не требовалось предварительного образования. Здесь проходили дисциплины в объеме курса начальной школы и давали узкую профессиональную подготовку [Кузьмин 1971, 112].

Перед разработчиками программ обучения стояла нелегкая задача. С одной стороны, слабая подготовка учеников диктовала необходимость поднять их общеобразовательный уровень, с другой, большая загруженность практическими занятиями оставляла мало времени для теоретических занятий [Третьяков 1998, 157].

О перечне специальных предметов дают представление документы Воронежского государственного архива относительно Конь-Колодезного сельскохозяйственного училища Задонского уезда Воронежской губернии. В 1 классе изучались огородничество, пчеловодство, земледелие, птицеводство. Во 2 классе следовало сдать экзамены по садоводству, огородничеству, пчеловодству, скотоводству, геодезии. 3 класс предусматривал сдачу экзаменов по законоведению, скотоводству, земледелию. Примечательно, что экзаменам предшествовала серьезная подготовка, а среди присутствовавших на испытаниях было руководство уездов и губернии [ГАВО, 20-30].

Воронежский губернский агроном К.К.Фохт «в целях ознакомления учеников старших классов с задачами общественной агрономии» регулярно читал ученикам лекции. Например, в 1910 г. Фохт рекомендовал включить в программу новые курсы: технологию производства озимой пшеницы и кормовых растений, травосеяние; организовать краткосрочные курсы общественной агрономии и ознакомить учеников с научными достижениями южнорусских опытных полей [ГАВО, 186 об.].

Многие школы обязаны своим появлением частной инициативе. В 1894 г. в Смоленской губернии дворянка и меценат Мария Клавдиевна Тенишева открыла недалеко от села Талашкино на хуторе Фленово уникальную по тем временам школу, пригласила опытных преподавателей, собрала богатейшую библиотеку. Целью школы была подготовка крестьянских детей к рациональному ведению собственного хозяйства. В 1900 г. Министерство земледелия преобразовало это заведение в «низшую сельскохозяйственную школу I разряда с мужским и женским отделениями и трехлетним приготовительным классом». Школа занималась не только подготовкой квалифицированных рабочих, но и проводила большую просветительскую работу, например, по инициативе М.К Тенишевой при школе были организованы курсы плодоводства и огородничества для народных учителей [Тенишева 2006, 318].

Для подготовки специалистов, обслуживающих сельскохозяйственную технику, были открыты ремесленные училища, среди которых, например, Кологривское низшее сельскохозяйственно-техническое училище (открыто в 1892г.) - одно из лучших технических училищ дореволюционной

России. Оно находилось в усадьбе Екимцево, недалеко от г. Кологрива Костромской губернии. Училище выпускало специалистов для аграрного производства и пищевой перерабатывающей промышленности. Ученики могли выбрать специальность, связанную с кожевенной, сыроваренной отраслью или переработкой льна. Освоить практический курс помогало наличие фермы, скотного двора. Технические предметы изучались в механической мастерской и нескольких небольших учебных заводах [Зяблова 2008, 139]. В первый класс принималась молодежь не моложе 13 и не старше 15 лет. Часть детей проживала в интернате при училище, а часть была приходящей. Плата за обучение составляла для приходящих 6 рублей в год, проживающие в пансионе платили 10 рублей.

Для бедных учеников имелось 20 стипендий имени Ф.В. Чижова по 100 рублей. Русский промышленник, банкир и меценат Чижов Федор Васильевич (1881-1877) весь свой основной капитал завещал на устройство и содержание пяти профессионально-технических учебных заведений, в том числе училище в Кологриве [Симонова 2002].

Впоследствии были созданы другие подобные училища: Вятское (1902), Новозыбковское (1907).

В Вятском училище, по свидетельству одного из воспитанников, существовали очень хорошие условия для обучения. Так, «очень хорошо было поставлено обучение химии. Точнее – агрохимии. За каждым учеником от начала до конца обучения закреплялся в лаборатории химический стол, своя посуда, где учащийся готовил и держал свои растворы... Ставились учебные задачи определить – какая почва здесь, какая там, какая тут кислотность и т.д. Так у учащихся вырабатывались навыки самостоятельного анализа». Неплохо был организован учебный процесс в мастерских: «...у каждого был свой верстак с тисками и с набором инструментов» [Семейные архивы].

Небольшое количество учеников позволяло реализовать индивидуальный подход в обучении. «Каждый учащийся в течение четырехлетнего срока обучения в составе небольшой группы несколько раз приглашался к директору на чай. Здесь директор вел с ними беседы, знакомясь с будущими выпускниками, узнавал о родителях, хозяйствах, из которых они приехали, и в то же время внушал им разные полезные мысли» [Семейные архивы].

Часть учебных заведений работала по утвержденным министерством земледелия учебным планам и программам. К таким заведениям относилось Горецкое ремесленное училище (1872), первое училище, начавшее подготовку специалистов для сельскохозяйственного машиностроения. Оно выпускало специалистов по изготовлению, ремонту и эксплуатации сельскохозяйственных орудий и машин. Программа преподавания общеобразовательных дисциплин соответствовала программе двухклассных сельских училищ. Помимо этого, ученики изучали начальные сведения по физике и общей механике, технологию металлов и деревообработки, сельскохозяйственные орудия и машины, рисование и черчение. В 1911 г. Горецкое ремесленное училище преобразовано в сельскохозяйственное.

Низшие учебные заведения были общими и специальными. Программа обучения в специальных учебных заведениях предполагала подготовку специалистов в одной из отраслей: виноделии, садоводстве, пчеловодстве, молочном хозяйстве. Например, в Единоновской школе ученик мог выбрать изучение предметов по направлениям: маслоделие или сыроварение [О среднем и низшем сельскохозяйственном образовании 1894, 315].

Проблем в преподавании было немало. Главная из них – соотношение теоретического и практического компонентов. Вследствие несовершенства программ часто практические занятия осуществлялись раньше теоретических. На этот недостаток было обращено внимание в резолюции I съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию (1895), где было предложено уменьшать объем теоретических занятий к старшим курсам. На III съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию (декабрь 1903 – январь 1904) было предложено осуществлять пересмотр программ каждые 5 лет.

И. А. Стебут вполне резонно считал, что сельскохозяйственные заведения должны не просто наполнять ученика знаниями, а учить мыслить и уметь разбираться во всей совокупности аграрных проблем. Поэтому главной дидактической задачей Стебут видел «развитие специальной сельскохозяйственной наблюдательности и ознакомление со связью между ... явлениями и законами физическими и экономическими, управляющими ими» [Стебут 1956, 620-621].

На съездах и совещаниях звучала мысль о необходимости создания более дешевых школ с преподаванием предметов по упрощенной программе, приближенной к нуждам крестьянского хозяйства. Такие недорогие школы очень скоро появились в ответ на потребности времени, это так называемые практические школы.

Юридически они были впервые закреплены в Положении о сельскохозяйственном образовании 1904 г. Появление подобных школ было вызвано необходимостью пропагандировать аграрные знания в широких слоях населения, а также «в видах удовлетворения возрастающей потребности в умелых и недорогих рабочих по сельскому хозяйству и главным образом по отдельным отраслям его» [Бруцкус 1903, 2]. Школы готовили техников по садоводству, виноградарству, виноделию, маслоде-

лию, животноводству. Они обучали детей из близлежащих деревень, стараясь не отрывать сельских жителей от привычной среды, дабы после окончания школы у них не возникало соблазна перебраться из деревни в город.

В практических школах продолжительность обучения составляла от одного до четырех лет в зависимости от специализации учебного заведения. При необходимости в школах могли создаваться отделения и классы. Уметь читать и писать – вот основные требования, которые предъявлялись будущим ученикам, в исключительных случаях принимались даже неграмотные. Многие преподаватели специальных дисциплин часто не имели педагогической подготовки, поэтому вопросы педагогического мастерства для этих школ были актуальны.

Во всех сельскохозяйственных школах остро стояла проблема профориентации, поскольку свежеепеченные специалисты не торопились возвращаться в свои деревни. Эта ситуация отражала реальную обстановку с обеспеченностью крестьян землей. Развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве протекало в неблагоприятных для крестьянства условиях, связанных с аграрным перенаселением и, соответственно, с проблемой малоземелья.

Проведенное в конце XIX в. в Мариинно-Горской школе анкетирование показало, что 28% учеников вообще не имели земли, а 13% имели только по одной десятине. Более десяти десятин имели лишь 12% крестьян. Понятно, что малоземельные и безземельные ученики, потеряв связь со своими родными местами, не имели стимулов в получении знаний, умений и навыков. Поэтому главная цель, ради которой создавались сельскохозяйственные школы - распространение среди крестьянской массы аграрно-научного знания - не выполнялась [Труды совещания 1895, 2-4].

Высокопоставленные чиновники, ученые и практики отмечали, что низшие и средние школы готовят дисциплинированных и сведущих в сельском хозяйстве специалистов. Однако выпуск квалифицированных работников абсолютно не влиял на состояние сельского хозяйства в целом. Многие чиновники и деятели науки полагали, что программы обучения содержат много лишней для практика информации. Эффективность обучения зависела также от наличия связи с агрономическими организациями.

На различных съездах деятелей по техническому и профессиональному образованию, по сельскохозяйственному образованию, по агрономической помощи местному населению констатировалось: «крестьянское население не получает непосредственной пользы от сельскохозяйственных школ». В качестве причин назывались слабый профотбор учеников, длительная оторванность их от привычной среды, ориентация школьной практики на крупное хозяйство. Кроме того, отмечалось, что «сумма знаний, приобретаемых в школах, гораздо выше того, что в существующих условиях может быть применено в крестьянском хозяйстве» [Бруцкус 1903, 632].

Новая волна изменения учебных программ связана с начавшейся столыпинской реформой.

В 1908 г. в учебном отделении Департамента земледелия были проведены совещания по низшему, среднему и высшему образованию.

На совещании 1908 г. по низшему сельскохозяйственному образованию присутствовали руководители и преподаватели учебных заведений, чиновники и практики сельского хозяйства. Главной причиной неэффективной подготовки специалистов названа ориентация учебного плана на подготовку специалистов для крупных хозяйств. Среди прочих недостатков называлось: «1) оторванность школы от интересов местной сельскохозяйственной жизни; 2) неудовлетворительная организация учебно-практических занятий и сельскохозяйственных работ; 3) слабая педагогическая подготовка учебно-административного персонала» [Обзор деятельности в 1908, XXXVI]. Следовало так перестроить ее работу, чтобы школа могла «дать питомцу навыки и умения применять свои познания к данному месту» [Агрономическая помощь 1914, 279].

Низшие школы были признаны самой доступной формой распространения сельскохозяйственных знаний и подготовки квалифицированных рабочих. Было предложено увеличить количество наиболее востребованных школ II разряда, низших училищ, а также начальных и практических школ, а школы I разряда преобразовать в низшие училища.

Красной линией проходила следующая проблема: низшие школы не реализуют свое основное предназначение, ради которого они создавались – распространение аграрных знаний.

На этом совещании родилась новая идея: создать начальные и народные школы. Были сформулированы принципы деятельности таких школ: массовость, доступность, обучение без отрыва от основной деятельности, учет местных особенностей. Уже в 1910 г. существовало 8 начальных школ [Агрономическая помощь 1914, 282].

Начальные школы обучали крестьянских детей, а народные обучали молодежь старше 18 лет и взрослых. Эти заведения были отнесены к низшим школам II разряда и основное внимание уделяли практике. В 1912 г. был утвержден Устав народной сельскохозяйственной школы.

Начальные школы имели «целью обучение крестьянской молодежи теории сельского хозяйст-

ва, но без интерната и практической работы в хозяйстве школы, отвлекающих обычно детей от работы дома и от крестьянской жизни». Впервые такие школы появились в 1908 г.: первую открыла О.П.Ковалевская в Островском уезде Псковской губернии, а вторую женщина-предприниматель Фланден в Василёвской волости Московской губернии [Обзор деятельности в 1909, XXXVIII]. В открытии школы в Московской губернии принимала участие еще одна незаурядная личность, первая русская женщина - садовод и овощевод Екатерина Григорьевна Аверкиева.

Проблема состояла в том, что учеников выпускалось мало, а стоимость обучения их была высокой. На Московском областном агрономическом съезде в 1911 г. даже прозвучало предложение заменить школы курсами. Такую мысль высказал губернский агроном Ярославской губернии А.М.Дмитриев, но, к счастью, его предложение не нашло поддержки у делегатов съезда. По мнению директора Богородицкого сельскохозяйственного училища Михаила Федоровича Арнольда, курсы должны давать знания, на которые рассчитывают поступающие, а школы – знания в соответствии с утвержденными программами [Труды съезда 1911, 78].

Излишняя теоретическая подготовка мешала выпускникам работать в качестве практических работников.

Что касается среднего сельскохозяйственного образования, то ему было посвящено совещание в январе 1908 г., на котором прозвучала идея «в смысле расширения курса специальных предметов и уменьшения общеобразовательных» [Обзор деятельности в 1908, XXI].

К началу 1909 г. на рассмотрение Ученого Комитета был передан проект закона, в котором приоритетом признавались практические формы обучения: «чтобы во всех сельскохозяйственных учебных заведениях практическим занятиям было отведено подобающее место соответственно цели каждого заведения» [Обзор деятельности в 1909, XXXIV].

Характерной особенностью профессионального сельскохозяйственного образования являлось многообразие типов учебных заведений. Во всех школах изучались общеобразовательные и специальные предметы, но все же, главный акцент был сделан на обучении практическим навыкам.

Источники и литература

1. Агрономическая помощь в России /под ред. В.В.Морачевского. СПб., 1914. 607 с.
2. Бруцкус К. Школы сельскохозяйственные //Энциклопедический словарь. Т. XXXIXа. Издателя Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1903. С. 626-633.
3. Высочайше утвержденное 26 мая 1904 г. Положение о сельскохозяйственном образовании и его применение /сост. И.И.Мещерский. СПб., 1911. 46 с.
4. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-20. Оп. 1. Д. 7854.
5. Зяблова С.Л. Развитие низшего профессионально-технического образования в России середины XIX - начала XX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00. 02. Иваново, 2008. 228 с.
6. Кузьмин Н.Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск: Южно-Уральское книжное отделение, 1971. 276 с.
7. О среднем и низшем сельскохозяйственном образовании в России //Техническое образование. 1894. Июль.
8. Обзор деятельности Департамента Земледелия в 1908 году //Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия и Лесному Департаменту. 1908. Год третий. СПб.: Тип. В.Киршбаума, 1909. 432 с.
9. Обзор деятельности Департамента Земледелия в 1909 году //Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. 1909. Год третий. СПб.: Тип. В.Киршбаума, 1910. 406 с.
10. Симонова И.А. Фёдор Чижов. Молодая гвардия, 2002. 336.
11. Семейные архивы. Валерий Митюшев Записки обыкновенного человека. URL: <http://www.mybio.ru/archives.php> (дата обращения 1 мая 2011 г.)
12. Стебут И.А. Избранные сочинения. В 2-х т. Т. 1. М.: Сельхозгиз, 1956. 791 с.
13. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. М.: Молодая гвардия, 2006. 448 с.
14. Третьяков А.В. Низшая сельскохозяйственная школа России в конце XIX – начале XX веков. Курск: Курский государственный педагогический университет, 1998. 200 с.
15. Труды совещания по низшему сельскохозяйственному образованию, бывшего при департаменте земледелия в январе 1895 г. СПб., 1896. 213 с.
16. Труды съезда: Ч. 1. - /МОСХ [Московское общество сельского хозяйства]. Московский областной съезд деятелей агрономической помощи населению 21-28 февраля 1911 г. Вып. I. М., 1911. 225 с.

Пионерами земледельческого хозяйства в Забайкалье по праву можно назвать казаков-первопроходцев, т.к. коренные народы хлебопашеством не занимались. Интенсивное освоение и развитие территории было невозможно без сельскохозяйственного производства и к концу XIX земледелие являлось основным занятием двух третей жителей Забайкальской области. На процесс сельского хозяйства в Забайкалье наложили свой отпечаток географические, природно-климатические и демографические особенности региона. В 1862 году в Чите состоялась первая выставка сельскохозяйственных товаров, продемонстрировавшая уровень развития сельского хозяйства.

Материалы Государственного архива Забайкальского края показывают, что одной из острых проблем, возникших в конце XIX в. было землепользование. Сохранившиеся документы свидетельствуют об имевших место многочисленных земельных спорах между казаками, крестьянами и инородцами [ГАЗК ф.1, о.1].

С целью прекращения земельных споров при Министерстве юстиции была создана специальная комиссия для выработки положения о размежевании земель. Работа комиссии сопровождалась объективными трудностями и выявила многообразие форм землевладения, которые опирались на различные правовые основания.

Земельные споры в Забайкалье продолжались и в начале XX века, поэтому открытие в Чите землемерного училища являлось важным и нужным делом. Кроме этого, реформирование экономики и сельского хозяйства требовало значительного числа специалистов, в которых регион испытывал постоянную нехватку.

Землемер в России всегда был одним из авторитетных и уважаемых специалистов, который обеспечивал решение задач территориального устройства землепользований и их эффективной хозяйственной эксплуатации.

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона землемер определяется как техник, снимающий на план земельные угодья и вообще части земной поверхности. Само название «землемер» было официально установлено межевой инструкцией, изданной в 1766 году.

Землемерное образование в нашей стране началось в 1779 году с открытия в Москве землемерной школы, которая в 1819 году была преобразована в Константиновское землемерное училище, а в 1835 году – в Константиновский межевой институт.

Согласно разработанному и утвержденному положению, землемерные училища имели своей целью образование техников для производства межевых и землемерных работ, а также связанных с ними работ по коренным улучшениям земельных угодий и таксационных исследований. Землемерные училища относились к разряду средних учебных заведений и состояли в ведомстве Министерства юстиции по управлению межевой частью.

Положение о землемерных училищах предусматривало 4-годичный курс обучения, включая практические занятия продолжительностью не менее 6 месяцев. Как временная мера, ввиду острой потребности в специалистах планировалось открыть для лиц, окончивших земледельческие училища, кратковременные землемерные курсы (продолжительностью 5,5 мес.), поскольку они уже имели базовые сведения по предметам землемерной специальности. По имеющимся данным в России в 1916 году действовало 16 землемерных училищ, одно из них в Чите.

Читинское землемерное училище было открыто 1 сентября 1910 года, после реформы землеустройства, предусматривавшей в связи с острой нехваткой землемеров подготовку кадров данного профиля. Оно представляло собой среднее учебное заведение, готовившее техников с умением проводить первоначальную кадастровую оценку, бонтировку почв, составлять полигонометрические и тригонометрические сети, со знанием приемов улучшения и измерения земель.

Первым директором Читинского землемерного училища был А.И.Попов (1910-1915 гг.). Из архивных документов узнаем, что материальная база училища была не плохой. Училище имело 4 классные комнаты, 5 вспомогательных специальных кабинетов, учительскую, лабораторию, библиотеку, чертежную, рекреацию, жилье для директора, инспектора и письмоводителя. Кроме этого, под строительство нового 2-этажного здания училища, со службами и небольшим садом, был отведен земельный участок на Семинарской площади, что свидетельствует о внимании властей к деятельности данного учебного заведения.

В программу профессиональной подготовки землемера входили общеобразовательные и специальные дисциплины. Представляет несомненный интерес тот факт, что в училище в отличие от

многих учебных заведений подобного типа изучался иностранный язык.

В отчете по учебно-воспитательной части Читинского землемерного училища за 1911-1912 учебный год сообщается, что многие ученики выразили желание изучать французский язык. Директор училища не только разрешил ученикам занятия, но и оказал необходимую материальную поддержку из специальных средств. Каждый ученик за курс обучения внес по 5 рублей.

В отчете подчеркивается, что желающие изучать этот предмет, принадлежали к наиболее успевающим ученикам, поэтому изучение французского языка не оказывало отрицательного влияния на прохождение обязательных предметов. К сожалению, другой информации о преподавании иностранных языков в сохранившихся документах Читинского землемерного училища не содержится. Сообщается лишь о том, что в библиотеке имелось 15 учебников французского языка, авторы которых не указаны [ГАЗК, ф. 4, оп. 5, д. 133].

Желание изучать французский язык, очевидно, было продиктовано планами продолжить обучение в высших учебных заведениях, где иностранные языки являлись обязательными предметами. Кроме этого, знание французского языка позволяло читать и изучать иностранную литературу по специальности.

Итак, можно утверждать, что открытие Читинского землемерного училища не только расширило сеть профессиональных учебных заведений региона, но и внесло определенный вклад в развитие сельского хозяйства. Выпускники училища были востребованы и успешно трудились на различных предприятиях Забайкалья. Учащиеся имели возможность изучать французский язык, что, несомненно, повышало их общеобразовательный и культурный уровень.

Источники и литература

1. Государственный архив Забайкальского края фонд 1 опись 1
2. Государственный архив Забайкальского края фонд 4 опись 5 дело 133
3. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890-1907.

ИЗМЕНЕНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ДАГЕСТАНА В 20-е гг. XX в.: НОВАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

*Юлия Лысенко
(Махачкала, Россия)*

Сельское хозяйство столетиями было основой экономики Дагестана, но его ведение в начале XX века оставалось на очень низком уровне, труд крестьян был нерентабельным, не механизированным. Урожай, особенно зерновых культур были не высокими. Такое крестьянское хозяйство не удовлетворяло растущих потребностей населения Дагестана, а также новую советскую власть. Поэтому в сельском хозяйстве Дагестана, как и во всей стране в 20-е годы XX в. происходили масштабные изменения. На смену ручному труду приходила механизация, специализация хозяйства и труда крестьян, улучшение сортности и породности, культивировались новые сорта сельскохозяйственных культур.

В начале 20-х гг. XX в. сельское хозяйство Дагестана, как и во всей стране, переживало тяжелый кризис, проявлявшийся в разрухе и катастрофическом падении производительных сил. Годы Первой мировой и Гражданской войн тяжело отразились на экономике дагестанского крестьянства. К 1920 г. посевные площади Дагестана сократились на 46%, а в 1923 г. занимали лишь 98 тыс. га, поголовье скота уменьшилось на 60-75% по сравнению с 1913 г. Валовая продукция сельского хозяйства сократилась более чем на половину.[Очерки истории 1957, 116].

Серьезным тормозом на пути развития крестьянских хозяйств была незавершенность аграрных преобразований: часть земли оставалась в руках крупных землевладельцев, кроме того, земля не могла быть освоена полностью и из-за отсутствия рабочего скота и простейшего сельхозинвентаря. В 1924 г. в Дагестане было 88,5 % хозяйств без сложных уборочных машин, а без пахотных и уборочных машин насчитывалось 67,2 % крестьянских хозяйств. Составляя в 1926 г. более 44 % всего обследованного крестьянского населения, бедняцкие хозяйства владели 26,5 % всех средств производства.[История советского... 1986,89] Если в 1926 г. по СССР на 100 хозяйств приходилось 72 орудия вспашки, то в Дагестане - 12,8. В 1927 г. удельный вес крестьянских хозяйств без пахотных орудий по РСФСР составлял 31,6%, в Дагестане - 59,9 %.[Османов 2006, 361]

В наборе сельскохозяйственного инвентаря по-прежнему преимущественное положение

занимала деревянная соха. В 1923 г. в Дагестане имелось 32 561 сохи и косули, 6488 плуга, 2777 бороны, что было значительно меньше, чем даже в 1910 г. Наиболее распространенный в горных округах тип крестьянского хозяйства располагал одной деревянной сохой, двумя косами и двумя серпами, одним быком, двумя ослами и кое-каким мелким сельхозинвентарем.[История Дагестана 2005, 97]

В разрешении этих вопросов большую роль сыграла помощь государства, выделявшего республике семена, сельхозинвентарь и машины. Уже весной 1921 г. в республику из Москвы, Петрограда и других городов поступили 7 тракторов, 530 плугов, 70 сенокосилок, 15 жаток, 10 тысяч кос и другой сельхозинвентарь, так необходимый крестьянам[История Дагестана 2005, 100].

В начале 1922 г. среди населения было распределено: плугов однокорпусных и двухкорпусных – 1697, борон зиг-заг – 326, борон деревянных - 44, веялок – 45, сеялок – 7, сенокосилок - 84, конных граблей – 35, лобогреек – 16, самоскидок – 76, молотилок – 11, сепараторов – 502. Часть этого инвентаря использовалась для организации прокатных пунктов в Буйнакском и Хасавюртовском округах, Махачкалинском районе и Махачкале.[РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.2. Оп. 1. Д. 534. Л. 27]

Особой секцией комитета содействия сельскому хозяйству ВЦИК в 1924 г. было выделено 15000 рублей золотом на производство в Дагестанской республике работ по восстановлению сельского хозяйства. [РФ ИИАЭ ДНЦ РАН.Ф.2.Оп.1.Д.85.Л.15-16].

Большое значение для восстановления сельского хозяйства Дагестана, где население, особенно в горной части пользовалось примитивными земледельческими орудиями, имела организация прокатных и зерноочистительных пунктов. Эта была важная форма механизации сельского хозяйства, получившая широкое распространение после 1925 г. За счет кредитов Центрального сельхозбанка Дагсельхозкредитом были организованы 10 зерноочистительных и прокатных пунктов, но из-за отсутствия нужных средств, отмечается в документах, работа ни них велась слабо.[ЦГА РД. Ф. 127-р. Оп. 1. Д. 76. Л. 115]. Тем не менее, эта форма механизации оказала большую помощь маломощным крестьянским хозяйствам. Прокатные пункты предоставляли бедняцким и середняцким хозяйствам за умеренную плату сельхозмашины. Зерноочистительные пункты были более эффективными, чем пункты проката машин, так как часть бедняцких хозяйств не могла воспользоваться услугами пунктов из-за отсутствия тягловой силы.

В 1925 г. президиум Дагестанского ЦК Последгола на заседании, посвященном ориентировочному распределению 150000 руб., полученных на борьбу со стихийными бедствиями, постановил направить 25 000 руб. в виде долгосрочной ссуды бедняцким и середняцким хозяйствам на применение механической обработки полей, а также на культивирование новых сельскохозяйственных культур безвозвратно – 15 000 руб.[ЦГА РД. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 5. Л. 135]

Большие средства выделялись республике на проведение ирригационных работ, на обводнение земель, так на заседании Совета Труда и Оборона от 2 февраля 1923г. было решено признать проведение ирригационных работ в Дагестане государственно важными. Этим решением Совет Труда и Оборона обязывал Наркомфин и Госплан учесть необходимые ассигнования на ирригационные работы в Дагестане.[ЦГА РД. Ф. 178-р. Оп. 2. Д. 60. Л. 46].

Снабжение сельскохозяйственными машинами резко увеличилось после 1925 г., когда в Дагестан были завезены тракторы «Фордзон». Публикация в «Красном Дагестане» от 14 июля 1925 г. передает атмосферу, с которой встречали крестьяне первые тракторы: «Недавно в присутствии более 300 граждан в селе Касумкенте была продемонстрирована вспашка трактором «Фордзон». Результатами работы трактора население было прямо поражено». [История Дагестана 2005, 100]

Позднее население предъявляло спрос преимущественно на более тяжелые тракторы – «Интернационал», «Ойль-Пуль». Их распределение проводилось через «Дагселькредитсоюз», учрежденный в 1923 г., представлявшего населению определенные льготы по приобретению техники. Стоимость трактора была довольно высокой и колебалась от 2 до 4 тысяч рублей в зависимости от марки трактора. Многие крестьянские хозяйства не располагали необходимыми средствами на приобретение тракторов и других сельскохозяйственных машин. Большую помощь им оказали государство, кредитные и снабженческие кооперативы.

Значительную роль в восстановлении и развитии сельского хозяйства республики сыграл Центральный сельскохозяйственный банк и его отделение в Дагестане, организованное в 1924 г. Так, правление Дагестанского сельскохозяйственного банка в марте 1925 г. постановило выделить из собственных средств 30 000 руб. на машиноснабжение.[ЦГА РД. Ф. р-92. Оп.2. Д.6. Л. 39] За первые полтора года своего существования им было выдано на нужды сельского хозяйства более 1 млн. руб. кредита. [История советского... 1986, 96]

Государство поддерживало первичные сельскохозяйственные объединения в деле машиноснабжения, а также кредитования. В результате такой целенаправленной политики государства к июлю 1925 г. в 70 сельхозкредитных товариществах было 11 тракторов, 4 молотилки, 2 сенопресоваль-

щика, 25 зерноочистительных прокатных пункта, в 1926 году из 63 тракторов, имевшихся в Дагестане - 39 тракторов принадлежали сельскохозяйственным кооперативам, 23- различным организациям, и лишь 1 трактор оказался в руках частника. Получаемые трактора, прежде всего, направлялись в те районы, где решались проблемы обеспечения республики хлебом.[Османов 1978, 107]

Рост выпуска сельхозтехники позволял усилить машиноснабжение дагестанского крестьянства. Если в 1925/26 гг. в Дагестан было завезено сельскохозяйственных машин и инвентаря на сумму 196, 35 тыс. руб., то в 1926/27 гг. – уже на 286,6 тыс. руб. Ссуды, получаемые на приобретение тракторов, дали возможность увеличить их число с 74 в 1926/27 году до 104 в 1927/28 году.[Османов 1978, 108]

Тракторизация сельского хозяйства оказала существенное влияние на старые формы хозяйствования, требовала их коренной перестройки и перехода к обобществленным формам обработки земли. Появление трактора в деревне повлияло на психологию крестьянства. Количество их росло год от года в 1929 г. в распоряжении колхозов имелось 66 тракторов, более 770 плугов, борон, сеялок и другого сельскохозяйственного инвентаря, 327 лошадей и пр.

Сельскохозяйственный подотдел (а в дальнейшем наркомат земледелия) оказывал и разную агрономическую помощь населению. В 1920 г. были восстановлены агрономические пункты в Буйнакском, Хасавюртовском и Дербентском округах, они составляли планы обязательных засевов в крестьянских хозяйствах и участвовали в проведении их в жизнь, распределяли инвентарь, пропагандировали улучшенные способы ведения сельского хозяйства. [Даниялов 1960, 278]

Агрономическая работа уже с 1923 г. приняла более широкие масштабы. В Буйнакске открылись двухгодичные сельскохозяйственные курсы, шестимесячные курсы землемеров, месячные курсы по общественному сельскому хозяйству, в Махачкале - шестимесячные курсы по садоводству, виноградарству и виноделию, а также сельскохозяйственные технические школы, вместо ранее существовавшей школы садоводства.[ЦГА РД. Ф.4-р.Оп.3.Д.43.Лл. 2-4]. Именно в 20-е годы в республике получили распространение технические культуры: кендырь, кенаф, хлопок. Их семена, распространялись органами государственной власти и акционерными обществами. Большие средства выделились государством на борьбу с вредителями: мышами, саранчой и т.д.

Произошли серьезные изменения и в традиционной отрасли сельского хозяйства Дагестана - животноводстве. Характер труда животновода в рассматриваемый период не сильно изменился, но произошли перемены в организации животноводства, в социальном положении его тружеников. Урон, нанесенный животноводству в годы Гражданской войны долгие годы не давал возможности восстановить общее поголовье скота и довести его до довоенного уровня (1913 г.), поэтому к восстановлению и развитию животноводства подошли более продуманно и обоснованно. Улучшался санитарный надзор, велась работа по метизации и улучшению породности скота. Уже в 1924/25 гг. в Дагестане действовало 17 ветамбулаторий, ветперсонал состоял из 15 ветврачей и 17 ветфельдшаров. В 1925/26 гг. имелось 18 амбулаторий, 8 ветврачей и 16 ветеринарных фельдшаров. В 1924/25 гг. в ветамбулаториях было принято 16786 животных, в местах заболеваний – 43964. В 1925/26 году в амбулаториях было принято больных животных – 21230, в местах заболеваний – 7901. Число посещений за этот период составило 35950. [ЦГА РД. Ф.1-п.Оп.1. Д. 773. Л.118]

В 1924/25 гг. Наркомземом ДАССР были изданы на русском и трех дагестанских языках книги по ветеринарии: «Заразные болезни домашних животных и борьба с ними», «Заразные болезни овец и борьба с ними», тиражом в 6000 экзempl. в каждая, для бесплатной раздачи населению. Ветперсоналом проведено более 382 лекций и собеседований на различные темы. В 1925г. был созван ветеринарный съезд с участием 34 ветработников.

В 1925/26 гг. ветеринарным управлением были изданы на русском и пяти дагестанских языках обязательные правила предупреждения и прекращения заразных болезней домашних животных, тиражом в 6000 экземпляров для распространения среди населения. Окружными ветеринарами и их помощниками было проведено 243 лекции и собеседований.[ЦГА РД. Ф.1-п.Оп.1. Д. 773. Л.118об].

Помимо усиления санитарно-ветеринарной работы в рассматриваемый период активно проводилась работа по улучшению породности скота, метизации, организации племрассадников, племенных и опытных овчарен и т.д. Наибольшая работа в этом направлении проводилась с мелким рогатым скотом: овцами и козами, а также крупным рогатым скотом, и наименьшей степени, с учетом ряда обстоятельств с лошадьми и свиньями.

Основная ставка в развитии овцеводства делалась на развитие тонкорунных овец, велась метизация грубошерстных овец с тонкорунными «мериносами». Местная дагестанская овца грубошерстная, давала незначительное количество шерсти и мяса. Для качественного улучшения овцеводства в Дагестане Дагнаркомзем организовал опытную овчарню, перед ней ставились задачи разведения путем опытов метизация грубошерстных овец разных пород с тонкорунными баранами (мериносами) и мясными (линкольнами) для улучшения количества и качества шерсти, и веса туши. В опытной овча-

рне изучался вопрос рентабельности метизации, а в племенной овчарне изучался вопрос массового улучшения грубошерстного овцеводства. Разведение чистопородных мериносовых и линкольнских овец производилась также для раздачи производителей населению для улучшения овцеводства в крестьянском хозяйстве.

При Наркомземе, по постановлению правительства Дагестанской республики в 1926 г. был образован специальный натуральный фонд по восстановлению и регулированию животноводства края. Фонд предназначался для кредитования бедняцких овцеводческих хозяйств на льготных условиях через сельскохозяйственные животноводческие товарищества в форме долгосрочного кредита натурой. Ссуда выдавалась Наркомземом по договору животноводческому товариществу на пять лет под 4% годовых, ссуда распределялась среди бедняцких хозяйств, принимая во внимание имущественное и социальное положение, а также умение заниматься животноводством. [ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.1. Д. 631. Л. 24]

К 1925-26 гг. в Дагестане имелось до 60000 мериносов. Для развития овцеводства предоставлялись льготы для хозяйств, разводящих тонкорунных овец, применяемые в системе сельхозобложения; был заключен договор НКЗ с обществом «Овцевод», которое по плану на 1926/27 гг. должно было распределить среди кооперированного плоскостного населения 87000 голов грубошерстных маток для метизации. [ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.1. Д. 836. Л. 22]

До 1929-1930 гг. основная работа по овцеводству проводилась на плоскости, где уже до этого была база, на которую опиралась система «Дагживотноводсоюза». Горные районы не были охвачены сетью этого союза до 1929 г. [ЦГА РД. Ф. р-408. Оп. 3. Д. 2. Л. 35].

«Дагживотноводсоюз» провел метизацию грубошерстных маток мериносовыми баранами в Кизлярском, Ачикулакском, Хасавюртовском, Каранайском и Бабаюртовском районах. В 1929 г. было метизировано 24900 маток, что превышало план на 24,5%. Метизация проходила в кооперативном и социалистическом секторе (артели, колхозе, коммуна, поселковые товарищества). Но в Дагестане не только ввозили племенных баранов и маток, но и вывозили за пределы республики. Вывозили мериносов-баранов в Киргизию и Башкирию. [ЦГА РД. Ф. р-408. Оп. 3. Д. 2. Л. 40]

Огромную роль в развитии овцеводства в Дагестане сыграл государственный племенной рассадник вюртембергских овец Наркомзема ДАССР в селении Чох, созданный благодаря поддержке центральных органов власти. Вюртембергская овца – тонкорунной мясошерстной породы была привезена из Германии в СССР в 1928 г. для скрещивания с грубошерстными овцами Дагестана. [Историческая справка к фонду р- 767 ЦГА РД] Количество овец было строго подотчетно, работники Чохского рассадника занимались метизацией, как в своем хозяйстве, так и в других хозяйствах республики.

Именно в 20-е годы XX века начали проводиться первые научные экспедиции, направленные на изучение Дагестана и на определение перспективности выращивания определенных сельскохозяйственных культур и пород животных. Материалы этих экспедиций были положены в определение перспектив развития аграрного сектора республики. Так, профессор Б.Ф. Добрынин с коллегами летом 1922 г. и 1923 г. осуществил экспедиции в Южный Дагестан, целью которых было геоботаническое изучение горных летних пастбищ и выяснение состояния скотоводства. По итогам экспедиции Добрынин Б.Ф. написал следующие труды, которые не утратили своего значения и в наши дни: «Растительность Дагестана» (1922г.), «Кочевое скотоводство на летних пастбищах в Дагестане» (1922г.), «Ландшафтные районы и растительность Дагестана» (1925 г.) и др. [Наука и... 2003, 357]

Одной из заслуг Б.Ф. Добрынина нужно считать и то, что ему удалось привлечь к работе в экспедициях наиболее известных и выдающихся ученых – специалистов по каждой из отраслей научно – исследовательской работы. Например, научным изучением дагестанского животноводства руководил профессор Московской Сельскохозяйственной Академии А.А. Калантар; к изучению почв Дагестана был привлечен профессор-почвовед С.А. Захаров; геологическим изучением республики занимался член Геологического комитета В.П. Рейнгартен. [ЦГА РД. Ф. 127-р. Оп.3. Д.1.Л. 42]

С привлечением в качестве руководителей высококвалифицированных сотрудников из центра было произведено обследование животноводства, полеводства, садоводства и огородничества. Животноводство изучалось по категориям: крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, коневодство. Оно было обследовано в восьми округах республики. Буйволоводство было обследовано в Махачкалинском, Буйнакском, Хасавюртовском округах. Эти работы были проведены в 1922, 1923, 1925, 1926 годах. [ЦГА РД. Ф.1-п.Оп.1. Д. 773. Л.116]

Таким образом, на конкретных примерах можно говорить о совершенствовании и интенсификации сельского хозяйства Дагестана в переломный для него период. Нужно отметить, что эти процессы затронули практически все отрасли аграрного сектора, были многоплановыми и многоаспектными. Изменения в сельском хозяйстве произошли в виде улучшения сортности, породности и т.д. Однако, сельская механизация имела не сплошной, а скорее точечный характер, она касалась лишь

отдельных операций, и многие сельхозработы выполняли вручную.

20-е годы XX века – это период исканий, экспериментов в области сельского хозяйства Дагестана. Несомненно, в это время были достигнуты и определенные результаты, были и неудачи, обусловленные трудными условиями переходного периода. Основными направлениями в мероприятиях по восстановлению и интенсификации сельского хозяйства явились: создание и развитие опытно-исследовательского дела, подготовка квалифицированных специалистов, комплектование агрономической сети, внедрение в трудовое крестьянское хозяйство ценных технических (хлопок, кенаф и пр.) и высокоурожайных зерновых и плодово-ягодных культур, механизация сельского хозяйства, борьба с вредителями, снабжение семенной ссудой и прочее. Более серьезные трансформации в аграрном секторе республики происходят уже в 30-е годы, и связаны они в первую очередь с коллективизацией.

Источники и литература

1. Даниялов Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане. 1921-1941 гг. Махачкала, 1960.
2. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Махачкала, 2005. Т.2.
3. История советского крестьянства Дагестана. Махачкала. 1986. Т. 1.
4. Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 г. Документы и материалы. Махачкала, 2003. Т.1.
5. Османов А.И. Осуществление новой экономической политики в Дагестане. 1921-1925 гг. М., 1978.
6. Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. Книга первая. Махачкала, 2006.
7. Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 2.
8. Рукописный Фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН) Фонд.2.Опись.1. Дело. 85. Лист. 47; Ф.2. Оп. 1. Д. 534. Л. 27.
9. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Фонд. р-37. Опись. 20. Дело. 33. Лист. 44; Ф. р-92. Оп. 2. Д. 5. Л. 135; Ф. р-92. Оп.2. Д.6. Л. 39; Ф. р-408. Оп. 3. Д. 2. Л. 35; 40; Ф.4-р. Оп. 3. Д. 43. Лл. 2-4; Ф. 127-р. Оп. 1. Д. 76. Л. 115; Ф. 178-р. Оп. 2. Д. 60. Л. 46; Ф.1-п. Оп.1. Д. 631. Л. 24; Ф.1-п.Оп.1. Д. 773. Л. 116, 118, 118 об; Ф.1-п. Оп.1. Д. 836. Л. 22; Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 896. Л. 27.

ЧУВАШСКАЯ УСАДЬБА В БАШКИРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Владислав Медведев
(Магнитогорск, Россия)

Организация пространства является основополагающей в жизни этноса. Усадьба представляла собой совокупность жилых и хозяйственных построек, на определенной земельной площади. В общественно-историческом плане крестьянское подворье было хозяйственной и социальной ячейкой общества, которое населяло одна семья либо несколько родственных [Сулейманов 1998, 3]. И.Н. Смирнов в 1902 г. в ходе работы среди чувашей Белебеевского уезда отмечал: “Двор сложной чувашской семьи с тремя избами” [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 256. № 5948. Л. 327].

Чувашская усадьба обозначается рядом терминов. Так, Н.И. Ашмарин указывает, что *сурт-йёр* подразумевает дом, жилые постройки вообще; *сурт-вырән* – дом с усадьбой [Ашмарин 2000, 274]. Термин *карташ* (*кардаш*) означает двор и огород; такое же значение имеют слова *картайш* либо *кардыш* [Ашмарин 1994, 116-117]. В.Г. Егоров трактует термин *сурт* как “дом, изба с надворными постройками”; *карта* – изгородь, огород, ограда, скотный двор и др. [Егоров 1964, 91]. Предложенная исследователем А.К. Салминым религиозно-обрядовая семантика дома состоит из избы (*пурт*), избы, построек и земли (*сурт*) и *кил* – *сурт*, семьи и скота [Салмин 1998, 17]. Общепринятые термины для описания и разделения усадьбы чувашей по функциональному применению таковы: двор (*картайш*, *кил картайш*, *кил хушши*), огород (*пахча*, *симёс пахчи*), гумно (*анкарти*, *йётем*) [Скворцов, Скворцова 2010, 238, 240, 310]. Терминология применяется и среди чувашей Башкирии, с небольшими изменениями в произношении, что обусловлено иноэтничным воздействием.

Сведения о чувашских усадьбах встречаются в различных источниках.

П.С. Паллас писал, что “деревни их (*чувашей* – В.М.) обыкновенно состоят из разсеянных домов с малыми клетями без огороженных дворов” [Паллас 1773, 138]. “Двор у чуваш всегда содержится в чистоте. На дворе устраивается амбар, погребец, конюшня и сарай. Надворные постройки большею частью плетеные, крыты соломой” [Говоров 1926, 53]. “Они (*чуваши* – В.М.) селятся очень редко, чтобы иметь во все лето около хижин зеленеющую траву и деревья” [Милькович 1888, 1].

В классификации видов усадьбы чувашский *картши* принадлежит на большей части расселения чувашей к типу круглого, в литературе известного как двор-крепость [Матвеев 1994, 43]. В такой усадьбе изба расположена в глубине двора, вход в нее также со двора. Стена окружающая двор, является наружной стеной для хозяйственных построек [Бломквист 1956, 192]. Л.А. Иванов отмечает, что для чувашей Южного Урала наиболее типичным в планировке хозяйственных комплексов являлось отделение жилого дома от хозяйственных построек, которые обычно соединялись в единую Г-образную (глаголеобразную) связь [Иванов 1965, 200]. Кроме того, также применялся

П-образный (покоеобразный) тип застройки [Матвеев 1997, 126].

Планировка двора, характерная для чувашей в метрополии, отражается и среди чувашей Башкирии. Многие постройки имеют определенное место [Народы Поволжья и Приуралья 1985, 185]. Подобное устройство усадьбы встречается у чувашей повсеместно. В Сибири чуваш располагали строения на Г-образном и П-образном дворе [Коровушкин 2009, 31]. Это характерно также для чувашей Симбирско-Саратовского Предволжья [Долгова, Иванов, Кондратьев, Матвеев, Фокин 2004, 219].

В настоящее время традиционная планировка усадьбы встречается не всегда. Как правило, она сохраняется в наиболее удаленных поселениях, на которые менее всего воздействует городское и промышленное строительство. Состояние усадьбы зависит от природно-климатических условий, материала. Так, в с. Яковлевка Хайбуллинского района постройки в чувашских усадьбах расположены в единую связь с домом и соединены между собой переходами.

Исключение составляют гараж и баня. Информаторы сообщили, что данный тип планировки вызван суровыми зимами, большими снежными завалами. В д. Юламаново Аургазинского района встречаются различные планы усадеб, как традиционные, так и возникшие под влиянием урбанизации. В с. Ивано-Кувалат в большой мере сохраняется П-образная незамкнутая планировка. На территории д. Юльtimiровка Бакалинского района, несмотря на то, что по словам информаторов в конце 90-х гг. XX в., деревня была перестроена и большинство срубных построек (жилых и хозяйственных) было заменено на кирпичные, их расположение на усадьбе не изменилось и сохранилась старая планировка [ПМА 2008, 2009, 2010].

Приведем несколько примеров устройства современного чувашского подворья в Башкирии. В усадьбе В.Ф. Иванова (1930 г.р.) в с. Ивано-Кувалат жилой дом обращен широкой стороной к улице. Перед домом располагается палисадник, усадьба представляет из себя четырехугольник. Пространство можно разделить на три сектора – собственно двор, содержащийся в чистоте, на котором в П-образном порядке располагаются строения; огород (к нему можно отнести и участок выступающий в роли сада); земельный участок, вероятно выполняющий когда-то роль гумна, сейчас служит для установки стогов сена, не сложенного на сеновал. Напротив дома располагается гараж, рядом погреб с погребницей, за ними следует навес для дров и различного инвентаря, амбар, рубленный из 14 венцов и устроенный на дубовых столбах. К амбару примыкал навес (в настоящее время разрушен) выступавший в роли мастерской. Перечисленные строения соединены в единую связь. Отдельным

рядом выступают помещения для скота, которые состоят из открытой части, огороженные с одной стороны горизонтальными жердями, выполняющими функцию ворот, с другой – глухим дощатым забором с выходом на огород. Здесь же находится уборная. Крытая часть сарая состоит из теплого сруба, разделенного на помещения для скота, легкой пристройки. Все это вымощено тесом. К сараю под углом расположена летняя изба – сруб-четырёхстенка с одним окном выходящим во двор, крытый двускатной тесовой крышей, и легкими, некапитальными сенями. В некоторой отдаленности от строений расположена баня. Подобная планировка встречается во многих усадьбах, с небольшими изменениями, например, погребница может быть на огороде – в начале либо середине [ПМА 2009, РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат].

Во дворе З.Н. Кустанаевой (1942 г.р.) в с. Бердяш изба расположена в правом углу усадьбы и обращена торцевой стороной к улице. Хозяйственные постройки соединены в два ряда, расположенные друг против друга. Левую связь составляют клеть, теплые помещения для скота, правую – баня, навес для скота в несколько секций и летняя кухня, сейчас выполняющая функции амбара [ПМА 2009, РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш].

Наиболее полную картину планировки чувашских усадеб представила экспедиция 1929 г.,

которую проводили студенты Приуральского чувашского педагогического техникума под руководством П.А. Петрова-Туринге [Петров 2008, 32-44]. По заданию Академии Наук было зафиксировано 1200 планов чувашских жилищ и построек [Баронов 1929, 4]. На снимках представлены виды с. Базлык, с. Кош-Елга, с. Бижбуляк. Подобные материалы позволяют воссоздать планы усадеб, бытовавшие среди чувашей в конце XIX – первой половине XX вв.

По сведениям информаторов и по полевым наблюдениям отметим, что дворы занимают незначительную часть усадьбы. Площадь двора различная, в каждом селении его размеры зависят от общего размера усадьбы и степени застройки хозяйственными помещениями. Однако дворы занимают меньшую площадь, чем огороды. Фотографии, выполненные П.А. Петровым-Туринге в 1929 г., это подтверждают [НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210. № 1599].

О развитии земледелия у чувашей материалы архива свидетельствуют: “Равно также переселенцы приступили к земледелию, что ранее в данной местности совершенно не практиковалось и считалось неосуществимым. На свободных от леса местах, т.е. сенокосных полянах, лесных прогалинах и местах расчисток, кои до сих пор в даче разрешены Лесоохранительным Комитетом, переселенцами возделаны огороды, конопляники, ровно поднято много пашни под посевы хлебов. Пробные посевы как яровых, так и озимых хлебов в 1911 году, дали весьма хорошие результаты” [ГАОО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 141 об.].

Свои дворы чувашаи содержали в чистоте, что подтверждает фольклор. Так, Н.И. Ашмариным в с. Н. Карамалы (*Хурамал*) Белебеевского уезда была записана следующая песня (авторская орфография сохранена):

*Алăкăрсен умне шăлса тытăр
Пан-улмисен кустарса ылама.
Вĕренсе йул, тăван, çак йуррама
Епир асна килсен йурлама.*

(*Почаще метите у себя на дворе, чтобы играть, катая садовые яблоки. Научись от меня, родной, этой моей песне, чтобы петь ее, когда нас вспомнешь*) [Ашмарин 1900, 21].

Усадьба чувашей была окружена забором. Стоит выделить несколько типов ограды, которые были распространены. В Чувашии до середины XIX в. двор огораживался дубовым частоколом *тĕкме*, состоявшим из вкопанных вплотную друг к другу бревен и кольев. Подобная ограда в южных районах сохранялась вплоть до последней четверти XX в. [Иванов, Фокин, Трофимов, Матвеев, Кондратьев 1993, 138]. Частокол из бревен был обнаружен в ходе экспедиции 1962 г. в д. Чубукаран Белебеевского района [Матвеев 2005, 223].

В качестве ограды применялись бревенчатые заборы *хўме, санур*. Кроме того, устраивали изгородь из горизонтального плетня *çатан*. Бытовали изгороди и из вертикального плетня *шăтăрнак*, жердей. Их использовали для околицы *укăлча карта*, гумна и огорода *анкарти карта*. К концу XIX – началу XX вв. прясло *вĕрлĕк карта* было преобладающим типом ограды [Матвеев 1995, 44].

Л.А. Иванов отмечает, что на Южном Урале, Прикамье хозяйственные постройки соединяются загородками и заборами разных форм. Встречаются все выше перечисленные типы загорождений, а также заборы сооруженные из плитнякового камня. Плетень, тычинник, изгороди из кольев, бревенчатые заборы сохранялись в лесистых местностях. Заборы из камня преобладали в Аургазинском, Белебеевском и Бижбулякском районах [Иванов 1973, 66].

Наиболее значимой частью двора и усадьбы в целом являлись ворота, которые стоит подразделить на несколько видов. *Вĕрлĕк хапха* – тип ворот в виде прясла из жердей. В Башкирии наряду с данным термином применяется слово *çил хапха*. *Çăвашла хапха* – дощатые ворота без крыши, *вырăсла хапха (русские ворота)* – тесовые ворота с двускатной крышей. По мнению Л.А. Иванова для Южного Урала и Заволжья характерны глухие двустворчатые либо одностворчатые ворота с крышей или без нее, а также подвесные ворота из прясел [Иванов 1973, 65].

В источниках сохранились многочисленные упоминания об устройстве ворот в усадьбах чувашей. “Из построек в этом селении особенное внимание обращается на ворота. Каждый крестьянин прежде всего старается сделать новые ворота, причем украшает их всевозможной русской резьбой, после этого только принимается за избу, хотя бы в постройке избы было больше нужды, чем в воротах” [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. № 4917. Л. 169]. “Подъезжая к двору прежде всего бросаются в глаза ворота. Они у одних сделаны из теса подобно русским. Их называют ...; у других просто из теса решеткообразно” [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. № 5614. Л. 444].

В настоящее время среди чувашей Башкирии встречаются различные типы ворот. Вероятно, наиболее архаичные – ворота из жердей (*вĕрлĕк хапха, çил хапха*). Также повсеместно распространены *вырăсла хапха*. Отметим, что данный тип несколько видоизменен. Так, полотнища ворот и крышу делают из железа, обшивают тесом столбы, вместо украшения резьбой. Встречаются ворота без крыши – *çăвашла хапха*. Подробные материалы о видах ворот в Башкирии представляет

отчет экспедиции 1962 г. Здесь мы находим сведения о следующем типе ворот, распространенном в д. Аделькино Белебеевского района. Ворота представляют двустворчатое тесовое (железное) полотнище, которое прикреплено к П-образному каркасу. Причем вертикальные столбы выступают поверх горизонтального, на котором устроена полукруглая дуга, имитирующая крышу [НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. № 1974. Л. 93].

Схожее устройство ворот усадьбы зафиксировано в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района. Здесь ворота состоят из двух вертикальных столбов, к которым крепится одностворчатое дощатое полотнище. Поверх расположен полукруг. Две калитки из теса устроены у воротных столбов с разных сторон. Вся конструкция имеет полихромное покрытие синего цвета [ПМА 2009, РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат]. Ворота обозначают терминами *хапха*, дощатые (тесовые ворота) – *хума (хүме) хапха*.

В представлениях чувашей ворота выступали в роли рубежной линии. По мнению А.К. Салмина они являлись существенным признаком оседлого образа жизни и выступали в качестве пограничного периметра дома. Ворота были линией между улицей и двором, которая дополнялась символическими знаками. Так, накануне *мункуна* рябиновые прутья втыкали по окружности границы дома – на ворота, амбары, сараи. С целью защиты границы дома на ворота со стороны улицы прибывали подкову [Салмин 2007, 537].

Большое значение придавалось декоративному украшению воротных столбов. Для этого использовали врезную, барельефную, резную накладную, пропиленную (накладную и ажурную) виды резьбы. В роли второстепенных деталей выступали точеные украшения. Для орнаментации столбов наиболее часто применяли врезную резьбу.

Как правило, рисунком покрывали лицевую сторону воротных столбов. Сверху орнамент начинался резной розеткой, вниз были направлены полосы рельефно вырезанной веревочки. В некоторых случаях узор располагался по середине столба. Пространство между веревочками заполнялось различного рода комбинациями линий или небольшими розетками [Воробьев 1956, 145].

Крестьяне обильно орнаментировали столбы, переводы, но не створки ворот. Украшались подзоры под крышей и над ней. В зажиточных хозяйствах помимо нанесения старинного орнамента, на ворота крепили резную доску, как и на фриз жилого дома [Чуваши 1970, 285-286].

В ходе полевых исследований нами был обнаружен ряд ворот, которые относятся к типу *вырӑсла хапха*, имеющие украшения на столбах. Выделим двое ворот изученные нами в 2009 г. в с. Ивано-Кувалат.

Во-первых, это усадьба А.К. Корниловой (1926 г.р.), во-вторых ворота во двор Н.И. Петрова (1930 г.р.). В первом случае столбы орнаментированы двусторонним веревочным узором, по середине расположена врезная резьба, составляющая рисунок ромбовидной формы по всей длине столба. Верхние и нижние части украшены солярными символами. Во втором случае, дубовые столбы орнаментированы крупным веревочным узором по центру. Верхние части украшены подобием солярного знака, поверх которого располагается треугольник, напоминающий женское нагрудное украшение, ворота имеют полихромное покрытие [ПМА 2009, РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат].

Символ распространен на надмогильных памятниках некрещеных чувашей [Руденко 1910, 81-88; ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, с. Ахманово].

Таким образом, усадьба и двор у чувашей играли значительную роль как в материальном, так и духовном восприятии. Ведущее значение усадьбы-двора подчеркивает то, что все ревизские сказки, а затем переписи проводили по числу дворов в поселении. В Башкирии были распространены Г-образная и П-образная планировки двора, встречающиеся до сих пор. Исключением из общей связи выступают бани, удаление которых объясняется пожароопасной ситуацией. Новым при устройстве усадьбы стало появление палисадников, цветников во дворах, из построек – гаражей. Также как в прошлом, большое внимание уделяется оформлению ворот, которые выступают в роли лицевой части двора. Наряду с традиционной планировкой встречаются однорядные, двухрядные связи и др. Преобладание материала при возведении во дворе строений связано с природным фактором, также иноэтничным воздействием. Современная усадьба делится не на три (двор, огород, гумно) части, а только на две – двор и огород. Традиции содержать двор в чистоте придерживаются до сих пор, особенно старшее поколение. Помещения для скота располагают в задней части двора, откуда осуществляется выход на огород, который стал неотъемлемой частью сельской усадьбы.

Источники и литература

1. Ашмарин Н.И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и

- Уфимской. Казань, 1900. 91 с.
2. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 6. 336 с.
  3. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 2000. Т. 11-12. 672 с.
  4. Баронов С. Изучение быта чувашей. Возвращение экспедиции Чувпедтехникума // Красная Башкирия. 1929. 12 июля. С. 4.
  5. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М., 1956. С. 3-458.
  6. Воробьев Н.И. Резьба по дереву у чувашей // Советская этнография. М., 1956. №4. С. 143-147.
  7. ГАОО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 141 об.
  8. Говоров А.С. Ивановка. Монографическое описание села Екатерининской волости Самарской губернии. Самара, 1926. 95 с.
  9. Долгова А.П., Иванов Г.Н., Кондратьев М.Г., Матвеев Г.Б., Фокин П.П. Симбирско-Саратовские чуваша. Чебоксары, 2004. 274 с.
  10. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. 356 с.
  11. Иванов Л.А. Поселения и жилища чувашского населения Прикамского Заволжья и Южного Урала // Вопросы истории Чувашии. Ученые записки. Чебоксары, 1965. Вып. XXIX. С. 184-211.
  12. Иванов Л.А. Современный быт и культура сельского чувашского населения. Чебоксары, 1973. 124 с.
  13. Иванов В.П., Фокин П.П., Трофимов А.А., Матвеев Г.Б., Кондратьев М.Г. Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1993. 269 с.
  14. Коровушкин Д.Г. Чуваша в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск, 2009. 188 с.
  15. Матвеев Г.Б. Материальная культура чувашей. Чебоксары, 1995. 198 с.
  16. Матвеев Г.Б. Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья // Материалы по этнографии и антропологии чувашей. Чебоксары, 1997. С. 118-130.
  17. Матвеев Г.Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары, 2005. 256 с.
  18. Милькович К.С. О чувашах. Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия. Казань, 1888. 10 с.
  19. Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985. 309 с.
  20. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 256. № 5948. Л. 327.
  21. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. № 4917. Л. 169.
  22. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. № 5614. Л. 444.
  23. НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 277. № 1974. Л. 93.
  24. НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210. № 1599.
  25. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. 657+117 с.
  26. Петров И.Г. Слово о педагоге, краеведе и этнографе П.А. Петрове-Туринге // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары, 2008. №3. С. 32-44.
  27. ПМА – 2008, 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш).
  28. ПМА – 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат).
  29. ПМА – 2010 (РБ, Аургазинский р-н, д. Юламаново; Бакалинский р-н, с. Ахманово, д. Юльtimiровка; Хайбуллинский р-н, с. Яковлевка).
  30. Руденко С.И. Чувашские надгробные памятники // Материалы по этнографии России. СПб., 1910. Т. 1. С. 81-88.
  31. Салмин А.К. Семантика дома у чувашей. Чебоксары, 1998. 64 с.
  32. Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб., 2007. 654 с.
  33. Скворцов М.И., Скворцова А.В. Чувашско-русский и русско-чувашский словарь. Чебоксары, 2010. 432 с.
  34. Сулейманов Ф.М. Башкирский двор в конце XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Уфа, 1998. 25 с.
  35. Чуваша. Этнографическое исследование. Духовная культура. Чебоксары, 1970. Ч. 2. 308 с.

Сокращения

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
 НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
 ПМА – Полевой материал автора
 РБ – Республика Башкортостан

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА В ЗАКАРПАТЬЕ В 1944 – 1950 гг.

Аграрная политика в Закарпатье в первые послевоенные годы была именно тем ключевым рычагом, который кардинально изменил систему общественных отношений и социально-экономическое лицо края. Сельское хозяйство - доминирующая отрасль производства и главный активный системообразующий фактор развития экономики, социальной, демографической и пространственно-поселенческой структуры Закарпатья в 1944-1950 гг. стало основной сферой, из которой в только воссоединенном с Украиной регионе политико-принудительными методами местными коммунистами и центральными компартийно-государственными органами СССР и УССР развернулось целенаправленное насаждение советской модели политических и социально-экономических отношений, хозяйствования и административно-директивного управления. Крестьянство края было отчуждено от земли и закрепощено колхозно-совхозным строем. Началась разрушение вековых традиций, культуры и моральных ценностей закарпатского села, его пролетаризация и маргинализация. Коммунистическая политика в аграрном секторе была составной частью процесса ускоренной советизации Закарпатья в первые послевоенные годы. В течение этого незначительного по продолжительности исторического периода закарпатское село пережило два радикальных переворота. Сначала - земельную реформу 1944-1945 гг., которая временно создала массу средних и мелких частных собственников - хозяев земли. И сразу же потом - коллективизацию 1946-1950 гг., которая ликвидировала такого хозяина. Необходимо подчеркнуть, что аграрная политика в Закарпатье заключительного этапа Второй мировой войны и первых послевоенных лет, формировалась и осуществлялась в несколько отличных условиях существования квазигосударственного образования - Закарпатская Украина в 1944-1945 гг., где формально еще существовала возможность для самостоятельного реформирования новой властью земельных и других аграрных отношений, а затем в Закарпатской области в 1946-1950 гг - составляющей административно-территориальной единице Украины, где самостоятельность действий областных и местных органов власти в сфере аграрной политики была почти исключена. Закарпатье позднее всех западных областей вошло в состав Украины и, соответственно, дольше сохраняло центральноевропейскую модель рыночных аграрных отношений. В 1944-1945 гг. политика новой власти на селе по характеру была более приближена к практике зарубежных восточноевропейских стран "народной демократии", чем к советским стандартам. В последующие годы такой шанс было полностью утрачено, так как аграрная политика власти в Закарпатье была унифицирована в соответствии с принципами советской колхозно-совхозной модели.

До воссоединения с Украиной Закарпатье было типичным аграрно-сырьевым придатком как Австро-Венгрии, так и Чехословацкой республики. Валовая продукция промышленности во всем народном хозяйстве в 1937 г. составляла всего 2,2%. Более 80% населения было занято в сельском хозяйстве и только 10% - в промышленности. Крестьянство находилось в невыносимо тяжелых условиях, оно страдало от безземелья [Мищенко С.О., Шеневидько А.К. 1970, 348]. В период оккупации Закарпатья венгерскими гортистами - 1939-1944 гг. положение в сельском хозяйстве еще более ухудшилось. Оккупанты, особенно накануне освобождения, фактически полностью разорили закарпатское село. Поэтому, сразу же после освобождения края осенью 1944 г. новой народной власти Закарпатской Украины в аграрной сфере необходимо было решать целый комплекс взаимосвязанных сложных проблем. Во-первых, немедленно организовать оказание материальной, финансовой и иной помощи селу для ликвидации причиненного войной ущерба и возрождения сельскохозяйственного производства - основы экономики региона. Во-вторых, начать аграрную реформу для решения главной - земельного вопроса. В-третьих, внедрять новые формы агропроизводственной кооперирования для повышения эффективности сельского хозяйства. В-четвертых, разработать гибкую систему прогрессивного налогообложения крестьянских хозяйств. Решая эти задачи, аграрная политика Народного Совета Закарпатской Украины (НРЗУ) в 1944-1945 гг. по сути была принципиально близка к политике реформирования сельского хозяйства, которая в то же время осуществлялась в соседних странах так называемой "народной демократии" - Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и других государствах Восточной Европы. Земельная реформа НРЗУ на Закарпатье происходила почти по аналогичной схеме как в этих государствах. Сначала были конфискованы земли изменников, коллаборационистов и представителей государств бывших оккупационных режимов и распределены между безземельными и малоземельными крестьянами. Затем ликвидировалось помещичье, церковное, латифундистской и другое крупное землевладение. Эти вопросы регламентировались рядом документов [Про наділ селян, робітників і службовців Закарпатської України землею і лісом // Закарпатська правда. – 1944. – 2 грудня; Про наділ землею безземельних і малоземельних селян, робітників і службовців Закарпатської України. – Вісник Народної Ради Закарпатської України.– 1944. – 30 листопада.].

Особенностью закарпатской послевоенной истории стала национализация всех земель и ликвидация частной собственности на нее согласно декрету НРЗУ от 15 декабря 1945. Такая политика в Закарпатье подготовила почву для чрезвычайно быстрого проведения коллективизации по советской модели. Еще не завершилась земельная реформа, развернутая НРЗУ в 1944-1945 гг., как коммунистической властью в деревне началось введение новых, еще неизвестных закарпатском земледельцу, отношений - обобществление, принудительное кооперирование и ликвидацию частной собственности в аграрном секторе региона. То есть, о так называемой коллективизации, которая интенсивно началась внедряться на практике с первых же дней вхождения области в состав СССР.

Советский режим не мог допустить, чтобы на территории послевоенного Закарпатья или даже в отдельных его хозяйственных сферах, прежде всего в сельском хозяйстве, с которого жило 80% населения края, существовал некий специфический, например, смешанный социально-экономический строй. Директивно централизованная огосударвленная экономика и собственность были стержнем советской системы. Лишен других источников повседневного существования, привязанный к государственной или будто бы "коллективной" собственности, которая фактически также находилась под хозяйственно-политическим контролем государственных структур, гражданин должен был находиться в полной экономической и социальной (как и политической) зависимости от тоталитарного государства. Задача завершения советизации Закарпатья, под чем понимается полное утверждение в области унифицированных с социально-экономической и политической системы СССР характеристик, в 1946-1950 гг. должна была выполнить и политика коллективизации сельского хозяйства. Хотя коммунистическая пропаганда провозглашала коллективизацию переходом к высшим формам кооперации и аграрно-производственных отношений на селе, который осуществляется по инициативе самих крестьян и на принципе полной добровольности, в действительности, на практике все вылилось в директивно-принудительное - загнать основную массу закарпатцев в 1946-1950 гг в колхозно-совхозное рабство. Это вызвало различные формы сопротивления политике коллективизации со стороны многих слоев сельских жителей. В ответ власть массово применяла репрессии, методы запугивания и принуждения. Следует признать, что сопротивление закарпатского крестьянства насильственной коллективизации в 1946-1950 гг. было объективно обречено на поражение. Дело не только в том, что закарпатцы впервые в многовековой истории столкнулись с такой мощной тоталитарной системой, как коммунистический СССР, который после Второй мировой войны превратился в мировую державу. Военная победа укрепила диктаторский характер сталинского режима. Исторического опыта борьбы против такой тотальной диктатуры в населения края не было. Тем более, аграрное движение в регионе за весь предыдущий период почти никогда не поднимался выше требования справедливого решения земельного вопроса. А советская система имела уже "богатый" практический опыт подавления крестьянского сопротивления политике коллективизации, апробированный в разных регионах СССР еще в 1920-1930-е годы. Она полным образом применила его в послевоенном Закарпатье. Опыт принудительной коллективизации позволил советскому режиму в течение нескольких лет полностью завершить этот процесс в Закарпатской области. И в 1950 г. "колхозное движение" в крае развивался уже по унифицированным общегосударственным образцом. "С хода" массово создать колхозы в Закарпатье советской власти не удалось. Из главных причин можно назвать несколько: во-первых, сильные частные традиции, во-вторых, горная специфика края, в-третьих, отсутствие нужного количества исполнителей на местах. В 1946 г. власть смогла с большим трудом организовать лишь два колхоза - им. Димитрова и им. Хрущева. На конец 1947 г. в области насчитывалось 13 колхозов [Мищанин В.В. Аграрна політика 2000, 128]. 1948 становится для многих сел и даже округов первым шагом сплошной коллективизации. Коллективизация все больше набирала оборотов. Организация колхозов на этом этапе проходила будто акциями. Практикуется также организация нескольких колхозов в одном селе. Так, 4 июля 1948 г. в 9 селах Береговского округа были организованы колхозы, в которые вступили более 500 хозяйств. В этом округе коллективизацией было охвачено 14% хозяйств, а село Берега стало селом сплошной коллективизации - 272 хозяйства входили в колхоз [Советское Закарпатье 1948, 31 августа]. 15 августа 1948 г. в Ужгородском округе было создано 5 колхозов. В новые колхозы и в уже существующие ранее было принято 742 крестьянские дворы. 15 августа 1948 г. был создан второй колхоз в с. Есень. [Советское Закарпатье 1948, 17 августа]. Расширяется география коллективизации - начинают возникать колхозы в горной зоне. Теперь проследим динамику роста колхозов по Закарпатской области. Если на 1 августа 1948 г. их было 53 [Інформації про хід колективізації по Закарпатській області за 1948 рік (1.01.1949 р.), 11.], на первое сентября - 83 [Там же, 35], то на 15 ноября этого же года - 179 колхозов [Там же, 63]. Действительно впечатляющие темпы коллективизации: за 76 дней (с 1 сентября по 15 ноября) было создано 96 колхозов. Интересный факт: при 179 колхозах процент коллективизации к общему количеству дворов и количеству гектаров земли был чрезвычайно малым. Он соответственно составлял 6,07% и 7,23% [Там же]. Этого не могли не учесть организаторы колхозов. Теперь, наряду с созданием новых колхозов, нужно было привлечь

как можно больше крестьян (с землей) в уже существующие. В конце 1948 года на Закарпатье было организовано 371 колхоз, где объединились 54 000 бедняцких и середняцких хозяйств, что составляло 41,4%. Коллективные хозяйства были созданы в 312 селах, из которых 176 стали селами сплошной коллективизации [Закарпатська правда. – 1948. – 26 грудня]. В исторической литературе встречаем неточности относительно количества колхозов в тот или иной период. Чем можно это объяснить? Прежде всего темпами коллективизации. Колхозы создавались так быстро (особенно в 1948-1949 гг.), что информация об их создании не успевала поступать с мест в областной или республиканского центра. Например: в Киев поступили сведения о состоянии коллективизации в Закарпатской области датированы 20.01.1950. В письме в министерство сельского хозяйства указывается 535 колхозов [Разовый отчет о распределении земли по угодьям и землепользователям на 1 ноября 1949 года (31.12.1949 г.), 8.]; в письме в ЦК КП(б)У - 530 [Информации и докладные записки обкомов и райкомов КП(б)У по вопросу организационно-хозяйственного укрепления колхозов, ликвидации нарушения Устава сельхозартели (1.01.-31.05. 1950 г.), 51]. К апрелю 1950 г. было организовано 546 колхозов, в которых объединились 94,2% крестьянских дворов, было обобществлены 94,4% пахотной земли. Впереди начинался новый процесс - укрупнения колхозов [Куценко К.О. 1957, 328]. Он начался с постановления ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 года "Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле". Это было одной из особенностей коллективизации сельского хозяйства в Закарпатье, потому совпадало с экономическим процессом, который проходил в масштабах страны. На конец 1950 г. в результате укрупнения в области осталось 294 колхозы [Народне господарство Закарпатської області 1957, 28]. Возникает логичный вопрос: почему стали возможны такие темпы коллективизации? Причин здесь несколько. Во-первых, на начальном этапе, было мало людей с люмпенской психологией, готовых стать "организаторами" колхозного строя, т.е. поживиться за счет богатого соседа. Кроме того, сельским коммунистам также явно не хотелось ни самим вступать в колхоз, ни загонять туда односельчан ". Эту проблему должны решить приезжие кадры. С 2725, которые прибыли в Закарпатскую область в 1946 году, 113 отправлялись по партийной номенклатуре на руководящих должностях. К концу 1946 г. в крае было заменено 11 голов окргорисполкомов, 8 их заместителей, 7 секретарей окружкомов партии, 195 глав сельских Советов. Всего в течение 1946-1947 годов были заменены 844 работники номенклатуры обкома КП(б)У [Лемак В. 1993, 6 мая]. Во-вторых, начинается массовая агитация за преимущества коллективного хозяйствования, перевод сельского хозяйства области на "социалистические рельсы". Местные власти не ограничивалась экскурсиями в восточные области. Практиковались также экскурсии в пределах области. Так, с 25 июля по 25 августа 1948 г. 96 земляков посетили сельскохозяйственную опытную станцию в В. Бакте и колхоз им. Димитрова (Мукачево) [Інформації про хід колективізації по Закарпатській області за 1948 рік (1.01.1949 р.), 42]. Вместе с организацией экскурсий существовал другой метод - поощрение, стимулирование местного населения. Вчерашних батраков, за их неутомимый труд на колхозной ниве пресса преподносила в ранг "лучших людей" бригады, колхоза, округа, области. Людям это нравилось. Крестьянам навязывали новую морально-психологическую систему - "выбиться в люди" можно только через колхоз. [Справки работников отдела по рассмотрению жалоб и предложений колхозников, касающихся организационно-хозяйственного укрепления колхозов (19.01.49 г. – 25.12.49 г.), 14; Документы (сведения, справки, ведомости и др.), 38; Ілько В.І., Ілько І.В. 1997, 84]. Власть начинает щедро выделять государственные награды. За высокие урожаи, выращенные в 1947-1950 годах, 507 передовиков сельского хозяйства области были награждены орденами и медалями Советского Союза, а 23-м из них присвоено звание Героя Социалистического труда [Колгоспне Закарпаття 1952, 6]. Причем награды предоставлялись по плану. Местные власти быстро понимают ситуацию - если есть необходимое количество наград, то необходимо искать под них соответствующее количество людей, описывая их "достижения" в области сельского хозяйства [Письма ЦК КП(б)У и Совета Министров, 1-87; Материалы о выполнении передовиками сельского хозяйства социалистических обязательств (7.03.-2.08.1950 г.), 1-140].

В-третьих, усилилось налоговое давление, направленное против зажиточного крестьянина, да и середняка. Он был направлен против зажиточного крестьянина. Термин "кулак" на Закарпатье ранее был неизвестен. Он приживается с советизации и, особенно, с коллективизацией края. Кого же относили к кулакам? Были два основных критерия: наличное количество земли (этот критерий часто менялся) и "применение наемного труда". Для того, кто земли имел совсем мало, но все же выступал против колхозов, придумали названия "подкулачники" или "агент кулаков". Это означало, что к силам "враждебных социализму" в селе мог быть отнесен практически любой крестьянин. Именно поэтому, как ни странно, количество кулацких хозяйств в области от 1946 до 1950 г. почти не изменилась (соответственно 2134 и 1978) [Лемак В. 2000, 103]. И это при том, что их непрерывно арестовывали и депортировали. Напомним, что декретом НРЗУ в 1945 г. были установлены нормы максимального землепользования. Они составляли 23 га для низменных округов и 28,5 га земли для

горных [Информации, справки отдела о состоянии сельского хозяйства области, 87]. Однако, учитывая малоземелье в Закарпатье, эти нормы были впоследствии пересмотрены. Уже с июля 1946 областное руководство к кулацким хозяйствам относило те, которые имели более 10 га земли. Таких тогда насчитывали 2134. В конце 1946 года нормы землепользования были вновь пересмотрены: для низменных округов - до 6 га, для горных - до 8 га. С июня 1947 Совет Министров СССР принял постановление об экономическом ограничении кулацких хозяйств путем усиленного налогообложения, которая была введена в действие в начале 1948 г. Это постановление касалось только западных областей Украины и не распространялась на Закарпатье. Это произошло 17 июля 1949 г. По мнению некоторых исследователей коммунистические власти под прикрытием борьбы с кулаками, в определенной степени, проводила также политику национальной дискриминации. Это проявлялось, в частности, о том, что более половины семей отнесенных к кулакам, были венгерской национальности (51.5%) [Там же]. Рассмотрим, так называемые, кулацкие хозяйства в национальном разрезе. С архивного документа видно, что на август 1950 кулацкие хозяйства, по национальному принципу делились следующим образом: "Украинских - 815 хоз. (41.6%); венгров - 1029 хоз. (51,5%); румын - 85 хоз. (4.4%); других - 49 хоз. (2.5%)." [Мищанин В. Колективізація і розкуркулення 2001, 96]. Больше кулацких хозяйств находилось в Береговском и Севлюшском округах, где компактно проживало венгерское население. В списки этих хозяйств попало также 18 семей евреев, и 20 хозяйств немцев. На областном уровне разрабатывались даже планы о новом административно-территориальном делении. Был подготовлен проект районирования Закарпатской области. "В экономическом, коммуникационном и административном отношениях, существующий территориальное деление Закарпатской области, является неудовлетворительное", - говорилось в данном проекте. Согласно проекту предлагалось в крае образовать еще 7 районов - Вилецкий, Великобычковский, Узловской, Дубовской, Подгорянский, Середнянский, Чорнотисовський. По мнению местного руководства с введением нового административно территориального деления «... облегчится организационная и политико-массовая работа среди национальных меньшинств. Так, например, сейчас население румынской национальности проживает на территории двух округов (Тячевский и Раховский), в то время, как согласно предложенному проекту районирования, все население румынской национальности будут сосредоточены в одном районе (Великобычковском).

Это также касалось и населения венгерской национальности. По мнению местного руководства здесь «создадутся условия для улучшения оперативности в работе советских и партийных органов в отношении управления, оказания практической помощи и контроля за работой низовых партийных, советских и хозяйственных органов, значительно облегчается организационная работа по развертыванию и завершению коллективизации сельского хозяйства, в также организационного и хозяйственного укрепления колхозов» [Там же, 98]. По состоянию на конец 1955 г. в списках кулацких хозяйств все еще находилось 765 дворов [Там же, 100]. В ходе коллективизации власти постоянно прибегала к своему испытанному методу администрирования или откровенного насилия. Так, в одном из "секретных" документов читаем о стиле работы уполномоченного Севлюшского окружкома КП(б)У по коллективизации Кривуляка: "...В январе 1949 года в селе В. Комьяты ...за отказ от вступления в колхоз обругал и нанес побои. И. Боршош, Ю.Гайдук, М. Пруница, Ю.Урич и др..." [Мищанин В.В. 2000, 94]. После этого неудивительно, что в области доходило до поджогов колхозных построек, домов активистов, а в некоторых селах были зафиксированы избиения, физические расправы над председателями колхозов, сельсоветов (с. В. Лучки, Ясиня, Черный Поток, Ключарки, и др.), «бабьи бунты» (с. Ирлява, Добронь, Угля). И все же, местное руководство не могло не видеть, что в горных и предгорных районах Закарпатья создание эффективно действующих коллективных хозяйств было невозможным. По этому поводу интересна докладная записка председателя Облсполкома И.И.Турияницы и секретаря обкома И.Д. Компанца на имя секретаря ЦК КП(б)У Л.Г.Мельникова от 4 февраля 1950 г. "О состоянии и дальнейшем развитии сельского хозяйства в горных селах Закарпатской области" [Мищанин 2009, 144-154]. В ней обосновывается нецелесообразность проведения коллективизации в населенных пунктах горной зоны, то есть на территории Раховского, Воловского, Воловецкого, Великоберезнянского и частично Тячевского, Свалявского, Хустского и Перечинского округов, занятой преимущественно лесами, сенокосами и пастбищами. Недостаточный агротехнический уровень, неблагоприятные климатические условия в этих местах обуславливали крайне низкие урожаи зерновых культур (овес, рожь, кукуруза), однако благоприятными были условия для развития животноводства. Руководители области считали, что необходимо организовать здесь колхозно-кооперативные промыслы по изготовлению различных изделий из дерева, а животноводство превратить в ведущую отрасль сельского хозяйства - с ориентацией на выращивание, увеличения поголовья и продуктивности крупного рогатого скота, овцеводство. Полеводство, по плану, должно выполнять второстепенную роль. Оно должно обеспечивать население картофелем, овощами, а скот - кормами. В целях обеспечения населения горной зоны хлебом разрешалось колхозам низинных районов на

контрактных условиях организовать продажи зерна в обмен на предметы животноводства, производимого на высокогорной Верховине [Ілько В.І., Ілько І.В. 1997, 88].

Поэтому предлагалось перевести 27 населенных пунктов в разряд рабочих поселков и вывести из числа крестьянских хозяйств 23165 дворов в 86 населенных пунктах горной и передгорной местности [Там же, 89]. Но это были только предложения и то поздно. Коллективизация вошла в завершающую стадию. Осуществлен нами анализ свидетельствует, что политика принудительной коллективизации 1946-1950 гг. на Закарпатье имела региональную специфику, но существенно не отличалась от практики насаждения колхозно-совхозного строя периода 1920-1930 гг. советским режимом в других регионах СССР. Общими были следующие моменты: Во-первых, концептуальной основой конкретных политических действий центрального и местного партийно-государственного руководства по коллективизации в послевоенном Закарпатье оставались положения ортодоксального марксизма-ленинизма (в их еще более остром сталинском толковании) относительно тотального обобществления сельскохозяйственного производства, перехода к коллективному хозяйствованию и ликвидации зажиточных слоев крестьянства "как класса". Во-вторых, для реализации политики коллективизации 1946-1950 гг. в Закарпатье так же использовались все элементы могущественной партийно-государственного аппарата и его репрессивного аппарата. Основные направления и практические задачи осуществления коллективизации в регионе, безусловно, определялись не местными, а центральными и республиканскими компартийными структурами. И областной, окружной (районный), городской и сельский партийно-государственный аппарат верноподданно внедрял в жизнь наставления центра по коллективизации в крае. Из методов компартийной работы с политическим обеспечением осуществления коллективизации в области нужно назвать: организационную и кадровую, идеологическую, в частности, агитационно-пропагандистскую и т.п.. Но желаемого для советской власти результата чисто политическая работа в закарпатском селе не дала. Поэтому для перехода к сплошной коллективизации были использованы прежде всего методы экономического и внеэкономического принуждения и прямых репрессий. Это все обеспечило быстрое насаждения колхозно-совхозной системы в Закарпатской области. Спецификой реализации политики коллективизации в крае по сравнению с другими регионами страны, стало чрезвычайно быстрое - в течение нескольких лет завершения этого процесса. Как показало, например, общегосударственное укрупнения колхозов 1950 г., закарпатское село уже полностью развивалось в "русле" унифицированного советского строя.

Источники и литература

1. Докладные записки обкома партии об административно-территориальном делении и проекте районирования Закарпатской области (16.02.50 г. – 2.10.50 г.) // Державний архів Закарпатської області (ДАЗО). - Фонд (Ф.) П-1 - Закарпатський обком Компартії України.- Оп.1.- Спр.1308.- А.1-111.
2. Документы (сведения, справки, ведомости и др.) о производственных показателях колхозов, предприятий и передовиков сельского хозяйства, подлежащих премированию за выполнение планов производства и животноводства по области за 1950 год // ДАЗО. – Ф. Р-179. – Обласне управління сільського господарства. – Оп.1. – Спр.648.- А.38.
3. Закарпатська правда. – 1948. – 26 грудня.
4. Информации и докладные записки обкомов и райкомов КП(б)У по вопросу организационно-хозяйственного укрепления колхозов, ликвидации нарушений Устава сельхозартели (1.01.-31.05. 1950 г.) // Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ): Фонд (Ф.) 1-Центральний Комітет Комуністичної партії України. – Оп.80. – Спр.874. – А.51.
5. Информации, справки отдела о состоянии сельского хозяйства области, организации колхозов, устранении нарушений устава сельскохозяйственной артели, развитии рыбного хозяйства (13.03.46 г.- 23.12.46 г.) // ДАЗО. – Ф.П-1.-Оп.1.-Спр.144.- А.87.
6. Інформації про хід колективізації по Закарпатській області за 1948 рік (1.01.1949 р.) // Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України): Фонд (Ф.) 27-Міністерство сільського господарства УРСР. – Оп.17. – Спр. 6633. – А.11.
7. Інформації про хід колективізації по Закарпатській області за 1948 рік (1.01.1949 р.)... – А. 42.
8. Ілько В.І., Ілько І.В. Колективізація сільського господарства на Закарпатті: нове бачення // Матеріали Всеукраїнського симпозиуму з проблем аграрної історії. У 2-х ч. Ч.ІІ-К.,1997. - С.84-90.
9. Колгоспне Закарпаття // Збірник статей і нарисів. – Ужгород, 1952. – С. 6.
10. Куценко К.О. Братня допомога народів Радянського Союзу в соціалістичній перебудові сільського господарства Закарпатської області (1945-1950 рр.) // Наукові записки УжДУ. - Ужгород, 1957. - Т. XXIX. - С.328.

11. Лемак В. Колективізація на Закарпатті, або як комуністи знищували господаря // Календар українців Угорщини на 2000 рік. – Ужгород, 2000. – С.102-104.
12. Лемак В. Колективізація на Закарпатті: як це було? // Новини Закарпаття. - 1993. - 6 травня.
13. Материалы о выполнении передовиками сельского хозяйства социалистических обязательств (7.03.-2.08.1950 г.) // ЦДАВО України. –Ф.27.-Оп.17. – Спр.12397. – А.1-140.
14. Міщанин В.В. Аграрна політика на Закарпатті (1944-1950 рр.). – Ужгород: Закарпаття, 2000. – С.128.
15. Міщанин В. Колективізація і розкуркулення на Закарпатті в 1946-1950 рр. // Carpatica – Карпатика.- Випуск – 10. Актуальні проблеми політичного та етнокультурного розвитку Карпатського регіону в ХІХ-ХХ століттях. - Ужгород: Два кольори, 2001.- С.105-113.
16. Міщанин В. Нові документи про колективізацію на Закарпатті 1946-1950 рр. // Русин. Международный исторический журнал. – Кишинев. – 2008. – № 2 (16). – С. 144-154.
17. Міщенко С.О., Шеневідько А.К. Розвиток сільського господарства Закарпаття за роки Радянської влади // Великий Жовтень і розквіт возз'єднаного Закарпаття: Матеріали наук. сесії, присвяченої 50-річчю Великої Жовтневої соц.революції, 29 черв. - 2 лип. 1967 р. – Ужгород: Карпати, 1970. – С.348.
18. Народне господарство Закарпатської області. Статистичний збірник. - Ужгород: Закарпат. обл. вид-во, 1957. – С. 28.
19. Письма ЦК КП(б)У и Совета Министров УССР о развёртывании соцсоревнования работников сельского хозяйства в 1949 г., справки, отчёты о ходе соцсоревнования, списки передовиков, представленных к наградам (8.04.49 г. – 24.1.49 г.) // ДАЗО. – Ф. П-1. – Оп.1. – Спр.1083. – А.1-87.
20. Про наділ селян, робітників і службовців Закарпатської України землею і лісом // Закарпатська правда. – 1944. – 2 грудня.
21. Про наділ землею безземельних і малоземельних селян, робітників і службовців Закарпатської України. – Вісник Народної Ради Закарпатської України.– 1944. – 30 листопада.
22. Разовый отчет о распределении земли по угодьям и землепользователям на 1 ноября 1949 года (31.12.1949 г.) // ЦДАВО України. – Ф.27.-Оп.17.- Спр.3672. – А. 8.
23. Советское Закарпатье. – 1948. – 17 августа.
24. Советское Закарпатье. – 1948. – 31 августа.
25. Справки работников отдела по рассмотрению жалоб и предложений колхозников, касающихся организационно-хозяйственного укрепления колхозов (19.01.49 г. – 25.12.49 г.) // ДАЗО. – Оп.1. – Спр.1095. - А.14.

КРЕПОСТНЫЕ ЛЮДИ РОСТОВСКИХ КРЕСТЬЯН-ОГРОДНИКОВ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

*Александр Морозов
(Ростов Великий, Россия)*

Проблема обеспечения рабочей силой в российской дореформенной деревне является важнейшим показателем и процессом определенной трансформации старых феодальных форм эксплуатации, так и генезиса новых капиталистических отношений. Особенно характерно данные составляющие проявились в наиболее известном в России центре торгового огородничества - приозерных селениях Ростовского уезда Ярославской губернии.

Работников и работниц ростовских огородников целесообразно разделить на три неравнозначные группы рабочей силы по своему социальному, количественному и национальному составу: «покупные» люди - крепостные крепостных; свободные люди разных податных сословий, постоянно жившие в приозерных селах; так называемые «поденщики», приходившие в эти села на заработки.

В данной работе рассматривается первая из перечисленных групп рабочей силы, социальные отношения, а также какую роль здесь играла патрональная политика помещиков и община.

Поставленные вопросы привлекали к себе внимание уже современников [Никольский 1848; Хранилов 1859, 32; Семевский 1902, VII, 55-87.]. Актуальна была подобная тематика в советский период [Генкин 1947; Федоров 1962, 9, 6, 57; Федоров 1974.]. В современной историографии выделим труды известных ученых Л.В. Милова и Б.Н. Миронова [Милов 1998; Миронов 2000.].

Документальной основой для исследования послужили разнообразные материалы вотчинных архивов графа В.Г. Орлова и графа В.Н. Панина, князя С.М. Голицына, в частности: ежегодные журналы входящих и исходящих бумаг, книги указов и распоряжений домовых контор, инструкции по управлению вотчинами, а также рапорты бурмистров, ревизские сказки, договора и контракты крес-

тян, прошения по разным предметам в фондах вотчинных правлений [РГАДА. Ф. 1263, 1273, 1274; ГИМ ОПИ. Ф. 14; РНБ. Ф. 775; РФ ГАЯО. Ф. 1, 15, 113, 372.]. Среди источников необходимо выделить ревизские сказки и метрические книги, освещающие вопросы не только генеалогии, но и социальных отношений, мобильности ростовского крестьянства, а зачастую купечества и мещанства уездных, губернских и столичных городов европейской России: Ростова и Ярославля, Костромы и Переславля-Залесского, Твери и Кашина, Петербурга и Москвы.

Согласно «Уложению» графа В.Г. Орлова в с. Поречье, крестьяне имели право покупать себе крепостных на стороне, записывая их на его имя [Уложение 1853; Морозов 2000, 127; Миронов 2000, 1, 125, 392, 432.]. «Уложение» строго оговаривало, что крестьяне пожелавшие купить себе работника, или работницу должны быть «поведения добраго» и относиться к своим крепостным осторожно, «отечески», о покупке, а также и найме «уведомлять бурмистра, кто у него в работниках неотменно». Бурмистру с его подчиненными было приказано строго смотреть за работниками: «...дабы не было между принятыми подозрительных людей, беглых, воров и тому подобное» [РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 506. Л. 15; РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 36, 92 об., 99.]. Аналогичное право покупки крепостных на имя своего помещика, оговоренное в указах и распоряжениях домового конторы, было у крестьян с. Сулость, Никольское на Перевозе и др. вотчины князя С.М. Голицына [ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3085. Л. 75, 75 об., 84.].

Списки – реестр «покупных для услуг» бурмистр с. Поречья за свое село, Спасскую (графскую) слободу, Борисоглебские слободы, с. Воржу, как глава центра ростовских вотчин отправлял в начале года в Москву, в домовую контору. Зачастую это были и персональные прошения крестьян о дозволении купить себе работника [РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 534. Л. 16 об., 18, 30 об., 51; Д. 535. Л. 78 об.; Д. 544. Л. 62 об., 140; Д. 986. Л. 132 об.]. Для приписки указанных лиц к вотчине из домового конторы бурмистрам для предоставления в соответствующие инстанции высылались доверенности [РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 60.].

В ревизских сказках с. Поречья, вслед за переписью крестьян записаны их покупные люди – женщины, мужчины, семьи. Списки покупных занимают примерно 6-ю часть ревизских книг и содержат следующие данные: семейное положение; возраст; из какого населенного пункта происходит; бывший владелец; где и кем из крестьян куплен или куда и кому продан; отдан в рекруты, а женщина выдана замуж.

На момент проведения 5 ревизии 1795 г. зафиксированы 73 покупные женщины, 47 мужчин и 4 семьи, в которых было 4, 2, 2 и 2 человека. Всего: 130 человек [РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1. Л. 129-143 об.]. Данный список пополнялся и после проведения ревизии: в 1796-1802 гг. были куплены и внесены в ревизскую сказку еще 81 женщина и 14 мужчин. Следовательно, в 1802 г. всех покупных людей у крестьян с. Поречье насчитывалось 225 человек. Крестьян обоего пола в селе было 1880.

Рассмотрим географию покупок. Из указанных лиц в Петербурге были куплены 4; в Москве и Московской губернии – 3; в Смоленской, Рижской и Полоцкой губерниях по 2; в Псковской, Тульской, Калужской, Тверской, Нижегородской губерниях по одному. Очевидно, что поречские крестьяне приобретали себе крепостных работников там, где они были на отхожих промыслах и часть покупных фактически не жила в Поречье. Они находились вместе с крестьянами в городах [РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 869. Л. 17, 24 об., 28.]. Также на стороне покупали себе крепостных крестьяне с. Сулость. В частности, 31 мая 1834 г. контора Голицыных запрашивала бурмистра этого села – где проживает купленная крестьянином Семовым работница Ольга Петрова – с ним в городе или в вотчине [ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3116. Л. 96, 98, 113 об.].

По национальному признаку подавляющая часть покупных была великорусского происхождения. Однако в ревизионных списках встречаются имена других национальностей. Например, приобретенный в Риге Михель Сента Иотола был, скорее всего, латышом, а Яган Петров и Яков Ганц из Полоцка, возможно, были поляками или белорусами. Таких имен насчитывается девять [РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1. Л. 140, 141, 142 об., 143 об.]. В журнале домового конторы В.Г. Орлова отмечен случай, когда крестьянин Борисоглебских слобод И.Т. Колчин 10 июня 1808 г. купил на польской границе, в Волынской губернии двух мужчин поляков, которые при переправе через Днепр, около Киева, от него сбежали [РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 679. Л. 9-9 об., 13, 20 об., 43 об.].

Проанализируем данные ревизской сказки с. Поречья 1834 г. Рядом с записью имени покупного человека почти всегда есть помета, сделанная другими чернилами, карандашом – кем из крестьян он был куплен и находился в услужении: «Оная девка Николая Сорогина», «У Андрея Титова», «Ивана Маринина Большого» и т.д. Всех помет с указанием фамилий крестьян насчитывается 44 из 152-х фамилий села. То есть, 28,9% крестьянских фамилий с. Поречья имели в услужении указанных лиц. Однако, владение по домохозяйствам, принимая во внимание семейные разделы, выглядит более скромно: 44 владельца крепостных на 392 двора, или 11,2%. 127 крепостных обоего пола на 2364 человека крестьянского населения. Распределение по владельцам 103 лиц женского пола было от 1 до 5 человек. Пять женщин имела одна семья, по три женщины было в 8 семьях, по две – в 10 семьях, по

одной - в 25 семьях.

Список крестьян, владевших крепостными, существенно дополняется сведениями из метрических книг. В метриках за 1829-1939 гг. выявлено еще 5 фамилий таких владельцев [РФ ГАЯО. Ф. 372. Оп. 2. Д. 262. Л. 7 об., 14, 33, 188 об., 198 об.], за 1840-1850 гг. – еще 3 фамилии [Там же. Д. 263. Л. 69 об., 97 об., 220 об.], и даже в 1857-1868 гг. – еще 2 [Там же. Д. 265. Л. 247 об. 251 об.]. Метрические книги первой половины XIX в. фиксируют появление на свет у крепостных работниц незаконнорожденных детей, их кончину. Как правило, восприемниками этих детей были священнослужители, солдаты и в очень редком случае сами крестьяне [Там же. Д. 262. Л. 1, 53, 56, 57, 117 об., 151 об.; Д. 263. Л. 5, 19 об., 28 об., 97 об., 106 об.].

В метриках 1861-1868 гг. уже после отмены крепостного права священник в записях иногда применял для обозначения покупных лиц определение «раб». Так, 28 ноября 1861 г. «с. Поречья крестьянина Леонтия Васильева Маринина раба Матрона Иванова», 65 лет, умерла. 14 июля 1868 г. «проживающая в селе нашем в рабах девка Степанида крестьянина Мантухина», скончалась в возрасте 68 лет [Там же. Д. 265. Л. 211 об., 507 об.].

У богатых крестьян при семейных разделах часть их крепостных людей нередко переходила к отделяемому сыну. Разрешение на раздел утверждал помещик, резолюцию которого бурмистры фиксировали в последующих раппортах [РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 19 об., 20 об., 50 об., 52, 61 об., 68 об.].

Количество покупных лиц, указанных в одной семье, на протяжении 20-30 лет возрастает практически вдвое. К примеру, по данным пометам выявлено, что крестьянскому роду Пелевиных в 1820 гг. принадлежали две купленные ими работницы: девка Федора Савельева 30 лет и вдова Акулина Прокофьева 40 лет [Морозов 2007, 127-141.]. Кто именно из представителей рода купил их, не устанавливается, поскольку записано коротко: «У Пелевина» [РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 4. Л. 109 об, 110.]. Однако, в списках последней ревизии 1858 г. имеется помета карандашом, что «девка Федора Савельева 58 лет у Василия Иванова Пелевина» [Там же. Д. 9. Л. 168.]. В метрической книге с. Поречья 1857-1868 гг. значится, что 22 мая 1862 г. «крестьянина Якова Андреева Пелевина работница Акулина Прокофьева» в возрасте 75 лет умерла [Там же. Ф. 372. Оп. 2. Д. 265. Л. 248 об.]. В 1830 гг. у него же находилась в услужении покупная работница, девка Елена Галактионова [Там же. Д. 262. Л. 39 об.], а в 1840-е гг. - девка Дарья Сафонова [Там же. Д. 263. Л. 145 об.]. Фамилий покупные люди не имели.

Таблица 1

Убыль покупных лиц в с. Поречье по ревизии 1834 г.

Мужчины, всего:	24	Женщины, всего:	103
Из них: отпущено на волю:	3	Из них: отпущено на волю:	11
Умерло:	2	Умерло:	33
В бегах:	2	В бегах:	11
Отдано в рекруты:	8	Выданы в замужество:	3
Продано:	4	Продано:	-/-
Находятся в неизвестной отлучке:	5	Находятся в неизвестной отлучке:	1

[Таблица сост. на основании данных: РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 4. Л. 104 об.-109.].

Таким образом, убыль лиц мужского пола была практически 100%. Значительная часть мужчин покупалась вотчинным правлением и крестьянами для отправления рекрутской повинности. Мужчины использовались в качестве рабочей силы в меньшей степени [РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 679. Л. 40 об.; Д. 820. Л. 34 об., 62, 140; Д. 869. Л. 10 об., 17, 85; Д. 986. Л. 53 об.]. Женщины покупались крестьянами именно как работницы. Среди них значительны доли смертности - 32% и беглых – 10%.

Отсюда важным является вопрос о производственных отношениях, каким на деле было обращение крестьян со своими крепостными. Несмотря на строгие правила помещичьего «Уложения», вотчинная документация с. Поречья содержит 1-2 сообщения в месяц о жестоком обращении с указанными лицами. Так, 7 августа 1808 г. крестьянин Андрей Королев жаловался в домовую контору на побои, нанесенные женой крестьянина Маринина Меньшого его «покупной девке Федосье». 26 августа бурмистр Лалин получил приказ конторы произвести по жалобе следствие, а девку Федосью Андрееву «продать в добрые руки» [РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 679. Л. 46 об., 47 об.].

В докладе поречского бурмистра Лалина и его помощника Сироткина в домовую контору от 22 августа 1808 г. значится, что по ее приказу от 16 июня они рассматривали случай о побеге, совершенном девкой Анной Ивановой, служившей у крестьянина Рудакова. В ходе следствия соседи Рудакова показали, что девушка была «доброего поведения». Ее побоев, как от Рудакова, так и от жены его

они не видели и не слышали. Жена Рудакова на следствии призналась, что «она только будто за косу девку неоднократно драла, а более ни чем не бивала». Однако, Лалин заключил, что верить ей нельзя. Девушка показала, что жена крестьянина «бьет ее всегда единственно за то, что ревнует ее с мужем своим». По словам самого Рудакова у его жены была привычка ревновать. Общее заключение бурмистра с выборными гласит: «...означенную девку велеть продать желающим из порецких крестьян, а когда охотников не будет, то на сторону, ибо он, Рудаков не заслуживает иметь у себя покупных людей, кроме наемных, по нраву жены своей». Пока шло следствие, девушка находилась в доме земского старосты Бровина, жена которого «девку весьма похваливала». Домовая контора тщательно проверила все показания и вынесла решение о ее продаже [Там же. Л. 49 об., 60.].

Таким образом, за своих покупных людей крестьяне несли несравненно большую ответственность перед помещиком и общиной, жестко контролировавших производственные отношения, строившиеся на основе феодальной эксплуатации, нежели за лиц, работавших у них по найму.

Очевидно в следствие упомянутого жестокого обращения крестьян со своими крепостными и по инициативе помещиков, в 1820-е гг. складывается практика заключения между сторонами письменных соглашений об условиях службы. В «Книге договоров и согласий Поречского вотчинного правления...» таких документов нотариально зафиксировано 9. Например, 12 июня 1830 г. крестьянская вдова Пелагея Федорова Дунаева оформила соглашение с девкой Авдотьей Онофриевой, купленной ею для своих услуг на имя графа В.Г. Орлова у помещицы, дворянской девицы П.А. Кологривовой. Согласно купчей, Дунаева приобрела Онофриеву у Кологривовой за 324 руб. По соглашению Онофриева должна была прожить у Дунаевой в услугах на полном ее содержании, пище с одеждой, с момента покупки, то есть с 6 февраля 1830 года 13 лет. По истечении указанного срока девушка получала от Дунаевой свободу. Специальная оговорка предоставляла ей право освободиться раньше: если Онофриева «...в добропорядочном поведении проживет у меня половину означенного срока и пожелает выйти в замужество или освободиться от услуг моих», она обязывалась заплатить Дунаевой половину суммы заплаченной за нее прежней помещице «без всякого прекословия», а затем просить себе увольнения, получить вольную, которую надлежало «справить» ее бывшей хозяйке [РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, 61 об. 62.].

В документации домовой конторы В.Г. Орлова периодически встречаются прошения ростовских крестьян об отпуске их крепостных на волю. Например, в крестьянин с. Поречья И. Маринин Меньшой 12 августа 1808 г. писал, что он девку Наталью Козьмину, купленную им «...на имя Вашего Сиятельства для услуг своих желает отпустить вечно на волю. Просит на сие позволения». В приказе конторы бурмистру Лалину в тот же день отправленном вместе с копией прошения имеется резолюция: «Отпускную девке дать». Подобным образом, 2 октября 1816 г. борисоглебский крестьянин Иван Шошкин просил помещика дать вольную его крепостному Ефиму Горбунову с семейством. По предписанию домовой конторы бурмистр Суслов с выборными и лучшими людьми Борисоглебской вотчины рассмотрели дело, полагая за выпуск Горбунова с семьей взять с Шошкина в общество 1000 руб. Шошин был обязан платить до будущей ревизии за Горбунова все подати, а также оправдать его рекрутскую повинность [РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 679. Л. 32, 53; Д. 820. Л. 68; Д. 869. Л. 104 об., 134; Д. 986. Л. 40 об., 67 об.].

При отпуске крестьянина с семьей на волю, он мог также выкупить и своих крепостных. Так, при взыскании 25 июля 1829 г. с крестьянина Сапожникова 4000 руб. асс. «...за увольнение его с семейством на волю» домовая контора указала, что его «...крепостные люди поступят в подданство Г. Графа, а ежели нет...» Сапожников должен был выкупить их за 5000 руб. асс. [Там же. Д. 986. Л. 114.]. В отдельных случаях покупные мужчины, после отработки оговоренного срока, принимались в крестьянскую общину, если здесь женились и были приняты в дом [РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3. Л. 26 об., 78 об., 88 об., 89.].

Таким образом, вопрос о дальнейшей судьбе покупного лица решался вотчинным управлением, домовой конторой с санкции помещика. Зачастую принималось решение «оставить в числе прочих имеющихся покупных на имя Государя графа и приказать отыскивать себе место, где пожелает быть в услугах» [Там же. Л. 51 об.]. Источники показывают покупных людей в роли живого имущества ростовских огородников. Крестьяне могли их дарить, продавать, отдавать мужиков за себя в рекруты, завещать по наследству, отпускать на волю с согласия вотчинного управления, которое утверждалось домовой конторой и помещиком [Там же. Л. 21, 21 об., 71 об., 86 об.; РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 65, 67 об., 70.].

Книга входящих сообщений, рапортов и объявлений ростовского земского суда содержит объявления увольнительных писем от крестьян указанных селений их бывшим крепостным. Например, в марте 1809 г. от крестьянина с. Поречья Ивана Николаева Сорогина было дано объявление, в котором он представил увольнительное письмо на бывшую у него в работницах дворовую женку, вдову Марину Алексееву, купленную им у помещика Григорова, сельца Курянинова, Переславской округи

[РФ ГАЯО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 9].

Нередко прошения о получении вольной в домовую контору через бурмистра вотчины подавали сами покупные люди, в особенности, когда купивший их крестьянин был сам уже отпущен на волю. Так, 9 марта 1828 г. контора уведомила поречского бурмистра Самойлова о рассмотрении прошения об отпуске на волю вдовы Татьяны Степановой с двумя дочерьми. Женщины находились в работницах у Ивана Яковлевича Королева, получившего вольную еще в 1820 г. и состоявшего в ростовском купечестве [Морозов 2004, 88; РФ ГАЯО Ф. 113. Оп. 1. Д. 2. Л. 79; Ф. 1. Оп. 1. Д. 1029. Л. 121; Д. 1157. Л. 48; Д. 1258. Л. 149.]. Сообщение Самойлова от 7 апреля свидетельствует об их увольнении Иваном Королевым от своих услуг. Королев также ходотайствовал перед конторой об освобождении упомянутых лиц. 7 июня Самойлову было приказано объявить Королеву, что помещик получил его прошение относительно оставления у него вдовы с дочерьми и «на оное не последовало соизволения» [РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 986. Л. 64, 67 об., 71.]. Из приведенной переписки видно, что вдова и две ее дочери все также состояли у Королева в работницах, но оставались крепостными В.Г. Орлова, были приписаны к с. Поречью.

Очевидно, что и в конце XVIII – начале XIX вв. рост товарного производства и неразрывно связанного с ним промышленного и сельскохозяйственного предпринимательства несколько опережал расширение рынка рабочей силы. Крестьяне ростовских приозерных селений старались восполнить недостаток свободной рабочей силы применением феодально-зависимого, крепостного труда. В отношении покупных лиц помещики как бы переуступали огородникам-предпринимателям, крестьянам-мануфактуристам свои феодальные привилегии. Уплачивая господам оброк деньгами, часто на более значительную сумму, чем остальные члены общины крестьяне-предприниматели получали возможность использовать труд крепостных. И хотя к последним очевидно применялись меры экономической стимуляции [Милов 1998, 529.] в форме поденной оплаты труда, годового, месячного жалования, «корма», одежды, крова и т.д., однако, по сути, крестьяне-предприниматели извлекали в этом случае феодальную ренту [РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3. Л. 21 об.]. С одной стороны, покупные привлекались к огородным и заводским работам в обязательном порядке, т.е. труд их являлся принудительным при отсутствии добровольности купли-продажи рабочей силы, с другой – оставалась открытой возможность резкого увеличения эксплуатации путем завышения норм отработок или снижения размера их оплаты. Обязательность труда превращала его для покупных людей в отработочную ренту.

Документация домового конторы Голицыных по ростовским вотчинам также содержит сведения о приобретении крестьянами крепостных. Например, девка Дарья Федорова, в 1810 г. была куплена крестьянином с. Сулости Иваном Алексеевым Оксомовым и «...крепостно проживала у него в доме при отправлении всех крестьянских работ» в течение 6 лет. Затем, получив от Оксомова вольную, став мещанкой г. Ростова, по его просьбе осталась в доме, вместо наемной работницы «...без условия о годовой плате, а на таком добросовестном условии, что он при случае моего от них ухода в цене меня не обидит» [ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3108. Л. 36-36 об.]. Тем не менее, после смерти хозяина, когда Дарья Федорова стала просить у его вдовы заработанные деньги, та начала «злобствуя запирается». По этой причине 3 июня 1819 г. Дарье пришлось написать жалобу на имя князя С.М. Голицына. Только после его распоряжения бурмистр с. Сулость собрал мирской сход, который присудил взыскать с Оксомовых плату за 6 лет ее труда по найму и выдать за каждый год по 25 руб. «рабочих денег». В данном случае производственные отношения, строившиеся на основе феодальной эксплуатации, трансформировались в отношения вольного найма, свободной купли-продажи рабочей силы и справедливый патронаж здесь вновь осуществил помещик.

Таблица 2

Изменение численности крепостных у крестьян с. Поречье по ревизским сказкам

	1795-1802 гг.	1815 г.	1834 г.	1858 г.
Мужчины:	66	33	24	-/-
Женщины:	159	126	103	24

[Таблица сост. на основании данных: РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1. Л. 129-145 об.; Д. 2. Л. 2 об.-4, 57; Д. 4. Л. 104 об.-109; Д. 9. Л. 123.].

Таким образом, к середине XIX в. численность крепостных у ростовских огородников постепенно сокращается, уступая место вольнонаемному труду. Результатом такого двойственного положения бы-

ло не только взаимное переплетение старых и новых производственных отношений, но в какой-то мере - одновременное развитие тех и других. Помещик и крестьянская община достаточно жестко регламентировали и контролировали производственные отношения. В эксплуатации крепостного труда входит практика заключения контрактов. Метрические книги 1860-1870 гг. свидетельствуют: последние покупные, оставаясь в селах у своих бывших хозяев в найме, в буквальном смысле вымерли в весьма преклонном возрасте [РФ ГАЯО. Ф. 372. Оп. 2. Д. 265. Л. 157 об., 211 об., 247 об., 251 об., 507 об.].

Источники и литература

Генкин Л.Б. Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 года. Ярославль, 1947.

Давыдов В.А. О формах землевладения у ростовских огородников // ЯГВ. 1887. Неоф. ч. №95.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 529.

Мионов Б.Н. Социальная история России. СПб., 2000. Т. 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. С. 125, 392, 432.

Морозов А.Г. К вопросу о социальном и имущественном статусе поречских крестьян в первой половине XIX в. // ИКРЗ 1999. Ростов, 2000. С. 127.

Морозов А.Г. Королевы: к истории рода // ИКРЗ 2003. Ростов, 2004. С. 88.

Морозов А.Г. Генеалогия ростовского крестьянства: к истории и генеалогии рода Пелевиных // ИКРЗ 2006. Ростов, 2007. С. 127-141.

Морозов А.Г. Рекрутская повинность ростовских крестьян в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам вотчинных архивов Орловых, Паниных, Голицыных) // ИКРЗ 2009. Ростов, 2010. С. 230-235.

Никольский Ф.Я. Поречье-Рыбное Ростовского уезда // ЯГВ. 1848. Неоф. ч. №№37–43.

Семевский В.И. Крепостные крепостных крестьян в России в XVIII в. // Русская мысль. 1902. Кн. VII. С. 55-87.

Хранилов И. Ростовский уезд и город Ростов Ярославской губернии. М., 1859. С. 32.

Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1974;

Он же. Возникновение торгового огородничества в Ростовском уезде Ярославской губернии (Конец XVIII – первая половина XIX века) // Вестник Московского университета. 1962. Серия 9. №6. С. 57.

РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 506. Л. 15;

Д. 534. Л. 16 об., 18, 30 об., 51;

Д. 535. Л. 78 об.;

Д. 544. Л. 62 об., 140;

Д. 869. Л. 10 об., 17, 24 об., 28, 32, 46 об., 47 об., 49 об., 53, 60, 85, 104 об., 134;

Д. 679. Л. 9-9 об., 13, 20 об., 40 об., 43 об.;

Д. 820. Л. 34 об., 62, 68, 140;

Д. 986. Л. 40 об., 53 об., 64, 67 об., 71, 114, 132 об.

РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 19 об., 20 об., 36, 50 об., 52, 60, 61 об., 65, 67 об., 68 об., 70, 92 об., 99.

ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3085. Л. 75, 75 об., 84;

Д. 3108. Л. 36-36 об.

Д. 3116. Л. 96, 98, 113 об.

РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1029. Л. 121; Д. 1157. Л. 48; Д. 1258. Л. 149.

Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 9;

Ф. 113. Оп. 1. Д. 1. Л. 129-143 об.

Д. 2. Л. 79;

Д. 3. Л. 5, 21, 21 об., 26 об., 51 об., 61 об. 62, 71 об., 78 об., 86 об., 88 об.;

Д. 4. Л. 109 об., 110; Д. 9. Л. 168;

Ф. 372. Оп. 2. Д. 262. Л. 1, 7 об., 14, 33, 39 об., 53, 56, 57, 117 об., 151 об., 188 об., 198 об.;

Д. 263. Л. 5, 19 об., 28 об., 69 об., 97 об., 106 об., 145 об., 220 об.;

Д. 265. Л. 157 об., 211 об., 247 об., 248 об. 251 об., 507 об.

Уложение для с. Поречья гр. Орлова // ЯГВ. 1853. Неоф. ч. № 41-44.

Список сокращений

ГИМ ОПИ. – Государственный исторический музей, отдел письменных источников;

ИКРЗ. – «История и культура Ростовской земли». Материалы ежегодной научной конференции в ГМЗ «Ростовский кремль».

РГАДА - Российский государственный архив древних актов;

РНБ ОР. – Российская национальная библиотека, отдел рукописей;

РФ ГАЯО. – Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области;

ЯГВ. – Ярославские губернские ведомости.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА ПОСЕЛЕНИЙ БЕРНИКИ БЫВШЕГО АЛЕКСИНСКОГО УЕЗДА ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ. АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

*Сергей Мотков
(Москва, Россия)*

Конец 16-го – начало 17-го века. Систематические набеги татар с юга на русские земли. Московское правительство решило заново обустроить охрану своих южных рубежей. Ведь длительное время южная граница государства совпадала с берегом среднего течения Оки. На этих берегах и притоках Оки уже стояли крепости Алексин, Тула, Зарайск, Михайлов, которые лишь частично могли задерживать шайки татар в их быстром и скрытом движении на север.

Вот как описывает известный русский историк С.Ф.Платонов меры, предпринятые московским правительством для защиты своих южных границ: «Для отражения врага строились крепости и устраивалась пограничная черта из валов и засек, а за укреплениями ставились войска. Для наблюдения же за врагом и для предупреждения его нечаянных набегов выдвигались в «поле» за линию укреплений наблюдательные посты – «сторожи» и разъезды – «станции». Вся эта сеть укреплений и наблюдательных пунктов мало-помалу спускалась с севера на юг, следуя по тем полевым дорогам, которые служили и отрядам татар. Препраждая эти дороги засеками и валами, затрудняли доступы к бродам через реки и ручьи и замыкали ту или иную дорогу крепостью, место для которой выбиралось с большой осмотрительностью, иногда даже в стороне от татарской дороги, но так, чтобы крепость командовала над этой дорогой» [Платонов, т.1, 1993, 209]

Именно в этот период в районе южнее среднего течения Оки, в междуречье Оки, Упы и небольшой речки Скниги появились три поселения с одинаковым названием Берники. Все они упоминаются как в Писцовых книгах Тульского края, в части 1-ой – Алексинский уезд, так и в ряде известных изданий 2-ой половины 19-го – начала 20-го века.

Почему же эти поселения имеют одинаковые названия и что они означают? За ответом на этот вопрос обратимся к книге П.Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии». Тула, 1895. В ней даны краткие очерки приходов и церквей Тульской епархии по их состоянию на конец 19-го века. Изложение ведется в алфавитном порядке, от А до Я, как в отношении уездов, так и внутри уездов. Так, например, Алексинский уезд рассматривается первым, внутри же него автор ведет описание в соответствии с церковно-административным делением уезда на три благочиннических округа. Описание приходов осуществлено в алфавитном порядке в рамках каждого такого округа.

Ко времени написания книги в Алексинском уезде были две деревни с названием Берники в 1-ом благочинническом округе и село Берники в 3-ем округе. Известно, что дореволюционные сельские приходы создавались путем приписывания отдельных поселений, не имеющих своих храмов, к ближайшему поселению с действующим храмом. Наличие такого храма переводило обычное поселение на более высокий статусный уровень – оно становилось селом и центром прихода. Поэтому в книге П.Малицкого идет описание прежде всего сел, имеющих собственные храмы. Правда, почти всегда автор указывает при этом, какие поселения входят в состав данного прихода, образуют его.

При описании сел как центров приходов автор стремился по возможности раскрыть и происхождение их названий. Вот как он описывает место расположения и происхождение названия села Берники:

«Приход села Берник расположен частью по речке Скниге и частью при большой Московско-Тульской дороге, расстоянием от г. Тулы в 50 верстах, от уездного Алексина в 40 верстах. Кроме села Берник, в состав прихода входят деревни: Михалёвка, Уколово, Алопино, Людская, Шемуриха, Кинеево и Мочилы. Население прихода – крестьяне, землепашцы и отчасти торговцы лубочных картин; всех прихожан 667 мужского пола и 687 женского пола. Время основания прихода неизвестно, но название свое Берники получили, по преданию, от сторожевой крепостцы, обнесенной бернами, и устроенной для ограждения от набегов татар.» [Малицкий 1895, 76]

Итак, название села Берник прямо связано с мерами по защите южных русских рубежей от набегов татар, о которых так подробно до этого рассказал нам профессор С.Ф. Платонов. И подобных «сторож» было не так уж мало. Вот почему в Алексинском уезде оказались три поселения с одинако-

вым названием Берники – это всё были «сторожевые крепостцы, обнесенные бернами».

П.Малицкий не раскрыл при этом для читателя значение слова «берны», полагая, вероятно, что многие знают, что это такое. Постараемся восполнить этот пробел, обратившись к Толковому словарю Владимира Даля. В 1-ом томе словаря на странице 207 находим слово «берно», означающее «берва, бревно» [Даль, Т.1, 1994, 207]. Чем могли обнести в 15 – 17-ом веках небольшую сторожевую крепость? Только бревнами – самым доступным и распространенным материалом в Древней Руси. Таким образом, Берники – это поселение, возникшее либо на месте, где стояла «сторожа», либо рядом с ней, при ней, буквально при бернах. Вероятно, название Берники могло означать и место складирования берн (бревен) для последующей их транспортировки к местам строительства крепостей и изб для служилых людей и окрестных крестьян.

Взглянув на современную двухкилометровую карту Тульской области и сравнив её с дореволюционной картой Тульской губернии, обнаружим существенное несовпадение их административного деления и территорий. Тульская губерния была учреждена 19 сентября 1777 года по Указу Екатерины II в составе 12 уездов, по своей территории, как правило, превышающих территории районов нынешней Тульской области. Губерния включала в себя также Каширский и Новосильский уезды, впоследствии, уже при советской власти, в 1920-е годы переданные, соответственно, Московской и Орловской губерниям (разделение страны на губернии и уезды было ликвидировано в 1929 году в большинстве крупных регионов и заменено на деление по областям и районам, национальным республикам в составе РСФСР). При образовании Тульской области в нее включили бывший Лихвинский уезд Калужской губернии, позже ставший Суворовским районом с центром в городе Суворове, а старый Лихвин превратился в маленький провинциальный городок Чекалин этого же района.

До революции все три поселения Берники находились на территории Алексинского уезда, причем село Берники с церковью Вознесения Христова располагалось в его северо-восточной части, в верховьях речки Скниги, тогда как обе деревни Берники были в южной части уезда.

При образовании Тульской области территория Алексинского уезда была поделена между вновь созданными районами Алексинским, Заокским, частично Ленинским и Дубенским (центр – пос. Дубна). Село Берники с соседними деревнями, ранее входившими в его приход, оказалось на территории Заокского района, а две деревни Берники (одна – западнее села Першино, у колодца, другая – около реки Упы и вблизи станции Берники), соответственно, в Алексинском и Ленинском районах.

Судьба всех трех поселений с названием Берники на протяжении последних двух столетий, 19-го и 20-го веков, сложилась по-разному.

Первые упоминания о них содержатся в Писцовых книгах Тульского края, в части 1-ой, посвященной Алексинскому уезду. Все они относятся ко второй половине 17-го века. Писцовые книги – это «сводные описания хозяйства в России 15 – 17 вв. для податного земельного обложения – сошного письма. Составлялись московскими писцами и подьячими. Описание городской (церкви, дворы, лавки) и сельской (пахотные земли, сенокосные угодья и др.) местности» [СЭС 1979, 1018]. В те времена земля и собственность в сельской местности делились на поместную (за помещиками) и вотчинную (за вотчинниками), поэтому в писцовых книгах сельская земельная собственность вместе с деревнями на ней описывается отдельно для помещиков и вотчинников. Административно территория делилась на станы, примерно равнозначные по своей сути сменившим их впоследствии волостям.

Самое раннее упоминание о деревне Берники нынешнего Ленинского района Тульской области (в ней родился мой дед в 1899 году), расположенной на левом берегу реки Упы в 30 км западнее Тулы, находим в Писцовой книге Рязской и Рязанской за 7158 – 7160 годы (от Сотворения мира). По нынешнему летоисчислению это 1650 – 1652 годы. В этой книге записано: «За Офонасьем Матвеевым сыном Вельяминовым в вотчине деревня Бердники без жеребья, в живущем осмина с четвериком пашни» [Писцовые книги..., Ч.1, 1914, 261]. Деревня относилась к Извольскому стану (с центром в селе Изволь, находящемся на правом высоком берегу реки Упы), была вотчинной собственностью. Название Бердники во всех последующих документах и книгах писалось как Берники.

Следующее упоминание этой же деревни находим в Переписной книге 7186 года, т. е. 1685 года, в пункте «Стан Извольской за вотчинники»: «За околничим и яселничим за Иваном Тимофеевичем Кондыревым в деревне Берниках 5 дворов задворных людей, 12 дворов крестьянских. 1700 г. генваря в день с Алексея Нарышкина с сей статьи даточные взяты в приеме Алексея Юрьева» [Писцовые книги..., Ч.1, 1914, 220 – 221]. Очевидно, что до конца 17-го века эта деревня оставалась вотчинным владением. Сам Иван Тимофеевич Кондырев был известным алексинским боярином, на средства которого в Алексине в 1688 году был построен каменный Успенский собор.

Другая деревня Берники, находящаяся примерно в 2 км западнее села Першино, также упомянута в данной Переписной книге – она относилась к стану Павшинскому и была помещицкой.

С тремя поселениями с названием Берники в дальнейшем мы встречаемся на страницах официальных статистико-описательных изданий начиная с середины 19-го и до 30-ых годов 20-го века, уже в советское время. Так, в издании «Города и селения Тульской губернии в 1857 году» дается систематическое описание всех городов и селений губернии по следующим рубрикам (в табличной форме): «Города и селения по приходам», «При какой находится воде», «Число прихожан обою пола по состояниям» (деление дано по 4-м подрубрикам: «Военное ведомство», «Гражданское ведомство», «Купцов, мещан и цеховых», «Крестьян: казённых и помещичьих») и последняя рубрика – «Общее число прихожан».

В разделе 2. «Алексинский уезд» находим данные о всех трех интересующих нас поселениях – все они принадлежат к различным приходам. Село Берники находилось при реке Скниге в северо-восточной части уезда, имело общее число прихожан 109 человек и включало в свой приход ещё 7 деревень. В составе прихода села Медведки (юго-восточная часть уезда) находим деревню Берники «при реке Упе», в которой было тогда 347 прихожан (именно в ней родился мой дед по линии матери – Петр Георгиевич Баранов – в 1899 году). В составе же другого прихода, села Першино, среди деревень, образующих его, встречаем третье поселение с тем же названием – деревню Берники «при рытом колодце» с общим числом прихожан в 235 человек. Прихожане всех трех поселений были помещичьими крестьянами. [Города и селения... 1858, 17, 21 – 23].

Таким образом, по численности населения три поселения сильно различаются: самое крупное из них – деревня Берники «при реке Упе» (347 человек), несколько меньше в другой деревне Берники «при рытом колодце» (235 человек) и ещё меньше – в селе Берники (109 человек). Однако в последнем имелась действующая церковь Вознесения, что и стало причиной преобразования этого поселения в село и центр прихода с приписанными к нему семью деревнями.

В другом издании – «Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года», в разделе II. «Алексинский уезд» также имеются данные о всех трех поселениях с названием Берники. Здесь уже дается другая рубрикация табличных граф: сам уезд разделен не на приходы, а по станам, идет сплошная нумерация всех поселений, помимо их расположения и числа жителей по полу дано число дворов в каждом поселении и наличие в них церквей, учебных и благотворительных заведений, заводов, почтовых станций.

В 1-ом стане под номером 601 значится село Берники (в скобках дополнительно указывается его другое название – Пятница) при реке Скниге с числом дворов, равным 20, числом жителей обою пола 145 и наличием одной церкви. Во 2-ом стане под номерами 630 и 695 значатся обе деревни Берники: первая (№630) – это дер. Берники «при колодце» с 30 дворами и 243 жителями, а вторая (№695) – дер. Берники «при реке Упе» с 35 дворами и 390 жителями [Тульская губерния... 1862, 19 – 31].

Как видно из этих данных, соотношение численности населения всех трех поселений осталось примерно таким же, как и два года до этого – в 1857 году. Указание количества дворов в каждом из них позволяет вычислить средний размер семьи в поселении. Для села Берники это 7 человек, в деревне Берники «при колодце» – 8 человек и, наконец, в деревне Берники «при реке Упе» – в среднем 11 человек в одной семье. Итак, в середине 19-го века в сельской местности Алексинского уезда заметно преобладание больших семей.

Источники и литература

1. С.Ф.Платонов. Сочинения, т. 1, с.209. СПб., 1993.
2. П.И.Малицкий. Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895, с.76.
3. Вл.Даль. Толковый словарь. Том 1. М., 1994, с. 207.
4. Советский энциклопедический словарь. М., 1979, с. 1018.
5. Писцовые книги Тульского края. Часть 1. Алексинский уезд. Тула, 1914, с. 261.
6. Там же, с. 220 – 221.
7. Города и селения Тульской губернии в 1857 году. СПб., 1858, с. 17, 21 – 23.
8. Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1862, с.19– 31.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УРАЛА В 1946-1960 гг.

*Владимир Мотревич
(Екатеринбург, Россия)*

После окончания Великой Отечественной войны перед советским народом встала задача достичь такого уровня развития сельского хозяйства, который позволил бы обеспечить население продовольствием, а промышленность — сырьем. В первые послевоенные годы наибольшее внимание следовало уделять укреплению материально-технической базы отрасли путем увеличе-

ния капитальных вложений. Однако, сосредоточив основные усилия на восстановлении промышленности и транспорта, государство не располагало достаточными средствами для финансирования сельского хозяйства страны. Тем не менее, за годы четвертой пятилетки вложения государства в сельское хозяйство СССР составили 25,1 млрд. р., колхозов — 31,2 млрд. На Урале стоимость основных средств производства в колхозах увеличилась за годы четвертой пятилетки в 1,6 раза, в совхозах и МТС — в 2,5 раза (1).

Значительная часть средств направлялась на пополнение машинно-тракторного парка. В связи с конверсией промышленности росли и поставки техники селу. За 1942—1945 гг. сельское хозяйство СССР получило 9,9 тыс. тракторов и 10,7 тыс. грузовых автомобилей, в годы четвертой пятилетки — соответственно 247,8 и 281,1 тыс. (2). Увеличились поставки техники и в сельское хозяйство Урала. В результате число комбайнов на селе возросло с 19,5 тыс. в 1946 г. до 22,4 тыс. в 1950 г., грузовых автомобилей — с 8,2 до 15,2 тыс., тракторов — с 35,0 до 45,5 тыс., а их мощность — с 82,2 до 1135,2 тыс. л. с. (3). К концу 1940-х гг. численность и мощность машинно-тракторного парка Урала в аграрном секторе превзошли довоенный уровень. После окончания войны он пополнился тракторами ДТ-54 и С-80, самоходными комбайнами. Новые машины были не только более экономичны, но и лучше приспособлены для работы в различных природно-климатических условиях.

В послевоенные годы, как и до войны, основная часть техники была сосредоточена в МТС. В 1950 г. в регионе на их долю приходилось 80 % тракторов и комбайнов, занятых в сельском хозяйстве (4). Остальными владели совхозы, подсобные сельские хозяйства предприятий, организаций и учреждений, а также колхозы, которые не обслуживались МТС. Для повышения качества тракторных работ важное значение имел принятый в 1948 г. новый типовой договор МТС с колхозами. Он содержал обоюдные обязательства по получению запланированной урожайности основных культур. Тем самым повышалась материальная заинтересованность коллективов МТС в проведении в полном объеме и в установленные сроки основных полевых работ в колхозах.

Снабжение МТС новыми машинами, совершенствование их отношений с колхозами, обеспечение горюче-смазочными материалами и укрепление ремонтной базы способствовали более интенсивной эксплуатации тракторного парка. Если в 1946 г. на Урале объем тракторных работ МТС составлял 10,8 млн. га «мягкой пахоты», то в 1947 г. — 14 млн. га, в 1948 г. — 17,4, в 1949 г. — 21,1, а в 1950 г. — 23,9 млн. га. В последнем году пятилетки объем работ МТС в колхозах возрос по сравнению не только с уровнем 1945 г., но и 1940 г. В результате повысилась механизация основных полевых работ. Например, в 1950 г. в Свердловской области посев озимых был механизирован на 83% вместо 77 % в 1940 г.; сев яровых — соответственно на 84% против 59 %; вспашка паров — на 98% против 95 % (5).

Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства осуществлялось и за счет применения электроэнергии. После войны высокими темпами сельская электрификация велась в Удмуртии, а также Пермской, Свердловской и Челябинской областях, имеющих мощный промышленный потенциал. Курганская и Оренбургская области в этом заметно отставали, что объясняется ограниченностью фондового снабжения материалами и оборудованием (10). Всего в 1950 г. электроэнергию на Урале получали 31% колхозов, 87 % совхозов и МТС, что превышало средний по стране уровень сельской электрификации (11).

В 1950-е гг. проведение электрификации сельского хозяйства сталкивалось со многими трудностями, имело существенные недостатки, поэтому некоторые его успехи выглядели чисто внешними. Так, электроэнергию селу давали в основном малые станции, мощности которых хватало только на освещение, в производстве же ее применяли редко. Оборудование было изношенным, обслуживающий персонал — недостаточно квалифицированным. Многие станции строились по недоброкачественным проектам и сдавались в эксплуатацию с крупными недоделками. По этим причинам большинство электростанций, особенно в колхозах, работало ненадежно и постоянно выходило из строя. Кроме того, при развитии электроэнергетики промышленно развитые области имели преимущество перед аграрными регионами.

Темпы восстановления сельского хозяйства во многом зависели от состояния трудовых ресурсов села. Для 1940-х гг. характерно было резкое ухудшение демографической ситуации на селе. Массовая демобилизация воинов из Красной армии несколько затормозила этот процесс. Численность проживающих в уральской деревне мужчин в возрасте от 16 до 59 лет за 1947—1950 гг. увеличилась с 889 до 905 тыс. Улучшилась и структура трудовых ресурсов села: доля мужчин увеличилась, а женщин — сократилась. В 1945 г. женщины на Урале составляли 56 % работников совхозов, а в 1951 г. — 42 % (7).

Решению проблемы кадров способствовало и возобновившееся в 1950 г. плановое сельскохозяйственное переселение на Урал. В том же году в Пермской области было размещено 1742 семьи, в Свердловской — 220 (8). Это способствовало стабилизации численности сельского населения. В 1939 -1946

гг. она сократилась с 6085 до 4660 тыс., в течение 1947—1950 гг. не менялась и составила на начало 1951 г. 4662 тыс. человек (9). При этом естественного прироста сельского населения не было, что объясняется не только последствиями Великой Отечественной войны, но и дальнейшим перераспределением трудовых ресурсов между важнейшими отраслями народного хозяйства, продолжающимся преобразованием сельских населенных пунктов в города, а также возросшей миграцией сельского населения в города. Причем переселению крестьян не могло помешать даже запрещение покидать место проживания (как известно, колхозники не имели паспортов, что лишало их возможности свободно перемещаться, «привязывало» к артели и придавало сельскохозяйственному труду принудительный характер.) Особенно значительной убыль сельского населения произошла на Южном Урале — в Курганской и Оренбургской областях. На Западном Урале — в Пермской области и Удмуртии — численность сельчан продолжала расти за счет планового переселения. В условиях расширения сельскохозяйственного производства деревня испытывала дефицит кадров: на сельхозработы привлекали нетрудоспособных и престарелых сельчан, подростков, широко использовали и горожан.

Большое внимание в те годы уделялось организационно-хозяйственному укреплению сельскохозяйственных артелей. К осени 1947 г. в колхозах сократили административно-управленческий аппарат, артелям стали возвращать их расхищенное имущество, земли, отведенные в годы войны местными органами власти промышленным предприятиям, организациям и учреждениям, а также прирезанные сельчанами к приусадебным участкам. Одной из важнейших задач было обеспечение сельского хозяйства квалифицированными работниками, в частности механизаторами. Их готовили на курсах при МТС и в школах механизации. К концу восстановительного периода тракторный парк был обеспечен трактористами. Однако, несмотря на принимаемые меры, обеспеченность сельского хозяйства страны специалистами оставалась низкой. Так, в 1950 г. в Свердловской области в сельском хозяйстве недоставало 514 специалистов, в том числе 190 зоотехников, 171 агрономов, 80 механиков, 45 ветработников, 28 землеустроителей (10).

Предпринимаемые меры носили противоречивый характер. С одной стороны, возвращение расхищенного колхозного имущества, скота, погашение дебиторской задолженности способствовали укреплению экономики коллективных хозяйств. С другой стороны, возвращение колхозам земель, превращенных в годы войны в подсобные сельские хозяйства предприятий и огороды рабочих и служащих, серьезно подрывало экономику артелей. Колхозы на Урале не могли освоить всю закрепленную за ними землю, однако налоги с нее вынуждены были платить. Это являлось одной из причин резкого увеличения недоимок по обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции государству. В послевоенные годы они заметно возросли даже по сравнению с периодом Великой Отечественной войны. Если по итогам 1942 г. недоимки по обязательным поставкам зерна составляли на Урале 0,3 млн. т, в 1943 г. — 1,4, в 1944 г. — 0,8 млн. т, то недоимки 1946 г. равнялись 1,9, 1947 г. — 2,6, 1948 г. — 3, 1949 г. — 2,9 млн. т (11). Таким образом, на протяжении 1940-х гг. задолженность по обязательным поставкам последовательно возрастала, в 1947—1948 гг. она превысила годовой план сдачи зерна. Одновременно росли недоимки по натуроплате МТС. Восстановление колхозного землепользования сужало и возможности децентрализованного производства для обеспечения продовольствием населения региона.

Неотложного решения требовал вопрос о совершенствовании организации и оплаты труда в колхозах. Совет Министров СССР постановлением от 19 апреля 1948 г. «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» признал необходимость всемерного укрепления производственных бригад как основной формы организации артельного труда (12). Колхозы приступили к упорядочению оплаты труда, внедрению примерных норм выработки и единых расценок в трудоднях. Однако оплата трудодня практически не увеличилась и, по-прежнему, оставалась крайне низкой. Например, данные бюджетов о структуре среднегодового денежного дохода семей колхозников Свердловской области показывают, что в годы четвертой пятилетки доход от колхозов и МТС составлял у них в среднем 9 % всех денежных поступлений, что было даже меньше, чем в период Великой Отечественной войны. Личное подсобное хозяйство давало крестьянской семье основную часть натуральной продукции, за исключением зерна, в том числе 94 % картофеля, 74% овощей, 92% мяса и сала, 80 % шерсти, 95 % яиц, 78 % молока и молочных продуктов и т. д. (13). Колхозники были обязаны трудиться лишь за право пользоваться приусадебным участком, продуктов с которого едва хватало, чтобы не умереть с голоду.

В послевоенные годы в стране продолжалась работа по реорганизации структуры сельскохозяйственных предприятий. В наибольшей степени она коснулась государственных хозяйств. Так, еще в начале войны в Свердловской области были расформированы все три треста совхозов и большинство советских хозяйств передали промышленным предприятиям, организациям и учреждениям для создания на их базе подсобных сельских хозяйств. Последние организовывали и на зе-

млях госфонда, а также на неиспользуемых землях колхозов. Однако директора предприятий не спешили вкладывать в подсобные хозяйства средства, считая их временной продовольственной базой. В результате за годы пребывания в качестве подсобных хозяйств в совхозах ухудшилась агротехника, нарушились севообороты, в незначительных масштабах велось строительство.

Тем не менее, подсобные сельские хозяйства играли важную роль в промышленных областях Урала. Ярко выраженный индустриальный характер развития, низкий удельный вес сельского населения и высокая концентрация городского, ограниченность сельскохозяйственных угодий и другие причины не позволяли в этих областях только за счет колхозов и совхозов обеспечить потребности горожан в продуктах питаниях. С окончанием войны начинается обратный процесс. В ходе возвращения колхозам их земель одни подсобные хозяйства ликвидируются, другие снова преобразуются в совхозы. Число подсобных сельских хозяйств постепенно сокращается. Одновременно растет число советских хозяйств, большая часть которых находилась на Южном Урале. В основном это были зерновые и молочные хозяйства. Остальные размещались в нечерноземных областях и почти все имели мясомолочное направление.

Одним из путей совершенствования форм организации сельскохозяйственного производства стало укрупнение колхозов. В мае 1950 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» (14). В Свердловской области уже летом 1950 г. организовали 525 укрупненных колхозов, из них 177 было создано на базе двух хозяйств, 163 - на базе трех, 119 колхозов объединили четыре хозяйства и 66 колхозов - пять и более хозяйств; 432 артели не укрупнились. К осени 1950 г. в области осталось 957 колхозов вместо 2124 на начало года (15). В результате укрупнения число колхозов на Урале сократилось с 13 429 в 1946 г. до 6 937 в 1950 г. (на конец года). Однако во многих случаях укрупнение, проведенное без учета экономического положения хозяйств, их специализации и оптимального для каждого района и отрасли уровня концентрации производства, не привело к улучшению использования техники и трудовых ресурсов, росту и укреплению сельского хозяйства.

Развитие сельского хозяйства во многом зависело от состояния земледелия. После войны большое внимание уделялось восстановлению посевных площадей. За четвертую пятилетку площади посевов возросли на 2 943,2 тыс. га и составили в 1950 г. 96,6 % к уровню 1940 г. Данные о посевных площадях с распределением по категориям хозяйств показывают, что и первые послевоенные годы посевы в госхозах возросли на 44,0 %, в колхозах — на 39,0 %. Размеры посевов в хозяйствах колхозников, рабочих и служащих почти не изменились, а у единоличников сократились в 4 раза. Особенностью промышленно развитых областей края — Свердловской и Челябинской — являлось двух-, трехкратное превышение размеров посевов рабочих и служащих над посевами колхозников. Именно рабочие, а не колхозники были здесь третьими, после колхозов и госхозов, землепользователями. Заметно изменилась структура посевов. Несмотря на расширение площадей зерновых, их доля несколько сократилась. Изменилась и структура зерновых. В два раза выросли посевы пшеницы, составив в 1950 г. около половины всех зерновых. Посевы гречихи, бобовых, ячменя остались без изменений, а ржи — сократились (16).

Рост сельскохозяйственного производства в значительной мере сдерживался низкой культурой земледелия. На Урале для ее повышения параллельно с расширением посевов стали больше внимания уделять агротехнике, шире применять лущение стерни, черные пары, травопольные севообороты. Важная роль в этом деле принадлежит защитным лесонасаждениям. Они предохраняют посевы от черных бурь, улучшают водный режим груша и восприимчивость культур к удобрениям. На Урале лесопосадки особенно широко производились в засушливой Оренбургской области. Больше внимания стали уделять и орошению. Принимаемые меры способствовали росту урожайности. В 1950 г. урожайность зерновых в крае составила 9,1 ц с 1 га против 5,4 ц 1946 г. и 7,5 ц и 1940 г. (17). Тем не менее, среднегодовое производство зерновых в годы четвертой пятилетки не достигло довоенного уровня, поскольку их посевные площади восстановлены не были.

В годы Великой Отечественной войны количество производимой на Урале сельхозпродукции заметно отставало от роста городского населения. Это потребовало изменения специализации сельской хозяйства края, ликвидации одностороннего зернового направления и резкого увеличения производства овощей, картофеля и мясомолочной продукции. Индустриальные центры стали интенсивно создавать собственную продовольственную базу. Входящие в пригородную зону колхозы расширяли посевы картофеля и овощей, увеличивали площади под кормовыми культурами. Заметную роль в производстве овощекартофельной продукции играли личные подсобные хозяйства населения.

По данным за 1948 г. доля рабочих и служащих в производстве картофеля составляла на Урале 31,3 %, колхозников — 28,4 %, колхозов — 28,3 %, госхозов — 11,8 %, единоличников — 0,2 %. В промышленно развитых районах удельный вес населения в производстве картофеля был еще выше за счет огородников. Так, в 1948 г. в Челябинской области рабочие и служащие про-

извели 56,3 % всего картофеля, а колхозы совместно с госхозами — лишь 28,4 %, в 1949 г. — соответственно 48,2 и 35,9 %, в 1950 г. — 53,5 и 30,4 %. В целом, для первых послевоенных лет для растениеводства на Урале характерна тенденция к росту. Исключение составлял 1946 г., когда была сильная засуха. Данные о размерах растениеводческой продукции в стоимостном выражении показывают, что если объем продукции 1945 г. взять за 100 %, то в 1946 г. он составлял 98,4 %, в 1947 г. — 119,2, 1948 г. — 128,1, 1949 г. — 136,4, в 1950 г. — 183,3% (18). Медленно в первые послевоенные годы развивалось в стране животноводство. Пятилетним планом развития народного хозяйства предусматривался значительный рост поголовья скота. Для этого принимались меры по усилению племенной работы, укрепляли кормовую базу, увеличивали масштабы капитального строительства. Это позволило добиться определенных результатов, однако темпы роста поголовья в СССР оказались ниже запланированных. Для улучшения положения в отрасли в апреле 1949 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП б) приняли трехлетний план развития колхозного и совхозного животноводства на 1949 -1951 гг. (19). По мере его выполнения общественное поголовье стало увеличиваться, но в значительной степени рост достигался не за счет воспроизводства собственного стада, а путем приобретения артелями молодняка у колхозников. Медленно росли в отрасли и качественные показатели. Поэтому прирост производства животноводческой продукции был достигнут, главным образом, за счет роста поголовья.

К концу 1940-х гг. положение в животноводстве оставалось весьма напряженным. Отсутствовала механизация, низкими были заготовительные цены на сдаваемую государству продукцию, завышенные нормы обязательных поставок приводили к большому расходу скота. Трудности усугублялись нехваткой помещений, кормов и квалифицированных кадров. Поэтому основную часть животноводческой продукции производили не колхозы и совхозы, а личные подсобные хозяйства населения. Расчеты показывают, что за годы четвертой пятилетки на Урале хозяйства населения произвели 4/5 всей молочной продукции, из них: рабочие и служащие 38,1%, колхозники — 37,6%, единоличники — 0,4%. Колхозы и совхозы дали соответственно 16,7 и 7,2 % производства молока (20).

В целом первые послевоенные годы, кроме засушливого 1946 г., были отмечены быстрым ростом сельскохозяйственного производства на Урале. Если в 1946 г. объем валовой продукции сельского хозяйства Урала (в денежном выражении) составлял 99 % к уровню 1915 г., то в 1947 г. 125, 1948 г. — 126, 1949 г. — 134, а в 1950 г. — 165 % (21). Данные ЦСУ СССР свидетельствуют, что темпы восстановления аграрного сектора во всех областях Урала были примерно одинаковыми. Наиболее быстро восстанавливались колхозы, объем производства в них за годы пятилетки вырос вдвое, а удельный вес в валовой продукции сельского хозяйства увеличился с 55,7 % в 1946 г. до 65,6 % в 1950 г. Восстановление совхозной системы привело к возрастанию доли госсектора в сельском хозяйстве. Одновременно, в связи с принятием мер по ограничению личного подсобного хозяйства, прирост производства и отрасли прекратился. За годы четвертой пятилетки в сельском хозяйстве Урала было произведено 23 млн. т зерна, 0,8 млн. т мяса (в убойном весе), 10,7 млн. т молока, 31,5 тыс. т шерсти, 2 млрд. шт. яиц и много другой сельскохозяйственной продукции (22).

Восстановление отрасли позволило существенно увеличить заготовки и закупки сельскохозяйственной продукции. Был превышен довоенный уровень заготовок сахарной свеклы, мяса и молока. Дальнейшее расширение и укрепление продовольственной базы вокруг промышленных центров Урала привело к росту заготовок картофеля, полному обеспечению потребностей в нем городского населения. В 1949 г. заготовки картофеля несколько сократились. Это произошло из-за больших потерь на уборке урожая и крупных недостатков в работе заготовительных организаций. Однако и полученной продукции хватало. Завоз картофеля в Пермскую, Свердловскую и Челябинскую области из других районов страны был прекращен.

В ряде областей страны — Кемеровской, Куйбышевской, Ленинградской, Московской, а также Пермской и Свердловской — заметно возросли заготовки овощей. При этом изменился ассортимент поступающей государству из колхозов продукции. Сократилась доля моркови, лука, огурцов, что объяснялось трудоемкостью ухода за ними и низкими заготовительными ценами. По сравнению с довоенным периодом резко уменьшилась сдача льноволокна из-за больших потерь на уборке. Ежегодно в колхозах свыше половины урожая убирала и обрабатывала с опозданием, часть льна оставляли на зиму необработанным, он портился и погибал. Тяжело проходили, особенно на Южном Урале, заготовки сена, что было связано с нехваткой в колхозах кормов для общественного поголовья.

Значительно выросли заготовки хлеба. В 1950 г. они составили 3 млн. т (9,3 % его заготовок в СССР) против 1,1 млн. в 1940 г. Однако уровень 1940 г. — 3,2 млн. достигнуть не удалось. Всего за годы четвертой пятилетки на Урале было заготовлено и закуплено 9 905,4 тыс. т зерна, что составило 7,1 % от его заготовок в стране. А также 1279,2 тыс. т картофеля (4,1 %), 362,1

тыс. т овощей (3,8 %), 23,7 тыс. т семян подсолнечника (0,6 %), 14 тыс. т льноволокна (2,0 %), 441,2 тыс. т скота и птицы в живом весе (4,7 %), 2406 тыс. т молока и молочных продуктов в пересчете на молоко (7,3 %), 380,5 млн. шт. яиц (6 %) и т. д. (23).

В первые послевоенные годы в СССР сохранялся налоговый характер поставок сельскохозяйственной продукции. Заготовительные цены на нее были низкими и не покрывали затраты хозяйств. Поэтому производимая в артелях продукция являлась результатом неоплаченного труда колхозников. В тяжелом положении находились и совхозы. После войны резко возросла себестоимость их продукции, что было связано с повышением цен на корма, семена, минеральные удобрения, технику и т. д. В результате, если в 1945 г. себестоимость производства центнера зерна в совхозах Урала в среднем составляла 46 р., то в 1948 г. - 80 р., молока — соответственно 84 и 112 р., шерсти — 2 161 и 3190 р., говядины — 480 и 560 р. и т. д. Государственные закупочные цены на совхозную продукцию увеличились незначительно и были ниже ее себестоимости. В 1948 г. закупочная цена центнера зерна составляла 12,09 р., молока—47,27 р., — шерсти—1902,16 р., говядины—173,7 р., свинины —279,3 р. (24). Совхозы несли крупные убытки. Например, в 1949 г. в Удмуртии лишь 3 хозяйства из 11 закончили год с прибылью, в Свердловской области - 4 из 21. В 1950 г. чистый убыток совхозов региона составил 26,8 млн. р. (25).

Великая Отечественная война нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству края. Снизилась количественные и качественные показатели, сократился объем производства. В первые послевоенные годы происходит укрепление материально технической базы отрасли, улучшается положение с кадрами, больше внимания начинают уделять агротехнике, организации и оплате труда. Все это привело к тому, что первое послевоенное пятилетие ознаменовалось немалыми положительными результатами в развитии сельского хозяйства. К 1950 г. оно было в основном восстановлено. Однако о стране не были решены коренные вопросы колхозно-совхозного строительства и, в первую очередь, налогообложения и оплаты труда. Практически не развивалась социальная инфраструктура на селе, нарушались основы советской демократии. Негативную роль сыграла и натурализация в 1930-е гг. экономических отношений между колхозами и государствами. После войны стратегическая линия на полный отказ от товарных форм и переход к натуральному обмену осталась неизменной. Поэтому предпринимаемые усилия по укреплению колхозного строя означали, с одной стороны, подъем хозяйства артелей, а с другой — дальнейшее развитие командно-административной системы управления ими, консервацию экономики «казарменного социализма». Все это снижало темпы подъема сельского хозяйства, тормозило его дальнейшее развитие. Имелись и объективные причины отставания отрасли, связанные с нехваткой средств у государства. В результате по основным показателям уральские области, как и сельское хозяйство страны в целом, план четвертой пятилетки не выполнили. Превзойти довоенный уровень сельскохозяйственного производства в значительных размерах не удалось.

XIX съезд КПСС в директивах по пятому пятилетнему плану развития народного хозяйства наметил меры по дальнейшему укреплению аграрного сектора. Перед тружениками села была поставлена задача увеличить производство зерна на 40-50 %, картофеля - на 40-45 %, мяса и сала — на 80—90%, молока - на 40—50% и т. д. (26). Однако ощутимых сдвигов в сельском хозяйстве не произошло. Объем сельскохозяйственного производства в СССР увеличился в 1952 г. лишь на 4 %. Трудная ситуация сложилась на Урале, где сельскохозяйственное производство стало сокращаться. В 1951 г. его объем составил 85,6 %, а в 1952 г. —77,7 % от уровня 1950 г. (27). Низкие темпы развития сельского хозяйства страны в начале 1950-х гг. объяснялись дефицитом материальных и финансовых ресурсов, а также застарелыми формами и методами руководства сельским хозяйством. Все сильнее сказывалось негативное воздействие командно-административной системы. Медленное развитие аграрного сектора приводило к возникновению отраслевых диспропорций и несбалансированности, отрицательно влияло на темпы экономического развития страны, уровень благосостояния народа.

Сентябрьский (1953) Пленум ЦК КПСС наметил конкретные пути развития сельского хозяйства. Начиная с 1953 г. в стране предпринимались энергичные меры по подъему сельского хозяйства. Были увеличены капитальные вложения, введены новые заготовительные и закупочные цены на многие виды сельскохозяйственной продукции, уменьшены налоги с колхозников и упорядочена вся система налогообложения, совершенствовалось планирование. С целью активизации подъема сельского хозяйства была произведена реорганизация его местных органов путем сокращения штатов. Это позволило перераспределить кадры, послав часть из них на работу в колхозы и МТС.

Быстрое развитие советской экономики во второй половине 1950-х гг. позволило из года в год наращивать размеры государственных капитальных вложений в аграрный сектор, более полно реализовывать возросшие возможности хозяйств. Если за годы пятой пятилетки государственные капитальные вложения и сельское хозяйство РСФСР в 2,2 раза превысили их размеры и чет-

вертой пятилетке, то в 1956—1960 гг. они в 1,8 раза были выше уровня 1951 — 1955 гг. Это вело к увеличению неделимых фондов колхозов и основных фондов совхозов. Стоимость основных средств совхозов в расчете на одно хозяйство возросла на Урале с 5 млн. р. в 1950 г. до 37 млн. р. в 1960 г. (28).

Рост капиталовложений позволил заметно укрепить материально-техническую базу сельского хозяйства путем роста его технической оснащенности. Постоянно возрастали поставки техники селу. Если в годы четвертой пятилетки сельское хозяйство СССР получило 247,8 тыс. тракторов и 281,1 тыс. грузовых автомобилей, то в годы пятой пятилетки — соответственно 427,2 и 410,4 тыс., в шестой — 747,5 и 484 тыс. В результате парк тракторов в сельском хозяйстве страны увеличился за 1950-е гг. в 1,9 раза. Существенно обновилась структура тракторного парка за счет тракторов марок ДТ-54, КД-35, КДП-35, «Беларусь» и др., которые соответствовали в те годы уровню мировых стандартов. Одновременно на селе возросло число картофелеуборочных и сило-соуборочных комбайнов, льномолотилок и льнотеребилков, навесных машин и орудий и др. Однако уральские области получали недостаточно специализированных машин и орудий, в хозяйствах имелось много устаревшей техники. Так, в 1955 г. в составе машинно-тракторного парка совхозов региона 5 % составляли устаревшие тракторы типа «Универсал», 24 % — СХТЗ (29).

Большое значение для укрепления материально-технической базы колхозов имело изменение системы их технического обслуживания. К концу 1950-х гг. экономическое и организационное укрепление артелей потребовало совершенствования их взаимоотношений с МТС. Поскольку колхозы стремились сосредоточить у себя сложную технику и получить большую самостоятельность при ведении хозяйства, то в 1958 г. МТС были реорганизованы в ремонтно-технические станции, а их техника продана колхозам. Для облегчения покупки техники с колхозов списывали задолженность прошлых лет по обязательным поставкам, контрактации и натуральной оплате МТС. Машины продавались в рассрочку с правом погашения платежа и течение нескольких лет. С реорганизацией МТС начался качественно новый этап в развитии материально-технической базы сельского хозяйства.

Важный фактор укрепления сельского хозяйства — электрификация. В течение 1950-х гг. в стране происходило улучшение качества сельской электрификации, росли ее масштабы. В 1953 г. для колхозов были отменены ограничения в использовании государственных централизованных энергоисточников. Улучшилось и материально-техническое снабжение сельских электростанций. К 1960 г. электрификация совхозов на Урале была практически завершена. Доля не электрифицированных колхозов была гораздо больше. Массовая электрификация деревни привела к росту потребления электроэнергии сельскохозяйственными предприятиями. За 1953—1958 гг. она увеличилась в колхозах региона в 2,4, а в совхозах — в 3 раза (30). Энерговооруженность сельскохозяйственного труда значительно возросла, особенно в совхозах промышленных областей.

Электрификация деревни позволила приступить к механизации трудоемких процессов. В 1955 г. 86 % совхозов региона применяли электроэнергию в земледелии, в том числе 56 % хозяйств использовали ее для приготовления кормов, 62 % для водоснабжения животноводческих ферм, 29 % хозяйств имели доильные аппараты (31). Однако, несмотря на высокий процент электрифицированных хозяйств, применение электроэнергии в производстве ограничивалось тем обстоятельством, что большинство электростанций в хозяйствах были малой мощности.

В начале 1950-х гг. на Урале остро стоял вопрос об обеспеченности сельского хозяйства кадрами. Пополнить трудовые ресурсы уральской деревни планировалось по-прежнему путем сельскохозяйственного переселения. За 1950—1953 гг. на Урал прибыло 18,8 тыс. крестьянских семей, в которых насчитывалось 83,4 тыс. человек. Переселение способствовало стабилизации численности сельского населения в регионе. Кроме того, в 1950-е гг. количество сельчан в СССР продолжало сокращаться, а на Урале оно возросло более чем на полмиллиона человек (с 4670 тыс. в 1950 г. до 5321 тыс. в 1959 г.) (32).

Много внимания уделялось обеспечению сельского хозяйства квалифицированными кадрами. С целью повышения общеобразовательного и профессионального уровня председателей колхозов двухгодичные школы по подготовке руководящих кадров колхозов были реорганизованы в средние сельскохозяйственные школы с трехлетним сроком обучения. На улучшение качественного состава председателей было нацелено и решение о направлении в колхозы тридцатипятилетних специалистов. При этом следует отметить, что широкое привлечение к руководству сельским хозяйством неспециалистов оправдывалось далеко не всегда. В 1950-е гг. улучшилась обеспеченность сельского хозяйства специалистами. Так, на Урале, по данным на конец 1960 г. в аграрном секторе работало 17,6 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием. Хуже обстояли дела с механизаторскими кадрами, особенно в Оренбуржье. В 1954—1960 гг. из-за тяжелых бытовых условий состав механизаторов ежегодно менялся там наполовину (33).

Большое внимание в эти годы, как и в предшествующий период, уделялось концентрации сельскохозяйственного производства путем укрупнения колхозов, а кроме этого, с 1954 г. началось массовое преобразование колхозов в совхозы. На Урале перевод колхозов в совхозы начался с 1957 г., за 4 года на базе 967 колхозов было организовано 120 совхозов (34). Это позволило не только оказать помощь отстающим хозяйствам, но и улучшить материальное положение их работников. Однако преобразование многих экономически сильных артелей не дало желаемого результата. Более того, большинство новых хозяйств стали приносить убытки.

Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, стабилизация численности сельского населения, повышение материальных стимулов к труду, совершенствование экономических взаимоотношений государства и колхозов — все это способствовало позитивным сдвигам в развитии сельскохозяйственного производства. Важнейшая задача сельского хозяйства Урала состояла в обеспечении городского населения продуктами животноводства, картофелем и овощами. Южные районы имели благоприятные условия для производства дешевого товарного зерна.

В рассматриваемые годы территория Урала делилась на ряд сельскохозяйственных зон, отличающихся друг от друга по уровню экономического развития, природно-климатическими условиями. Это зоны мясного животноводства с пушным звероводством, мясомолочная, зерново-животноводческая и другие с ярко выраженной специализацией сельского хозяйства. В регионе осуществлялось создание специализированных хозяйств с концентрацией и них производства определенных продуктов. Так, в пригородных зонах производились обычно цельное молоко, овощи, продовольственный картофель, яйца.

Важнейшей отраслью сельского хозяйства Урала в 1950-е гг. оставалось земледелие. За это время размеры землепользования и структура посевных площадей претерпели существенные изменения, что во многом было связано с освоением новых земель, пригодных для использования в сельском хозяйстве. Началось оно по решению февральско-мартовского (1954) Пленума ЦК КПСС (35). За 1954 -1960 гг. на Урале было распахано 2 925 тыс. га целинных и залежных земель, из них 1398 тыс. в Оренбургской, 888 тыс. — в Челябинской, 536 тыс. — в Курганской и 105 тыс. — в Свердловской областях (36). В результате, если в 1953 г. обрабатываемая пашня на Урале составляла 14,9 млн. га, то в 1959 г. она равнялась 17,6 млн. га, т. е. была на 18,1 % больше. За этот же период размеры сельхозугодий увеличились всего на 1,5 %. что было следствием их сокращения в уральском Нечерноземье. Процент пахотных земель в составе сельхозугодий поднялся на Урале с 55 до 64 (37). Это означало, что колхозы и совхозы стали лучше использовать свои земли. Изменилось соотношение и между основными землепользователями: в связи с освоением целины и массовым преобразованием колхозов в совхозы доля последних быстро росла.

Параллельно с увеличением пахотных земель на Урале росли и посевы сельскохозяйственных культур. Большая часть прироста посевов в регионе приходилась на середину 1950-х гг. - период наиболее активного освоения целины. Целинные и залежные земли дали заметное увеличение посевов зерновых и кормовых культур, однако, они находились в засушливой зоне и требовали новой системы земледелия, которая отсутствовала. В результате были допущены серьезные ошибки при применении агротехники, неправильно вводилась монокультура пшеницы, запахивались многолетние травы, сокращались чистые пары, мало применялись удобрения и т. д. В итоге поля стали засоряться, увеличилась подверженность почв ветровой и водной эрозии. Ошибки освоения усугублялись и сильными засухами 1955 и 1957 гг. Поэтому урожайность зерновых на Урале росла медленно. Если в годы четвертой пятилетки она составляла 7,3 ц с 1 га (в среднем за год), то в пятой — 7,7 ц, в шестой — 9,4 ц (38).

Проводимое без должной научной проработки освоение новых земель отвлекало ресурсы от укрепления сельского хозяйства, направляло развитие зернового хозяйства по экстенсивному пути. Тем не менее, освоение новых земель позволило увеличить производство зерна. Если в четвертой пятилетке валовой сбор зерна в СССР составлял в среднем в год 64,8 млн. т. то в пятой — 88,5, шестой -121,5 млн. т. На Востоке страны была создана новая хлебная житница. Темпы роста среднегодового, производства зерна в годы пятой пятилетки по отношению к четвертой составляли 136,6 %, в годы шестой по отношению к пятой — 137,3%. Еще более высокими темпами среднегодовое производство зерна росло на Урале. В результате доля региона в зерновом хозяйстве страны постоянно увеличивалась — с 7,1 % в 1946—1950 гг. до 7,2 % в 1951—1955 гг. и 8 % в 1956—1960 гг. (39).

В 1950-е гг. меняется структура посевов зерновых. Быстро растет удельный вес яровой пшеницы, в основном за счет целинных районов Южного Урала. В Пермской области, наоборот, увеличились посевы озимой ржи, хорошо переносящей продолжительную уральскую зиму и неустойчивую весну. В Свердловской области расширились посевы зернофуражных культур — ячменя, овса, вики на зерно, что должно было улучшить обеспечение животноводства высококалорийными бел-

ковыми кормами.

Данные о структуре посевных площадей показывают, что сельское хозяйство края носило ярко выраженное зерновое направление. Между тем, бурный рост промышленности и городского населения требовал резкого увеличения производства животноводческой продукции. Это привело к расширению посевов кормовых, которые в 1950-е гг. стали занимать свыше четверти всех посевов. Однако растущему поголовью скота остро недоставало кормов, поэтому в регионе уделялось серьезное внимание улучшению имеющихся и созданию новых лугов и пастбищ, освоению солонцовых пастбищ, принимались меры для повышения урожайности клевера, тимофеевки, люцерны. Во второй половине десятилетия в стране стали отказываться от травопольной системы и повсеместно насаждать кукурузу. Она должна была стать основой подъема животноводства. Только в Оренбургском области и посева кукурузы возросли с 9,3 тыс. га в 1950 г. до 244,8 тыс. га в 1960 г., т. е. в 26 раз (40). Кукурузу стали выращивать даже в тех районах, например Верхотурском Свердловской области, где она давала низкие урожаи зеленой массы. В результате оптимальное сочетание структуры посевов стало разрушаться.

Площади, занятые овощебахчевыми и техническими культурами, остались без изменений, однако удельный вес их в посевах снизился. Посевы картофеля были увеличены незначительно, но больше внимания стали уделять выращиванию продовольственных сортов (их возделывали главным образом хозяйства пригородной зоны). В результате производство картофеля обеспечивало потребности местного населения, а нужды в продукции животноводства удовлетворялись при этом только на 20—25,0% (41). Хуже обстояло дело с овощеводством, которое не обеспечивало население овощами. Большая часть производимой продукции приходилась на долю капусты, тогда как огурцов, помидоров, лука, редиса выращивали мало. Исключением составляла Свердловская область, где широкое распространение получило овощеводство закрытого грунта. Низкая урожайность овощей, их малый ассортимент, плохая организация хранения приводили к сезонному потреблению. Высока была и себестоимость продукции, обусловленная низкой урожайностью и слабой механизацией работ. В результате часть продукции на Урал поставлялась из других регионов. В 1957 г. только в Свердловскую область было завезено 23 тыс., а в 1958 г. - 78 тыс. т овощей. Данные о производстве растениеводческой продукции на Урале всеми категориями хозяйств констатируют, что прирост овощекартофельной продукции в 1950-е гг. был весьма незначительным. Новой отраслью сельского хозяйства на Урале стало садоводство. Закладывались новые колхозные, коллективные и приусадебные сады, росли валовые сборы плодов и ягод. Для населения Урала, потреблявшего фруктов значительно меньше физиологической нормы, это было особенно важно (в 1956 г. потребление фруктов в Свердловской области было ниже нормы в 140 раз).

В зависимости от состояния земледелия находилось животноводство. Рост производства фуражных культур укрепил его кормовую базу. Подъему животноводства способствовали и повышение государственных заготовительных цен, усиление материального стимулирования работников отрасли, снижение норм поставок продуктов с личного подсобного хозяйства. Предпринимались меры по улучшению содержания скота, механизации животноводства, укреплению его кадрами. В результате, поголовье всех видов скота на Урале в годы шестой пятилетки значительно выросло. Однако довоенный уровень был существенно превышен только по свиноводству, что же касается овец и коз, то восстановить их поголовье не удалось.

Гораздо слабее на Урале было развито птицеводство. Исключением являлась Курганская область, где производство мяса птицы и яиц в расчете на душу населения вдвое превышало средний по региону уровень. Во многих уральских областях разводили кроликов. Наиболее благоприятные условия для кролиководства были в нечерноземных районах, располагавших большими лесными массивами и хорошей кормовой базой. Медленно развивалось овцеводство, особенно в Нечерноземье. В колхозах из-за большого количества мелких ферм увеличивались затраты на производство шерсти и мяса, затруднено было ведение племенной работы.

Для сельского хозяйства 1950-х гг. были характерны высокие темпы прироста животноводческого производства, Однако в 1958 - 1960 гг. на положении в отрасли крайне негативно отразилась волюнтаристская попытка догнать и перегнать США по производству основных продуктов животноводства в расчете на душу населения. Ситуацию усложнили и предпринятые в те годы меры по ограничению личного подсобного хозяйства населения. Насаждение в стране, в том числе и на Урале, «опыта» колхоза села Калиновка Курской области по обобществлению скота колхозников заметно уменьшило размеры сельскохозяйственного производства в индивидуальном секторе. Допускавшиеся серьезные ошибки в области аграрной политики снижали темпы развития отрасли. Ниже общесоюзных темпы развития отрасли были на Урале, в результате доля региона в производстве животноводческой продукции постоянно снижалась.

В послевоенные годы сельское хозяйство на Урале наиболее высокими темпами развивалось в шестой пятилетке, низкими — в пятой. Данные о валовой продукции сельского хозяйства Урала в сопоставимых ценах 1958 г. показывают, что среднегодовые темпы роста в годы четвертой пятилетки составляли по отношению к 1945 г. 5,5 %. В годы пятой пятилетки по отношению к четвертой они составляли 1,5 %, в годы шестой пятилетки по отношению к пятой — 7,3 %. Неблагоприятные погодные условия начала 1950-х гг. в сочетании с отсутствием материальной заинтересованности крестьянства в развитии производства и сохранение командно-административных методов управления сельским хозяйством привели к тому, что в Оренбургской и Пермской областях и в Удмуртии среднегодовое производство в пятой пятилетке было ниже, чем в четвертой (42). Вторая половина 1950-х гг. на Урале характеризуется высокими темпами роста сельскохозяйственного производства, особенно 1956 и 1959 гг. Максимальный прирост был отмечен в Челябинской и, особенно, в Оренбургской области, чему в немалой степени способствовало освоение целинных земель.

В 1950-е гг. главным производителем сельскохозяйственной продукции по-прежнему оставались колхозы, однако во второй половине десятилетия значительно возрастает роль совхозного производства. В результате строительства новых совхозов в целинных районах и их организации на базе колхозов и МТС удельный вес госсектора в валовом сельскохозяйственном производстве повышается с 14,2 % в 1951 г. до 29,1 % в 1960 г., а для колхозов сокращается с 64,7 до 38,0 % (43). Наибольший удельный вес совхозов и других госхозов был в сельском хозяйстве Челябинской области, самый низкий — в Пермской области и Удмуртии, где основными производителями сельскохозяйственной продукции оставались колхозы.

Весомым был вклад в сельскохозяйственное производство индивидуальных подсобных хозяйств населения, производивших в первой половине 1950-х гг. около трети, а во второй — свыше трети всей продукции сельского хозяйства региона. Наиболее широко индивидуальный сектор был представлен в нечерноземных областях Урала. В Пермской области, например, и отдельные годы население в личных подсобных хозяйствах производило больше продукции, чем колхозы, а также совхозы и прочие госхозы, вместе взятые. На Южном Урале доля личных подсобных хозяйств была значительно меньше.

Расчеты показывают, что за 1946 – 1960 гг. больше всех сельскохозяйственной продукции произвела Оренбургская область. За ней по объемам производства следовали Свердловская, Пермская, Челябинская, Курганская области и Удмуртская АССР. Аграрный сектор на Урале в послевоенные годы в среднем производил 5—5,5 % валовой продукции сельского хозяйства СССР. Эти данные достаточно много, поскольку две трети населения региона — горожане. В 1959 г. труженики уральской деревни составляли 4,9 % сельского населения страны, а произвели они 9,8 % общесоюзного сбора зерновых, 7,5 % картофеля, 6,3 % овощей, 5,2 % мяса, 6,1 % молока, 4,8 % яиц. Если учесть, что на Урале проживало 6,8 % населения СССР, то очевидно, что сельское хозяйство края могло обеспечивать полностью своих жителей только хлебопродуктами и картофелем, а продукцией животноводства — лишь на 85 - 90 % (44).

В послевоенные годы рост сельскохозяйственного производства позволил значительно улучшить обеспечение населения края продовольствием. Уровень потребления основных продуктов питания значительно вырос и намного превзошел довоенный. По данным обследования бюджетов рабочих в их семьях значительно возросло потребление калорийных продуктов — мяса, молока, рыбы, а также фруктов и овощей. В 1958 г. потребление мяса и мясопродуктов в семьях рабочих Свердловской области превосходило довоенный уровень в 3 раза, молока и рыбы — в 1,6, яиц — в 1,8 раза, овощей и бахчевых — в 2,2, фруктов и свежих ягод — в 2,7 раза (45). Выросло потребление животноводческой продукции и на селе, но в гораздо меньших размерах. Одновременно сократилось потребление сельчанами менее калорийных продуктов.

Для сельского хозяйства Урала в 1946—1960 гг. было характерно быстрое восстановление в первые послевоенные годы, спад в 1951—1952 гг. и затем быстрый подъем. В других регионах аграрный сектор развивался более равномерно. Несмотря на рост в целом сельскохозяйственного производства Урала, вклад его в создание продовольственного фонда страны снизился. Это произошло в связи с восстановлением экономики в западных районах СССР. Исключение составляли зерновые. За 1946 - 1960 гг. на Урале было заготовлено 42,5 млн. т зерна (7,7 % от заготовки в СССР). Фактически это означало, что освоение уральской целины привело к еще большему перекосу в сторону зернового хозяйства. Это во многом отрицательно сказалось на решении главной задачи сельского хозяйства региона — обеспечении своего населения основными продуктами питания. В конце 1950-х гг. сельское хозяйство Урала, как и страны в целом, столкнулось с серьезными трудностями. Они были вызваны серьезными ошибками в области аграрной политики, попыткой добиться ускоренного развития сельского хозяйства за счет волевых решений. Программа тех лет по животноводству, необдуманное повсеместное выращивание кукурузы, ограниче-

ние личных подсобных хозяйств населения, необоснованное преобразование многих колхозов в совхозы, реорганизация структуры управления сельскохозяйственных органов серьезно отразились на темпах развития аграрного сектора. В результате первой половине 1960-х гг. по сравнению с 1959 г. на Урале не было прироста сельскохозяйственного производства.

Источники и литература

1. История социалистической экономики СССР. Т. 6. М., 1980. С. 18, 111; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1869. Л. 49 – 56; Д. 3751. Л. 66 – 72.
2. Материально – техническое обеспечение народного хозяйства СССР. Ст. сб. М., 1988. С. 35.
3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1869. Л. 49 – 56; Д. 3751. Л. 66 – 72.
4. Там же.
5. Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска. Ст. сб. Свердловск, 1956. С. 93; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1869. Л. 48 – 56; Д. 2268. Л. 79 – 86; Д. 2691. Л. 65 – 72; Д. 3235. Л. 65 – 72; Д. 3751. Л. 65 – 72.
6. ЦГА РФ. Ф. 374. Оп. 14. Д. 4401. Л. 8, 47, 56; Д. 4402. Л. 33, 53, 64.
7. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1451. Л. 2; ЦГА РФ. Ф. 374. Оп. 14. Д. 96. Л. 13; Д. 120. Л. 12; Д. 125. Л. 13; Д. 144. Л. 13; Д. 156. Л. 12; Д. 162. Л. 14.
8. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 678. Л. 38, 42, 45, 47.
9. Население СССР: (Численность, состав и движение населения, 1973). Ст. сб. М., 1975. С. 16; ЦГА РФ. Ф. 374. Оп. 34. Д. 1556. Л. 58 – 64.
10. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 49. Д. 246. Л. 1.
11. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 381. Л. 21, 45, 49, 63, 74, 77, 79.
12. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 469 – 488.
13. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 17. Д. 518. Л. 6, 7; Оп. 14. Д. 290. Л. 30, 50; Д. 501. Л. 6, 8; Д. 697. Л. 6, 19; Оп. 15. Д. 47. Л. 6, 7.
14. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. М., 1985. С. 214 – 217.
15. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 47. Д. 131. Л. 5.
16. Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. Ст. еж. М., 1959. С. 291; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Ст. еж. М., 1960. С. 382; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1869. Л. 48 – 56; Д. 3751. Л. 65 – 72; ЦГА РФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 2140. Л. 2; Д. 3651. Л. 15, 37; Д. 3653. Л. 4, 52; Д. 3654. Л. 19, 28, 34.
17. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5295. Л. 69 – 75; Д. 5396. Л. 59 – 66; Д. 5301. Л. 71 – 77.
18. Там же. Д. 1492. Л. 27; Д. 1870. Л. 37; Д. 2270. Л. 23; Д. 2692. Л. 24; Д. 3236. Л. 28; Д. 3752. Л. 25.
19. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1958. С. 341 – 368.
20. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1872. Л. 3; Д. 2272. Л. 22; Д. 2684. Л. 21, 22; Д. 3237. Л. 2; Д. 3754. Л. 2.
21. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1492. Л. 26; Д. 1870. Л. 36; Д. 1872. Л. 3, 6, 19, 24; Д. 2270. Л. 23; Д. 2272. Л. 22, 25, 39, 44; Д. 2692. Л. 23; Д. 3237. Л. 1; Д. 3752. Л. 24.
22. Там же. Д. 1872. Л. 3, 6, 19, 24; Д. 2272. Л. 22, 25, 39, 44; Д. 2694. Л. 21, 24, 43, 44; Д. 3237. Л. 7, 9, 15; Д. 3754. Л. 2, 6, 24, 33; Д. 5297. Л. 93 – 103; Д. 5298. Л. 98 – 104; Д. 5299. Л. 65 – 70; Д. 5300. Л. 72 – 77; Д. 5301. Л. 71.
23. Сельское хозяйство СССР. Ст. сб. М., 1988. С. 15; РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 2. Д. 227. Л. 48 – 135; Д. 2505. Л. 21 – 78; ЦГА РФ. Ф. 374. Оп. 30. Д. 11733. Л. 97.
24. Зеленин И. Е. Совхозы СССР (1941 – 1950). М., 1969. С. 299; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1870. Л. 36; Д. 1257. Л. 26, 39; Д. 2468. Л. 36, 51; Д. 3752. Л. 24.
25. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 3473. Л. 57; ЦГА РФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 3840. Л. 8, 99; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 47. Д. 131. Л. 87.
26. КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 271, 273.
27. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 3477. Л. 30; Д. 7168. Л. 15.
28. Там же. Д. 3752. Л. 24; Д. 3774. Л. 13; Д. 4174. Л. 18.
29. Материально – техническое обеспечение народного хозяйства СССР. С. 35; Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. С. 336 – 339; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 3751. Л. 68 – 72; Д. 5759. Л. 57.
30. Там же.
31. ЦГА РФ. Ф. 374. Оп. 30. Д. 6211. Л. 49 – 56.
32. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 678. Л. 3 – 23.
33. Население СССР ... С. 16, 17; ЦГА РФ. Ф. 374. Оп. 34. Д. 6853. Л. 17, 87, 122, 134, 140; Д.

6854. Л. 87, 90, 172.

34. Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. С. 344.
35. ГАОО. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 244. Л. 12.
36. ЦГА РФ. Ф. 262. Оп. 8. Д. 1026. Л. 24.
37. КПСС в резолюциях ... Т. 8. С. 359 – 391.
38. Вестник статистики. М., 1974. № 3. С. 94.
39. Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. С. 194, 195.
40. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5296 – 5305, 5520, 5916, 6176, 6437, 6440, 6996. Л. 70 – 77.
41. Сельское хозяйство СССР. С. 10, 11; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5296 – 5305, 5520, 5916, 6176, 6437, 6440, 6996. Л. 70 – 77.
42. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5296. Л. 70 – 74; Д. 6996. Л. 70 – 74.
43. Система ведения сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1960. С. 391, 471.
44. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1870. Л. 36; д. 2270. Л. 23; Д. 2692. Л. 23; Д. 3236. Л. 27; Д. 3752. Л. 24; Д. 3774. Л. 13; Д. 4177. Л. 18; Д. 4745. Л. 1; Д. 5188. Л. 14; Д. 5540. Л. 17; Д. 5841. Л. 1,3; Д. 6134. Л. 47 – 50; Д. 6396. Л. 1; Д. 6670. Л. 1.
45. Там же. Д. 3752. Л. 24; Д. 6940. Л. 1.

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ КВОРУМА НА СЕЛЬСКИХ СХОДАХ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

*Дмитрий Мухин
(Вологда, Россия)*

Различные типы сходов являлись институтами, с помощью которых крестьянская община принимала решения, касающиеся своей жизнедеятельности. Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, содержало две нормы, касавшиеся необходимого на сходе количества домохозяев. Во-первых, согласно ст. 52, «решения сельских сходов признаются законными тогда только, когда на сходах были: сельский староста, или заступающий его место, и не менее половины всех крестьян, имеющих право участвовать в сходах» [Полное собрание... 1893, 149]. Во-вторых, согласно ст. 54, «для решения нижеследующих дел требуется согласие не менее двух третей всех крестьян, имеющих голос на сходе: 1) о замене общинного пользования землею участковым или подворным (наследственным); 2) о разделе мирских земель на постоянные наследственные участки; 3) о переделах мирской земли; 4) об установлении мирских добровольных складок и употреблении мирских капиталов; и 5) об удалении порочных крестьян из общества и предоставлении их в распоряжение правительства» [Полное собрание... 1893, 149].

Несмотря на то, что в начальной клаузуле приговора сходы чаще всего называли «полными», в крупных обществах возможность сбора всех домохозяев даже не подразумевалась. Размеры помещений, в которых проводились сходы, были слишком малы. Кроме того, организовать работу схода, в котором участвовало несколько сот человек, было крайне сложно.

Источниками для работы послужили, документы, обнаруженные в Государственном архиве Вологодской области (далее - ГАВО) и Великоустюгском центральном архиве (далее - ВЦА). Это, прежде всего, более 300 приговоров сельских и селенных сходов; прошения, подаваемые крестьянами (212 прошений из 5 уездов Вологодской губернии). Важнейшим источником являются этнографические описания. В частности, это материалы собранные корреспондентами Тенишевского бюро в Вологодской губернии в конце XIX века.

Сельские сходы в зимний период (когда чаще всего и происходили наиболее значимые сходы: по выборам должностных лиц, разверстке податей и т.д.) проводились в избах должностных лиц, в общественных квартирах (избах, нанятых для осуществления административных функций общества) (прим.1) или в домах тех домохозяев, в интересах которых собирался сход (например, «староста, десятский и некоторые домохозяева собрались в избе домохозяйки, выкупающей землю» (Усть-Вельская волость Вельского уезда) [Русские крестьяне... Ч. 1. 2007, 33]). Только в случае, если центр общества совпадал с центром волости, сельский сход мог проводиться в здании волостного правления. Однако, согласно приговорам, и в зимнее время в сходах крупных обществ участвовали сотни домохозяев. Например, под приговором Нижнее-Егородского общества Страденской волости Никольского уезда от 19 декабря 1899 года значилось 380 подписей [Наряд... 1900, 9], а под приговором Брюховского общества Городецкой волости Никольского уезда от 2 февраля 1902 года – 439 подписей [По представлению... 1902, 12].

Чтобы сохранить приемлемые условия проведения схода, крупные сельские общества сами ограничивали количество возможных участников. Для этого могли использоваться разнообразные

методы. При применении любого из этих методов главной задачей для местного начальства было внешнее соответствие приговора нормам Общего положения.

Одним из наиболее действенных способов ограничения явки на сход было введение разнообразных систем делегирования голоса кому-либо из односельчан и формирования представительства от селений. Одной из таких мер служило установление очередности домохозяев в посещении сходов. По сообщению корреспондента Тенишевского бюро из Нестеферовской волости Устюгского уезда Н.М. Маталева, «на сельские же сходы должны являться из малой деревни каждый домохозяин, из большой же – по концам деревни по очереди» [Русские крестьяне... Ч.4. 2008, 513].

Другая система ограничения числа участников схода была зафиксирована в приговорах сельских сходов Вожбальской волости Тотемского уезда. В приговоре от 21 декабря 1895 года записано: «Мы, крестьяне Вожбальского сельского общества, состоящего из 23 селений, в которых ревизских душ 1211 (например, в соответствии с приговором Вожбальского общества от 31 января 1893 года в обществе значилось 570 домохозяев [Об отмене приговора... 1893, 2] – Д.М.) и пятидворных выборных домохозяев, имеющих право голоса на сходе 116 человек, находилось на сходе 98 человек выборных» [По жалобе крестьян... 1897, 2]. То есть в данном случае, по аналогии с волостным сходом, крестьяне делегировали право участия в сходе отдельным представителям общества, но если в волостном сходе участвовали десятидворные выборные, то в данном случае 5 дворов представлял один человек. В результате, в сельских сходах Вожбальской волости могло участвовать не более 20% домохозяев общества, что создавало комфортные условия для организации и проведения схода. Причем именно это количество участников рассматривалось как полная явка, поэтому и необходимые 50 (а возможно и 66) % присутствующих высчитывалось исходя именно из этой цифры. То есть, чтобы сельский сход состоялся, достаточно было 10 или 13% всех домохозяев данного общества. В соответствии с Общим положением, все приговоры Вожбальского общества были незаконными и подлежали отмене. Однако реакции вышестоящего начальства на такой способ сбора схода не последовало, и этот вариант, как наиболее удобный для крестьян, не только закрепился на практике, но и официально прописывался в приговорах.

На данный момент невозможно точно определить, насколько была распространена система пятидворных выборных, поскольку такой вариант проведения схода противоречил закону. Однако свидетельства существования подобной системы обнаружены в различных частях Вологодской губернии, но фиксировались они не в приговорах, а в документах других типов. Так в своем прошении об удалении от должности полицейского сотского, крестьянин Семеновского общества Лапшинской волости Никольского уезда Петр Лукин Аксенов, перечисляя должности, в которых он ранее служил, ссылается на то, что он уже был пятидворным выборным [По наблюдению... 1897, 19]. Можно констатировать, что система пятидворных выборных функционировала как минимум в трех уездах Вологодской губернии (Тотемском, Никольском и Устюгском), однако приговоры могли составляться от полного состава схода.

На государственном уровне идея замены всеобщего участия домохозяев на сельском сходе на представительство в начале XX века только обсуждалась. Саратовский губернский и камышинский уездный комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1904 году предлагали ввести «вместо полных сельских сходов – сходы выборных» [Страховский 1904, 117.]. Хотя на уровне законодательства такое решение принято не было, на практике же подобные формы проведения сельских сходов активно работали.

Некоторых крестьян само общество могло не приглашать на отдельные сходы по причине особого статуса человека в деревне. Например, А.А. Шустиков так описывал свою роль в сельских сходах своего общества (д. Бережная Кадниковского уезда): «Приглашали меня на сход лишь в исключительных случаях: например, сделать учет старосте! разъяснить смысл закона или начальственного предписания, вообще разобраться при помощи арифметики и элементарного знания и законоведения в какой-либо общественной «путанице», и когда к тому же сельский писарь и «счетчики» уже спасовали. Хотя я и был такой же член общества, как и прочие, но все знали, что живу я не одним земледелием, поэтому и не беспокоили часто» [Шустиков 1889, 2.].

А.А. Шустиков значительно выделялся в деревне: он активно занимался сбором этнографического материала в Кадниковском уезде для различных, в том числе центральных, изданий («Живой старины», «Нивы», «Русских ведомостей», «Русского курьера» и т.д.), а с 1896 года являлся действительным членом Русского географического общества. При этом он оставался домохозяином д. Бережной и имел в ней земельный надел. Однако его роль на сходах показательна: поскольку общество считало его местным экспертом по финансам и законодательству, то и приглашало его только на отдельные сходы, те, где требовалась экспертная оценка или принимались сходом значимые властные решения. В данном случае общество само отделяло значимые для себя сходы от проводившихся формально по требованию закона или вышестоящего начальства.

Другой вариант сокращения количества участников сходов акцентировался не на количестве присутствовавших, а на количестве подписей под приговором. Распространенной была и практика подписания приговоров не на сходе, а в «частных собраниях». В таких случаях «он, староста, возил приговор подписывать по деревням, вместо того, чтобы, как требовалось установленным порядком, тот приговор подписать на сходе непосредственно по составлению такового» (Шонгско-Николаевская волость Никольского уезда) [По сообщению... 1895, 1]. Аналогично, староста мог после схода собирать «в частных собраниях» подписи в случаях, если количество участников схода было недостаточным. Например, при проверке приговора Окатовского общества Спасской волости Вологодского уезда, что «приговор [...] хотя составлен и на сходе, но подписан на сходе только крестьянами д. Лисицына, крестьяне же д. Кудрина подписали таковой у себя в деревне» [Журналы... 1895, 41]. В таких случаях приговор внешне представлялся принятым с соблюдением всех процессуальных норм.

Распространенной была и прямая подделка подписей под приговором. Так в ходе дознания, произведенного земским начальником на основании прошения крестьян Второго Костюшенского общества Матюковской волости Тотемского уезда в 1900 году было выяснено, что «крестьяне Игнатий Норов, Иван Семенников, Алексей Краснобаров, Прокопий Пестерев и Иван Поляков заявили, что ни приговора не подписывали и с ним не согласны, потому что им отводятся по новому переделу в пахоте неудобные полосы, а в лугах нерасчищенные места» [О переделе... 1900, 2 об.].

Сама система подписания приговора в крупных обществах была выстроена таким образом, чтобы обеспечить необходимое количество подписей даже в случае недостаточной явки домохозяев.

В крупных обществах большая часть крестьян, в том числе и грамотных, участия в подписании приговоров не принимала. Так «по заведенному порядку, по приговору схода избираются двое или трое рукоприкладчиков из грамотных лиц для переписки явившихся на сход домохозяев, а затем и для подписи за них под приговором» (Страденская волость Устюгского уезда) [По наблюдению... 1895, 150об.]. В таком случае сбор сведений о присутствующих производился рукоприкладчиками уже во время схода, когда точно переписать всех присутствовавших не представлялось возможным. Поэтому список участников схода оказывался приблизительным. В целом ряде приговоров место, оставленное в начальной клаузуле для указания числа присутствовавших, так и оставалось незаполненным [Приговора волостных и сельских сходов... 1896, 15,71]. Следовательно, в начальную клаузулу, чтобы не возникало противоречия, вписывалось не количество присутствовавших на сходе домохозяев, а количество подписей под приговором.

Для самих рукоприкладчиков точный список участников также не имел принципиального значения. Корреспондент Тенишевского бюро Николай Кириллов из Сольвычегодского уезда сообщал следующее: «После схода народ расходится, остаются только грамотные для подписи. Подписывают они обыкновенно за всю деревню: «Просьбою крестьян Ивана, Петра, Андрея и Семена Тарасовых, Михаила, Николая и Александра Кокшаровых Петр Кокшаров и за себя руку приложил» и не вдается «ручник» в разбор того, все ли названные лица были на сходе, может быть, их была только половина. Сельское начальство никогда не перекликает явившихся на сход по фамилиям, не отмечает и не явившихся, равно и волостное правление не интересуется такими подробностями, лишь бы приговор был заподписан» [Русские крестьяне... Ч. 3. 2007, 554.].

За счет отсутствия контроля за подписанием приговора со стороны крестьян и вышестоящего начальства, особенно в условиях низкой грамотности населения, когда неграмотные подписывались не сами, а за них кто-то «руку прилагал», возможность дописываний была практически не ограниченной.

Пользуясь отсутствием контроля, сельские должностные лица могли писать приговоры вообще без собрания схода или при отсутствии какого-либо решения на сходе. Разбирательства по таким случаям могли происходить только если подобный приговор значительно ущемлял экономические интересы крестьян. Так в Едемском обществе Тотемского уезда в 1893 году. По итогам следствия по жалобе на написание подложного приговора о разрешении винной торговли было выяснено, что из 133 человек, чьи подписи стояли под приговором «21 человека совсем не было на сходе, а 9 человек хотя и были на сходе, но ушли ранее, чем было принято какое-либо решение о винной лавке; 63 человека [...] показали, что никакого приговора о винной лавке не было решено 1 октября и оставлено до другого схода», при этом «сын обвиняемого (сельского старосты, составившего приговор – Д.М.) Нестор Григорьев Вячеславов расписался за 23 крестьян деревень Рыкаловской и Наумовской» [Об отмене приговора... 1895, 27-28].

Другой способ ограничения численности участников сельского схода зафиксирован в прошении крестьянки Миньковской волости Тотемского уезда Матрены Хоробровой, поданном в 1896 году. «Приговором сельского схода утвержден семейный раздел между моими сыновьями Петром и Алексеем Петровичем Хоробровым, и приговор этот хотя и написан от имени сельского схода, но в то время сельского общественного схода собрано не было, а только было в то время селенный сход деревенский, и приговор тут на этом сходе, а заподписан от имени сельского схода по практике писа-

ря Гордеева и старосты Шумова» [По жалобе... 1902, 1-1 об.]. Причем под приговором стоит 362 подписи (из 534 домохозяев Косиковского общества).

В соответствии с решением Сената № 392 от 1892 года, действовавшим до ноября 1901 года, «семейные разделы могут быть разрешаемы только сельским, а не селенным сходом» [Сборник решений... 1889, 87]. Однако сбор сельского схода, особенно по вопросу, касающемуся только нескольких крестьян одного селения, а, следовательно, мало интересующий всех остальных, был для сельских должностных лиц затруднителен. Поэтому, чтобы возможно было и провести сход, и отчитаться перед вышестоящим начальством, приговор сельского схода был подделан. Если предположить, что в селенном сходе деревни Большого Косикова должно было участвовать порядка 20-30 домохозяев, то около 330 подписей под приговором оказываются подложными.

О степени распространенности подобной практики говорить невозможно, поскольку даже в данном случае реакции от вышестоящих властей на прошение не последовало. Но и в целом разбирательства по прошениям, основывавшимся на подлоге подписей под приговорами, производились крайне редко. То есть вместо сельского схода мог проводиться сход другого типа, предполагавший участие меньшего количества домохозяев, но при этом составлялся приговор от имени сельского схода, как и требовалось по закону.

Подложные подписи могли появляться не только под приговорами в крупных обществах, но и малых, особенно, если крестьяне общества были безграмотными и за них «руку прикладывало» другое лицо. Так 21 ноября 1897 года в Прокшинском обществе Богородской волости Вологодского уезда на одном сходе были приняты два приговора. По одному из них был выбран сборщик податей, которым стал крестьянин Александр Апполонов [Приговора... 1898, 18]. По другому пожарным старостой был избран Петр Павлов [Приговора... 1898, 6]. Оба приговора подписаны от 11 домохозяев (из 14). Однако под первым приговором отсутствует подпись Александра Апполонова, зато есть Петра Павлова. Во втором случае наоборот присутствует подпись Александра Апполонова, но нет – Петра Павлова. То есть, под приговором о выборе подпись выбранного в каждом случае отсутствует. Достоверность подписей под данными приговорами вызывает большие сомнения.

Велика вероятность наличия подложных подписей под любыми приговорами сельских сходов. Основываясь на характере подписания приговоров, практиках ограничения количества участников сходов, а также делах о незаконных подписаниях приговоров (прим.2) можно утверждать, что количество подписей под приговором не является точным свидетельством того, сколько человек (а тем более домохозяев данного общества) участвовало в сходе. Поскольку практика дописывания необходимого количества домохозяев была распространена, то подписи можно рассматривать скорее как показатель представления соответствующих должностных лиц о необходимом количестве присутствовавших, а не реального числа участников.

Примечания

1. В официальных документах общественные квартиры могли также называться «общественными сборными избами» [Циркуляры... 1892, 4].
2. Такие дела касаются вписывания в приговор неприсутствовавших и ушедших крестьян [Журналы... 1895,41; Об отмене приговора... 1897 и т.д.], подписания приговора крестьянами, не имевшими права участвовать в сходе [Журналы... 1896, 8 об.], подписания приговоров не на сходе [Об отмене приговора... 1891, 5 об.]

Источники и литература

1. Журналы Вологодского уездного съезда. 1895. ГАВО. Ф. 245. Оп. 2. Д. 67.
2. Журналы Вологодского уездного съезда. 1896. ГАВО. Ф. 245. Оп. 2. Д. 80.
3. Наряд № 5 об избрании должностных лиц, назначении им содержания и наложении на них взысканий. 1900. ВЦА. Ф. 353. Оп. 1. Д. 22.
4. О переделе надельной земли по Второму Костюшенскому обществу Матюковской волости. 1900. ГАВО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 188.
5. Об отмене приговора крестьян Благовещенской волости д. Терпевки по отобранию ¼ надела земли Александра и Любви Ухановых. 1891. ГАВО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 27.
6. Об отмене приговора крестьян Вожбальского общества о разрешении выкурки дегтя. 1893. ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 164.
7. Об отмене приговора крестьян д. Глебкова Миньковской волости о продаже леса из своих наделов мещанке Анне Иннокентьевне Иудовой. 1897. ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 658.
8. Об отмене приговора крестьян Едемского общества об окончательном удалении от должности сельского старосты Григория Вячеславова. 1895. ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 230.

9. По жалобе крестьян Вожбальской волости д. Завражья Василия Юрзина. 1897. ГАВО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 70.
10. По жалобе крестьянки Миньковской волости д. Большого Косикова Матрены Хоробровой на приговор схода о разделе ее сыновей. 1902. ГАВО. Ф. 678. Оп. 1. Д. 223.
11. По наблюдению за должностными лицами. 1895. ВЦА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 325.
12. По наблюдению за должностными лицами. 1897. ВЦА. Ф. 63. Оп. 1. Д. 722.
13. По представлению Городецкого волостного правления от 1 ноября 1901 года за № 273. 1902. ВЦА. Ф. 296. Оп. 1. Д. 18.
14. По сообщению Никольского съезда по крестьянским делам о сделанных распоряжении об окончательном удалении от должности Емельяновского сельского старосты Шонгско-Николаевской волости крестьянина Кокшарова за беспорядки и неисправность отправления службы. 1895. ВЦА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 424.
15. Полное собрание законодательства Российской империи. Собр. 2. Т. XXXVI. Отд. 1. 1861. № 36657. СПб., 1863.
16. Приговора волостных и сельских сходов крестьян о выборе должностных лиц. 1898. ГАВО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 86.
17. Приговора волостных и сельских сходов о выбор уполномоченных для надзору на плательщиков податей и для помощи сборщикам податей и другим. 1896. ГАВО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 62.
18. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007.
19. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб., 2007.
20. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб., 2008.
21. Сборник решений Правительствующего Сената по крестьянским делам. – СПб, 1889. – Стр. 87.
22. Страховский И.М. Крестьянский вопрос // Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 1. СПб., 1904. С. 117.
23. Циркуляры Губернского правления Полицейским управлениям Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1892. № 41. С. 4.
24. Шустиков А.А. На мирском переделе земли (очерки из северно-русской жизни). // Северный край. 1889. № 32. 5 (17) янв. – С. 2.

СЕМЬЯ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДОМОХОЗЯЙСТВО В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

*Роман Новожеев
(Брянск, Россия)*

Роль семьи и домохозяйства как первичного социального института во все времена была крайне важна, так как именно с ней было связано «природное и социальное воспроизводство материальной жизни» [Зоколл Т. и др. 2004, с.7].

Изучение семьи в России началось во второй половине XIX века и носило в основном историко-этнографический характер. А собственно крестьянская семья стала объектом исторического исследования в эпоху Великих реформ Александра II. Исследователи XIX-XX вв. использовали в своих трудах в основном лишь письменные источники, которые содержат крайне скудную информацию. От домонгольской Руси не осталось пространственных статистических, фискальных документов, на основе которых можно было бы выстраивать обоснованные исторические реконструкции крестьянской семьи и усадебного домохозяйства. Документы такого рода появляются не ранее XVI века вместе со становлением поместной и крепостной системы. Поэтому в отечественной науке изучение крестьянской семьи и двора охватывает лишь период XVI-XX вв. (см. краткий обзор в прим.1). Людям их дому, быту и труду не уделялось достаточного внимания исследователей. Историки, изучая древнерусскую семью через призму юридической и морально-нравственной проблематики, практически вовсе не затрагивали вопросы ведения семейного домохозяйства. Социально-демографическая и хозяйственная структура древнерусской деревни стала привлекать внимание исследователей лишь в последние десятилетия. Это произошло не только благодаря исследовательскому опыту изучения семьи, накопленному в течении XIX-XX вв., но, в первую очередь, существенному расширению источниковой базы в ходе масштабного исследования древнерусских сельских поселений на территории России и Ук-

раины. Однако в отечественной науке крайне слаба терминологическая база, за редким исключением [Александров 1981, с. 78-96] отсутствуют фундаментальные классификации, методологические разработки. Работы по исторической демографии, вышедшие в СССР [Проблемы исторической демографии...1977] грешили обилием идеологических штампов Европейская наука начала изучение генезиса семьи и домохозяйства именно с теоретических проблем. В 1965 г. британский исследователь Д.Хайнал предложил новый подход к сравнительному изучению истории семьи, выделив в Европе две модели брачности – западноевропейскую и восточноевропейскую [Хаджнал 1979, с. 14-70]. Работа Хайнала вызвала научный бум Европе, который, к сожалению, не затронул Россию. В 1967 г. вышла работа по исторической демографии французского исследователя Л. Анри, значительная часть которой посвящена проблеме изучения и классификации домохозяйств [Henry L. 1967]. В 1969 г. В Кембридже состоялась конференция «Домохозяйство и семья в прошлом» [Laslett P., Wall R. 1972], на которой, руководитель Кембриджской исследовательской группы, П. Ласлетт предложил систему классификации домохозяйств и семейных форм [Ласлетт П. 1979, с. 132-157]. Под понятием домохозяйство («household») он понимает объединение индивидов, связанных одним местом жительства («спят под одной крышей»), совместной деятельностью и родственными связями [Ласлетт П. 1979, с. 132, 136]. Выделяются 3 типа домохозяйств: 1) простое семейное домохозяйство («simple family household»), состоящее из одной супружеской пары с детьми, т.е. нуклеарная семья; 2) расширенное домохозяйство («extended family household»), это нуклеарная семья с прибавлением каких-либо родственников по нисходящей, восходящей или боковой линии (например - дед, племянник, брат); 3) сложное семейное домохозяйство («multiple family household») в котором несколько супружеских семей породнились кровно или союзом (братчина, задруга и т.п.) [Ласлетт П. 1972, с. 136, 138]. В 2000 г. в Вене состоялся международный семинар «Формы семейной организации в Российской и украинской истории в сравнительной ретроспективе», исследователи из Европы, России, Украины и Белоруссии представили доклады, которые, однако не затрагивали проблемы семьи и домохозяйства домонгольской Руси [Миронов 2000, с. 198-203].

В исследовании домонгольской семьи и домохозяйства возможно использование данной типологии, но применение методик исследования, подходящих для изучения позднесредневековых семей или домохозяйств Нового времени, невозможно в силу отсутствия необходимых массовых письменных источников.

Социально-демографические условия, в которых развивалось древнерусское крестьянское домохозяйство, были связаны с распространением в древнерусском обществе малой семьи как основной социальной единицы. Традиционные представления в отечественной науке об историческом генезисе семьи от большой патриархальной к малой нуклеарной разбиваются о реалии древнерусских семейно-брачных отношений в домонгольскую эпоху.

Под влиянием развития производящего хозяйства и генезиса древнерусской государственности, большая патриархальная семья, доминировавшая, вероятно, до IX-X вв., стала распадаться на относительно рентабельные и самодостаточные в хозяйственном плане малые семьи, входившие в состав территориальной соседской общины – верви. Но их экономическая неустойчивость, обусловленная примитивным уровнем агрикультуры, особенно ярко проявлявшаяся в условиях неблагоприятного климата, вынуждала малые семьи порой вновь объединяться в более крупные коллективы. Подобные объединения были связаны уже не столько родством, сколько хозяйственными и экономическими связями. Это был уже не род, а именно община. Окончательное утверждение малой семьи как основной наименьшей социальной единицы древнерусского общества происходит не ранее XII века [Фроянов 1972, с.90-97]. Об этом свидетельствуют и археологические источники, фиксирующие усадебную застройку на древнерусских сельских поселениях рубежа XI-XII вв. Хозяйственные комплексы концентрируются вокруг жилищ, и только пожароопасные производства и отдельные ямы выносятся на окраину поселений. Появляются новые селища, где культурный слой не покрывает всю территорию памятника, а фиксируется только вокруг построек. Это первый признак зарождающейся усадебно-дворовой топографии древнерусских деревень.

В сочетании с информацией, содержащейся в известных письменных источниках, данные археологических исследований рисуют нам совершенно иной характер древнерусской деревни. Деревни, в которой была развитая материальная культура и прогрессивная для своей эпохи социально-демографическая структура.

И город и деревня Древней Руси были относительно сложными социально-территориальными образованиями, в которых всё основательнее закрепляется усадебно-дворовая структура. Княгиня Ольга накладывает дань голубями и воробьями именно на отдельные дворы Искоростеня: «...дайте ми от двора по 4 голуби да по 4 воробьи...и собраша от двора...» [Лаврентьевская летопись, л. 16 об.]. Дворовая застройка на селищах Подесенья возникает уже в первой половине XII века, а к концу того же века становится господствующей [Шекун 1990, с. 75]. И главным признаком двора становится

ся не столько концентрация культурного слоя вокруг жилых и хозяйственных построек, но, в первую очередь, забор-тын, отделявший один двор от другого. На селище Автуничи обнаружено несколько десятков канавок от оград разделявших крестьянские дворы [Моця 1995, с. 101-105]. Границы-межи между дворами и тыны-заборы упомянуты уже в Русской Правде: «Аже дворную тыномь перегородить межю 12 гривен продажи» [Правда Русская 1940, с.112]. Однако, в данном случае, объектом преступления является и собственность, и установленный порядок разграничения земельных участков. Имеется ввиду не то, что кто-то обнесет свой двор тыном, а то, что нарушитель возведет тын выйдя за пределы своего двора нарушив («перегородив») при этом между-границу.

В свете новых источников по-новому можно расставить акценты в дискуссии И.Я. Фроянова и О.М. Рапова о типе древнерусской семьи, разгоревшейся на рубеже 1960-1970-х годов [Рапов 1969; Фроянов 1971]. Фроянов справедливо критиковал своего оппонента за поспешность выводов о категорическом господстве малой семьи в структуре древнерусского общества. Однако и сам критик был слишком категоричен, архаизируя древнерусскую семью и безапелляционно утверждая ее как патронимию. Обнаружение усадебной застройки на древнерусских селищах, а также заборы, ограничивающие территорию отдельных небольших замкнутых дворов, являются аргументом в пользу малой семьи. Сомнительно, что на таких усадьбах проживала большая семья, состоявшая из нескольких супружеских пар, относящихся, как минимум к трем разным поколениям. Это хоть как-нибудь можно было бы допустить в случае, если на дворе находилась не одна, а несколько жилых построек и было достаточное количество вспомогательных сооружений, хозяйственного и производственного характера. Некоторые черты патронимии могли сохраняться – это хозяйственное и общественное единство, общее патронимическое название жителей деревни [Косвен 1963], в общем пользовании, вероятно, оставались сельхозугодия, лес, пастбища и покосы.

Малую семью имел ввиду Владимир Мономах говоря: «Начнет орати смерд и приехав половчин ударит и стрелою и лошадь его поимет, а в село его ехав имет жену его и дети его и все его именье» [Лаврентьевская летопись, л.93 об.]. Традиционную и сейчас нуклеарную семью в виде родителей и ребенка (детей) рисует нам автор жития Феодосия Печерского Нестор-летописец, описывая ранние годы жизни святого [Житие...1980, с.32-33]. И если агиографа можно заподозрить в употреблении штампов, характерных для житийной литературы, то в этом нельзя упрекнуть самого Феодосия, который в своем эмоциональном послании великому князю Изяславу Ярославичу пишет, что он воспитан в добре и правой вере своими правоверными родителями - отцом и матерью [Послание...1980, с.32]. По подсчетам В.К. Козюбы среднестатистический размер малой семьи в XI-XIII вв. составлял 6,31 человека [Козюба 2001], что соответствует численности нуклеарной семьи в более позднюю эпоху.

Малая семья, городская или сельская, несомненно, жила в своем духовном и материальном локальном пространстве. В самом широком смысле это был «свой дом», то есть двор, заполненный жилыми и хозяйственными строениями, домочадцами - «домашними», предметами труда и быта, домашними животными и скотом. Двор являлся важнейшей формой организации не только экономической деятельности, но и сферой социальной самореализации человека. В рамках усадебного хозяйства и взаимоотношений людей, населяющих усадьбу, формировалась основная социальная единица – семья как домохозяйство. Двор, усадьба олицетворяли собой окультуренное пространство, цивилизацию, в противопоставлении дикой природе.

Размеры домов и усадеб являются еще одним свидетельством того, что они принадлежали малым семьям. Простейшее однокамерное срубное или столбовое жилище имело площадь в 9-20 кв.м. Естественно, что в таком доме вряд ли могла проживать большая патриархальная или даже расширенная семья (т.е. малая семья и проживающие с ней родственники), хотя последний вариант не исключается. Площадь огороженного усадебного двора не превышала 800 кв.м. Размеры погребов и зерновых ям крайне миниатюрны, чтобы их было достаточно для хранения продуктов большесемейного коллектива. Наличие замков и других запирающих устройств, как в жилищах, так и в хозяйственных постройках также исключает большую семью. В XII веке, по мнению советских исследователей В.В. Мавродина, Б.А. Рыбакова, А.А. Зимина и др., на пространстве Древней Руси происходил глобальный процесс трансформации семейной общины в территориальную вервь [Мавродин 1956, с.41-49; Памятники...1952, с.140; История СССР... 1966, с.480]. Однако, при этом, общину-вервь нельзя считать только территориальным объединением, родственные связи между ее членами сохранялись. Об этом свидетельствует и коллективная уголовная ответственность верви, зафиксированная в Пространной Русской Правде. Государственная власть пыталась максимально увеличить число ответственных за преступление наибольшим кругом людей, не имея еще возможности жесткого индивидуального контроля. Но даже при этом государство требовало выдачи непосредственного преступника и его семьи: «Будет ли стал на разбои без всякая свады, то за разбойника люди не платят, но выдадут и всего с женою и с детьми на поток и на разграбление» [Правда Русская 1940, с.104-105]. Разумеется,

нормотворец имел ввиду нуклеарную семью, живущую отдельно и ведущую относительно самодостаточное хозяйство. Расплатой за разбой становилось всё домохозяйство преступника.

Крестьянский двор наряду с общиной выступал формой сельской повседневности. Он же служил основой бытовой морали. Двор представлял собой основу производства, потребления, отношения собственности, социализации и общественных связей, моральной поддержки и взаимопомощи. Усадьба и приусадебная земля была первой частной недвижимой собственностью [Маркс 1963, с. 26]. Приусадебная земля, где выращивались огородные культуры для повседневной жизни летом и осенью, на которой стояли необходимые в хозяйстве строения, была тесно связана с жилищем и вследствие этого не могла подлежать периодическим переделам.

Слова двор и дом – термины исключительно важного социального содержания. «Дом» в Древней Руси не только жилое строение, но в нем соединены важные смыслы жилья, семьи, имущества, хозяйства. В этом слове сошлись три древнейших индоевропейских корня: *doma – владычествовать, руководить поступками домашних, *demo – строить, сооружать и dem(э) – семья, домохозяйство, имение [Колесов 1986, с. 194]. В Древней Руси именно третье значение было главным: «Аже кто умирая разделить домъ свои детямъ...» [Правда Русская 1940, с.114], «Аже зажгутъ гумно то на поток на грабеж домъ его...» [Правда Русская 1940, с.113], «и чада вся и весь дом свои...» [Память...1925, с.143] и т.д. и т.п.

Почему же в последующие века малая семья практически исчезла в Московской Руси и императорской России, в которых господствовала большая или расширенная семья, насчитывавшая зачастую несколько десятков человек. На наш взгляд, это связано с развитием крепостной системы, при которой помещик мог влиять на структуры семьи и домохозяйства своих крепостных. Сложная семейно-хозяйственная структура XVII-XIX вв. была результатом внешнего принуждения со стороны землевладельца с одной стороны и реакцией крестьян на это вмешательство с другой. Большая семья была более выгодна в экстенсивном помещичьем хозяйстве, и у нее была большая выживаемость в тяжелых социально-экономических условиях крепостничества. Жесткий социальный контроль со стороны помещиков отмечали многие исследователи [Хок 1993; Wall R. 1983].

В домонгольской Руси, где основная масса земледельцев («людей») была свободна, не было нужды сохранять большие семьи, так как социальные условия были намного благоприятнее, нежели спустя 300-500 лет. Крестьянская семья XII – первой половины XIII вв. была гораздо более ориентирована на экономическую независимость, чем семья крепостного под жестким давлением помещичьего и государственного контроля. Она испытывала прессинг со стороны неблагоприятных природных факторов, но не ощущала тяготы от гнета государства. А переход от подсечно-огневого земледелия к пашенному окончательно закрепил значение малой семьи как основной ячейки древнерусского хозяйствования и общества.

Семья и община в последующие столетия приспособивались к тяжелым социально-экономическим условиям. И даже после отмены крепостного права большесемейность в русской деревне продолжала существовать по инерции. Но процесс распада больших семей в условиях отсутствия крепостного права был налицо, к концу XIX века доля малых семей увеличилась с 19-21% до 54-60% [Миронов 1999, с.225-226]. И, вероятно, эти показатели отражали не модернизацию отсталых социальных структур семьи и общины, а «возврат к структурам, характерным для предыдущих столетий» [Носевич 2001], то есть для эпохи домонгольской Руси.

Примечания

1. Краткий историографический обзор:

Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII - начало XVIII в. М., 1976; Шенников А.А. Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI в. СПб., 1993.; Кучумова Л.И. Крестьянский двор и семья в общине Европейской России во 2-й пол. XIX в.// Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992.Ч.1.С.41-52.; Дашкевич Л.А. Семья государственных крестьян на Урале: (По материалам подворьяных описей Поташин. волости 1805 г.)// Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Екатеринбург, 1992.С.109-121.; Зверев В.А. Семейное крестьянское жилище в его культурно-санитарном измерении: (По матер. обследований в Томско-Кузнецком крае кон. XIX - 1-й трети XX вв.) // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: пробл. изучения.Новосибирск, 1999.С.13-32.; Ильиных В.А. Крестьянская семья и двор в XX в.: историография проблемы// Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории.Новосибирск, 1998.С.120-122.; Мохначева М.П., Прохорова М.Ф. Крестьянская семья в крепостной деревне Брянского края в сер. XVIII в.// Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени. Брянск, 1995. С.108-118.; Прохоров М.Ф. Крестьянская семья в крепо-

стной деревне Ростовского уезда в сер. XVIII в.(по материалам Воскресенской вотчины Куракиных)// Сообщ. Ростов. музея. Ростов, 1998. Вып.9. С.57-66.

Источники и литература

- Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. - 1981. - № 3. - С. 78-96.
- Житие Феодосия Печерского // Прокофьев Н.И. Древняя русская литература. Хрестоматия. М, 1980.
- Зоколл Т., Кошелева О., Шлюмбом Ю. Историческое изучение домохозяйства, семья и родства// Семья, дом и узы родства в истории. М., 2004.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. Т.1. М., 1966.
- Козюба В.К. Историко-демографічна характеристика давньоруської сім'ї (за матеріалами історичних та археологічних джерел)// Восточно-европейский археологический журнал. №4(11) 2001. Электронный ресурс: <http://archaeology.kiev.ua/journal/040701/kozyuba.htm>
- Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
- Косвен М. О., Семейная община и патронимия, М., 1963.
- Лаврентьевская летопись// Полное собрание русских летописей. Т.1. М, 1997.
- Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века. М.1979. С.132-157. (перевод с франкоязычной публикации Laslett P. La famille et le ménage: approches historiques. Annales. Economies. Societes. Civilisations. № 4-5, 1972.
- Мавродин В.В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 30 тт. Т.15., Киев, 1963.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-нач.ХХ вв.) в 2-х тт. СПб, 1999. Т.1.
- Миронов Б.Н. Международный семинар «Формы семейной организации в Российской и украинской истории в сравнительной ретроспективе»// Отечественная история. 2001 г. №6.
- Моця А.П., Готун И.А., Коваленко В.П. Полесское село в древнерусской истории (по материалам пос. Автуничи)// Деснинские древности. Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. Брянск, 1995.
- Носевич В.Л. Еще раз о Востоке и Западе: структуры семьи и домохозяйства в истории Европы// Историческая информатика в информационном обществе. Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». Москва, 2001. Электронный ресурс: <http://www.vln.by/node/116>
- Памятники истории русского права. Вып.1. М.,1952.
- Память и похвала кагану нашему Владимиру мниха Иакова//ИОРЯС. Т.29.Л., 1925.
- Послание Феодосия Печерского к киевскому князю Изяславу Ярославичу о вере христианской и латинской// Прокофьев Н.И. Древняя русская литература. Хрестоматия. М, 1980.
- Правда Русская. Т.1. М.-Л., 1940.
- Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977.
- Рапов О.М. Была ли вервь Русской Правды патронимией// Советская этнография, 1969, №3.
- Фроянов И.Я. Семья и вервь Киевской Руси (по поводу статьи О.М. Рапова)// Советская этнография, 1971, №3.
- Фроянов И. Я. Семья и вервь Киевской Руси (по поводу статьи Ю.М. Рапова) // Советская этнография. - 1972. - № 3.
- Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе// Брачность, рождаемость, семья за три века. М.1979.
- Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.
- Шекун А.В. К вопросу территориального развития древнерусской селищной структуры (по материалам Черниговщины)// Проблемы археологии южной Руси: Материалы ист.-археолог. семинара «Чернигов и его округа в IX – XIII вв.», Чернигов, 1988 г. / ИА АН УССР. Ред.кол. П.П.Голочко и др. Киев, 1990.
- Henry L. Manuel de demographie historique. 1967.
- Laslett P., Wall R. Household and Family in Past Time. Cambridge, 1972.

ПРОЗА 1970-х гг. О РАСКРЕСТЬЯНИВАНИИ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

*Инна Новожеева
(Брянск, Россия)*

Уникальным явлением русской культуры второй половины XX столетия по праву считается деревенская проза, объединившая таких самобытных художников, как Ф.Абрамов, В.Астафьев, В.Белов, В.Распутин, В.Шукшин.

Приход в литературу плеяды талантливых писателей совпал с драматическим периодом национальной истории, получившим название «раскрестьянивание»: крестьянская Россия с характерной философией, эстетикой, формой труда и быта безвозвратно исчезала, за долгие годы «раскулачивания», сталинских репрессий, уничтожения «неперспективных» деревень сами понятия «крестьянство» и «деревня» вытеснялись из национального самосознания.

Тревога за дорогой сердцу мир русской деревни, трагическое осознание национального раскола и грядущей катастрофы соединяются в произведениях «деревенщиков» 1960 – 70-х годов с прославлением незыблемых, вековечные основы народной жизни, духовно-нравственных традиций крестьянского мира.

Размышления об истоках трансформации мировоззрения сельского жителя также неразрывно связаны и осмыслением исторического прошлого страны. Писатели изображают историческое прошлое, события которого повлияли на психологию крестьянина и находят, что коллективизация была направлена на разрушение многовековых земледельческих традиций.

В романе В.Белова «Кануны. Хроника конца 20-х годов» (1972), продолжением которого стали часть вторая (1977), а затем “Год великого перелома (хроника девяти месяцев)” и “Час шестый. Хроника 1932 года” (1994-1998) изображена русская северная деревня накануне сплошной коллективизации, во время ее проведения и в первые колхозные годы. Заявленная тема в отечественной прозе 60–70-х годов пережила (после «Поднятой целины» и других произведений деревенской тематики того периода) как бы второе рождение, оказавшись в центре внимания и С.Залыгина (повесть «На Иртыше», 1964), и Б. Можяева (роман «Мужики и бабы», 1976), а также украинца В.Земляка (роман «Лебединая стая») и белорусов И.Мележа (заключительная часть «Полесской хроники») и В.Быкова (повесть «Знак беды», 1985). Роман «Кануны» пронизан стремлением вскрыть причины деградации русской деревни, ведь, по глубокому убеждению В.Белова, все наши беды из-за того, что загубили деревню.

В романах Б.Можяева, В.Белова показана горестная враждебность крестьян, вызванная насильственной коллективизацией и несправедливым раскулачиванием. Интерпретируется «кулачество» как динамичная сила села, способная внести огромный вклад в развитие хозяйства страны. В. Белов в романах «Кануны» и «Год великого перелома» видит новый способ хозяйствования не в колхозе, а в артельной жизни. По мысли писателя, русская деревня могла пойти мирным путем создания коллективного хозяйствования. В романе Б. Можяева «Мужики и бабы» коллективизация трактуется как социальное зло. Устами Андрея Бородина выражено главное в авторской концепции: коллективизация – это раскрестьянивание, уничтожение крестьянина.

В то же время в «Плотницких рассказах» представлены два крестьянских характера и одновременно два типа людей, сформированных объективно схожими социальными условиями жизни. А между тем в нравственном смысле они не просто различны, а полярно противоположны. Олеша Смолин – натура нежная, с тонким чувством красоты и трепетным поклонением ей, человек душевно целомудренный (напоминает мечтателя и «романтика» Калиныча, героя «Записок охотника» И.С.Тургенева). Авинер Козонков, напротив, себялюбец с грубыми плотоядными инстинктами (эдакий бурмистр Софрон из очерка «Бурмистр»). Первый, оправдывая свое имя (Алексей по-гречески – “защитник”, “помощник”, а в христианской традиции и “Божий человек”) всю жизнь стремился к тому, чтобы не грешить и не лгать, жить по нормам трудовой морали и этики. Второй же всегда норовил схитрить, ловчил и добивался незаслуженных отличий и выгод за счет других людей. С приходом в деревню советской власти он мгновенно приспособился к ней, полез в активисты, агитировал и угрожал, – словом, стал жить и поступать вопреки народной этике, но в соответствии с установленными сверху порядками, тогда как Олеша Смолин заботился о чистоте души.

В лице Козонкова, не считавшегося ни с чем, и прежде всего с односельчанами, раскулаченными и отправленными в лагеря или в дикие края на поселение, конформиста и демагога, не раскаивающегося в своих деяниях и считающего себя за человека, достойного и почестей и почитания со стороны общества и государства (по меньшей мере в виде персональной пенсии). В.Белов утверждает,

что русская деревня утратила ясность и строгость морально-нравственных критериев, понятий о честном и бесчестном, добром и злом. Герой В.Белова воплощает тип человека, корни которого в крестьянстве, но суть трансформируется, вбирая черты новые.

Если в «Привычном деле», не снимая ответственности за нищету и гражданское бесправие с самих крестьян, автор все-таки винит в этом государство, то в «Плотницких рассказах» эта позиция существенно углубляется: очевидно, что и в 20-е годы в деревне заправляли не сами крестьяне, а присланные уполномоченные.

Образ уполномоченного из уезда Игнахи Сопронова имеет многих литературных предшественников (Корякин в повести С. Залыгина «На Иртыше», Семен Давыдов в «Поднятой целине» М.Шолохова), но во многом и противоположен им. Героя В.Белова отличает непомерное самолюбие и властолюбие как следствие озлобленной и ущербной души. Бюрократизм и своекорыстие Сопронова выявляются в первом же действии его в деревне, когда исполняя указание сверху «развернуть борьбу с классово-чуждым элементом в системе кооперации и советов» он росчерком пера решает судьбы людей.

Административное насилие над деревней (доносы, влекущие за собой необоснованные аресты сельских стариков, даже ссылка) порождает среди жителей села подавленность и растерянность, гибель хозяйственно-трудового и социального творчества крестьян. Сцена гибели лесного патриарха, могучей столетней сосны в это плане символична. В. А.Недзвецкий, анализируя сцену, приходит к следующим обобщениям: «Величественная сосна – символ древнего – и природного, и деревенского лада. Ее гибель от рук людей, как и деревни от чьей-то отдаленной *отвлеченно-холодной* идеи (теории), чревата наступлением жизненного *мрака* (“На поляне сразу стало темней...”) и общественного *распада* (“...а в синем небе образовалась зияющая пустота”») [Недзвецкий, Филиппов 1999: 78].

Ф.Абрамов в тетралогии «Братья и сестры» поднимает проблему целенаправленного государственного террора в довоенной деревне, разделившего крестьян на «союзников» власти и «врагов» с аморальным правом первых преследовать и грабить вторых. Не сплывала, а разобщиала народ, убежден автор, коммунистическая идеология, проповедовавшая классовую, политическую, антирелигиозную борьбу и вражду, а в сталинском ее варианте посеявшая в стране всеобщий страх, шпиономию, подозрительность и массовое доноительство.

Пекашинцы в приказном порядке вынуждены валить лес, засеивать свои поля кукурузой, но не участвуют ни в сталинском плане покорения природы, ни в стройках коммунизма, как это следовало положительным героям официозных советских эпосов послевоенного периода. Вместо иноземного врага послевоенной деревне противостоит враждебная основополагающим устоям земледельца государственная власть в лице Таборского и подобных ему деятелей. В явном или скрытом противоборстве с нею Пекашино одержит частичные победы, но в конечном счете понесет невосполнимые утраты, столь же, по мысли художника, пагубные для крестьянина, как и для русского национального характера в целом.

Вместе с материальным ограблением деревню лишают и ее исконной духовной опоры. Вечный труженик старик Евсей Мошкин, исполненный деятельной любви к людям, христианин-старовер восхитил молодого Пряслина своей незлобивостью, душевной чистотой, а верующим землякам-сверстникам заменил сельского исповедника. И потому безбожной властью снова выслан из родных мест. Насилие подпирается ложью, ложь держится насилием. Издревле почиталось в крестьянстве книжное печатное слово. Но вот прочитал Лукашин газетный отчет об «успешной реализации» займа в Пекашине и не понимает, как можно было так исказить правду. Поражен и Михаил Пряслин очерком («Наш рабочий парень») о Егорше Суханове-Ставрове, где этот ловкач, летун и ранний сластолюбец был выставлен передовиком труда и образцом «нового человека». «Напыщенный панегирик с выдуманными или шиворот-навыворот представленными «доблестями» героя – отмечают критики, – типичный пример официальной пропаганды тех лет, в ее человеческих критериях, по существу безнравственной, следовательно, и антинародной» [Недзвецкий, Филиппов 1999: 96].

Разобщена послевоенная деревня и побеждена. Как с оккупированной захватчиком территории, бежит из нее народ в города или в леспромхозы. Поверженный внешний противник заменен вымышленным внутренним. Из Москвы накатывает очередная волна сталинского террора. Реанимирован давний тезис об ожесточении классовой борьбы. И все это направлено на то, чтобы и в мирное время сохранять в обществе режим военного положения, увековечить состояние войны, оправдывающее бесправие народа и командно-репрессивные методы власти.

Успешно выдержав проверку на верность народно-этическим ценностям крестьянства, Петр решил по крайней мере символически закрепить их и для новых поколений земляков. И для того перенести деревянного коня с разрушенного хоров Ставрова на отстроенный пряслинский дом. Увы, попытка поднять и водрузить вырубленного из матерой лиственницы коня с тяжелым охлупнем на свод крыши обернулась трагедией: старая веревка не выдержала, и конь рухнул на подпиравшую его снизу Лизавету.

На первый взгляд трагический исход – результат случайности, но в контексте всей эпопеи он оказывается закономерен. Ведь названная финальная сцена тетралогии есть своего рода емкая метафора размыва и обрыва в русской деревне традиций той жизни, которую знаменовали собой и ставровский дом и его давно одинокий в селе деревянный конь, у молодого поколения пекашинцев нет уже ни должного уважения к своим труженикам-отцам, ни почтения-любви к старой деревне как их общему отчужденному дому. Пресекалась в результате сорокалетнего государственного насилия над крестьянством некогда прочная связь и преемственность сельских времен и возрастов и восполнить ее нечем.

Стремлением «возродить в крестьянстве крестьянское» [Белов 1988: 3] – признавался В.Белов в интервью газете «Правда» в апреле 1988 года, – т.е. основанный на владении землей и свободном труде земледельца лад его жизни, одухотворена вся деревенская проза. Трагическая судьба русского деревенского лада наблюдается при отрыве крестьянина от земли: «сельский житель обретает себя как творец только в представленной ему свободе действий. Когда не понукают, не поучают, как пахать, что сеять, и не стоят над душой с очередным указанием» [Белов 1988: 3].

Названный процесс в романе Ф.Абрамова возникает не раньше того, как пекашинцы, подобно героям Л.Н.Толстого в войне 1812 года, берут судьбу отечества в собственные руки. Начало тому положено изгнанием на колхозном собрании из председателей сталиниста Лихачева и избранием главой артели честной, смелой, прямодушной односельчанки Анфисы Мининой – настоящего мирского «радетеля». С народовластием, хозяйственной самостоятельностью в селе оживают те первоосновы крестьянско-земледельческого уклада, что издревле определяли его материальное благополучие и нравственное здоровье. Это прежде всего традиционный крестьянский труд – пахота, посевная, сенокос, уборка, обмолот, – в котором человек проявлялся полностью, «в своей духовной сути, в главных связях с миром: другими людьми, природой, родиной» [Акимов 1981: 133]. Традиции истового труда возрождаются и в Пекашине. Сельчане хотят отличиться друг перед другом смекалкой, мастерством, выносливостью. Во время весенне-летней страды вспыхивает состязание, захватывающее и молодых и старых. Патриарх деревни Степан Андреянович Ставров, как в юности, соперничает с Трофимом Лобановым; женщина богатырского сложения Марфа Репишная бросает вызов соседке Дарье; отрок Михаил Пряслин стремится опередить сверстницу Дунярку.

В условиях самоуправления, свободного от понуканий труда, готовности к самозабвению в общем деле очеловечиваются производственные и бытовые взаимоотношения сельчан. Есть в «Братьях и сестрах» сцена, которая как непреходящий сюжетный атрибут кочевала из одного нормативного советского романа в другой: пекашинцы спасают от лесного пожара рожь. Это испытание людей смертельным риском, и они выдерживают его. Но вовсе не благодаря мудрому начальству и не ради его наград. Борьба сельчан с грозящим пожрать артельный труд огнем стала, с одной стороны, их проверкой на ту самоотверженность, которая естественна в годину войны, ведь на ее полях, как некогда предки пекашинцев также жертвуют собой их мужья, сыновья, отцы и братья, а с другой – проявлением солидарности-единения, соборности людей как подлинной нормы крестьянского бытия.

Тема насилия над деревней проходит красной нитью через «Последний поклон» В.Астафьева. Писатель вспоминает трагические судьбы своих родных и односельчан, циничный «спектакль» с шутками и прибаутками [Астафьев 2003, т.1: 682], в который превратилось разорение села и «угробление» [Астафьев 2003, т.1: 682] крестьян. «Каким покорным многочисленным стадом брели русские крестьяне в гибельные места на мучение и смерть. Они позволяли с собой делать все, что хотела делать с ними куражливая, от крови осатаневшая власть, по дури, по норову она иной раз превосходила свое хотение, устраивала такие дикие расправы над своим народом, что даже фашисты завидовали ей» [Астафьев 2003, т.1: 691].

Несомненным событием 1990-х стала публикация так называемых задержанных произведений – в первую очередь, «Поездки в прошлое» и «Белой лошади» Ф.Абрамова, не публиковавшихся при жизни писателя по цензурным причинам, так как в них была высказана жестокая правда о подавлении крестьянства как класса, об искажении народной нравственности в сталинский период. Особенную ценность этим публикациям придавало то, что их сопровождали не известные до того дневниковые записи автора, включающие важнейшие свидетельства о мучениях репрессированных крестьян, об исторических судьбах российской деревни. Многие произведения деревенщиков («Слякотная осень» В.Астафьева) стали также новым словом об экономических перегибах в хрущевскую «оттепель», открывшим вопиющие несоответствия между традиционным крестьянским мышлением и новыми командными методами хозяйствования.

Повесть Ф.Абрамова «Поездка в прошлое» (опубл. в 1989) не только обличает коллективизацию. В ней основная коллизия – поиск отцовства – расширяется до символического поиска утраченной национальной идентичности.

Беспамятство и злое равнодушие, опутавшие душу современника, случились в годы незримой генетической ломки, в течение десятилетий нравственных подмен и насильственных преобразова-

ний. Ощущение себя нехозяином земли, тенденция отказа от нее во многом определяется исторической памятью нации о беспределах раскулачивания и неверием ни в какую власть. Насильственное вторжение новой, за крестьянина выдуманной, мертвой обезличенной социальности привело к разрыву традиции.

Таким образом, авторы русской деревенской прозы чувствовали «последней срок» земной, земляной, крестьянской, христианской, русской жизни и стремились продлить его, отдавая «последний поклон» русской деревне.

Тревога за дорогой сердцу мир русской деревни, трагическое осознание национального раскола и грядущей катастрофы соединяются в произведениях «деревенщиков» 1960 – 70-х годов с прославлением незыблемых, вековые основы народной жизни, духовно-нравственных традиций крестьянского мира.

Художник знает: на клочке земли человек помещается так же полно, как во всей вселенной. Деревенские прозаики увидели в одной русской деревне, как в зеркале, отражение уникального русского мира, в земледельческом укладе открыли глубинные корни русского сознания. Ее авторы доказали абсолютную необходимость сохранения народных традиций, полагая, что национальные культурные и нравственные ценности русской деревни должны стать главным фактором в решении современных проблем, а крестьянство – источником нравственного возрождения России.

Источники и литература

Недзвецкий В.А., Филиппов В.В. Русская деревенская проза. – М.: МГУ, 1999.

Акимов В. Есть люди в Пекашине! // В. Акимов. На ветрах истории: Очерки о книгах советских писателей. – Л., 1981.

Астафьев В.П. Сочинения в 2-х т. – Екатеринбург, 2003.

Белов В. Возродить в крестьянстве крестьянское... // Правда. – 1988. – 15 апр.

Крест бесконечный. В.Астафьев – В.Курбатов: Письма из глубины России. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2002.

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ ТРУБЧЕВСКИЙ ЗЕМСКИЙ МУЗЕЙ ПЧЕЛОВОДСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Геннадий Поляков
(Брянск, Россия)*

Сельскохозяйственные музеи относятся к профильной группе естественно-исторических музеев, собрания которых документируют и отражают историю и современное состояние сельскохозяйственного производства или его отдельных отраслей, а также историю сельского быта. Появление таких музеев было обусловлено стремлением стимулировать развитие одного из важнейших направлений экономики – сельского хозяйства.

В России зарождение первых сельскохозяйственных музеев относится ко второй половине XVIII в. и связано с деятельностью ученых обществ, прежде всего Вольного экономического общества [1].

Такие музеи создавались и при учебных заведениях и при казенных палатах, а также, в 20-х – 50-х гг. XIX в., при сельскохозяйственных обществах (Московском, Казанском, Ярославском и др.). Причинами их формирования были: повышенный интерес к экономике сельского хозяйства, пропаганда усовершенствованных сельхозорудий и машин, распространение сельскохозяйственных знаний.

По мере приближения реформы 1861 г. становилось ясным, что существующие в России, исстари сложившиеся средства и приемы ведения сельскохозяйственного производства окажутся непригодными при изменении взаимоотношений между помещиками и крестьянами. Применяя наемный труд, помещики вынуждены были обзаводиться собственными сельхозмашинами и орудиями. Ведение сельхозпроизводства потребует в гораздо большем количестве квалифицированных специалистов для эффективного использования новой сельхозтехники и новых агрономических приемов.

В этих условиях стала очевидной необходимость пропаганды нужных капиталистическому хозяйству новых сельхозорудий и машин, а также пропаганда сельскохозяйственных знаний [2].

В это время музей рассматривался как учреждение, которое призвано оказывать «влияние на развитие сельского хозяйства путем наглядного распространения сельскохозяйственных знаний, (ознакомление) сельских хозяев с произведениями и орудиями, которые с пользой могут быть приме-

нены ими в сельскохозяйственном производстве» [3].

В пореформенный период в Российской империи возникло и получило развитие большое число сельскохозяйственных музеев или музеев более широкого профиля, имевших сельскохозяйственные отделы. Их организация была связана с деятельностью государственных статистических комитетов и земств.

На рубеже XIX и XX вв. перед сельскохозяйственным музеем стояли задачи более широкой пропаганды сельскохозяйственных знаний. К этому периоду относится появление новых типов сельхозмузеев: передвижных выставок-музеев, вагонов-музеев при агрономических поездах, пароходов-музеев, музеев при народных школах. Численность сельскохозяйственных музеев достигла 97. Среди них треть была учреждена сельхозобществами и кооперативами, а более половины – земствами [4].

Впрочем, в начале XX века типология земских музеев была напрямую связана и со специализацией их хозяйства. На Брянщине, кроме Брянского уездного земства, имело свой музей и земство Трубчевское. В Трубчевском уезде в 1902 г. был организован музей пчеловодства [5].

В то время одним из важнейших направлений земской помощи животноводству в России стало развитие рамочного пчеловодства. Например, в Севском уезде для этого применялась даже бесплатная раздача рамочных ульев и других пчеловодческих принадлежностей крестьянам, имевшим свои пасеки [6].

Трубчевский музей посещался многими пчеловодами, где им демонстрировались древние и новейшие усовершенствованные ульи и другие принадлежности, давались для прочтения книги по пчеловодству. Столяры, которые приезжали сюда издалека, снимали здесь копии с образцовых рамочных ульев, а медники – с образца двухрамочной портативной медогонки [7], созданной русским конструктором В.И. Ломакиным. Медогонка позволяла сохранить соты при извлечении из них меда. Соты теперь можно было использовать неоднократно. Медогонка работала бесшумно, легко разбиралась. Для любительских пасек пчеловодов Брянщины этот безоткатный «медомет» оказался незаменимым [8].

Рамочные ульи по сравнению с колодами увеличивали продуктивность пчел почти в три раза. В Трубчевском музее демонстрировались двенадцатiramочный улей Ш. Дадена и многонаставочный улей американца Лангстрота. Здесь были представлены и коллекции сотов, образцы воска, анатомические препараты, семена медоносных растений, пчеловодная переводная литература. При музее действовала передвижная выставка – «Летучий музей», где хранились препараты по естественной истории обитателей улья, коллекции продуктов пчеловодства и врагов пчел, гербарий медоносных растений Средней России, ульи разных систем и всевозможные принадлежности пчеловодства – все наилучшее, принятое «современной пчеловодной практикой». Это богатство и разнообразие не только показывалось, но и объяснялось. Попутно читались лекции, шли беседы пчеловодов и тех, кто собирался ими стать. Музей совершал периодические «экскурсии» по селам и деревням Трубчевского и соседних уездов Орловской и Черниговской губерний, где были пасеки и «нужен был свет пчеловодческих знаний».

Отметим также, что Трубчевский земский музей пчеловодства широко пропагандировал и новейшие изделия местных трубчевских «рационализаторов». Сюда земский врач – пчеловод-любитель – И.П. Татарин из с. Салтановки передал усовершенствованный им улей, конструкция которого приобрела популярность как в Орловской, так и в Черниговской губерниях [9]. Деятельность Трубчевского земского музея пчеловодства свидетельствует, что он стал для крестьян наилучшей школой агротехнических знаний. Его популярность особенно возросла на завершающей (столыпинской) стадии аграрной реформы, когда крестьянин стал единственным собственником земли, заинтересованным в приобретении соответствующих знаний, в том числе и в сфере пчеловодства. Музей разносил по многим уездам разумные приемы разведения пчел, знакомил крестьян и горожан с новейшими изобретениями и достижениями в пчеловодстве, сплачивал местных пчеловодов в единое сообщество, способствовал развитию провинциального пчеловодства. Таким образом его организация Трубчевским уездным земством была вызвана практической необходимостью и послужила на благо сотням пчеловодов Брянского региона.

Источники и литература

1. Златоустова В.Н. Сельскохозяйственные музеи // Российская музейная энциклопедия: В 2 Т. – М.: Прогресс. 2001. С.183.
2. Иваницкий И.П. Сельскохозяйственные музеи в крепостной России // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М., 1960. С.58.
3. Там же. С.59.
4. Златоустова В.Н. Ук. соч. С.183.
5. Постановление Трубчевского уездного земского собрания за 1907 г. – Трубчевск, 1902. С.225.

6. Постановление Севского уездного земского собрания за 1912 г. – Севск, 1973. С.200.
7. Постановление Трубчевского уездного земского собрания за 1903 г. – Трубчевск, 1904. С.364.
8. Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М., 1990. С.327.
9. Журнал Трубчевского уездного земского собрания за 1909 г. – Трубчевск, 1910. С.437.

СЛОВАЦКАЯ ДЕРЕВНЯ: СПЕЦИФИКА И ТРАДИЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ

*Иван Посохин
(Братислава, Словакия)
Галина Посохина
(Брест, Беларусь)*

Словацкая республика, обретя независимость в 1993 году и пройдя через период активных экономических реформ, сегодня является одной из самых стабильно развивающихся европейских стран.

В начале 21-го века Словакия остаётся преимущественно сельской страной. Она относится к числу слабо урбанизированных государств Европы, поскольку доля населения, проживающего в городах, достигает лишь 56%. Из 2891 населенных пунктов Словакии 67% составляют так называемые «малые» населённые пункты (с населением меньше 1000 человек). Однако их заселяет лишь 16% всего населения республики. Исходя из того что, согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития, селами считаются те населённые пункты, в которых плотность населения не превышает 100 человек на км², сельская местность занимает почти 80% территории Словакии, а населяет её почти треть всего населения [2]. Таким образом, словацкая деревня, будучи доминирующим типом расселения жителей, влияет на специфику всего государства. В свою очередь, она по своей сути также характеризуется рядом специфических факторов.

Одним из главных аспектов, оказывавших и продолжающих оказывать влияние на формирование, существование и общую специфику словацкой сельской местности, является природная среда.

Словакия относится к двум большим географическим областям Европы. Равнинные области Загорской, Подунайской, Восточнословацкой низменности и южной части Кошицкой котловины связаны со Среднедунайской низменностью (слов. *Panonská panva*), которая относится к древнейшим культурным областям Европы, населенным ещё со времен палеолита. Благоприятные географические и климатические условия сыграли решающую роль и в закреплении первичных форм народной культуры, в особенности в области строительства, одежды, способов обработки земли, животноводства, питания.

60% территории Словакии составляет волнистый горный рельеф, связанный с карпатской географической зоной. На севере, в области Высоких Татр, высота гор достигает более 2000 метров. Несмотря на то, что и в горных, и в подгорных регионах основным видом деятельности было земледелие и животноводство, суровый климат и низкое качество почвы заставляли людей искать другие источники средств существования. Подобные источники обнаружались в природных богатствах, на использовании которых формировались различные профессии, основанные на заготовке и обработке древесины, добыче и обработке минеральных ресурсов, разведении крупного рогатого скота и овец, обработке кожи, шерсти и т.п. Местные географические условия оказали влияние и на выбор материалов в традиционной одежде, а также в строительстве.

Взаимодействие человека и природы очевидно во многих проявлениях его трудовой деятельности. По-своему выглядят и функционируют культурная область под Малыми Карпатами, где на протяжении столетий на юго-восточных склонах выращивают виноград; область фруктовых садов и хмелевых плантаций на юг от Тренчина (город в западной части республики); область в районе шахтерских городов в центральной Словакии, покрытая лесами. Свой уникальный характер есть у деревень, спрятанных в горных долинах, с картофельными грядками возле домов, или у поселений, построенных на горных плато, с фантастическим видом на хребты Карпат с заросшими полосками бывших полей, которые теперь не обрабатываются. Совершенно иное впечатление оставляют области в низинах, где преобладают бесконечные поля кукурузы, пшеницы, подсолнечников, рапса, репы. Природные условия – это тот фактор, который влияет на характер аграрной культуры Словакии вплоть до сегодняшнего дня [5, с. 34].

Функционирование современной словацкой деревни характеризуется также явлениями сильного регионализма. В Словакии сохранилась традиция соотносить определенные территории с историческими административно-территориальными единицами, которые не совпадают с современным делением страны. Так, традиционно говорят о регионах Орава, Спиш, Липтов, Гемер, Новоград, Шариш, Теков, Турец и Земплин. Характерно то, что в отличие от, например, Чехии, где этнографические и фольклорные регионы уже практически не идентифицируются, в Словакии историко-культурные традиции жителей назван-

ных регионов сохранялись вплоть до середины 20 века. Сильный регионализм и даже локальность в проявлениях и стилях народного производства связан, с одной стороны, с существовавшим длительное время «самоснабжением» словацкой деревни, с другой – с тем, что местные производители были сильно связаны с местными представлениями об эстетике и вкусе [1, с. 260].

Таким образом, Словакию в центральноевропейском культурном пространстве выделяет богатство локальных и региональных вариаций стилей, в особенности в домашнем производстве и украшении тканей, с десятками типов народных костюмов, пестрой палитрой керамики и майолики.

Нельзя не отметить также и то, что в отличие от исторических центров словацких городов, повторяющих в основных чертах общеевропейские тенденции в строительстве, сельским поселениям в Словакии свойственны черты своеобразия. Региональная вариантность сельской строительной культуры в Словакии была в первую очередь обусловлена процессами заселения, наличием местного сырья, размерами земельных участков, а также социальным положением строителя и жильца, эстетическими вкусами эпохи и т.п. Древнейшие сельские поселения были основаны в период с 13 по 15 век. Их основание было связано с социально-экономической реформой Угорского королевства, в котором местными и иностранными (в основном, из немецких земель) колонистами заселялись в первую очередь области низин и подгорных областей. У этих деревень была четко отделенная от природной среды застроенная и незастроенная части, установившаяся форма в виде сельской площади, от которой шли улицы, на которые выходили фасады домов. Также над деревнями строились замки и костелы.

Совершенно иной характер присущ рассеянным по скалистым областям поселениям, которые появлялись в основном в 14-17 веках в связи с валашской колонизацией Карпат. Их длина часто достигает нескольких десятков километров, также сильна их связь с окружающей природной средой. Природные условия на протяжении веков обуславливали и выбор строительного материала. В то время как городские дома, усадьбы и церкви строились со времен Средневековья из камня и обожженных кирпичей, сельские дома в Словакии вплоть до первых десятилетий 20 века строились из глиняных блоков или кирпичей (в низинных областях) или по типу деревянных срубов (в горных областях). Эти строительные материалы, а также камень определили базовый характер традиционной сельской культуры строительства. При этом в процессе исторического развития зачастую проходило углубление её вариативности не только на региональном, но и сугубо локальном уровне [3, с. 143].

Памятники традиционной строительной культуры хранятся, прежде всего, в региональных музеях под открытым небом, но в Словакии до сегодняшнего дня примеры традиционного строительства можно видеть и, как говорится, «in situ»: деревянные постройки в деревнях в Оравском регионе, в регионе Липтов, каменные постройки в регионе Спиш, в Загорье и т.д. К уникальным памятникам относятся особо декорированные деревянные дома в Чичманах и сохранившаяся деревянная деревня Влколинец, которая включена в список мирового наследия ЮНЕСКО.

Влколинец

Чичманы

После 1948 года в Словакии начались активные процессы индустриализации и урбанизации социалистического типа, а также процессы коллективизации сельского хозяйства. Эти процессы проходили в рамках командной экономики и в значительной степени были направлены на ускоренное концентрирование населения в отдельных городах как на инструмент усиления рабочего элемента в городах. Одной из целей было также нивелировка различий между городом и деревней. Как следствие происходила «руризация» городской среды. Таким образом, Словакия словно «перескочила» определенный этап своего социально-экономического развития, и те процессы, которые в Западной Европе протекали с 18 века, здесь прошли в ускоренном режиме. Это от-

разилось на сохранении традиций сельской семьи и их внедрение в городскую среду. Так, например, здесь не редкость совместно проживающие семьи, состоящие из нескольких поколений родственников [5, с. 29]. Это связано с одной из основополагающих особенностей словацкой деревни: здесь вплоть до первых десятилетий 20 века основным элементом формирования сельского социума была патриархальная семья. Основу совместного проживания составляла общая собственность семьи, которой руководил отец и нес за нее ответственность перед будущими поколениями. Авторитетное положение отца связывалось с его обязанностью обеспечить семью всем необходимым для жизни, с организационным началом в распределении домашних обязанностей и наблюдением за ведением семейного хозяйства. Подобный тип семьи, корни которого уходят еще в Средневековье, сохранялся в Словакии в течение продолжительного времени в основном потому, что для страны был характерен особый тип развития института семьи, в отличие, например, от чешских или австрийских территорий, которые значительно раньше переняли западноевропейскую модель семьи, основанную на принципах партнерства, равноправия и равноценности её членов. Однако, характерной чертой этой модели было и то, что браки заключались в более позднем возрасте, из-за чего сокращался период потенциального деторождения. Словакию же, наоборот, еще в 20-х годах 20 века характеризовала тенденция вступать в брак в молодом возрасте, что, вкуче с характерным для большинства населения Словакии католическим вероисповеданием, обуславливало большое число многодетных семей. Считалось, что брак мог состояться полностью лишь после рождения ребенка. Вполне характерно, что предпочтение отдавалось сыновьям, как продолжателям рода [5, с. 29]. Семья подобного рода, многочисленная, патриархальная, требовала от своих членов особой культурной дисциплины, определенной морали в поведении, что проявлялись в процессах совместного проживания на зачастую малой площади общего дома. В патриархальной семье была сильна иерархия, основанная на статусных ролях её членов, которые вытекали из критериев пола, возраста и доли в накоплении совместного имущества, что со своей стороны способствовало сохранению традиций в социальных проявлениях [4, с. 180-181].

Характерной особенностью развития словацкой деревенской культуры является также и так называемый «пастушеский» феномен. В наибольшей степени он проявился в изолированных и экономически отсталых горных областях центральной Словакии. Здесь образ жизни населения связывался в основном с горным пастушеством. При этом пастухи вместе со стадами оставались на пастбищах с весны до осени (тут же выполнялись работы по обработке овечьего молока (из него делалась, например, столь популярная в Словакии брынза) и овечьей шерсти). Пастухи, жившие в одиночестве на природе, в прошлом давали убежище разным беглецам, бунтарям, разбойникам, которые скрывались от феодальных повинностей. Это проявилось в словацких народных мужских танцах с топором, а также в сотнях фольклорных произведений (например, о Яношике). «Пастушеский» феномен стал неотделимой частью традиционной культуры Словакии. Он был настолько специфичен, что многие культурные артефакты и проявления, с ним связанные (традиционный черпак, валашка (топор), фуяра, одземок (танец), брынза, яношико-разбойничая традиция), с середины 19 века стали национальными символами Словакии. Хотя стоит отметить, что сами пастухи всегда составляли лишь малую часть населения и в количественном отношении не были репрезентативны. Однако именно за ними закрепился образ «типичных словаков», отчасти благодаря восприятию их со стороны соседей, поскольку образ жизни карпатских пастухов коренным образом отличался от нивелированной сельскохозяйственной культуры центральной и восточной Европы. Постепенно, однако, этот стереотип стал частью авто-образа у самих Словаков, сохранившимся до сих пор [5, с. 38].

Традиционный образ Яношика.
В руках у него - фуяра

Валашка

Кроме этого, для горных и подгорных областей Словакии была характерна так называемая «двойная занятость», являвшаяся следствием высокой миграции сельского населения. Она состояла в том, что, наравне с сельскохозяйственной деятельностью, мужская, в основном, часть населения искала иные способы заработка. Традиционными профессиями были сельскохозяйственные сезонные работы, домашние ремесла, коммивояжерство, работы на реках (сплавы на плотках и т.п.), извоз, валка леса. «Двойная занятость» возникла как результат низкой производительности земельных хозяйств и раздробленности земельных участков, находившихся во владении большого числа собственников, причиной чему была практика передачи земельных владений в наследство всем сыновьям. Жители Словакии работали и торговали на территории всей Австро-Венгерской империи, а после её распада – в основном, на чешских территориях, но и в целом по Европе [5, с. 27].

Земледелие, животноводство с натуральным характером ведения хозяйства на протяжении столетий определяли образ жизни большинства населения Словакии. Благодаря этому образу жизни сложилась и традиционная культура социальных групп, проживающих в сельской местности и небольших городах, которая и является изначальной базой культурного наследия Словакии и по своей сути относится к европейской крестьянской цивилизации.

Источники и литература

1. Danglová, Oľga. Ľudové umenie / Oľga Danglová // Slovensko – Európske kontexty ľudovej kultúry. – Bratislava: Veda, 2000. - S. 259–281.
2. Kazda, Radovan – Sloboda, Dušan. Perspektívy slovenského vidieka. Режим доступа: <http://www.konzervativizmus.sk/article.php?1063>
3. Kovačevičová, Soňa. Sídla a obydlie / Soňa Kovačevičová // Slovensko – Európske kontexty ľudovej kultúry. – Bratislava: Veda, 2000. – S. 143–170.
4. Rusnáková, Katarína – Stoličná, Rastislava. 2000: Spoločenstvo obce a rodiny / Katarína Rusnáková, Rastislava Stoličná // Slovensko – Európske kontexty ľudovej kultúry. – Bratislava: Veda, 2000. – S. 171–189.
5. Stoličná, Rastislava. Lokálna a regionálna identita ako predpoklad uchovania kultúrneho dedičstva / Rastislava Stoličná // Etnologické rozpravy. 2004. – №1. – S. 25-40

ИСТОРИЯ СЕЛА МОТОЛЬ И АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДО НАЧАЛА XIX ВЕКА

*Павел Романович
(Брест, Беларусь)*

В восточной части полесской возвышенности Загородье протекает река Ясельда, на берегу которой раскинулась д. Мотоль (Ивановский район, Брестская область, Республика Беларусь). Деревня Мотоль –

это один из самобытных уголков Беларуси, который имеет почти 600-летнюю историю.

Первое письменное упоминание о Мотоле относится к 1422 г. «За паном Дарком 14 человек в Мотолі...» [Память: Ист.-докум. Хроника Ивановского р-на. – Минск : БЕЛТА, 2000, 579]. После распада Туровского княжества Пинская земля вошла в состав Трокского воеводства ВКЛ. В 1520 г. пинский князь Ф.И. Ярославич передает эту землю Успенской Лещинской церкви. В «Дарственной грамоте» говорилось: «... Я, князь Федор Иванович Ярославич, чиним знакомито сим нашим листом, кому будет потреба их видети, або чути, слышати нынешним и напотом будучим. Придали есмо на церковь Божью Пречистое Богоматери в Лещи пять озер: одно озеро в селе нашем в Мотолі, на имя Мотоль, а другое озеро в Мотольской же земли на имя Жиденъ ... А писал есми я, князь Федор Иванович Ярославич, сесь мой лист сим своею рукою. Писал в Пинску ...» [Государственный архив Гродненской области. – Фонд 10. – Оп. 2. – Д. 1212. – Л. 8].

После смерти кн. Фёдора Ярославовича его владения, в том числе и Мотоль, перешли к польскому королю Сигизмунду I Старому (1467–1548 гг.), который передал часть своих земель в управление своей жене Боне Сфорца (1494–1557 гг.). Б. Сфорца несколько раз посещала Мотоль, переселяя сюда мастеров-ремесленников из Италии. В селе Мотоль по приказу Б. Сфорцы был построен дворец, руины которого сохранились до XX века. Прислуга была завезена из Италии и со временем ассимилировалась с местным населением.

В XVI–XVIII вв. м. Мотоль являлось одним из центров ремесла, торговли и проведения ярмарок. В середине XVI в. м. Мотоль имел торговую площадь, 4 церкви, 7 улиц, 178 приусадебных наделов. Мотоль славился своими ремесленниками, торговцами, сапожниками, кузнецами. Хорошо было развито ткачество (ткацкий станок был почти в каждом доме), выделка кожи, строительство домов, изготовление валежек, выделка овчин. Многие мужчины нанимались к купцам на сплав леса по Ясельде, Припятье, Западному Бугу, Висле, Огинскому каналу, по Нёману. Названия улиц (Берестейская, Ново-Берестейская, Менская, Пинская) свидетельствовали о широких торговых связях м. Мотоль. Мотольские купцы добирались до Минска, Москвы, Киева, Риги, Варшавы и других городов.

Необходимо отметить, что мотольяне никогда не были крепостными. Жители делились на мещан (в основном это были торговцы и ремесленники), которые платили чинш и крестьян, которые выполняли феодальные повинности. Королева Бона Сфорца в 1555 г. даровала местечку самоуправление. Магдебургское право, в соответствии в котором хозяйственная деятельность, имущественные права, общественная жизнь, сословное положение жителей регулировались собственной системой юридиче-

ских норм, содействовало развитию ремесла и денежно-товарного обмена. Войт не имел судебной власти над жителями. Он должен был обращаться к пинскому старосте. При вступлении на престол каждого из последующих королей Речи Посполитой депутаты от Мотоля ездили в Варшаву за подтверждением своих прав мещанства. У них сохранились привилегии от семи польских королей. Так, в грамоте короля Августа III говорилось: «Божьею милостью, мы Августа III король польский, Великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Киевский, Волыньский, Подольский, Подляский, Лифляндский, Смоленский, Северский, Черниговский и наследственный Курфюрст Саксонский объявляемо сею нашей грамотою, подтвердительною привилегию заключающая в себе права и льготы, предоставленные и утверждённые местечку Мотоль в Пинском уезде. «Дано в Варшаве, ноября 28 дня, лета господня 1746, царствования же нашего 14 года. Август Король» [Государственный архив Литовской республики. Фонд 1135. – Оп. 17. – Д. 57]. Жители Мотоля должны были платить денежный чинш и освобождались «от великих и малых подвод». Вот почему до 1861 г. ни одна мотольская девушка не вышла замуж за пределы Мотоля, ибо такой брак вёл к крепостничеству.

Основное занятие жителей Мотоля – это сельское хозяйство. Крестьяне имели небольшие наделы земли и часто арендовали землю у церкви (платили 1/3 урожая) или у помещика. В 1557 г. Великий князь Сигизмунд II Август с целью увеличить доходы казны, уравнивать землепользование, повысить производительность труда в сельском хозяйстве провёл аграрную реформу «Устава на волоки». На территории Беларуси реформа охватила все великокняжеские владения. Крестьянские наделы распределялись по жребию по одной волоке (1 волока – 21,3 га). Выделялась волока на одну семью, иногда – на две, реже – на три. Волока становилась основой при обложении податями. В книгах Пинского замка за 1630 г. записано: «Местечко Мотоль. Волок земли – 58. Из волоки чиншу платят по одной копе грошей литовских...» [Государственный архив Гродненской области. – Фонд 174. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1]. Это значит, что мотольяне имели 1230 га пахотной земли. Вводились единые размеры повинности, а также обязательный трёхпольный севооборот. Вместо общинного вводилось подворное землепользование. Вместе с определённой свободой в землепользовании реформа имела для крестьян отрицательные моменты. Часто проведение волочного землеустройства сопровождалось изъятием у крестьян лучших земельных угодий, которые отводились под фольварки. Введение волоки как однообразной единицы земельной меры

и обложение повинностями содействовало хозяйственной стабилизации государства.

Не обошла жителей м. Мотоль трагедия Северной войны (1700–1721 гг.). В 1706 г. (по сказанию старожилов) в местечке остановился небольшой шведский отряд войск Карла XII. Во время сбора провианта один из шведских офицеров изнасиловал местную девушку, мать которой облила офицера кипятком. Шведы перебили часть жителей, а местечко сожгли (через 3 года оно вновь отстроилось).

Во второй половине XVIII в. население м. Мотоль увеличилось. Строились торговые лавки, работало более десяти крам. Главную улицу местечка занимали владельцы больших земельных участков. Согласно инвентарного описания 1798 г. в м. Мотоль имелось «... дворов шляхетских 3, еврейских – 11, холопских – 13, мещанских – 113. Всего проживало 267 душ мужских и 307 женских». Евреев было 18 душ мужских и 25 женских. Имелось животных: свиней – 118, овец – 231, волов – 170, коней – 29. Было две водяных мельницы на реке Ясельде. Жители местечка платила налог гетману Великому князю Литовского Михаилу Огинскому 8041 польских злотых за год [Память: Ист.-докум. Хроника Ивановского р-на. – Минск : БЕЛГА, 2000, 579].

После разделов (1772 г., 1793 г., 1795 г.) Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи. Указом Александра I от 9 сентября 1801 г. Литовская губерния была разделена на Гродненскую и Виленскую губернии. Местечко Мотоль в составе Кобринского уезда Гродненской губернии, одновременно являлось центром Мотольской волости и «казённым имением». Жители местечка вошли в состав государственных крестьян и платили пошлину деньгами в казну. Несколько раз при императорах Павле I, Николае I, Александре II мотольяне ездили в Санкт-Петербург просить освобождения от налогов, но все их усилия были напрасными.

Таким образом, деревня Мотоль, которая в политическом, социально-экономическом развитии имеет почти 600-летнюю историю, заслуживает внимания. Сегодня Мотоль – одна из самых населённых деревень Беларуси (здесь проживает около 5 тыс. человек).

Источники и литература

1. Государственный архив Гродненской области. – Фонд 174. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1.
2. Государственный архив Гродненской области. – Фонд 10. – Оп. 2. – Д. 1212. – Л. 8.
3. Государственный архив Литовской республики. Фонд 1135. – Оп. 17. – Д. 57
4. Память: Ист.-докум. Хроника Ивановского р-на. – Минск : БЕЛГА, 2000, 579.

МИГРАНТЫ С СЁЛ В СРЕДЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГЕТМАНЩИНЫ (по данным Генеральной описи Переяслава 1766 г.)

*Игорь Сердюк
(Полтава, Украина)*

«Велми мало человек тамо умираетъ: где са в яково стране на свет народжаает» – написал в начале XVIII в. Климентий Зиновиев [Зіновійв 1971, 38–39]. Поэт был свидетелем миграционных процессов, происходивших на территории Правобережной Украины и Гетманщины в то время. Интенсивные миграции, направленные тогда на заселение Слобожанщины, Новороссии и других регионов, сочетались с перемещением населения в пределах одного полка. Такие процессы оказали значительное влияние на формирование этнического состава населения, развитие отдельных регионов и населенных пунктов, а поэтому не остались без внимания советской и украинской исторической науки. Основные направления и размеры миграций на территории Гетманщины во второй половине XVII – XVIII вв. исследовал Александр Гуржий [Гуржий 1996]. Миграции, направленные на заселение Новороссии, изучал Владимир Кабузан [Кабузан 1976], ему же принадлежит ряд других работ посвященных движению украинского населения в России [Кабузан 1960] и монография «Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.», где есть данные и о население украинских земель [Кабузан 1971]. Миграционные процессы на Правобережной Украине в XVII – начале XVIII в. исследованы А. Муляром [Муляр 2002]. В перемещении населения, по мнению Александра Гуржия, большую роль играли города и городки, через которые проходили пути миграций, и выступавшие аккумуляторами сельского населения [Гуржий 1996, 101].

Исследователи раннегородского периода указывают на крестьянство, как важный источник формирования городского населения [Компан 1963, 92], однако роль сельских миграций в развитии городов Гетманщины до конца не выяснена, не изучена структура миграционных потоков, их демографические характеристики, судьба мигрантов в городе.

В данной статье, на примере Переяслава (прим.1), сделана попытка исследования структуры

сельских миграций, их векторности, занятия крестьян после переселения в город. Как основной источник использована Генеральная опись Левобережной Украины 1765–1769 гг (в исторической литературе её принято называть Румянцевской). Это перепись населения и домохозяйств Левобережной Украины, которая проводилась по указу императрицы Екатерины II. Опись делалась с фискальной целью и закрепляла существующую сословную принадлежность взятых на учет лиц. Масштабы и содержание переписи делают его уникальным источником информации для изучения истории населенных пунктов Левобережья Украины второй половины XVIII века. 969 книг описи сосредотачивают сведения о 3,5 тыс. поселений и их жителей [Генеральный 1959, 5]. По мнению учёных, она была самой полной среди проводившихся в то время в Гетманщине [Когут].

Материалы описи хранятся в фондах Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве (Ф. 57). Данные, касающиеся Переяслава, содержатся в книгах 223, 278, 279, 280, 282, 288. Наиболее информативными являются книги 278, 279, 280. Две последние состоят из черновики сведений представленных ревизорами, составленных местными канцелярией, документов подтверждающих право собственности на землю и строения [Центральный, Кн. 279], [Центральный, Кн. 280]. Книга 278 оформлена как чистовик, где в виде сводной таблицы представлены данные переписи 1799 жителей города, указано их имя, возраст, пол, занятие, собственность, размеры прибыли и, наконец, место рождения [Центральный, Кн. 278].

Для обозначения последнего применена указание «родимый», «уроженец», далее указывался полк, сотня и село в котором родился человек. Такие сведения позволяют отделить мигрантов от коренного городского населения. Всего в чистовике описания находим 524 жители города, родившихся за его пределами. Реально, их численность могла быть существенно выше, так как некоторые семьи могли прийти в город с детьми, а место их рождения не указывалось. 15 человек не знали где родились: «родимая где оставшись в малолетстве без отца не знает» [Центральный, Кн. 278, 8].

По данным источника структура миграции в город выглядит следующим образом: из сел поехало 325 лиц, из городков - 110, из городов - 61, касаясь 28 человек находим лишь указание территории из которой они прибыли (например: «*турецкой земли*»), а населенный пункт не указан. Соотношение между мигрантами первых трех категорий иллюстрирует важность сел, как источника пополнения Переяслава человеческими ресурсами, поскольку выходцами из сел были 65,5% мигрантов. Лица, пришедшие из городков, составляли 22,2% мигрантов, и наконец, – из других городов – 12,3%. Также нужно учитывать то, что в XVIII в. большинство городков почти ничем не отличались от окружающих их сёл. Например, в 1760-е годы такими были Белики, Новые Санжары, Кобеляки в Полтавском полку. Когда их получил граф Г. Воронцов, то во всех трех городах насчитывалось всего 300 дворов и бездворных домов посполитых [Компан 1963, 146].

Теперь подробнее рассмотрим векторность «сельских» миграционных потоков. Наименьшая доля мигрантов (17 человек, или 10,3%) были выходцами из деревень «*Польской области*» (так тогда могли называть и Правобережную Украину, которая входила в состав Речи Посполитой). Из других полков в Переяслав пришли 57 человек (17,5%), причём больше всего среди них было уроженцев Черниговского (16 человек), Нежинского (10 человек) и Киевского (9 человек) полков. Привлекает внимание преобладание выходцев из Черниговского полка, который территориально находился дальше от Переяслава по сравнению с Киевским и Нежинским. Только по одному мигранту пришли из Чугуевского и Изюмского слободских полков.

Большинство выходцев из сёл, проживавшие в Переяславе, (251 человек, или 77,2%) были уроженцами Переяславского полка. Больше всего мигрантов прибыло из полковых сотен, особенно со второй, с которой в Переяслав мигрировало 58 человек. Из сел Яготинской сотни в Переяслав мигрировало 50 человек, из сел Трахтемировский – 24 человека. Уроженцами деревень Гельмязовской сотни записано 14 жителей Переяслава, Вороньковской – 13, Березанской – 10, Кропивнянской – 6, Иркиевской – 6 человек. Меньше мигрантов (по одному) было из сел Бубновской, Басанской, Золотоношской сотен.

Необходимо учитывать то, что в 1760-х годах Переяслав был не только административным и экономическим центром, но и одним из тех немногих городов, которые пользовались Магдебургским правом и имели собственные действующие магистраты. В таком городе крестьяне, ушедшие от своих прежних владельцев, имели шансы записаться под принадлежность магистрата. В наказе к «Комиссии по составлению проекта нового уложения» (1767 г.) украинские мещане просили разрешить свободный переход пришлых посполитых во магистратское владение. Указывалось, что многие «*владельческие*» люди покидали свои усадьбы, шли в город, приписывались к магистрату, а предыдущие владельцы разыскивали их [Авсеенко 1864, 60 - 85].

Наш источник тоже фиксирует такие случаи, когда выходцы из села приписывались к мещанскому сословию: «*мещанинъ владения магистрата переяславского Левко Никитинъ сынъ шаповаль.*

Родимецъ польку Переясловского сотни Терехтемировской села Подсенное звания посполитого владения ... а жительствует под владением оною магистрата 2 года» [Центральный, Кн. 278, 7]. Лавко жил вместе с тремя детьми и женой, о которой записано: «*рожденных там же а звания тако-важъ*» [Центральный, Кн. 278, 7].

Структура миграции демонстрирует нам разную половую мобильность крестьян: среди мигрантов было 204 мужчины и 121 женщина. Вероятно, что мигранты из села существенно влияли на ситуацию на брачном рынке Переяслава, однако изучение этого вопроса требует самостоятельного исследования. В описании города мною найдено 45 брачных пар, которые состояли из мужа-мигранта из села и женщины-жительницы Переяслава. Брачных пар, в которых мужчина был жителем города, а женщина происходила из села, найдено 24. Соотношение таких браков (45/24) в целом соответствует половой структуре миграции.

Иногда такой брак был материально выгоден одному из супругов. Например, женившись на переяславской девушке, мужчина, вместе с женой, мог получить двор и дом в городе [Центральный, Кн. 278, 264–265]. Хотя более многочисленные случаи, когда оба супруга были наемными рабочими, не имели достаточных доходов и жили в чужих дворах [Центральный, Кн. 278, 245].

Такая судьба ждала большинство переселенцев из деревни. В источнике находим сведения о способах их заработка, это касается преимущественно мужчин, поскольку занятия женщины указывались лишь тогда, когда она была вдовой или жила сама. Генеральная опись даёт информацию о занятиях 222-х выходцев из сёл.

Абсолютное большинство из них (148 человек или 66,6%) были батраками и жили во дворах работодателей. В описании они обозначены термином «*работник ево*» или «*служитель*». Они нанимались в основном «*погодно*» и работали на своего хозяина по нескольку лет. Уроженец села Капустинцы Яготинской сотни Иван Никонов нанимался к сапожнику Якиму Швецу за три с половиной рубля в год. Сопоставив возраст Ивана (20 лет) и указание «*а живет в него сапожника Иванъ 6 год*», видим, что Иван пришел к Якиму в возрасте 14-ти лет [Центральный, Кн. 278, 16–17]. Еще шесть мигрантов жили с «*заработков*», вероятно, что они не имели постоянной работы и одного работодателя, а выполняли временные или сезонные работы.

Следующая по численности категория лиц зарабатывала на жизнь ремеслом. Таких в описании насчитывается 35 человек (15,8%), которые занимались четырнадцатью видами ремесел. Среди них: скорняков – 11, сапожников – 8, ткачей – 3, портных – 2, шапочников – 2, кузнецов – 2, мясников – 2, рымарей – 2, плотник – 1, веретенник – 1, пилыльщик – 1, Шаповал – 1, Рымарь – 1, стекольщик – 1, плавильщик – 1. Их доходы, зафиксированные в описании, не намного выше чем в батраков. Кушнир зарабатывал пять рублей в год [Центральный, Кн. 278, 236]; стекольщик, плотник, кузнец – по четыре [Центральный, Кн. 278, 15, 77, 199]. Однако, учитывая фискальный характер источника, можно предположить вероятность сознательного приуменьшения размера доходов. Часть ремесленников попадали в город в довольно юном возрасте чтобы учиться какому ремеслу, как это было с Кондратом Свириденком «*родимец полка Переясловского сотни второй полковой села Пологи звания казачьего который с малых летъ находился поразному местамъ во изобучений ремесла кушнерского*» [Центральный, Кн. 278, 175]. Еще один выходец из села жил при пивоварне и варил мед и пиво, при этом в источнике он не назван, как пивовар. За каждый сваренный котел пива он получал от хозяина по шесть копеек [Центральный, Кн. 278, 91–92].

Наибольшие прибыли получали те, кто занимался торговлей (19 мигрантов или 8,6%), большинство из них (10 человек) занимались шинкованием (продажей) вина. Пять человек торговали рыбой, солью, маслом, еще четыре – мелким товаром. К этой категории мигрантов применяется формула «*в капитале достаточен на ... рублей*». Например, это касалось вдовы Катерины, которая продавала масло на пять рублей в год [Центральный, Кн. 278, 276–277].

Часть мигрантов (6 человек, или 2,7%) нашла приют при церкви, среди них были: диакон, два пономаря, «*школьник*», а также двое «*служителей архиерейских*» (сыновья сельских священников). Эти служители - Артем Стриха и Матвей Дацевич - жили «*в услужение и училищъ латинского языка на всемъ содержании его* (архиерея – Сердюк И.) *Стриха 12 годъ по 12 рублевъ, Дацевичъ 6 годъ въ годъ за 8 рублевъ*» [Центральный, Кн. 278, 28 - 29].

Четыре мигранта имели собственные нивы и жили с выращивания и продажи «*хлеба*» [Центральный, Кн. 278, 127–128], а двое из «*зажинок серпомъ*» [Центральный, Кн. 278, 261–263]. Эти шесть человек (2,7%), по данным описи, единственные из сельских мигрантов, которые после прихода в Переяслав жили с занятий сельским хозяйством.

Еще шесть человек были нищими и жили с «*мирского подаяние*» [Центральный, Кн. 278, 90–91]. Один человек служил писарем, а другой держал пасеку. Это был бывший казак (при проведении описи – мещанин) Демяна Капустян из села Капустинцы второй полковой сотни. В источнике отмечено, что он имел 50 ульев пчел, однако говорится: «*медъ и воскъ употребляетъ для своего расходу*»

[Центральный, Кн. 278, 127–128].

Подытоживая, отмечу, что выходцы из полковых сел были важным источником пополнения демографического потенциала Переяслава. Большинство из них были уроженцами сел Переяславского полка, в первую очередь полковых сотен. Значительную часть из них в городе ждала судьба наемного работника, вместе с заработком они получали жилье и одежду. Часть бывших крестьян занималась ремеслом, причем и отдельными его видами, которые требовали довольно высокой квалификации. Для её получения, необходимо было прийти в город ещё малолетним, чтобы пройти сложное и длительное обучение. Те, кто не освоили ремесло и не ушли в батраки, пополняли ряды попрошаек, другие оставались при церкви, учились грамоте и становились пономарями, дьяками (однако таких было немного). Незначительная часть переселенцев и в городе продолжала заниматься выращиванием хлеба или сельскохозяйственными работами.

Половая структура миграции свидетельствует о разной половой мобильности крестьян: среди мигрантов мужчин было почти вдвое больше. Такое соотношение должно было влиять на ситуацию на брачном рынке, как города, так и села. Мигранты могли заключать брак с городскими жителями и переходить в мещанское сословие. Мотивация подобных браков очень интересна, но требует отдельного исследования, перспективным также выглядит изучение возрастной структуры миграционных потоков, исследования интенсивности миграций в разные годы, что позволит полнее понять их природу, а значит и взаимосвязь между селом и городом в раннемодерный период.

Примечания

1. Есть все основания полагать, что города Левобережной Украины в XVIII в. не были «городами» в классическом европейском понимании. Тем не менее, полковые города (один из них Переяслав), оправдывали свой городской статус исполнением роли административного и экономического центра «полка» - административно-территориальной единицы Гетманщины. Этим обусловлен выбор населения Переяслава как объекта исследования.

Источники и литература

1. Авсеенко В. Малороссія въ 1767 году. Эпизодъ изъ исторіи XVIII столетія. По неизданнымъ источникамъ. – К.: 1864. – 152с.
2. Генеральный опис Лівобережної України 1765 – 1769 р.р. Показчик населених пунктів. – К.: Центр. держ. іст. архів УРСР в м. Києві, 1959. – 185с.
3. Гуржій О. Українська козацька держава в другій половині XVIII ст.: кордони, населення, право. – К.: Основи, 1996. – 222с.
4. Зіновійв Климентій. Вірші. Приповісті посполиті. К.: „Наукова думка” – 1971. – 390с.
5. Кабузан В. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719 – 1858 г.г.) – М.: ”Наука” – 1976. – 307с.
6. Кабузан В. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий) – М.: „Наука” – 1971. – 191с.
7. Кабузан В. Чисельність українського населення на території Росії за ревізіями 1732 і 1763 років // Український історичний журнал. – 1960. – №6. – С.161 – 164.
8. Когут З. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760 – 1830 // <<http://litopys.narod.ru/coss5/koh06.htm>>
9. Компан О. Міста України в другій половині XVII ст. – К.: „АН УРСР” – 1963. – 388с.
10. Муляр А. Міграційні процеси на Правобережній Україні в кінці XVII – на початку XVIII століть // Український історичний журнал. – 2002. – №2. – С.94 – 101.
11. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (далее – ЦГИАК Украины). – Ф. 57. – Оп.1. – Кн. 279. – Лл. 1–664.
12. ЦДІАК України. – Ф. 57. – Оп.1. – Кн. 278. – Лл. 1–303.
13. ЦДІАК України. – Ф. 57. – Оп.1. – Кн. 280. – Лл. 1–414.

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1940-е - 1950-е гг.): ЦЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДХОД

*Александр Сологубов
(Калининград, Россия)*

В XX-м веке произошли события, привлекающие внимание историка почти лабораторной воз-

возможностью исследовать возникновение новых культурно-хозяйственных систем. В конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. изменились границы ряда государств. В частности, в состав РСФСР вошли новые территории, ранее принадлежавшие Германии, Финляндии и Японии. Часть бывшей Восточной Пруссии (примерно 1/3), ставшая Калининградской областью, в их ряду выделяется наибольшей освоенностью. В 1939 г. на этой территории (13,3 тыс. км²), проживало 1086 тыс. чел. В течение второй половины 1940-х гг. здесь произошла полная смена населения. На место прежних жителей стали прибывать переселенцы (преимущественно) из центральных областей РСФСР, в частности, из Брянской области. Началось освоение чужой и незнакомой земли. На новый лад восстанавливались и перестраивались населённые пункты, промышленность и сельское хозяйство, изменялась система землепользования, видовой состав животного и растительного мира (как окультуренного, так и природного), создавалась новая топонимия, новая символическая среда, новая история, изучался живой мир новой территории, её природные богатства и т.д.

Общий подход к описанию происходивших в Калининградской области процессов можно разработать, опираясь на понятие *ценоз*. Человеческие сообщества, образующие культурные общности, создают на заселённой ими территории уникальные ценозы – сложные системы, обеспечивающие их жизнедеятельность, и сами входят в состав этих систем как существенная и неотъемлемая часть. Переход территории «из рук в руки», в особенности сопровождаемый сменой всего населявшего её сообщества, ведёт к распаду прежнего ценоза. На его остатках возникает новый. Примеры смены ценозов дают возможность познакомиться с особенностями функционирования создававших их сообществ.

Впервые понятие такого рода – *биоценоз* (Biocönose) – было предложено Карлом Августом Мёбиусом [Möbius 1877, 75] как теоретическое обобщение его исследований по разведению устриц в морской зоне северной Германии. В дальнейшем это понятие было основательно разработано, математизировано и заняло одно из центральных мест в биологических науках. В настоящее время имеются десятки определений биоценоза. Анализ определений выявляет использование таких признаков как совокупность, целостность, взаимосвязанность, приспособленность, видовое многообразие, разнородность, надорганизменность, сложность, устойчивость и саморегулирование. В общем виде ценоз определяется как «общее понятие для взаимосвязанных группировок организмов, независимо от их величины» [Дедю 1989]. Употреблявшийся ранее исключительно в слове «биоценоз», этот термин сейчас является основой целого ряда новых терминов, подчёркивая их общий характер: техноценоз, агроценоз, социоценоз, бизнесценоз, инноценоз (инновационный) и др.

Начала ценологического подхода можно найти в различных исследованиях. Л.Н. Гумилёв называл *этноценозами* «устойчивые системы, включающие в себя, кроме людского поголовья, известное количество элементов живой природы и технически организованного косного вещества» [Гумилёв, 366]. Объём этого понятия можно расширить, включив в рассмотрение кроме человеческого сообщества, животных и растений, также подвергающийся изменениям природный ландшафт и «техническую среду». Например, Б.И. Кудрин обосновывает правомерность рассмотрения техноценозов по аналогии с биоценозами и использует термин *биотехногеоценоз* [Кудрин 1976].

В ценозе, сложившемся на территории Восточной Пруссии, после войны была заменена самая важная часть – человеческое сообщество – и он, конечно, не мог существовать как прежде. Некоторые рассуждения в этом направлении есть у Л.Н. Гумилёва: «Вместе с побеждённым этносом деформируется и вмещающий его ландшафт, ибо этнос составлял часть данного геобиоценоза, или экосистемы» [Гумилёв, 550]. Переселенческое сообщество в Калининградской области, которое по устройству и функционированию принципиально отличалось от прежнего, не могло поддерживать хозяйственные структуры в былом виде. Новый ценоз функционировал в принципе иначе, чем прежний. Поэтому нельзя согласиться с мнением, высказанным после Второй мировой войны немецким экономистом проф. П.-Х. Серафимом в отношении Калининградской области, что, имея СССР заинтересованность в хозяйстве этой области, посредством инвестиций и переселения больших групп людей можно было бы полноценно использовать имеющиеся хозяйственные возможности [Seraphim 1952, 104]. Становление ценоза это длительный процесс, «подгонка» и «приработка» его частей происходит в течение десятков и сотен лет. Особая *vis vitalis* — человек — создает и двигает ценоз, подгоняет его элементы друг к другу: «Особого внимания заслуживают достижения в селекции растений и животных; длившаяся десятилетиями работа (по выведению адаптированных к климату, высокоурожайных культурных растений и высокопродуктивных домашних животных) сделала возможным в данных естественных условиях достичь столь значительных производственных результатов» [Neumann 1955, 148].

Землеустройство в Восточной Пруссии и в Калининградской области

В системах расселения и землепользования запечатлеваются история и устройство человеческих сообществ. С другой стороны, эти пространственно-хозяйственные структуры, безусловно, требуют от сообщества, населяющего территорию, соответствующих знаний и активности для их поддержания и воспроизводства. В этом отношении не могут не потрясать воображение цифры, характери-

зующие восточно-прусскую мелиоративную систему. По данным советских мелиоративных служб (середина 1950-х гг.) в Калининградской области имелось 14 гидрологических бассейнов, в которые входило 365 осушительных систем. Имелось (около) 145 насосных станций, которые осушали 108 полей (обвалованных участков) общей площадью 103 тыс. га. Длина береговых и защитных дамб составляла более 625 км. По оценкам, общая протяженность каналов в Калининградской области, включая открытые коллекторы дренажных систем, составляла 26317 км (!). Общая протяженность закрытой сети (дренажа) оценивалась в 420 000 км (!): «Длина его подземных линий, уложенных в одну, превышает в десяток раз длину земной окружности по экватору» [Справки..., 12, 14, 19, 52, 81].

Характер землеустройства Восточной Пруссии складывался со времен Немецкого ордена, так как распределение площади наделов у землевладельцев – большинство имело 20–100 га, – являющееся особенностью Восточной Пруссии в сравнении западно-немецкими землями, появилось именно в орденские времена. Благодаря орденскому закону о наследовании земельные владения не дробились между наследниками. Такое распределение благоприятно сказалось в первой трети XX в., в период механизации сельского хозяйства [Bloech 1979, 26]. Размеры восточно-пруссских наделов были оптимальны для машинной обработки. В деле моторизации сельскохозяйственных работ Восточная Пруссия находилась в группе самых оснащённых регионов [Seraphim 1952, 16].

К 1943 г. сельскохозяйственные угодья в Северо-Восточной Пруссии находились в собственности 56 254 владельцев, имевших от 0,5 га до 1000 и выше га земли, и действовавших в условиях рынка [Экономич. данные... 1947, 21]. При этом в частных руках находилось 72% сельскохозяйственных земель (включая леса), государство владело 18,6%, остальное принадлежало церкви и различными товариществам (данные 1937 г.) [Bloech 1979, 25].

В советское время характер землепользования стал совершенно иным. Вместо десятков тысяч землевладений, размеры которых различались в сотни раз, на той же территории появилось несколько сотен землевладений, размеры которых различались лишь в немногие разы. В 1945–1951 гг. на территории Калининградской области сельхозугодья были разделены между колхозами и совхозами, число которых постоянно менялось и достигало 454. В 1951 г. было произведено укрупнение колхозов, в результате осталось 177 хозяйств такого типа. Укрупнение конца 1960-х гг. уменьшило число колхозов до 160. Колхозы обладали очень ограниченной свободой действий (в сравнении с прусскими землевладельцами) и действовали в условиях советской плановой системы.

Структура сельхозугодий также изменялась. Так, площадь пахотных земель уменьшалась со временем: 1943 г. – 687 тыс. га [Экономич. данные... 1947, 19], 1947 г. – 422,8 тыс. га [Сводный отчёт... 1947, 2], 1966 г. – 370,7 тыс. га [Отчёт о распр. земель 1967, 5]. Изменения обусловлены тем, что главной отраслью в сельском хозяйстве Калининградской области стало молочное животноводство.

Животноводство и растениеводство: потери и проблемы восстановления

Выдающийся уровень племенного животноводства в Восточной Пруссии был результатом длительной (примерно с 1860 г.) работы по выведению наиболее продуктивных и приспособленных к местным природным условиям пород. Вызванные войной потери скота были огромны. Приведем данные по южной части Восточной Пруссии, ставшей ольштынским воеводством Польши (1936 г. / 1.10.1945 г., шт): кони 238 573 / 6 460; крупный рогатый скот 668 594 / 11 550; свиньи 899 564 / 2 211; овцы 127 976 / 3 983; козы 21 610 / 398 [Rostafiński 1949, 2]. Того же порядка отношения характеризуются потери скота и в Северо-восточной части Пруссии, ставшей Калининградской областью. Ценнейший племенной материал, который мог бы дать начало новой работе по разведению животных, в 1944–1945 гг. был почти весь утрачен. Требовалась новая кропотливая работа селекционеров.

Крупный рогатый скот в Калининградской области после войны болел туберкулезом, бруцеллезом, причем, на территорию области он завозился уже зараженным. Знание эпизоотического положения Калининградской области, обеспеченность ветеринарным персоналом, медикаментами и прочими средствами были недостаточными. Ветеринары не сразу разработали меры борьбы с заразными заболеваниями, эффективные именно в условиях Калининградской области. Эти знания появлялись лишь постепенно. Было выяснено, например, что широкому распространению гельминтозов способствуют низменная местность, сырой климат, переувлажненные из-за нарушенной мелиоративной системы пастбища. Распространению заболеваний содействовала и низкая квалификация работников ферм вкупе с невыполнением ими многочисленных требований ветеринаров [Годовой вет. отчёт... 1947, 7–8, 10].

Сельхозугодья в советской и польской частях Восточной Пруссии были заброшены на несколько лет из-за невозможности немедленного заселения и освоения этих территорий. Созданные немцами агроценозы быстро распались. Из-за серьезных нарушений и неумелого использования осушительной системы корнеобитаемый слой почвы переувлажнялся, создавая неблагоприятные условия для роста растений (анаэробнозис, образование закисных соединений, заболачивание). Изменились в

пользу сорных растений культурные травостой лугов и пастбищ, уменьшилась их продуктивность. Поля также в значительной степени заросли сорняками.

Боевые действия осенью 1944 – весной 1945 гг. не позволили должным образом произвести уборку и посевную в Восточной Пруссии. Немецкий семенной материал портился и погибал вследствие плохих условий хранения, пожаров, вывозился советскими войсками, и был почти весь утерян.

Сотрудники созданной только в 1947 г. Калининградской областной контрольно-семенной лаборатории провели большую работу по выявлению в колхозах области сортовых посевов и установлению их документации. Посевное зерно в 1948 г. было завезено из различных областей СССР. Но при этом более 80% его оказалось некондиционным, с трудноотделимыми примесями и семенами сорняков и различных культурных растений. Такое зерно требовало очистки, затруднявшейся отсутствием помещений, зерноочистительных машин, опытных кадров. В 1949 г. колхозам снова были выданы некондиционные по чистоте семена [Годовой произв. отчет... 1948, 10, 22].

В область завозились случайные сорта, их предварительным изучением и подбором никто не занимался. К 1949 г. было установлено, что завезенные из других регионов СССР (в частности, из Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии) сорта зерновых «по целому ряду хозяйственно-ценных признаков являются мало или совершенно непригодными для условий Калининградской области». Растения сильно поражаются болезнями, полегают, дают «щуплое зерно», недостаточно урожайны. Задачей растениеводов стало выведение новых, приспособленных к местным почвенно-климатическим условиям, высокоурожайных сортов зерновых [Тем. план... 1950, 1, 15]. Конечной целью был переход на сплошные сортовые посевы высокоурожайных и приспособленных к местным условиям сортов зерновых культур и трав [Докл. записки... 1951, 79].

В 1949–1955 гг. калининградские селекционеры проработали 850 номеров исходного материала, предоставленного Всесоюзным институтом растениеводства и другими опытными учреждениями [Культурный 1957, 60]. Производились также «разведочные опыты» с такими культурами, как кукуруза, просо, лен масличный, перилла и другими. Работу по выведению новых сортов усложняло разнообразие почв в Калининградской области, различие температурного режима и количества осадков в разных районах [Докл. записки... 1951, 1, 33, 37, 66, 70–71]. Требовалось приспособить сорта по районам области.

Что касается плодоводства, то в области было обнаружено множество сортов плодовых деревьев немецкого происхождения и даже завезенных немцами для разведения из оккупированных областей СССР (Антоновка, Штрейфлинг, Боровинка и другие). Было выявлено около 80 сортов яблони, около 30 сортов груши и т. д. Некоторые были представлены лишь единичными деревьями. В результате государственной политики сведения хуторской системы и сселения колхозников в центральные усадьбы тысячи небольших садов в Калининградской области оказались запущенными. Вместо них закладывали большие колхозные сады. Старые же посадки стали резервуарами вредителей и болезней, распространявшихся в новые сады (в особенности, яблонной тли, медяницы, яблонной моли, яблонного долгоносика, яблонной и сливовой плодовой гнили, непарного шелкопряда, парши яблони и груши и плодовой гнили) [Агроуказания 1951, 39, 40, 42, 66].

***

Высокий уровень производительности сельского хозяйства и соображения маркетинга позволяли немцам называть ставшую изолированной после Версаля, нуждающуюся в притоке финансовых средств восточную провинцию «житницей Германии» (die Kornkammer Deutschlands). Вторая мировая война и последующие политические изменения и миграции вызвали слом складывавшегося многими десятилетиями взаимодействия человека и живой природы. Взаимодополняющие ветви сельскохозяйственного производства в Восточной Пруссии – растениеводство и животноводство – были разрушены.

Осваивая новую территорию, восстанавливая (на новый лад) хозяйство, переселенцы вынуждены были вступить во взаимодействие со сложными биоценотическими системами. Переселенцы медленно и необратимо изменяли ландшафт новых для них территорий, водный режим, состав почв, растительный и животный мир, привнося новые виды и изводя прежние. Трансформации биоценотических систем привели, в частности, к росту численности вредителей, к вспышкам заболеваний среди животных и растений. Познание этих систем, приспособление к ним потребовали значительных усилий, и бывшая Восточная Пруссия надолго превратилась в огромную селекционную лабораторию.

Источники и литература

Агроуказания по плодоводству для колхозов и совхозов Калининградской области. Калининград: Калинингр. правда, 1951. 95 с.

Годовой ветеринарный отчет за 1947 г. Калининградское областное управление сельского хозяйства // ГАКО. Ф. Р-139сг. Оп. 9. Д. 23. Л. 7–8, 10.

Годовой производственный отчет за 1948 год. Калининградская областная контрольно-семенная лаборатория // ГАКО. Ф. 990. Оп. 1. Д. 4. Л. 10, 22.

Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Москва 1994. 544 с.

Докладные записки об итогах сортоиспытания сельхозкультур в 1948–1951 гг., представленные в Калининградский обком КПСС. // ГАКО. Ф. 60. Оп. 1-0. Д. 44.

Дедю И.И. Экологический энциклопедический словарь. Кишинёв, 1989. 406 с.

Кудрин Б.И. Применение понятий биологии для описания и прогнозирования больших систем, формирующихся технологически // Электрификация металлургических предприятий Сибири. Выпуск 3. Томск 1976. С. 171–204.

Кульчицкий А.В. Итоги селекционной работы с озимой пшеницей. // Научные труды / Калининградская государственная сельскохозяйственная опытная станция; Ред. И.Л. Львов. Калининград: Изд-во газеты «Калинингр. правда», 1957. С. 44–56.

Отчёт о распределении земель по угодьям и землепользователям и об использовании этих земель по состоянию на 1 ноября 1967 г. по Калининградской области // ГАКО. Ф. 130. Оп. 10. Д. 13.

Сводный отчёт о распределении земель по угодьям и землепользователям по районам области за 1947 г. // ГАКО. Ф. 139. Оп. 9. Д. 32.

Тематический план научно-исследовательской работы на 1950 г. Калининградская государственная опытная сельскохозяйственная станция. // ГАКО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 15. Л. 1, 15.

Справки о состоянии осушительных систем, о выполнении плана водохозяйственного строительства за 1955–1956 гг. // ГАКО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 105.

Экономические данные, площадь, население Калининградской области за 1947 г. // ГАКО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 38.

Bloech H. Ostpreußens Landwirtschaft. Leer, 1979.

Möbius K.A. Die Auster und die Austerwirtschaft. Berlin: Wiegandt & Hempel, 1877.

Neumann R. Die ostdeutsche Wirtschaft // Die Ostgebiete des Deutschen Reiches. Würzburg: Holzner, 1955.

Rostafiński J. Zagadnienie hodowli zwierząt domowych Prus Polskich i okręgu gdańskiego // Gospodarstwo wiejskie na ziemiach odzyskanych. Nr. 7. Produkcja hodowlana ziem odzyskanych. Warszawa: Państwowy instytut wydawnictw rolniczych, 1949.

Seraphim P.-H. Die deutschen Ostgebiete: Ein Handbuch. Bd. 1: Wirtschaft Ostdeutschlands vor und nach dem Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1952. 110 S.

КРЕСТЬЯНСТВО БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1897 – 1917 гг. (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

Михаил Старовойтов
(Гомель, Беларусь)

Переход от аграрного общества к индустриальному, именуемый модернизацией, приводит к широким социальным изменениям, росту грамотности и образования населения, расширяет человеческие знания о природе и обществе. В Западной Европе он занял несколько столетий. В ряде европейских государств абсолютное большинство населения уже к началу XX в. имело начальное образование. В Российской империи после 1861 г. государство стало играть ведущую роль в осуществлении экономических, социальных и культурных преобразований, но существенных изменений в системе просвещения и начального образования крестьянского населения до 1917 г. не произошло. И по экономическому, и по социальному развитию страна оставалась аграрной. Особенно хорошо это видно на примере белорусско-российско-украинского пограничья (БРУП) – региона не самого отсталого в Европейской России. Американский историк С. Блэк еще в 1986 г. высказал справедливое замечание: «Сопоставительный анализ проблем модернизации все еще находится в детском состоянии ...» [Цит. по: Новоселов 1994, 177]. Чтобы адекватно оценить состояние уровня модернизации дореволюционной России, на наш взгляд, необходимо проводить компаративистский анализ разных его аспектов в региональном разрезе. Социокультурный облик крестьянства БРУП – это важный показатель и модернизации, и национальной политики в регионе в дореволюционный период. В нашем случае, это позволит увидеть белорусскую специфику в общероссийском контексте.

С конца XIX в. и до 1914 г. существенных изменений в соотношении между сельским и городским населением БРУП не произошло. Процесс урбанизации в пограничье был очень медленным по сравнению с индустриальными регионами России. Удельный вес сельского населения оставался в пределах от 82 % в Киевской губернии (уменьшился на 5% за счет быстрого роста населения Киева) до 93,5% в Псковской губернии. Европейская Россия по соотношению городского (14,4%) и сельского (85,6%) населения

была на первом месте среди основных европейских стран и США. В Царстве Польском (Привисленские губернии) этот показатели составили 24,7% и 75,3% [Россия 1995, 23]. В составе населения белорусских губерний БРУП крестьян было 76,7%, в российских – 87,6 и в украинских – 79,5%. [Старовойтов 2008, 34]. Дворяне Беларуси владели абсолютным большинством земли. В 1905 г. у них находилось до 80% прежних владений, тогда как в центральном районе России такого рода владения сократились на 44% [Бригадин, 35]. И в 1912 г. она по-прежнему находилась в частной собственности дворян Беларуси. По губерниям БРУП это выглядело так: в Витебской 60,6 % земли принадлежало дворянам и 8,3% – крестьянам; Минской соответственно – 76,9 и 2,7; Могилевской – 60,9 и 9,5; Орловской – 53,4 и 12,4; Псковской – 29,9 и 22,5; Смоленской – 36,5 и 12,1; Волынской – 72,5 и 5,6; Киевской – 73,1 и 5,6; Черниговской – 43,2 и 21,7 % [Старовойтов 2008, 34]. И через 50 лет после отмены крепостного права крестьянство, которое оставалось основным сословием, нищало, т.к. абсолютное большинство земли в БРУП и в губерниях европейской России находилось в руках дворян, купцов, мещан и духовенства. Сельскохозяйственная перепись 1917 г. (проводилась только в 35 губерниях Европейской России) установила, что в Могилевской губернии без всякого скота, безземельных и безпосевных было 47,6% крестьянских хозяйств от общего их числа, в Смоленской – 36,1 и в Черниговской – 57,8% [Авилов б. г., VII-X].

Сельское хозяйство продолжало играть главнейшую роль в экономике России. Крестьянство, хотя и оставалось основным сословием, уже отчетливее стало дифференцироваться в связи с изменением системы землепользования. Об этом свидетельствуют данные таблицы 1 [Авилов б. г., IX]. Несмотря на общинное устройство деревни, внутри крестьянства происходило медленное расслоение. При этом росло число малоимущих. Данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. (проводилась только в 35 губерниях Российской империи) подтверждают это. Так, по таким показателям, как хозяйство без всякого скота, без рабочего скота, без коров, безземельных и безпосевных хозяйств в Могилевской губернии было 47,6% крестьянских хозяйств от общего их числа, в Смоленской – 36,1 и в Черниговской – 57,8%.

Оставался низким уровень грамотности сельского населения. Проведенные нами расчеты показали, что удельный вес грамотных старше 5 лет у мужчин Витебской губернии составил 30,08%, а у женщин - 19,61%; Могилевской соответственно – 28,76 и 7,35; Смоленской – 30,66 и 5,34; Черниговской – 33,26% и 6,36%. Как видим, в Витебской губернии образовательный уровень женщин был в 2,5 – 3,5 раза выше, чем в трех соседних губерниях. В определенной мере на эти показатели повлияло и численное преобладание женского населения над мужским. Например, в Витебской губернии женщин старше 5 лет проживало на 20 тыс. больше, чем мужчин, в Могилевской – на 35 тыс., в Орловской и Смоленской – примерно на 60 тыс. в каждой, а в Черниговской – на 55 тыс. [Витебская 1904, 8-9; Могилевская 1903, 12-13; Орловская 1904, 48; Смоленская 1904, 12-13; Черниговская 1905, 12-13].

Таблица 1 – Дифференциация крестьянских хозяйств БРУП в 1917 г.

Губернии	Из числа наличных хозяйств (тысячах)							
	Всех хозяйств	С наемн. ра- бочи-ми	С промысла- ми	Без всякого скота	Без рабоч. скота	Без коров	Безземельные	Беспосевные
Могилевская	252	--	--	16	35	23	20	26
Орловская	355	6,7	66	34	87	56	17	50
Смоленская	291	11,4	92	15	34	30	6	20
Волынская	225	0,8	39	18	81	37	--	28
Киевская	588	9,5	166	117	325	259	45	73
Черниговская	379	11,5	216	23	95	65	16	20
Итого по 35 губ.	11970	216	2703	1594	3343	2472	980	1677

Примечание: нет сведений по Витебской, Минской, Псковской и др.

В Могилевской и Смоленской губерниях уровень грамотности женского населения старше 10 лет был в 3 – 5 раз ниже, чем в Витебской губернии. Наибольший удельный вес грамотных (оба пола) старше 10 лет был в Люцинском (52,61%), Двинском - (47,88%) и Режицком – (46,02%) уездах Витебской губернии, где проживали в основном латыши-католики. Значительно ниже этот показатель (ме-

нее 12-16%) был в восточных уездах, в которых проживало белорусское православное население [Витебская 1904, VIII - XIII].

По такому показателю, как образование выше начального, наблюдались существенные различия между мужчинами и женщинами. Так, в уездах Минской губернии мужчин с таким образованием было в 3,5 раза больше, чем женщин, – Волынской – в 3, а Киевской – в 2,5 раза. В остальных губерниях – примерно в 2 раза больше. С высшим образованием в уездах Витебской губернии было 219 мужчин и 7 женщин; в Минской соответственно – 352 и 5; в Могилевской – 219 и 7; в Орловской – 174 и 14; в Псковской – 296 и 24; в Смоленской – 200 и 23; в Волынской – 583 и 26; в Киевской – 838 и 38; и в Черниговской – 379 и 26 [Витебская 1904, 39; Волынская 1904, 57; Киевская 1904, 57; Минская 1904, 57; Могилевская 1903, 39; Орловская 1904, 55; Псковская 1904, 29; Смоленская 1904, 55; Черниговская 1905, 71]. По известным причинам, мужчин с высшим образованием было в десятки раз больше, чем женщин. Перепись населения 1897 г. выявила в России только 21% грамотных. В 24 губерниях из 50 губерний Европейской России, куда входило и БРУП, этот показатель составил менее 20% (самый низкий в Псковской – 14,6%). В Привислинских губерниях он был самый высокий – 30,5%.

Уровень грамотности населения уездов БРУП был чрезвычайно низким, а образование выше начального имело небольшое количество людей. Грамотность белорусского населения «была примитивной, грамотным числился всякий, кто мог прочитать печатный текст» [Улащик 1968, 112].

Приводимые в публикациях средние показатели грамотности населения по данным переписи 1897 г. отражают не совсем реальную картину. В таблице 2 мы привели данные по уровню грамотности крестьян БРУП [Витебская 1904, 35, 76; Волынская 1904, 50, 54; Киевская 1904, 50, 52; Минская 1904, 50, 54; Могилевская 1903, 50, 55; Орловская 1904, 48, 52; Псковская 1904, 26, 36; Смоленская 1904, 48, 52; Черниговская 1905, 64, 68]. Из нее видно, что самые высокие показатели были в более полиэтничных и поликонфессиональных губерниях: Витебской, Волынской, Киевской и Минской. В этих губерниях в сельской местности разом с титульными этносами проживали поляки, литовцы, латыши, чехи, немцы, уровень грамотности которых был примерно в 1,5- 2 раза выше, чем у белорусов и украинцев.

Трудно не согласиться с мнением педагога А.И. Доброхотова, директора Виленского реального училища, который в начале XX в. выделял целый ряд причин, препятствовавших качественному обучению и воспитанию даровитой православной молодежи. Он считал, что серый фон местной жизни с ее скромными губернскими отчасти захолустными городами (Витебск, Гродно, Могилев) среди малоразвитого белорусского племени не мог дать основы для развития высоких стремлений интеллигенции. Рутинность, казенщина («когда захотят, тогда поумнеют»), не всегда высокие требования к интеллектуальному уровню педагогов, в отличие от школ Западной Европы, не способствовали прогрессивному обучению. Он высоко отзывался о семейных традициях неславянских этносов. Настойчивость и трудолюбие, культурность и энергии, устойчивость в жизни прививают «ритуально крепкая еврейская семья, национально определившаяся польская, твердая крестьянская литовская» [Круковский 1913, 95, 105, 107].

Таблица 2 –Уровень грамотности крестьянского населения БРУП в 1897 г.

Губернии*	Грамотных мужчин		Грамотных женщин	
	Абс.	%	Абс.	%
Витебская	140 438	24,2	85 311	14,6
Минская	130 312	16,9	24 881	3,2
Могилевская	132 494	19,9	16 742	2,4
Орловская	221 680	25,0	31 613	3,3
Псковская	95 012	19,2	20 829	3,9
Смоленская	164 035	25,1	23 099	3,2
Волынская	218 784	19,3	53 569	4,8
Киевская	296 618	21,5	39 727	2,9
Черниговская	235 079	25,3	28 868	3,0

Есть основание считать, что низкий уровень грамотности, индифферентность белорусских крестьян к национальному движению привело к тому, что абсолютное их большинство не принимало идеологию белорусского этнонационализма. В 1960-е годы белорусский историк М.О. Бич писал, что

до 1905 г. этнографы, лингвисты, историки не говорили даже в гипотетической форме о возможности белорусского национального движения. Роль белорусской печати в распространении национального самосознания, в выработке литературного языка была мизерной. «Беларуская мова, - отмечал он, - ўсё яшчэ заставалася моваю народнасці – моваю дакапіталістычнай формы агульнасці людзей. Яна не была яшчэ чымсьці адзіным, цэласным, аднолькава зразумелым на тэрыторыі ўсёй Беларусі, - яна была толькі комплексам гаворак і дыялектаў, больш-менш звязаных між сабою. Усё гэта выклікала сур'зныя разнагалосці сярод беларускіх выдаўцоў, пісьменнікаў і публіцыстаў не толькі наконт розных граматычных норм, але і наконт таго, якую з беларускіх гаворак пакласці ў аснову нацыянальнай мовы» [Бич 1966, 133]. Еще в 1905 г. Е.Ф. Карский признал, что «изучение антропологических особенностей белорусов находится еще в зачаточном состоянии» [Карский 2006, 579]. Если учесть, что в начале XX в. существовали трудности в антропологической идентификации белорусов пограничья, то становится понятным следующее известное справедливое замечание Г. Горецкого, сказанное им в середине 1920-х годов относительно самоидентификации белорусов: «...статистические данные о национальном составе более или менее отвечают действительности лишь в отношении народов, стоящих довольно на высокой ступени культурного развития, у народов, вышедших из стадии «этнографического материала», консолидированных в себе, у народов с национальным самосознанием».

Рост грамотности зависел и от других причин. Школьная перепись 1911 г. показала, что из-за недостатка помещений для народных школ более половины сельских детей их не посещала. Большой отток детей из элементарных школ после начала обучения, сводил результаты обучения почти на нет. Главная причина такого явления – это бедность населения, вынужденного использовать труд детей в своих хозяйствах, на отхожих заработках. Дети не посещали школы, т.к. не имели зимой теплой одежды и обуви. Невысокой была зарплата учителей. Не хватало учебников и литературы для чтения. Элементарные знания получали в школе лишь незначительное количество детей, «принадлежащих к более или менее достаточному классу населения» [Красноперов 1914, 34-35; 38-39]. В конце 1914 г. охват школой детей 8 – 11 лет в городах России составил 46,6%, в сельской местности – 28,3% [Россия 1995, 326]. Неграмотных белорусских, русских и украинских крестьян волновали вопросы о хлебе насущном. Таковым было их реальное социально-экономическое положение.

Попытки местных помещиков повышать образовательный, культурный и производственный уровень крестьян были скорее исключением, чем правилом. Так, в Черниговской губернии «...поміщик-філософ М.М. Неплюев заснував Воздвиженське трудове братство в Глухівському повіті... В товаристві... працювали дві сільськогосподарські та початкова школи, лікарні, церква, крамниця та інші заклади...Щорічні прибутки братства напередодні Першої світової війни становили 112 тис. крб.» [Еткіна 2009, 74].

Есть основание полагать, что в ущерб восточнославянскому крестьянству Российское государство оказывало больше внимания и заботы населению (особенно крестьянскому) Царства Польского. Здесь в 1864 - 1914 гг. шло интенсивное развитие городов, фабрично-заводской промышленности, крестьянского землевладения и сельского хозяйства, школьного дела и грамотности. Развитие в крае грамотности и просвещения в значительно более широких размерах, чем в других губерниях империи, было связано с ростом здесь числа учебных заведений и их финансирования. Только в 1911 -1914 гг. в крае было построено более 1 000 школ. Расходов казны на обучение в 1911 г. на одного жителя Царства Польского составили уже 89 коп., тогда как в других губерниях России – 34 коп. [Есипов 1914, 267-268].

После Февральской революции начался подъем национального движения на окраинах Российской империи. В Северо-Западном крае белорусское национальное движение не приобрело такого подъема, как, например, в соседней Украине. Для русских, по понятным причинам, этой проблемы вообще не существовало. Белорусское крестьянство в абсолютном большинстве вообще было национально индифферентным. Уровень его этнополитического сознания по-прежнему оставался низким, несмотря на усилия национальных активистов. Это вынуждены были признать даже лидеры белорусского национального движения Я. Лесик. В 1917 г. он писал: «Наши крестьяне на съездах высказывались в том смысле, что им не нужна автономия, но делали они это по неразумению и темноте своей, но более всего в результате обмана, так как вместе с этим они говорили, что и язык им не нужен. Никто в мире не отрекается от своего языка..., а наши крестьяне отрекаются. Значит, делают они это по неразумению и темноте. ...По тем или иным вопросам мы обращаемся к знатокам и специалистам, а вот при государственном строительстве удовлетворяемся мнением таких специалистов, как темный и некультурный народ... Народ – вещь хорошая, но ему необходимо рассказать, разъяснить, его необходимо сначала просветить, научить, и только потом уже звать к себе на совет» [Лёсік 1917, 5-6]. На наш взгляд, здесь присутствует больше эмоциональная, а не научная оценка национальному са-

мосознанию белорусского народа. Следует учитывать, что в условиях сложившихся экономических и культурных контактов белорусского крестьянства с русским населением происходила их ориентация на русскую культуру и русский язык.

Теперь о некоторых аспектах языковой идентификации украинцев. Активизация самостоятельной украинской идентичности началась после 1905 г., когда «...Российская академия наук признала украинский самостоятельным развитым языком, а не наречием русского, как официально на тот момент считалось» [Миллер 2000, 238]. Это сыграло положительную роль в применении украинского языка. Сложнее было с молодым белорусским языком, который только получал развитие. Это понимали и трезвомыслящие политики. Так, в 1917 г. А. Луцкевич указывал: «...мала выказаць кусок зямлі, на каторай жывуць беларусы, на каторай пануе беларуская мова, і аб'явіць яго незалежным гасударствам: трэба, каб гасударства гэтае мела забяспечаныя асновы эканамічнага развіцця, эканамічнай незалежнасці. ...Хай гарачыя галовы думаюць, што адно гутаркай у роднай мове, адно верай у нацыянальны ідэал яны здабудуць будучае шчасце для свайго народу. Цвярозыя палітыкі павінны стварыць фундамент для дабрабыту нашага народу і краю, забяспечыць эканамічны росквіт» [Луцкевіч 2003, 74].

В докладе на I Всебелорусском съезде в декабре 1917 г. Е.Ф. Карский отметил, что «... в пограничных местностях часто бывает нелегко отличить белорусов от южновеликорусов». Такими местностями он называл соседние с Беларусью уезды Витебской, Псковской и Смоленской губерний [Карский 2006, 547].

Интересны социокультурные оценки белорусов, высказанные участниками съезда белорусов-беженцев, состоявшегося в Москве в июле 1918 г. Так, Д.Ф. Жилунович констатировал, что к работе и деятельности Белнацкома «интерес просыпается поздно: раньше мы не знали, что мы белорусы. Отсутствие этого сознания и не давало возможности Комиссариату развернуть свою деятельность во всей широте. Комиссариат мало сделал, но больше он и не мог сделать, так как помощи и поддержки ему никто не оказывал (стиль и орфография сохранены)» [Протоколы 1918, 17].

Представитель от беженцев Гродненской губернии объяснил, что «неудовлетворительность этой работы зависит от темноты той массы, с которой нужно работать. Белорусы все время работали на помещиков, труд изнурял их, им не было возможности заниматься саморазвитием. Сравнения с поляками и литовцами быть не может, так как те жили в лучших материальных и культурных условиях; они и более развиты и более приспособлены к организационной работе» [Протоколы 1918, 17]. И.А. Петрович (Янка Неманский) подтвердил сложившееся положение следующими фактами: «... Белоруссия является самым отсталым в культурном отношении Краем: грамотных только до 20%, язык и культура никем и нигде не признавались и попирались. Средняя школа была совершенно недоступна для хлебороба-белоруса, как в силу общественных условий, так и социального и материального положения белорусского селянина. Низшее образование недостаточно. Министерские начальные школы, открытые в 1861 г. приходились одна на волость, на 10-15 тысяч человек. Только с 1912 года после введения земства в крае стали открываться начальные школы в большом количестве, но они не имели собственных зданий, были плохо оборудованы. Грамотность развивалась слабо» [Протоколы 1918, 32].

Даже такой краткий анализ позволил более-менее адекватно охарактеризовать социокультурный облик крестьянства. Белорусы по выделенным социокультурным признакам стояли ближе к русским. Существенных этносоциокультурных различий между восточнославянским крестьянским населением БРУП нами не выявлено. Активность участия или неучастия крестьянского населения белорусско-российско-украинского пограничья в социально-экономических и общественно-политических процессах в рассматриваемый период была во многом связана с традиционным желанием иметь свою собственную землю-кормилицу. Социальная дифференциация в составе сельского населения, нищета и бесправие, практически поголовная неграмотность превращали крестьянство в тот взрывоопасный материал, который большевики использовали во время Октябрьской революции. В составе сельского крестьянского населения БРУП, абсолютным большинством которого являлись восточнославянские этносы и, прежде всего, в составе белорусов, коренные количественные и качественные изменения произошли уже в условиях советской модернизации, вырвавшей их из состояния неграмотности и бескультурия, включившей их в национально-культурное строительство.

Источники и литература

1. Авилов, Б.В. Статистический обзор развития сельского хозяйства в дореволюционной России / Б.В. Авилов // Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7-е. Т. 36, Ч. IV. – М.: [Б.г.]. – С. I – LVI.

2. Біч М. У змаганні за лепшую долю // *Полымя*. – 1966. - № 8.- С. 132-138.
3. Бригадин, П. И. Социальная структура белорусского общества на рубеже XIX – XX вв. / П.И. Бригадин, А.Г. Кохановский // *Вестн. Беларус. дзярж.ун-та. Сер.3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. – 1996. - № 3. – С.34-37.
4. Витебская губерния / под ред. Н.А.Тройницкого: [Б.м.]. – 1904. – 281 с. – (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Вып. V. Тетрадь 3. (последняя).
5. Вольнская губерния / под ред. Н.А.Тройницкого: [Б.м.]. – 1904. – 281 с. – (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Вып. VIII).
6. Есипов, В. Польские крестьяне за 100 лет. / В. Есипов // *Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. LIV*. – 1914. – декабрь. – Петроград, 1914. – С.260 – 279.
7. Еткіна, І Перші спробы колективізацыі сельскагаспадарскага вытворніцтва в Чернігівській губернії / І.Еткіна // *Сіверянський летопис*. – 2009. – №5. – С. 73-80.
8. Карский, Е.Ф. Белорусы: 3 т. Т. 1 / Е.Ф. Карский. – Минск: БелЭн, 2006. – 656 с.
9. Киевская губерния / под ред. Н.А.Тройницкого: [Б.м.]. – 1904. – 287 с. – (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Вып. XVI).
10. Красноперов, И. Результаты однодневной переписи народных школ в России 18-го января 1911 г. / И. Красноперов // *Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. LII*. – 1914. – июль. – Петроград, 1914. – С.32 – 39.
11. Круковский, А. Очерки педагогического прошлого в Северо-Западном крае / А. Круковский // *Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XLV*. – 1913. – май. – Петроград, 1914. – С.92 – 114.
12. Лёсік, Я. Аўтаномія Беларусі. – Мінск, 1917. - 23с.
13. Луцкевіч, А. Да гісторыі беларускага руху: Выбранныя творы. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2003. – 288 с.
14. Миллер, А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) / А.И. Миллер. – Спб.: Алетейя, 2000. – 269 с.
15. Минская губерния / под ред. Н.А.Тройницкого: [Б.м.]. – 1904. – 243 с. – (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Вып. XXII).
16. Могилевская губерния / под ред. Н.А.Тройницкого: [Б.м.]. – 1903. – 275 с. – (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Вып. XXIII).
17. Новоселов, Б.Н. Блэк, С. К пониманию советской политики: русская история в перспективе / Б.Н. Новоселов // *Россия между Востоком и Западом: традиционные и современные концепции. Хрестоматия*. – М.: РАН-ИНИОН, 1994. С. 149-177.
18. Орловская губерния / под ред. Н.А.Тройницкого: [Б.м.]. – 1904. – 251 с. – (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Вып. XXIX).
19. Протоколы, постановления и материалы Всероссийского Съезда Беженцев из Белоруссии в Москве 15-21 июля 1918 года. – М., 1918. – 89с.
20. Псковская губерния / под ред. Н.А.Тройницкого: [Б.м.]. – 1904. – 171 с. – (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Вып. XXXIV. Тетрадь 2.
21. Россия 1913 год: статистико-документальный справочник. – Санкт-Петербург: БЛИЦ, 1995. – 416 с.
22. Смоленская губерния / под ред. Н.А.Тройницкого: [Б.м.]. – 1904. – 257 с. – (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Вып. XL).
23. Старовойтов, М.И. Изменения в социальной структуре населения белорусско-российско-украинского пограничья (конец XIX в. – 1914 г.) / М.И. Старовойтов // *Романовские чтения – 4: сб трудов Междунар. науч. конф.* / Под ред. Я.Г. Риера. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2008. – С. 33-35.
24. Улащик Н.Н. Грамотность в дореволюционной Белоруссии / Н.Н.Улащик // *История СССР*. – 1968. - № 1. – С. 106 – 118.
25. Черниговская губерния / под ред. Н.А.Тройницкого: [Б.м.]. – 1905. – 341 с. – (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Вып. XLVIII).

УКРАИНСКОЕ СЕЛО В ПЕРИОД ГОЛОДА 1946-1947 гг. В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

*Галина Стародубец
Владимир Стародубец
(Житомир, Украина)*

В советской историографии аграрная история была одним из важных направлений научных исследований. Однако осуществлялись они на основе использования традиционных методологических подходов, которые базировались на принципах марксистско-ленинской идеологии. Отход от консервативных идеологизированных схем научного поиска, что стало возможным со второй половины 1980-х годов, открыл не только доступ к ранее «запретным» темам, но и дал возможность осмыслить по-новому их историческое значение. Среди таких «неудобных» страниц отечественной истории следует выделить положение украинского послевоенного села в период голода 1947-1948 гг.

Эта тема в последние 20 лет достаточно широко дискутировалась на страницах научных журналов Украины. Справедливости ради, следует заметить, что она частично рассматривалась и в советский период, например в фундаментальном издании «История советского крестьянства» [1988, т.4.], Работам М. А. Вилцана [Вилцан М.А. 1976] и многих других. Однако активизация процесса научного переосмысления этой проблемы приходится именно на последние десятилетия.

Первое упоминание о послевоенном голоде в Украине появилась лишь в 1988 в упоминавшейся нами «Истории советского крестьянства». В том же года о голоде в Украине 1946-1947 гг рассказали публицисты А. Аджубей в воспоминаниях о Н. Хрущева «Те десять лет» и А. Стреляный в публикации «Последний романтик». В 1989 г. со статьей «Жестокий хлеб: О положении колхозного крестьянства на Украине в первые послевоенные годы» выступил И. Кожукало [Кожукало И. 1989., с.18-21]. А с 1990 г. появился уже целый ряд публикаций.

Попытку критически переосмыслить такое сложное социальное явление, как послевоенный голод в современной Украине осуществили И.О. Воронов [Воронов И.О., Пилявец Ю.Г, 1991], О.М. Веселова [Веселова О. М. 2006, с.98-124.], В.М. Кириченко [Кириченко В. М. 1996], В.В. Калиниченко и др.. Их профессиональные выводы позволяют осмыслить это явление во всей полноте и объеме трагедии.

Представление о убытках, причиненных войной и оккупацией украинскому селу и ход его реконструкции, значительно дополняют региональные исследования краеведов [Стародубцев В.О. 2009, с.544-552; Дейнеко А. 2007.]. Однако многие аспекты обозначенной проблематики на региональном уровне остаются пока неизученными.

Цель нашей статьи - очертить основные причины голода и показать проявления его в отдельных регионах Украины, в частности, на Житомирщине.

Послевоенные годы оставили практически без изменений политическую и экономическую систему в СССР, хотя в обществе после победоносного завершения войны происходили изменения, связанные с надеждами и ожиданиями, которые вызвали особый психологический климат и настроения. Население страны вошло в мирную жизнь, надеясь, что за порогом войны осталось все самое страшное и тяжелое. В массовом сознании возник образ «жизни-праздника», с помощью которого моделировалась особая концепция послевоенной жизни - без противоречий, без напряжения. Однако эйфория победы с ее духом свободы и идеологизацией прошлого мирного существования была развеема реальными жизненными обстоятельствами. Уже в 1946-1947 гг. экономическая и сельскохозяйственная политика ВКП (б) вызвала искусственный голод. Он забрал с собой сотни тысяч человеческих жизней, искажил, как и голодомор 1932-1933 гг, моральные и жизненные ценности, но, вместе с тем, усилил критические настроения в советском обществе, вызвал скрытое и открытое сопротивление как беспартийных, так и партийных граждан существующей политической системе и поколебал величие вождя-иконы - И. Сталина.

От голода в 1946-1947 гг. в общей сложности пострадало населения 16 восточных областей Украины, а также Измаилской и Черновицкой областей. Большинство ученых среди основных причин его появления называют: экономически необоснованные планы производства в сельском хозяйстве; отсутствие в колхозах нужного обеспечения материально-техническими ресурсами; низкая культура агротехники; перебои с горючим и запчастями; нехватка тягловой силы; проведение полевых работ в значительной мере вручную, преимущественно силами женщин, подростков; обязательность выполнения государственных планов хлебозаготовок. Все это, приумноженное неблагоприятными погодными условиями сильной жары летом 1946 г., привело к снижению урожайности зерновых, существенного уменьшения их валового сбора. Значительно снизилась урожайность и других культур, а также фруктов и овощей. Нехватка кормов повлекла гибель значительного количества поголовья крупного рогатого скота, лошадей, свиней во многих хозяйствах. Предпосылкой голода, безусловно,

можно считать и предвзятое, мягко говоря, отношение Сталина и его окружения к крестьянству вообще, а к украинскому в особенности. Украинские крестьяне, по мнению высшего партийно-советского руководства, требовали перевоспитания, как такие, которые находились под оккупантами и «испытывали влияние чуждой идеологии».

В совокупности факторов экономическое давление на село росло. Крестьяне были перегружены выполнением различного рода обязательств и обязанностей (платных и бесплатных) перед государством. Несмотря на то, что война закончилась, крестьяне продолжали выполнять повинности, которые были установлены еще до, либо во время войны. В частности, колхозники должны были ежегодно производить фиксированное количество трудодней, участвовать в лесозаготовках, торфоразработках, дорожных работах. С 1940 г. в стране действовал погектарный принцип начисления обязательных поставок из колхозов. При этом закупочные цены на зерно, картофель и продукцию животноводства не менялись еще с 1928 г., а цены на промышленную продукцию постоянно росли [История крестьянства Украинской ССР 1967, с.358].

Обязательными были поставки государству сельхозпродуктов, произведенных в личном подсобном хозяйстве. Принятый еще в 1939 г. Закон о сельскохозяйственном налоге применялся в самых жестких и антигуманных формах. Согласно этому закону, облагались налогами каждое животное, каждое плодородное дерево. В 1946 г. каждый крестьянский двор должен был сдать государству в среднем 40 кг мяса, 200 литров молока (и это в то время, когда 43% колхозников не имели коров), по 90 штук яиц, заплатить от 5 до 10 руб. за каждое плодородное дерево на приусадебном участке. 19 марта 1946 постановлением Советом Министров СССР и ЦК ВКП (б) среднегодовые нормы поставок молока государству устанавливались в размере до 260 л с каждой коровы колхозника и до 300 л - с каждой коровы, которая находилась в собственности единоличника [Даниленко В.М. 2008, с.46].

Внеэкономический характер влияния на крестьянство предусматривал жесткую дисциплину, действующие методы обеспечения реализации многочисленных повинностей. Советская власть осуществляла политико-идеологический прессинг на сознание крестьян. Тогдашняя пресса была переполнена статьями о «трудовых буднях колхозников», заголовки которых напоминали пропагандистские лозунги. Большевицкая партия призвала к продолжению боевых действий, но уже на трудовом фронте. Militarистская лексика должна была, по замыслу ее создателей, мобилизовать голодное село на трудовые свершения. Листая страницы газет 1946-1947 годов, не находим даже намека на голод, бушевавший в украинских селах. Разве что косвенно можно догадаться, что колхозники, которых власти обвиняют в сознательном нарушении трудовой дисциплины, в действительности не имели сил выходить на поле для работы. В подтверждение сказанному приведем отрывок статьи из районной газеты Житомирщины под названием «К чему приводит самоуспокоение». Автор сообщает, что «в колхозе «13-летия Октября» Барановского района на борьбу с сорняками не мобилизованы все трудоспособные колхозники. Более того, бывают дни, когда на этих посевах совсем никого нет. Подобная картина в колхозе имени Шевченко. До сих пор не прополоты просо, картофель, в запущенном состоянии овощи. Из 140 трудоспособных колхозниц в прополочных работах принимают участие не более 30». Причину такого положения дел автор статьи видит в «плохой трудовой дисциплине и низкой производительности труда. В прошлом году из-за неповоротливости правления и плохой организации труда колхозы не заготовили для скота на зиму достаточного количества кормов. Зимой и весной пришлось терпеть большие трудности. Из-за плохого кормления были случаи заболевания и падежа скота. Теперь также заготовка кормов проходит здесь крайне неудовлетворительно. Колхоз «13-летия Октября» должен засилосировать 923 т зеленой массы, а он засилосировал только 200. Слишком плохо проходит косовица сена. Колхоз имеет 630 га естественных сенокосов, а за 2 пятидневки скошено только 14 га. В колхозе имени Шевченко похожее явление. Из 350 га сенокоса скошено всего 90 кг. Медленные темпы косовицы, систематическое невыполнение дневных графиков сенокосов объясняется плохим выходом на сенокосы косарей, невыполнением норм выработки» [Голос колхозника 1947]. Вот такая обличительная статья, переполненная критикой и осуждением. Правда за рамками журналистского интереса ее автора оставлены причины того, почему крестьяне так плохо выполняют свои производственные обязанности? Почему только 4 часть колхозниц выходит на работу? Ответы на такие вопросы большевицкая власть предпочитала не слышать.

Жизнь и производственная деятельность колхозников были особенно регламентированными. За невыход без уважительных причин на работу, некачественную работу и другие нарушения устава, согласно его редакции 1946 г., к колхознику могли быть применены такие меры как предупреждение, выговор, замечание на общем собрании, штраф до 5 трудодней, занесение на черную доску, перемещение на менее оплачиваемую работу, временное отстранение от работы, повторное выполнение не качественно выполненного задания без начисления трудодней. Крайней мере воздействия считалось исключение из колхоза [Примерный Устав сельскохозяйственной артели 1946, с.55].

В первые послевоенные годы в стране действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР

от 15 февраля 1942 г., согласно которому трудоспособные колхозники, не выработавшие без уважительных причин обязательного минимума трудодней, представляли перед судом и их наказывали исправительно-трудовыми работами в колхозе сроком до 6 месяцев с удержанием от оплаты до 25% трудодней в пользу колхоза. Кроме того, они лишались приусадебного участка. Постановлением советского правительства от 31 мая 1947 г., в условиях голода, судебная ответственность колхозников сохранялась и в дальнейшем.

До «закона о пяти колосках» от 7 августа 1932 г., которым предусматривалось наказание 10-летним заключением того, кто самовольно срезал или собрал на поле десяток колосков, взял килограмм зерна, добавлялись указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан». Согласно им минимальный срок лишения свободы за кражу, присвоение или растрату государственного имущества составлял от 7 до 10 лет, а за повторное или совершенное группой лиц подобное преступление - до 25 лет исправительных работ [Зима В. 1999, с.88-89]. В середине 40-х годов началась небывалая кампания борьбы с расхитителями и в кратчайшие сроки суды провели сотни и тысячи показательных процессов. Поэтому через полгода, вследствие того, что население не прекращало краж зерна даже несмотря на угрозу долговременного лишения свободы, тюрьмы и лагеря страны были переполнены. Всего же за уголовные преступления в 1947 г. в СССР наказали более 1,3 млн. человек [Зима В. 1999, с.97]. Наиболее распространенным видом преступлений стали мелкие кражи, что касалось, в первую очередь, зерна.

На страницах тогдашней прессы Житомирской области можно найти немало примеров «клепаны расхитителей колхозного добра». Например, в июле 1947 г. «Барановский райсуд рассмотрел дело гражданина Барановки Скрипника Алексея, 1930 г.р. Следствием было установлено, что он 26 июня осуществил кражу в колхозе Шевченко. Он вырвал 40 корней колхозной картошки, из которой выбрал 8,2 кг клубней. Но был задержан полевым сторожем. За кражу колхозной собственности Скрипника Алексея осужден на 7 лет лишения свободы»[16]. Похожая ситуация рассматривалась через месяц в том же суде. Тогда «гражданка с. Макаровка Драган Лизавета совершила посягательство на колхозное добро в Старогутенской артели им. Ворошилова. При обыске на ее огороде было найдено мешок овса в количестве 48 кг, зарытого в землю. Драган осуждена **на 7 лет лишения свободы в далеких лагерях** (выделение наше - авторы) без возобновления в правах и с взысканием 200 руб. с ее хозяйства в пользу адвоката»[17]. Таких примеров можно привести немало. Их наличие дает основания для вывода, что произвол и безнаказанность за бесчеловечное отношение к крестьянам были обратной стороной внимания к пополнению «закромов Родины» - план заготовки руководители должны были выполнить любой ценой. А выполнив - вымести остатки. Тех, кто этого не делал, привлекали к уголовной ответственности. Так, только за первый квартал 1947 г. были привлечены и приговорены к 10 годам лишения свободы 1,5 тыс. председателей колхозов. Суды УССР только в ноябре 1946 г. жестоко наказали более 2 тыс. голодающих крестьян. Из них 1,8 тыс. приговорили к тюремному заключению на сроки от одного до пяти лет за сбор колосков, оставшихся в поле после жатвы [Голос колхозника 1947].

Голодоморное лихолетье свой пик достигло в первой половине 1947 г. По данным, которые опубликовала украинская исследовательница О. Веселова, - «состоянием на 20 июня 1947 г. в Украине, только за регистрацией МВД, уже было 1 млн. 154 тыс. 378 дистрофиков. Доведенные до дистрофии 3-го - 4-й степени, предельного истощения некоторые голодающие, теряя способность контролировать свои действия, прибегали к каннибальству. С начала 1947 г. отделом по борьбе с бандитизмом МВД УССР велось расследование 130 случаев трупоедства и людоедства, зафиксировано 189 съеденных человеческих трупов, к уголовной ответственности привлечены 132 человека. Во времена интенсивного изъятия хлеба голод в Украине унес (по данным разных исследователей) от 100 тыс. до 2,8 млн. жизней, в основном, украинских крестьян-хлеборобов. Во многих местностях голод продолжался почти до конца 40-х годов [Веселова О. М. 2010, с.211].

Большинство голодающих украинских крестьян спасались, выживали как могли. Вынуждены были есть даже траву, кору деревьев, различные суррогаты, голод толкал на совершение правонарушений. 90% уголовных дел, которые рассматривались судами в 1947 г., составили дела о «краже колосков» рядовыми колхозниками.

Чтобы спастись от голода, значительное количество сельских жителей даже целыми семьями самовольно покидали колхозы и уходили в города или районы, где было полечче с продуктами, пытались устроиться на промышленные предприятия, на другие работы, ехали или шли пешком в другие области (в частности, в Западную Украину) и даже к другим республикам (на Кубань, в Среднюю Азию и т.д.). «По данным Министерства сельского хозяйства УССР, с 1 января 1946 г. по 1 января 1947 количество трудоспособных женщин и подростков до 16 лет в колхозах республики уменьшилось на 283, 9 тыс. человек» [Веселова О. М. 2006, с. 61-62]. У нас нет точной информации о демографических изменениях в Житомирской области в период голода, однако косвенную информацию

нам удалось получить путем сопоставления статистических данных из нескольких документов. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1. Динамика демографических изменений в колхозах Базарского района Житомирской области за 1946-1949 гг.

	1946 г.	1947 г.	1949 г.
Состав колхоза: численность имеющихся дворов состоянием на 1 января следующего года	4958	5810	7948
вступили		117	88
выбыли, потому что не выработали трудодней	27	59	23
единоличников	5958	5810	7943
всего населения	19459	18428	27997
трудоспособного: мужчин 16-60 лет	2535	2743	3747
женщин 16-55 лет	5809	5530	7644
подростков	1289	1002	1560
из имеющихся трудоспособных работающих не в колхозе	372	216	796

(Источник: Государственный архив в Житомирской области, ф.2622, оп.1, д.д.1178, 1173, 1169)

Как видно из таблицы, только в Базарском районе в период с 1946 по 1947 год значительно сократилось количество женщин в возрасте от 16 до 55 лет и подростков. В связи с усилением репрессивных мер относительно колхозников, которые не могли выработать определенного количества трудодней, в 1947 году вдвое увеличилось число тех, кого исключили из колхозов.

Сильнее всего свирепствовал голод в период зимы и весной 1947 г. Значительное количество сельского населения, не бросая мест проживания, оставляло работу в колхозах и устраивалось в различные местные предприятия и учреждения, где была гарантирована карточная система обеспечения продовольственными товарами. На 1 января 1947 г. эта категория сельского населения насчитывала 331,6 тыс. человек.

В конце 1946 г. - первой половине 1947 г. из-за хронического недоедания многие заболели различными болезнями. По данным Министерства здравоохранения УССР, на 10 мая 1947 г. в Украине было зарегистрировано 935,5 тыс. больных дистрофией. В городских и сельских больницах находилось около 125 тыс. таких больных; еще около 100 тыс. чрезвычайно слабых людей нуждалось в госпитализации, но из-за недостатка необходимого количества больничных коек не имело возможности получить медицинскую помощь. Из-за болезней и ослабленного состояния здоровья многие дети школьного возраста не посещали занятий в школах [Веселова 2006, с.63].

До октября 1946 г. Совет Министров СССР и ЦК КП(б)У приняли более 10 постановлений, касающихся хлебозаготовок, в которых вновь подчеркивалась обязательность полного выполнения планов хлебозаготовок, а задержка сдачи товарного хлеба определялась «преступлением перед партией и государством». Однако, даже «чрезвычайные меры» ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У, включая обвинения в саботаже, угрозы не могли существенно повлиять на выполнение планов государственных заготовок зерна, которого не хватало.

В 1946 г. план хлебозаготовок Украина выполнила на 62,5%, здав при этом фактически все выращенное зерно, включая семенные фонды. Поставка продуктов населению неуклонно ухудшалась из-за значительной нехватки хлеба, неурожая овощей, невыдачи зерна и денег колхозникам на трудодни. Недоставало кормов для скота, семян для посева.

Масштаб повоенного голода, отмечают исследователи, был значительно меньшим от голодомора 1932–1933 годов, да и последствия его были другими. Но страдания и смерть людей были такими же трагическими. В октябре 1947 г. Украина под руководством Л. Кагановича и Н. Хрущева выполнила план хлебозаготовок, соответственно их рапорту Сталину, на 101,3%. Весной 1948 г. руководители республики были отмечены высокими государственными наградами. Но колхозы и колхозники опять остались без хлеба. Голод и недоедание продолжались.

Источники и литература

1. Веселова О. М. Голод в Україні після Другої світової війни // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвідомчий зб. наук. праць. - К.: Ін-т історії України НАН України, 2010. - №19. - С.207-213

2. Веселова О. М. Післявоєнна трагедія: голод 1946-1947 рр. в Україні // Український історичний журнал. - Київ, 2006. - №6. - С.98-124.
3. Вилцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1940–1968). – К.: Мысль, 1976.
4. Воронов І.О., Пилявець Ю.Г. Голод 1946–1947 рр. – К., 1991.
5. Голос колгоспника. – 1947. – 29 червня. - №51.
6. Голос колгоспника. – 1947. – 24 серпня - №63.
7. Даниленко В.М. Передумови голоду 1946–1947 рр. в Україні // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Випуск 13. - Київ: Інститут історії України НАН України, 2008. – С.42-50.
8. Дейнеко А. Село наше Красне. Історія села Красносілка від сивої давнини до наших днів. – Дніпропетровськ, 2007
9. Зима В. Социология бесправия. Реакция сталинской юстиции на голод в СССР 1946–1947 гг. // Социологические исследования. – 1999. – №12.
10. История советского крестьянства. – Москва, 1988. – Т.4.
11. Історія селянства Української РСР. У 2-т. – К., 1967. – Т. 2.
12. Кириченко В. М. Українське село і тоталітарна держава в умовах голодомору 1946 – 1947 років: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Запоріжжя, 1996.
13. Кожукало І. Жорстокий хліб: Про становище колгоспного селянства на Україні уперші повоєнні роки // Сільські обрії. – 1989. – №7. – С.18–21.
14. Примерный Устав сельскохозяйственной артели. – М., 1946.
15. Стародубцев В.А. Відбудова колгоспного виробництва Кам'янець-Подільської області в перші повоєнні роки // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету ім. І.Огієнка, 2009. - Т.19: Історичні науки. На пошану академіка В.А.Смоля. - С.544-552.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАЗДНИКОВ ДРЕВОНАСАЖДЕНИЯ В ШАДРИНСКОМ УЕЗДЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

*Вадим Сулимов
(Тобольск, Россия)*

В конце XIX – начале XX в. Шадринский уезд Пермской губернии входил в состав Оренбургского учебного округа. В 1899 г. инспекция народных училищ в Шадринске выступила с инициативой по организации праздников древнонасаждения в школах региона. Этот опыт в дальнейшем получил распространение в школах Западно-Сибирского учебного округа.

Внедрение опыта праздников древнонасаждения в Сибири началось со следующего события. 13 сентября 1900 г. инспектор народных училищ Шадринского района Оренбургского учебного округа И. Пактовский направил в Управление Западно-Сибирского учебного округа брошюру «Школьные праздники древнонасаждения» собственного сочинения [ГАТО, 18]. Попечитель округа выслал полученную брошюру директору училищ Томской губернии для ознакомления. После изучения документации ее следовало вернуть попечителю с отзывом о том, «не будет ли признано желательным и целесообразным применить» некоторые из мероприятий в учебных заведениях губернии [ГАТО, 19].

Инициатором по организации в школах праздников древнонасаждения выступило земство. На Шадринском уездном земском собрании в октябре 1899 г. агрономический смотритель поднял вопрос об устройстве в уезде школьных праздников древнонасаждений. Так как Шадринский уезд в южной и западной частях был беден лесом, то народу следовало вложить «сознание всесторонней» его пользы. Лес необходимо было беречь и разводить. В данном случае следовало естественнее всего действовать на молодое поколение, как более «эластическое». Молодежь лучше поддавалась внешнему воздействию, являясь более доверчивой. Взрослые, наблюдая за работой своих детей, проникались мыслями молодежи и общим настроением [Пактовский 1900, 1].

Согласно отношения уездной земской управы инспектором училищ Пактовским совместно с уездным агрономическим смотрителем был разработан предварительный общий план организации праздников, выбраны место и время для посадок, намечены училища, которые могли принять участие в насаждениях. Были отобраны породы деревьев, определено приблизительное количество каждой породы. Эти соображения были доведены до земской управы в феврале 1900 года. Высказывалось предложение кроме агрономического смотрителя пригласить в качестве руководителей-специалистов

для посадки преподавателей местной низшей сельскохозяйственной школы 1-го разряда, а также лесничих при желании последних. Праздники древонасаждения были устроены при следующих училищах: Песчанском земском – 6 мая, Кондинском земском – 7 мая, Бродокалмакском 2-х классном – 9 мая, Мехонском – 14 мая. Посадки проводились специально в праздничные дни, когда дети и взрослые освобождались от полевых работ, так как в Шадринском уезде с 22 апреля по 20 мая усиленно осуществлялся посев хлебов. В рабочие дни созвать всех учеников было невозможно: они помогали отцам при посеве в качестве бороноволок. К тому же признавалось желательным присутствие на древонасаждении и взрослых поселян [Пактовский 1900, 3].

В Песчанском принимали участие в посадках 89 учащихся местного училища, церковноприходской школы в составе 8 человек и соседнего Николаевского в количестве 32 человек. Для посадки деревьев около села обществом отводилась десятина земли. Участок на земские средства был огорожен и обработан – вспахан и заборонен. Было посажено до 800 деревьев разных пород: тополь, американский ясень, вяз, липа, дуб, ольха, клен, береза, ель, сосна, кедр, пихта. Засаженный участок занял примерно 200 кв. сажен [Пактовский 1900, 3-4].

В Кондинском приняли участие в посадках только ученики местного училища в числе 50 человек – 40 мальчиков и 10 девочек. Здесь посадка производилась на школьном участке при здании училища, огороженном под сад, площадью 22 кв. сажен. Высажено было 465 деревьев: 10 дубов, 30 кленов, 10 рябин, 10 тополей, 10 ильм, 30 американских ясеней, 20 яблонь, 15 берез, 20 сосен, 20 акаций, 50 лиственниц, 50 елей, 10 деревьев ольхи, 180 вязов.

При Бродокалмакском 2-х классном училище на празднике приняли участие ученики данной школы в количестве 101 человека – 73 мальчика и 28 девочек, и учащиеся соседних школ. Всего участвовало 196 человек. Посажено было до 2500 штук тех же пород [Пактовский 1900, 4].

При Мехонском 2-х классном училище участвовали в посадке деревьев ученики и выпускники данной школы, в количестве 116 человек. От Кондинского земского, Сладчинского земского, Шайтанского училищ, Мехонской церковноприходской женской школы почин поддержали еще 74 человека. Делалась парковая посадка на училищном участке, предназначенном для разведения сада. Участок содержал одну десятину. Посадили 1480 деревьев: 130 яблонь, сосны, тополей, ясеня, дуба, акации, клена – по 100 штук, вяза – 300, рябины – 500, ольхи – 200, березы – 50, ели – 150.

Всего в древонасаждениях приняли участие в четырех населенных пунктах 14 училищ, из них 10 подведомственных инспекции народных училищ и 4 духовному ведомству. В празднике участвовало 565 человек, высажено 5250 деревьев. На каждого ученика приходилось около 10 саженцев.

В качестве руководителей-специалистов при посадке в Песчанском, Бродокалмакском и Мехонском училищах приняли участие уездный агрономический смотритель и два преподавателя Шадринской низшей сельскохозяйственной школы 1 разряда. В Кондинском училище руководил посадкой секретарь уездной земской управы, получивший сельскохозяйственное образование. Присутствовали на празднике представители от земства. В числе присутствующих были также церковнослужители, учителя из соседних населенных пунктов. Благодаря праздничным дням посадку посетили крестьяне [Пактовский 1900, 5].

Подготовительные мероприятия заключались в следующем. В первой половине апреля в училища земской управой была выслана брошюра члена южно-русского Общества акклиматизации Чернышева «Деревья и их польза», предназначенная для выдачи детям, участвующим в древонасаждении. Инспекцией училищ было поручено учителям школ разъяснить детям о пользе леса, объяснив также значение и роль предстоящего праздника. Учеников старшего отделения следовало познакомиться с брошюрой Чернышева. Таким образом, дети явились на праздник с полным пониманием пользы, которую они принесут посадкой деревьев, «проникнутые сознанием, что и они вложат свою лепту на доброе общественное дело» [Пактовский 1900, 6]. В Мехонском училище перед молебном детям указал на пользу леса и назначение предстоящего праздника член земской управы Н. Г. Федоров.

В соответствии с программой праздника к 12 часам через час-полтора после литургии, учащиеся собрались в здании училища. Выстроились в ряды по отделениям и училищам. Затем пошли на встречу крестному ходу и вместе с ним направились на место древонасаждения. После прибытия крестного хода на участок для посадки деревьев совершилось молебствие с водосвятием для окропления саженцев. Затем каждый отец законоучитель произнес «краткое назидательное, приличествующее случаю, слово учащимся» [Пактовский 1900, 7].

Пропев общим хором народный гимн «Боже, царя храни», учащиеся разделились на группы по распоряжению специалистов. Каждая группа заняла указанное место под наблюдением своего учителя и специалиста. Окончив предварительные приготовления, началась посадка деревьев. В промежутке между 15 и 16 часами детям выдали по куску белого хлеба и три яйца. Перед трапезой и по ее окончании пелись установленные молитвы. После принятия пищи посадка деревьев продолжилась.

Высаживание деревьев прекращалась около 7 часов вечера после израсходования всех саженцев, присланных земской управой. Затем дети собирались в одну группу и пели народный гимн. По

окончании работы учащиеся занимались играми и пением. В это время им раздавались на память о празднике древонасаждения брошюры Чернышева «Деревья и их польза» и гостинцы: конфеты, пряники, орехи. После игр и получения гостинцев дети возвращались к училищу, где им предлагался чай с хлебом. Напившись чаю, после благодарственного молебна дети разошлись по домам.

Отступления от общей программы были только в Кондинском училище, где молебен был отслужен не на месте посадки, а в здании училища. В Песчанском дети пили чай не в училище, а в чайной Попечительства о народной трезвости [Пактовский 1900, 7-8].

По личным впечатлениям, отзывам присутствовавших лиц и сообщениям учителей, беседовавших со своими воспитанниками о проведении праздника, на детей мероприятие произвело «самое радостное впечатление» [Пактовский 1900, 8]. Не только игры, пение и полученные гостинцы доставили им удовольствие, но и сама посадка была для них развлечением, удовольствием и служила праздником. Это было видно по оживленным движениям детей, веселым лицам, разговорам, смеху. Учащиеся хотели повторить праздник в следующем году.

Взрослое население, делившееся своими мыслями уже после праздника, по сообщениям учителей, отзывалось о древонасаждении также одобрительно. Население могло убедиться в пользе подобных мероприятий только когда, увидит результат работ. Если примется достаточный процент посаженных деревьев, то это будет «весьма благоприятно» для учредителей праздника. Тогда население будет относиться более доверчиво к подобным начинаниям. Наименьшего результата следовало ожидать от посадки при Мехонском училище. Там вследствие поздней высадки 15 мая и предшествующей жары почти все саженцы садились проросшие. Делу могла помочь только поливка.

Средства на проведение праздников выделялись преимущественно земством, затем почетными блюстителями и попечителями училищ и частными лицами. Уездным земским собранием было ассигновано 100 рублей. Земской управой на эти средства приобретались из питомников Талицкой лесной школы около 6000 семян и саженцев деревьев. В селах Песчанском и Бродокалмакском были огорожены, отведенные обществами участки и сделана предварительная их обработка – вспашка и боронение. Были приобретены необходимые для посадки инструменты: саженные мечи, колья и прочее. Ряд блюстителей, попечителей училищ, священники и крестьяне приняли на себя расходы по устройству завтраков с чаепитием и снабжению детей гостинцами. В данных расходах в селах Песчанском и Мехонском участвовали представители земств, учителя, руководители, судебный следователь.

Данные праздники древонасаждения устраивались в Шадринском уезде впервые. Планировалось в будущем проводить праздники более торжественно, тогда и впечатление от них останется сильнее. Инспектор народных училищ И. Пактовский выражал уверенность, что Шадринская земская управа и в дальнейшем «с глубоким сочувствием отнесется к мысли о повторении праздников» в будущем, помогая найти средства, а специалисты, «с таким усердием, любовью и увлечением работавшие с детьми», не откажутся принять в них участие и в дальнейшем [Пактовский 1900, 10].

Опыт школ Шадринского уезда Пермской губернии в дальнейшем получил распространение в городских и сельских школах Западной Сибири. Одними из первых начали высаживать деревья школьники г. Кургана Тобольской губернии и Барнаульского уезда Томской губернии.

Источники и литература

1. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 126. Оп. 2. Д. 1496.
2. Пактовский И. Школьные праздники древонасаждения. Шадринск, 1900.

ОБРЯДОВАЯ ЖИЗНЬ И ВЕРОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ПО СУДЕБНЫМ И НАРРАТИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ

*Елена Терещенко
(Чернигов, Украина)*

Обрядовая жизнь и верования крестьянства Российской империи стали предметом исследования ученых еще с начала XIX в. В сферу интересов исследователей попадали ритуальные действия, сопровождавшие различные события семейной и общественной жизни, верования и суеверия, образцы обрядового фольклора и т.д. Огромный массив материала был накоплен в течение XIX в. В этот период появляется целый ряд работ, посвященных исследованию народных верований и обрядов. Некоторые из них представляли собой просто сборники народных быличек, примет, суеверий [Даль 1996; Русский народ 1880], другие наряду с эмпирическим материалом содержали и попытки его тео-

ретического обобщения [Максимов 1903]. Однако подобные аналитические выкладки, если и имели место, то носили, как правило, локальный и несколько отрывочный характер.

Определённые прогрессивные сдвиги в этом плане происходят только в начале XX в. Своеобразным эталоном научных исследований в области народного мировоззрения и быта в этот период стали работы известного русского этнографа Д.К. Зеленина. Обобщив значительный объем фактического материала, ученый создал целостную картину славянского народного мировоззрения и вписал восточнославянскую систему верований в общеевропейский контекст [Зеленин 1994].

В советское время изучение формальной и содержательной стороны народной обрядности и мифологии было продолжено на качественно новом уровне. Здесь следует упомянуть работы С.А. Токарева, посвящённые "живучести" тех или иных мифологических образов в народном воображении [Токарев 1957], Э.В. Померанцевой, изучавшей фольклорные произведения как напластование разновременных мифологических сюжетов и образов [Померанцева 1975], а также Н.Н. Велецкой, посвященные анализу культа предков и символической нагрузки погребальной обрядности [Велецкая 1978].

Важным этапом в исследовании славянского фольклора являются и труды В.Я. Проппа, центральным местом которых является анализ образов славянской волшебной сказки на фоне проведения параллелей с фольклорными произведениями других народов [Пропп 1986].

Однако, в силу установившейся историографической традиции, обрядовая жизнь и народные верования в отечественной историографии рассматривались и продолжают рассматриваться главным образом в русле этнологических исследований. Это является вполне закономерным, но в то же время следует отметить, что в рамках современной исторической науки такой подход не всегда оправдан, поскольку практически не позволяет проследить реакцию самих крестьян на те или иные обряды и верования, то есть отражение мифологического сознания в сознании обыденном.

В такой ситуации продуктивным представляется подход, характерный для такого относительно нового направления исторической науки как история повседневности. Она имеет целью, прежде всего, объяснить мотивы бытового поведения людей. В то время как этнология практически не обращает внимания на переживания отдельных людей, если они не являются типичными, история повседневности пытается выяснить, как стал возможным тот или иной поступок [Пушкарёва 2005, 27].

Этнографические и фольклорные источники не позволяют решить поставленную задачу, поэтому мы считаем целесообразным использовать другие типы источников, которые позволят исследовать обрядовую жизнь и верования крестьянства именно в вышеупомянутом аспекте. Указанный потенциал содержится в письменных источниках, в частности, нарративных и документальных. С другой стороны, при таком подходе перед исследователем открывается возможность сравнить данные независимых групп источников (фольклорных, этнографических и письменных) и провести корреляции данных.

Что касается нарративных источников, то ценная информация по исследуемому вопросу содержится в мемуарах приходских священников, крестьянских воспоминаниях и периодической печати. Эти материалы дают возможность взглянуть на крестьянскую повседневность "изнутри", а не глазами стороннего наблюдателя-этнографа.

Среди документальных источников, которые могут быть использованы для изучения народных верований, следует назвать архивные материалы судебных дел, в частности тех, которые касались обвинений в колдовстве.

Рассмотрим возможности использования названных группы источников на конкретных примерах.

Ценным источником, позволяющим исследовать отношение сельских священников к народным обрядам и их деятельность по искоренению предрассудков являются материалы еженедельного журнала "Руководство для сельских пастырей", который издавался с 1860 по 1917 год при Киевской духовной семинарии. Здесь публиковались материалы, призванные помочь сельским священникам в их работе.

Именно сельские священники, в силу понятных причин, чаще всего сталкивались с различными народными обрядами в жизни общины. Церковные власти предписывали приходским священникам строго бороться с этими предрассудками, а также самим воздерживаться от неподобающих и суеверных действий [Бернштам 2007, 104]. А такие случаи имели место. Например, как свидетельствуют источники, даже во второй половине XIX в. в Рязанской губернии священники, или, по крайней мере, младшие члены причта, участвовали в земледельческом обряде "качания", который практиковался здесь на Пасху [Бернштам 2007, 105].

Интересны и материалы, демонстрирующие трактовку народного православия представителями клира. В частности, авторы отмечали, что народная вера это "нечто среднее между язычеством и христианством" [Поспелов 1870, 343]. Священники также подчеркивали, что подобная ситуация ни в коем случае не означает отрицания крестьянами христианства, однако народ пытается "то язычество прикрыть христианством, то христианство объяснить язычеством" [Поспелов 1870а, 467]. Но в своем отношении к народным обрядам церковь была категорична – сельские священники были обя-

заны бороться с этими предрассудками путем просвещения народа. По мнению представителей духовенства, все предрассудки до сих пор живут среди крестьян из-за нехватки образования и непонимания основ христианства. "Многое в доселе существующей народной религиозности прямо противоречит духу христианской веры и должно быть изгнано из употребления ..." [Поспелов 1870, 337].

Священники хорошо понимали, что большинство народных обрядов уже в XIX в. потеряли свой первоначальный смысл, превратившись в игрища. Данный факт они и отмечают во многих публикациях "Руководства для сельских пастырей", посвященных этому вопросу. Это, в частности, касалось рождественской и новогодней обрядности. Однако обряды, связанные с праздником Ивана Купала, Троицкие (русальные) обряды вызвали жесткие нарекания священников как явления, с которыми церковь просто не может мириться [Поспелов 1870, 344], так как они, по мнению священников, имели "нехристианскую" природу, а порой прямо противоречили принципам православия.

В то же время, церковная власть подчеркивала, что сельские священники должны изучать народные обряды для того, чтобы лучше понимать психологию и быт собственных прихожан, наставлять их на правильный путь и эффективнее бороться с предрассудками [Поспелов 1870, 336, Пастырь как руководитель прихожан, 1 – 7]. Так, многие статьи середины XIX – начала XX века, которые описывали различные обряды в той или иной губернии, уезде или даже деревне и публиковались в специализированных этнографических изданиях, принадлежали именно перу священнослужителей [Руднев 1854, 98 – 110; Троицкий 1854, 81 – 97].

Весьма ценную информацию можем получить и из воспоминаний приходских священников, которые тоже обращали внимание на живучесть в народе различного рода предрассудков, отнюдь не совпадавших с основными принципами христианской веры. "Сколько в народе различных так называемых колдунов, знахарей, ворожей... Сколько различных суеверий, вредных для религии, нравственности, благосостояния и здоровья!...", – писал в своих воспоминаниях священник из Саратовской губернии А.И. Розанов [Розанов 1882, 16]. Искоренять эти предрассудки в народе нелегко, отмечает он, как бы представители духовенства не старались это делать [Розанов 1882, 148].

Другим уникальным источником, которым мы пользуемся в нашем исследовании, являются крестьянские воспоминания. Количество подобных мемуаров можно, в буквальном смысле, пересчитать по пальцам, и тем ценнее они для исследователя, ведь есть продуктом непосредственно крестьянской среды.

В частности, в этих воспоминаниях находим описание интересных случаев, связанных с распространенным в крестьянской среде феноменом так называемого "кликушества". Отношение к этому явлению самих крестьян более подробно освещается в крестьянских воспоминаниях.

Так, крестьянин из Ярославской губернии А.Я. Артынов описывает случай кликушества в селе Сулости. Кликушами здесь были исключительно женщины. Во время церковной службы, как только начиналась "Херувимская", они принимались кричать и выкликать имена тех, кто их якобы "испортил", в основном, как отмечает Артынов, они "врали на своих домашних". А вот в родном селе Артынова, Угодичах, кликуши успокоились очень быстро: как пишет мемуарист, пристав пригрозил всем им арестом, поэтому женщины перестали кричать [Артынов 2006, 321]. Случай с кликушами в данных воспоминаниях написан в довольно таки ироническом ключе, поэтому можем сделать вывод, что более образованные крестьяне не воспринимали это явление, как и некоторые другие предрассудки, всерьез. Впрочем, среди широких крестьянских масс, предрассудки, связанные с верой в магию и колдовство, были очень живучи.

Жёстко решил бороться с кликушами в своём приходе уже упоминавшийся А.И. Розанов: он просто напугал женщин, сказав, что если те будут неподобающим образом вести себя в храме, то он сошлет их в Сибирь. И хотя, конечно, таких полномочий у него не было, как с иронией отмечает сам Розанов, но угроза подействовала, и кликуши успокоились [Розанов 1882, 47].

Изучая документальные источники и, в частности, судебные дела, стоит обратить внимание на те народные верования, которые хорошо известны нам из фольклорных источников. Это, в частности, касается веры в колдовство и порчу. Изучать этот аспект крестьянской ментальности, используя только данные этнографии и фольклора, по нашему мнению, нельзя. Ведь эти типы источников дают нам лишь определенные стереотипы, сформированные крестьянским сознанием, в данном случае, стереотип женщины-ведьмы. Но исследования, проведенные на основе архивных материалов, демонстрируют несколько иную картину.

В качестве примера можно взять фольклорный образ женщины-ведьмы, который далеко не всегда соответствует реальной картине крестьянского быта XIX в. Так, среди выявленных нами судебных материалов о колдовстве, относящиеся к первой половине XIX века, среди обвиняемых в колдовстве не наблюдается значительного численного превосходства женщин. И все же материалы судебных дел в некоторой степени коррелируются с фольклорными материалами в части описания тех или иных колдовских действий (извлечения следа, выдаивание коров). С другой стороны, сами подо-

бные обвинения уже могли быть результатом существования стереотипа ведьмы, сформированного в крестьянском сознании [Терещенко 2009, 150 – 156].

Сочетание в народной ментальности языческих и христианских элементов создавало своеобразную мировоззренческую картину, которая оказывала весьма значительное влияние на крестьянскую повседневность не только в первой половине XIX, но и в XX в. В частности, обряды апотропеического характера, например, опахивание, фиксировались еще в 1920-х годах [Померанцева 1982, 26]. Таким образом, использование документальных и нарративных источников для изучения обрядовой жизни и верований крестьянства раскрывает перед исследователем новые перспективы. Во-первых, такой подход позволяет взглянуть на проблему не только глазами стороннего наблюдателя (этнолога), но и сквозь призму представлений духовенства, судебной власти, в конце-концов глазами самого крестьянина. Во-вторых, сопоставление данных фольклора и этнографии с данными письменных источников позволяет более объективно осветить картину крестьянского быта без определенных идеалистических наслоений.

Источники и литература

Артынов А.Я. 2006. Артынов А.Я. Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – С. 275 – 417.

Бернштам Т.А. 2007. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни – СПб. : Петербургское востоковедение. – 2007. – 311 с.

Велецкая Н.Н. 1978. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов – М. : Наука, 1978. – 239 с.

Власова М.Н. 2008. Власова М.Н. Энциклопедия русских суеверий. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 624 с.

Даль В.И. 1996. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа – СПб. : Литера, 1996. – 480 с.

Зеленин Д.К. 1994. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901 – 1913 гг. – М. : Индрик, 1994. – 400 с.

Максимов С.В. 1903. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила – СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 526 с.

Пастырь как непрестанный руководитель прихожан / [без авт.] // Руководство для сельских пастырей. – 1894. – № 36. – С. 1 – 7.

Померанцева Э.В. 1975. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре – М.: Наука, 1975. – 192 с.

Померанцева Э.В. 1982. Померанцева Э.В. Роль слова в обряде опахивания / Померанцева Э.В. // Обряды и обрядовый фольклор. – М. : Наука, 1982. – С. 25 – 36.

Поспелов П. 1870. Поспелов П. Русские народные праздники с их обрядами // Руководство для сельских пастырей. – 1870. – № 45. – С. 334 – 345.

Поспелов П. 1870а. Поспелов П. Русские народные праздники с их обрядами // Руководство для сельских пастырей. – 1870. – № 48. – С. 466 – 487.

Пропп В.Я. 1986. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986 — 364 с.

Пушкарёва Н.Л. 2005. Пушкарёва Н.Л. „История повседневности” и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Гласник этнографского института САНУ. – 2005. – № 53. – С. 21 – 34.

Розанов А.И. 1882. Розанов А.И. Записки сельского священника. Быт и нравы православного духовенства – СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1882. – 324 с.

Руднев А. 1854. Руднев А. Село Голунь и Новомихайловское Тульской губернии Новосильского уезда // – ЭС. – 1854. – Вып. 2. – С. 98 – 110.

Русский народ: его обычаи, обряды, суеверия, поэзия / [собр. М. Забелин]. – М. : Издание книгопродавца М. Березина, 1880. – 616 с.

Терещенко О.А. 2009. Терещенко О.А. Гендерні аспекти магічних уявлень українського та російського селянства у першій пол. XIX ст. (на матеріалі Чернігівської і Тульської губерній) // Проблеми історії Центральної і Східної Європи. – Брянск: РИО БГУ, 2009. – С. 150 – 156.

Токарев С.А. 1957. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов кон. XIX – нач. XX в.в. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1957. – 164 с.

Троицкий П. 1854. Троицкий П. Село Липицы и его окрестности. Тульской губернии, Каширского уезда // Этнографический сборник. –1854. – Вып. 2. – С. 81 – 97.

ТАМБОВСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ЗЕМСКАЯ АГРОНОМИЯ В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОГО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

*Николай Токарев
(Тамбов, Россия)*

С применением на практике столыпинских законов приходило понимание того, что одних только усилий правительства для решения масштабной задачи аграрной интенсификации явно недостаточно, что только расширением участкового землевладения будет невозможно решить вопросы перехода к прогрессивным методам ведения хозяйства у «новых помещиков» и способствовать скорейшей рационализации крестьянских хозяйств.

В отчете за 1908 г. тамбовский губернатор Н.П. Муратов отмечал малокультурность крестьянского хозяйства, плохую обработку земли и «почти полную беспомощность населения в области применения улучшенных и более рациональных способов хозяйничанья». Провинциальный администратор, он увидел выход в сотрудничестве с земствами и введении широкой агрономической помощи при финансовой поддержке правительства [РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1909. Д. 66. Л. 3, 3 об].

В Тамбовской губернии переход инициативы от правительственных органов к земским намечается с 1910 г., когда органы самоуправления стали ходатайствовать о передаче им агрономической помощи в районах землеустройства [ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9449. Л. 2 об]. К решению задач по рационализации сельскохозяйственного производства земства оказались лучше приспособлены, т.к. местные люди основательней, чем государственные служащие, знали хозяйственные нужды деревни, располагая богатым статистическим материалом, полученным на основе подворных переписей, исследования крестьянских бюджетов и составления ежегодных сельскохозяйственных обзоров и сводок [Ефременко 2002, 328].

В 1910 г. в губернии начали действовать 14 земских агрономических участков, в 1911 г. – уже 40, в 1912 г. – 53. Добиться полного заполнения агрономической сети удалось только в 1914 г. [Отчет об агрономической деятельности уездных земств 1910, 4; Журналы Тамбовского губернского земского собрания 1912, 793, 794.; Журналы Тамбовского губернского земского собрания 1913, 469.; Адрес-календарь 1914, 154, 155, 216, 262, 318, 402, 449, 487, 548, 549, 584, 629, 684, 726].

С передачей земствам государственных средств и с разверстанием значительных районов землеустройства, потребовавших привлечения новых агрономических сил, значительно увеличилось как число участков, так и агрономов, их помощников и инструкторов по отдельным отраслям сельского хозяйства [ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9449. Л. 3].

Отчеты агрономов полны фактов удручающего психологического климата, возникшего вокруг земской организации: «приходится работать в атмосфере исключительного положения темной крестьянской среды, встречая часто подозрительно насмешливое отношение» [Журналы Шацкого уездного земского собрания 1910, 195].

Встречаясь с сопротивлением массы, участковые агрономы искали и находили незаурядных крестьян, готовых принять советы пришлых людей. «Нарождавшаяся потребность в изменении и улучшении хозяйственного строя находила в них олицетворенное воплощение». В «сознательных крестьянах» видели посредников между агрономом и массой, способных служить тем мостом, по которому в народную среду проникать сельскохозяйственные знания [Журналы Шацкого уездного земского собрания 1910, 109].

Представители губернской администрации, агрономы и земцы отмечали большую предрасположенность единоличников к агрокультурным инновациям. В отчете губернатора за 1911 г. говорилось: «Все агрономические мероприятия встречают самое живое и деятельное подражание среди населения вообще, а в особенности среди лиц, отказавшихся от общинной формы землевладения и создающих, что благодаря агрономической помощи при посредстве землеустроительных комиссий их хозяйства крепнут» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1912. Д. 64. Л. 4 об, 5].

По мнению агрономов, владелец участка более открыт и подвижен, его нужно подтолкнуть к изменениям в хозяйстве, «пока крестьянин еще не укоренился с своим трехпольем на отведенном отрубке». Из Кирсановского уезда сообщали: «наибольшее стремление к общению с агрономическим пунктом проявили хуторяне и отрубщики», «агрономической помощью пользуются исключительно отрубники. Общинники этой помощи не хотят» [Журналы очередного Тамбовского уездного земского собрания 1912, 608; 1911 год. Журналы Кирсановского уездного земского собрания 1912, 133, 383; Журналы совещания земских агрономов 1911, 5].

Земские агрономы заверяли: «На хуторах работа, по видимому, идет успешнее. Тут крестьянин, очутившись в новой, непривычной ему обстановке, хватается за все, что бы только лучше устро-

иться, это, во-первых, а во-вторых, воля разумного хозяина не стесняется волей общественной» [Журналы совещания земских агрономов 1912, 231, 232].

Насколько нелегким для крестьян оказывался поворот к рациональным методам хозяйствования говорят результаты локального осмотра 14 хуторских и 151 отрубных хозяйств в Шацком уезде. В 1911 г. земские агрономы только у 3 хуторян нашли улучшенный инвентарь, у остальных – обыкновенный, у 2 единоличников не было и сохи. Севооборот трехпольный отмечался у 11 домохозяев, восьмипольный – у трех. Традиционное трехполье отсутствовало только в 7 отрубных хозяйствах [Журналы Тамбовского губернского земского собрания 1912, 813].

В 1913 г. из 5902 клиентов Крестьянского банка, сравнительно с другими тамбовскими единоличниками хорошо обеспеченных земель, 39,2% обрабатывали участки улучшенными орудиями, но только 13,8% произвели рядовой или ленточный посевы, 2,9% ввели в севооборот травосеяние [ГАТО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 7746. Л. 23 об].

В период становления организации нового человека на селе иногда принимали за чиновника-землеустроителя, которому нужно жаловаться на малоземелье. Отсюда следовало и разочарование общинников словами агрономов: «земли я им не привез и чтобы у меня ее не просили, так как все их просьбы силой не будут удовлетворены, и указывал им, что работа моя будет сосредоточена на той земле, какая у них имеется» [Журналы очередного Тамбовского уездного земского собрания 1912, 605; Журналы совещания земских агрономов Тамбовской губернии 1911, 90].

Из деревенских командировок агрономы привозили суждение: «Недоверие побороть не трудно, но труднее рассеять среди крестьян то убеждение, что, имея мало земли, они уже не в состоянии приступить к каким бы то ни было улучшениям» [Журналы совещания земских агрономов 1912, 82].

Среди причин, объяснявших равнодушие крестьян нечерноземной части губернии к агротехническим нововведениям, отчеты называли побочные промыслы и отходничество, как, например, в ряде селений Моршанского и Шацкого уезда [Отчеты участковых агрономов 1913, 45; Журналы Шацкого уездного земского собрания очередной сессии 1911, 404]. В северных уездах Тамбовского края «все свободное от полевых работ время мужское население... работает в лесу», получая часто от лесных работ больше, чем от своего экстенсивного хозяйства, и «...в голове крестьянина поселяется убеждение, что кормиться можно только от топора и пилы, а от сохи толку мало» [Труды 6-го совещания 1915, 121]. Жители Моршанского уезда отводили земледелию «второстепенное, а порой и третьестепенное значение, и появление в деревне агрономических работников не производит никакого впечатления» [Отчеты участковых агрономов 1913, 89].

Наоборот, в той части Тамбовской губернии, где земледелие было главным промыслом, агрономам пришлось столкнуться с патерналистскими ожиданиями. В надежде на даровую прирезку земель крестьяне недружелюбно встречали представителей новой для себя профессии: «Нам земли давай, а то ишь ты учить нас вздумал пахать как землю». В 1912 г. агрономам Темниковского уезда крестьяне объясняли: «у них мало земли; поэтому будут работать так, как работали их отцы и деды». На чтениях в Усманском уезде общинники «проявили массу скептицизма». Говорили, что «вот кабы земельки то дали побольше, да посложили лишние, непосильные налоги, тогда бы и без агрономов можно было бы прожить хорошо». Выражали недовольство, что «на 10 саженьях и так тяжело жить, а тут еще агрономов присылают». В отчете Борисоглебского земства за 1912 г. отмечалось: «...крестьяне на чтениях часто демонстративно заявляли, что «им не надо никаких агрономов», что «агрономы их опять приехали разгонять на хутора» и проч., и при этом многие демонстративно же покидали самые чтения» [Журналы Усманского уездного земского собрания 1912, 998; Журналы Усманского уездного земского собрания 1913, 1084; Журналы Темниковского уездного земского собрания 1913, 421; Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1913, 500].

Рекомендуемые агротехнические новшества наталкивались на возражения селян: «что это все не то, а вот земли мало». На предлагавшиеся частичные улучшения: обработка, правильное внесение удобрения, посев, уход за растениями и т.д. – сельское население смотрело «как на пустяки, как на что-то такое, что может быть и хорошо, но не главное и настолько незначительное, неважное, что не стоит этим и заниматься» [Отчеты участковых агрономов 1913, 89, 90].

Отклик деревни на лекции агрономов в 1913-1914 гг. был предсказуемым: «Наскажут, а для чего спроси, он и сам тебе не скажет; дал бы сначала зямли нам всем, а потом уже тагда и учи нас, как там ее обьягоривать, стало быть, землю то». Некоторые из крестьян на счет чтений говорили: «Чего ходить! В книжках там хорошо сказано. Вот если бы землицы нам» [Тамбовские отклики. 1913. 10 декабря. № 7; 1914 год. Журналы Кирсановского уездного земского собрания. 1915, 208, 209].

Нехватка природных ресурсов, особенно, малые размеры земельных наделов, вместе с недостатком средств, затрудняли переход крестьян к интенсивным приемам хозяйствования, мешали се-

лянам покончить с привычными экстенсивными агротехнологиями [Канищев 2003, 524, 525].

«Боязнь всякого нововведения», неверие крестьян в предлагаемые хозяйственные улучшения были повсеместно распространены. Слушатели «на общие положения, напр., об улучшении лугов, говорили, что у них так мало лугов, что улучшать то нечего; о правильной обработке почвы – у нас земли мало, на тему по огородничеству – у нас огородов нет, о ранней обработке пара – нам некуда скот девать» [Журналы Темниковского уездного земского собрания 1914, 430].

По этому поводу заслуживает внимания замечание Б.Н. Миронова, что циклическое восприятие окружающего мира сельским социумом рождало «его недоверчивость ко всяким переменам, всяким нововведениям, будь они хорошими или плохими, и традиционализм, который по крайней мере гарантировал сохранение того, чем человек обладает в данный момент». Отсюда шло признание крестьянами агротехнического нововведения, способного нарушить обычай и традиции, «неразумным» [Миронов 1999, 330].

Сохранялось предубеждение крестьян и к усовершенствованным орудиям и машинам. В Козловском уезде сеялками не хотели пользоваться из-за боязни получить худший урожай. Приглашение участкового агронома к устройству прокатного пункта в с. Мордовские Новоселки (Темниковский уезд) встретило враждебную реакцию местного населения: «Не желам», «плуг по нашей земле не пойдет», «никаких твоих машин не желам». [ГАТО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 856. Л. 19 об, 20.; Журналы Темниковского уездного земского собрания 1914, 414].

По воспоминаниям агронома Д.З. Ляха, в 1913 г. засуха, грозившая недородом, увеличила неприятие агротехнических новшеств в Тамбовском уезде: «На что нам агрономы? Пока их не видно было, и рожь в оглоблю родила, а теперь...» [Лях 2004, 204].

Тормозила проведение полезных сельскохозяйственных нововведений, как следует из отчетов 1915 г., «народная темнота». Крестьян, спешивших к агроному на беседу, останавливали соседи: «Приехал агроном читать, сначала затянет к себе, а потом будет собирать за это лишние деньги» [Журналы очередного Тамбовского уездного земского собрания 1916, 456].

Сами агрономы признавали, что далеко не все новшества вызывали интерес в крестьянской среде, так, факты перехода к многопольному севообороту были единичными, о них рапортовали как о несомненном достижении агрономического воздействия. Например, за полтора года службы на участке в Усманском уезде М.Г. Лучебуля при его содействии перешли к интенсивным системам землепользования только 5 хозяйств [Журналы Усманского уездного земского собрания 1913, 1155; 1913 год. Журналы Кирсановского уездного земского собрания. 1914, 525; 1914 год. Журналы Кирсановского уездного земского собрания. 1915, 315, 316].

Опираясь на данные подворного обследования 1912 г., А.А. Иванов подвел неутешительный итог: «в крестьянских хозяйствах Тамбовской губернии во многом сохранялась традиционная структура посевных площадей, процесс перехода от трехполья к многопольным севооборотам происходил медленно» [Иванов 2000, 78].

К началу 1913 г., по официальным данным, «успех агрономической деятельности среди единоличников, как со стороны земской агрономической организации, так и правительственной сказался в том, что уже около 200 единоличных хозяйств в губернии перешли от трехполья к более совершенным севооборотам, большею частью вводится четырехполье с пятым выводным клином, засеянным люцерной или костром, но в северной части губернии принимаются 6-7-9-польные севообороты с посевом клевера» [Адрес-календарь 1913, 34].

Но количество единоличников-новаторов составило, по нашим подсчетам, совсем незначительную часть – 0,8% от участковых землевладений, образованных на надельных, банковских, казенных и купчих землях [Сведения о землеустроительных работах 1914].

О проникновении в деревню рациональных методов ведения хозяйства имеются и другие доказательства. Так, по некоторым подсчетам, с начала XX в. до 1916 г. возросла площадь кормовых трав у тамбовских крестьян: с 442 до 15000 дес. По другим данным, с 1912 по 1917 гг. отмечалось двукратное увеличение посевов кормовых трав. Современники наблюдали более тщательную обработку пашни и посевов и применение удобрений. Почти повсеместное распространение получила практика двояния пара. По данным бюджетного обследования 1915 г. двойная вспашка преобладала в 87% хозяйств, а в северных уездах она охватывала до 92 % угодий [Хохонин 1995, 119; Есиков 1998, 32; Иванов 1997, 147].

Оценивая результативность деятельности агрономической организации, надо признать, что за считанные годы удалось добиться позитивных сдвигов в развитии крестьянского хозяйства. Однако придется согласиться и с мнением Елатомского уездного предводителя дворянства кн. Н.Н. Гагарина, высказанным в августе 1914 г.: «... до полной реорганизации крестьянских хозяйств еще далеко» [ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8396. Л. 30 об, 31].

Начавшаяся мировая война вмешалась в процесс перестройки крестьянского хозяйства. Массо-

вые мобилизации изъяли из деревни наиболее активных, деятельных и восприимчивых к нововведениям крестьян. С уходом новаторов в действующую армию агрономы теряли опору для своих начинаний, ибо резко сократился «элемент молодой, наиболее подвижный и интересующийся улучшениями в своих хозяйствах и потому наиболее отзывчивый на различного рода агрономические начинания», «мысли же оставшихся крестьян далеки от улучшения своего хозяйства» [Борисоглебское уездное земство 1915, 36; Журналы очередного Тамбовского уездного земского собрания 1916, 419, 420].

Итак, спустя несколько лет после появления закона 9 ноября судьба реформирования аграрного сектора имперской экономики была поставлена в зависимость от земских учреждений. С годами под эгидой земской организации сосредоточились практически все мероприятия по внедрению передовых аграрных технологий. Участковая агрономия в Тамбовской губернии за короткое время добилась сдвигов в организации крестьянского хозяйства по пути интенсификации. Однако масштабы и темпы трансформации поведения и сознания крестьян Центрального Черноземья оказались относительно невелики. Недолгая работа участковой организации велась среди крестьянского населения с его специфичным менталитетом и культурой. Многочисленные организационные и финансовые проблемы только усугублялись военными условиями. В результате накануне падения самодержавия тормозилась интенсификация сельскохозяйственного производства. К 1917 г. в тамбовской деревне по-прежнему господствовала парадигма экстенсивности, предопределившая традиционное отношение крестьян к землеустройству и агрономической помощи.

Источники и литература

1911 год. Журналы Кирсановского уездного земского собрания (очередной сессии 30 сентября - 4 октября). Тамбов, 1912.

1913 год. Журналы Кирсановского уездного земского собрания (чрезвычайной сессии 23 января и очередной 30 сентября-5 октября). Кирсанов, 1914.

1914 год. Журналы Кирсановского уездного земского собрания (чрезвычайных сессий 6 июня, 12 августа и очередного 20-23 октября). Кирсанов, 1915.

Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии 1913 г. Тамбов, 1913. Раздел IV: Приложения.

Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии 1914 г. Тамбов, 1914.

Борисоглебское уездное земство Тамбовской губ. Сводный отчет по сельскохозяйственной деятельности за 1914 год. Борисоглебск, 1915.

ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9449.

Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900-1921 гг.). Тамбов, 1998.

Ефременко А.В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002.

Журналы очередного Тамбовского уездного земского собрания сессии 1911 года. С приложениями. Тамбов, 1912.

Журналы очередного Тамбовского уездного земского собрания сессии 1915 года. С приложениями. Тамбов, 1916.

Журналы совещания земских агрономов Тамбовской губернии при Тамбовской губернской земской управе 30-31 августа и 1-2 сентября 1911 г. Тамбов, 1912.

Журналы совещания земских агрономов Тамбовской губернии при Тамбовской губернской земской управе 5-9 марта 1911 г. с докладами. Тамбов, 1911.

Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1912 года с приложениями. Тамбов, 1913.

Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1911 года. С приложениями. Тамбов, 1912.

Журналы Темниковского уездного земского собрания очередной сессии 1913 года. Темников, 1914.

Журналы Темниковского уездного земского собрания очередной сессии 1912 года. Темников, 1913.

Журналы Усманского уездного земского собрания очередной сессии 1912 г. Заседаний 29, 30 сентября и 1 октября. Усмань, 1913.

Журналы Усманского уездного земского собрания чрезвычайного 23 января и очередной сентябрьской сессии 1911 г. Усмань, 1912.

Журналы Шацкого уездного земского собрания очередной сессии 1909 года и чрезвычайных 20 ноября и 30 декабря 1909 года. Шацк, 1910.

Журналы Шацкого уездного земского собрания очередной сессии 1910 года. Шацк, 1911.

Иванов А.А. Деятельность земств Тамбовской губернии по внедрению новых агротехнологий в крестьянское хозяйство в конце XIX – начале XX века // Проблемы региональной истории России.

Сб. ст. В 3 ч. Липецк, 1997. Ч. I.

Иванов А.А. Развитие сельскохозяйственного производства в черноземной деревне в предвоенный период проведения столыпинской аграрной реформы // Вехи минувшего: Уч. зап. Ист. фак-та. Вып. 2. Липецк, 2000.

Канищев В.В. Экономика, демография, экология в контексте модернизации аграрного общества (Тамбовская губерния в XIX – начале XX в.) // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003.

Лях Д.З. Спогади про життя моє / Публ. С.Р. Лях // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2004. Вип. XVII.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999.

Отчет об агрономической деятельности уездных земств за 1910 г. Тамбов, 1910.

Отчеты участковых агрономов и инструкторов Моршанского земства за 1913 год. Моршанск, 1913.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1909. Д. 66.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1912. Д. 64.

Сведения о землеустроительных работах, исполненных по Тамбовской губернии на 1 января 1914 года. Тамбов, 1914.

Труды 6-го совещания земских агрономов Тамбовской губернии при Тамбовской губернской земской управе 16-19 мая 1913 года. Тамбов, 1915.

Хохонин О.М. Об изменениях в агротехнике на крестьянских землях Центрально-Черноземных губерний в 1900-1914 годах // Уроки российской цивилизации. Воронеж, 1995.

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ АГРАРНОГО КРИЗИСА В РАЙОНАХ МИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

(на материалах типично земледельческих губерний Черноземного центра Европейской России)

*Михаил Чуркин
(Омск, Россия)*

Период второй половины XIX – начала XX вв. характеризовался значительными изменениями в социально-экономическом и общественно-политическом строе Российской империи. Отмена крепостного права в 1861 г. и серия либеральных реформ 1860–1870-х гг. способствовали росту переселенческой активности сельского населения, формированию и актуализации миграционной парадигмы.

В земледельческой отрасли экономики Черноземного центра Европейской во второй половине XIX - начале XX вв. произошло оформление аграрно-экологического кризиса, ограниченного территориальными рамками исследуемого региона, вследствие экстенсивной эксплуатации земельных угодий, регулярного вовлечения в производственный оборот дополнительных площадей лесного и лугово-пастбищного комплекса.

Эскалация аграрного кризиса в регионе стала результатом действия природно-географического фактора, влияние которого на производственные процессы в деревне существенно корректировало и усиливало значение экономической компоненты в организации хозяйственной деятельности крестьянства.

Симптоматично, что в климатическом отношении Центральное Черноземье, как регион наиболее активно вовлеченный в земледельческий производственный процесс, отличалось выгодными характеристиками. К их числу относился умеренно-континентальный климат со средними значениями температур: для зимы - от -7,2 до -8,2, весны - -4,0 до 4,7, лета - от 14,8 до 18,3, осени - от 6,5 до 4,2 градусов, а также достаточная годовая сумма осадков - 450-500 мм [Чуркин 2006, 59-62]. По почвенным условиям рассматриваемый регион принадлежал к черноземному типу и характеризовался однородностью проявлений почвенного климата [Воейков 1948, 386].

Формально благоприятные природные условия региона в контексте сельскохозяйственной деятельности обладали рядом особенностей, отрицательно сказывающихся на земледельческой практике. К числу таковых следует отнести: спорадически повторяющиеся засухи, наводнения, бури и ураганы, градобития, весенне-летние возвраты холодов, ранние осенние заморозки, бесснежные зимы.

В оценке губительных последствий для сельского хозяйства засух среди географов, метеорологов, экономистов единого мнения не существовало. М.А. Боголепов, исследуя причины неурожаев и голода в России в историческое время, настаивал на том, что наибольшую опасность для земледелия всегда представляли наводнения, так как засухи редко поражали в один год и яровые, и озимые посевы [Боголепов 1922, 10-19]. Выводы учёного основывались главным образом на метеорологических наблюдениях, зафиксированных в летописях, составленных в период XI – XVIII столетий. [Боголепов 1922, 19].

Критическому анализу выводы М.А. Боголепова были подвергнуты экономистом К. Вернером на страницах журнала «Вестник Европы» в 1893 г. К. Вернер, ссылаясь на немецкого климатолога Э. Брикнера, утверждал, что умозаключения М.А. Боголепова в целом верны, но не имеют универсального значения, так как климаты вообще и применительно к России в частности испытывают частые колебания [Вернер 1893, 118-120]. Так, для России Э. Брикнер выделял группы климатических циклов: влажные и холодные (1691–1715, 1730–1750, 1760–1775, 1806–1820, 1836–1855, 1871–1885), сухие и тёплые (1716–1729, 1751–1765, 1776–1805, 1821–1835, 1856–1870, 1890–189?) [Вернер 1893, 118-120].

Насколько согласуются выводы Э. Брикнера и К. Вернера о вступлении европейской части России в 1890-е гг. в засушливый период и каковы были последствия засух для сельского хозяйства черноземной полосы, можно выяснить, опираясь на многолетние наблюдения за погодой и её проявлениями в исследуемом регионе.

Принимая во внимание, что климат, в отличие от погоды (мгновенного состояния атмосферы), является статистическим ансамблем метеорологических характеристик за продолжительный временной отрезок, воспользуемся обзорами погоды в Российской империи за 10-летний период с 1891 по 1900 гг. В течение 10 лет засухи в чернозёмных областях случались систематически, исключение составил лишь 1899 г., отличавшийся небывалым количеством оттепелей в зимний период, почти повсеместными в регионе высокими весенними половодьями и обилием ливневых осадков. Засушливые явления, охватившие регион, распространялись на весь вегетационный период, с относительно равной повторяемостью проявляясь в период с апреля по октябрь. Так, за исследуемый отрезок, проявление засух, оказывавших влияние на фенологический потенциал культурных растений, случалось: в апреле – 4 раза; в мае – 5 раз; в июне – 5 раз; в июле – 5 раз; в августе – 6 раз; сентябре – 5 раз; октябре – 3 раза [Метеорологический вестник 1891-1900, авторская выборка].

Наибольшую опасность для земледелия засухи представляли в весенние и летние месяцы, т. е. на начальном этапе вегетационного периода, когда зерновые вступают в фазу укрепления корней и развития трубки, нуждаясь в оптимальном количестве влаги, и в период всходов злаковых растений. По обобщенным автором свидетельствам «Метеорологического вестника», весенние засухи на рубеже XIX - XX в. были зафиксированы в Курской губернии - в 1892, 1894, 1895, 1898 гг.; в Воронежской губернии - в 1895, 1896 гг.; в Орловской и Тамбовской губерниях - в 1900, 1901 гг. [Метеорологический вестник 1891-1900, авторская выборка].

Что же касается летних засух, то согласно систематическим наблюдениям, в июне 1891 г. дефицит влаги негативно сказался на всходах посевов в Тамбовской губернии. Отсутствие дождей в этот же период спровоцировало лесные пожары в Орловской губернии [Метеорологический вестник 1891 №7, 312]; в августе того же года в Курской губернии от стабильной жары оказались попорченными гречиха, просо и конопля [Метеорологический вестник 1891 № 9, 449]; в июле 1892 г. «в Воронежской губернии имела место засуха, частично уничтожившая яровые посевы» [Метеорологический вестник 1892 № 9, 340]; в августе 1893 г. в Курской губернии от засухи пострадали хлеба, которые вышли «зерном щуплы и с захватом» [Метеорологический вестник 1893 № 9, 390-391]; буквально через год, в августе 1894 и в июле 1895 г., в Курской губернии засуха повторилась с идентичными последствиями [Метеорологический вестник 1895 № 9, 373]; в 1896 г. сильнейшее бездождье постигло в летний период уезды Орловской губернии, где «большая часть июньских осадков пришлось на 3 последних дня (32 мм), а с 1 по 27 июня выпало лишь 2,1 мм, что приостановило рост яровых». [Метеорологический вестник 1896 № 7, 216, 217].

Последствия засушливых периодов менее всего ощущались в Центральном Черноземье в осенний период (8 случаев за 10 лет), поскольку возникала ситуация, благоприятствующая уборке хлебов. Особенно ощутимыми являлись преимущества сухой осени в связи с широким распространением в чернозёмной полосе озимых культур, не приспособленных к избытку влаги. В частности, корреспонденты метеорологической станции в г. Павловск Воронежской губернии отмечали прекрасное состояние озимей в октябре в засушливом 1897 г. [Метеорологический вестник 1897 № 11, 511]. Тем не менее, длительное отсутствие осадков, особенно в летние месяцы, наносило существенный вред сельскому хозяйству. Так, в октябре 1891 г. Метеорологический вестник сообщал о высыхании кормов и о выгоревшей конопле в Курской губернии [Метеорологический вестник 1891 № 10, 491]; гибели озимых в Острогжском, Богучарском, Павловском уездах Воронежской губернии по причине отсутствия дождей с апреля [Метеорологический вестник 1891 № 12, 590]; катастрофических последствиях засушливого лета в Воронежской губернии, усугубившихся сухостью второй половины сентября и начала октября, когда «растительность на полях исчезла, скот кормить нечем, садовые деревья погибли» [Метеорологический вестник 1891 № 10, 414-415].

Немалый ущерб земледельческому производству, наряду с часто повторяющимися засухами, наносили и избытки влаги, проявлявшиеся в чернозёмном центре в виде весенних разливов рек и при ливневых осадках, проходящихся, как было показано выше, преимущественно на летние месяцы.

Так, в 1892 г. во время апрельского разлива реки Воронеж в Козловском уезде Тамбовской губернии было затоплено множество строений, снесены мосты и плотины, уничтожены водяные мельницы [Метеорологический вестник 1892 № 5, 213]; в 1894 г. разлив Сейма, Тускари и Кривцы привёл к наводнению в Курской и Орловской губерниях [Метеорологический вестник 1894 № 5, 207]; в апреле 1895 г. повторилось наводнение в Орловской губернии; последствия его зафиксировали корреспонденты «Метеорологического вестника»: «Жители были вынуждены прорывать каналы, чтобы не затопило жилья; погреба наполнены водой, скот терпит голодуху, сено вздорожало» [Метеорологический вестник 1895 № 5, 205]; в 1899 г. произошёл разлив р. Цны в округе с. Борки Тамбовской губернии [Метеорологический вестник 1899 № 6, 420]; в 1900 г. – наводнение в Курской губернии [Метеорологический вестник 1900 № 5, 213].

Существенное корректирующее влияние на произрастание сельскохозяйственных культур в чернозёмной полосе Европейской России оказывало не столько общее количество осадков, сколько их распределение по сезонам, месяцам года и собственно внутри текущего месяца.

Корреспонденции метеорологических станций чернозёмного района упоминают о случаях избытка осадков применительно к периоду с января по ноябрь включительно. Анализ этих свидетельств, приводит к выводу, что в массе своей осадки в четырёх губерниях Черноземного Центра абсолютно преобладали в весенне-летний период (23 эпизода из 35 годовых) – решающий для вегетации растений.

Существенным фактором, ставящим под сомнения результаты крестьянского земледелия, являлась специфика термического режима в исследуемом регионе, выраженная в частых весенних возвратах холодов и ранних осенних заморозках. По расчетам А.А. Каминского - в черноземной полосе в среднем возвраты холодов приходились на конец апреля/первую декаду мая, а первые осенние заморозки – на начало второй декады сентября [Каминский 1925, 130-131]. Тем не менее, в отдельные годы возвраты холодов случались и в первой декаде июня (1891, 1898 гг.), а ранние осенние заморозки – в августе (1897 г.). По многолетним наблюдениям, ночные заморозки в Орловской губернии прекращались: после 28 апреля – в 20 % случаев; после 6 мая – в 33 %; 18 мая – 50 %; 22 мая – 83 %; 3 июня – 97 % [Максимов 1955, 38].

Ранние осенние заморозки в чернозёмных губерниях России, приходящиеся на сентябрь, октябрь, так же были зафиксированы метеостанциями: в октябре 1894 г. (Орловская губерния), в октябре 1895 г. (Тамбовская губерния), в сентябре 1896 г. (Орловская, Воронежская губернии), в августе 1897 г. (Воронежская, Тамбовская губернии), в июле 1898 г. (Курская губерния), в сентябре 1898 г. (Воронежская губерния), в октябре 1899 г. (Воронежская губерния), в 1900 г. (Воронежская губерния) [Метеорологический вестник 1891-1900, авторская выборка].

Влияние весенних возвратов холодов и осенних заморозков на транспирацию культурных растений было разнообразным и далеко не в каждом из описанных эпизодов приводило к их полной гибели: наибольшую опасность для зерновых культур представляли майские, и в особенности июньские, возвраты холодов после стабильно тёплых периодов, когда происходило формирование корневой системы растений; холода в марте и начале апреля носили чаще всего не возвратный характер, а являли собой завершение холодного периода, поэтому меньше всего воздействовали на фенологические характеристики; различные зерновые культуры, соответственно, с разной результативностью переносили межсезонные заморозки; наименьшей морозостойкостью отличались некоторые огородные растения и фруктовые деревья, чаще всего страдавшие от заморозков.

Реальную угрозу для зерновых культур черноземья представляли комбинационные сочетания неблагоприятных явлений, таких как, например, обилие воды на полях после половодья, совпавшее с весенним возвратом холодов, а также резкие температурные колебания. Для зерновых и огородных культур определяющее значение имел не столько заморозок, сколько последующий период нагревания. Если температура воздуха резко поднималась, то растение гибло, так как частые перепады температур приводили к сильному испарению влаги.

Печальные последствия для растений при перепадах температур, объяснялись и специфически почвенными особенностями чернозёмного региона России, а именно рыхлостью почвенной структуры и незначительной теплопроводностью, что определяло медленный (7–8 часов на 10 см) отогрев почвенного покрова [Адамов 1904, 195]. В этой связи, к числу экстремальных относились: июнь 1891 г., апрель, май, август и октябрь 1893 г., май 1894 г., май и сентябрь 1895 г., сентябрь 1896 г., июль, сентябрь и октябрь 1898 г., май 1900 г.

К разряду природных явлений, существенно влияющих на результаты земледелия в чернозёмных губерниях, необходимо отнести характер залегания и распространения снежного покрова. Специальным исследованиям данная проблема была подвергнута в трудах А.И. Воейкова, который отмечал, что «нигде влияние снежного покрова так не велико, как в России, так как нигде нет равнины настолько обширной, отдалённой от морей и покрытой снегом зимой» [Воейков 1948, 269]. Корреспон-

денты «Метеорологического вестника» в своих сообщениях отмечали подобные явления в апреле 1892 г. в Тимском уезде Курской губернии [Метеорологический вестник 1892 № 6, 237-241], в феврале 1894 г. в Корочанском уезде Орловской губернии [Метеорологический вестник 1894 № 3, 112], в феврале 1897 г. в Курской губернии [Метеорологический вестник 1897 № 4, 204], в январе 1899 г. в Орловской губернии [Метеорологический вестник 1899 № 12, 247], в апреле 1900 г. в Курской и Воронежской губерниях [Метеорологический вестник 1900 № 5, 216].

Крайнюю степень опасности для культурного растениеводства представляло в чернозёмной полосе отсутствие (или недостаток) снежного покрова в бесснежные и малоснежные зимы. Именно в этот продолжительный (от 3 до 3,5 месяцев) период с частыми морозами и оттепелями озимые нуждались в снежном покрове, способном защитить поля от промерзания.

По свидетельствам корреспондентов «Метеорологического вестника», в период с 1891 по 1900 г. дефицит снежного покрова и его частые колебания в связи с зимними термическими аномалиями наблюдался в феврале 1894 г. в Курской губернии, где сошедший вследствие оттепелей снежный покров оголил поля, подвергнувшись двухсуточным заморозкам; в Орловской губернии до 19 февраля того же года снежный покров ещё не сформировался на высоких местах, а в Курской и Тамбовской губерниях залегал неравномерно [Метеорологический вестник 1894 № 3, 117]; в марте 1894 г. из-за отсутствия снега вымерзли многие растения в селе Хотьково Орловской губернии.

Колоссальные убытки земледельческому сектору экономики чернозёмного региона наносили систематические градобития. Особенно часто это стихийное бедствие случалось в степной полосе Тамбовской, западной части Воронежской и центральных районах Орловской губерний, где градовые тучи распространялись либо полосами, либо интенсивность выпадения града определялась особенностями экспозиции местности – повышением отметок поверхности. Сильнейшие градобития были отмечены в чернозёмной полосе России в пореформенную эпоху: в Воронежской (1861, 1883, 1884, 1885, 1889 гг.), Курской (1861 г.) и Тамбовской (1868 г.) губерниях [Метеорологический вестник 1895 № 2, 73]. По данным статистического исследования Ф. Щербины, в 80-е гг. XIX столетия в Воронежской губернии градобития происходили регулярно, а число засеянных десятин, выбитых градом, было следующим: 1883 г. – 24 224 десятины, 1884 г. – 18 551, 1885 г. – 18 657, 1886 г. – 20 686, 1887 г. – 7 534, 1888 г. – 6 021, 1889 г. – 41 395, 1890 г. – 52 497 [Метеорологический вестник 1897 № 1, 45]. В Орловской губернии только в 1882 г. оказалось выбито градом 23 770 десятин посева, а причинённый ущерб составил 1 203 668 рублей [Метеорологический вестник 1899 № 2, 59].

Частые градобития в губерниях чернозёмного центра, влекущие за собой неизбежные материальные убытки, заставляли сельское население региона искать разнообразные способы противодействия стихии, вплоть до изменения конфигурации пахотных угодий. По наблюдениям С.Я. Капустина, исследовавшего материальное состояние переселенческих хозяйств в местах выхода крестьян, земледельцы Тамбовской губернии отличались стремлением разбрасывать пашенные участки в разных местах общинных владений, дробить полосы для того, чтобы не все посеянные хлеба подверглись уничтожению [Капустин 1885, 91].

Таким образом, производительность крестьянских хозяйств во второй половине XIX – начале XX вв. самым тесным образом была поставлена в зависимость от природно-климатических условий (температур, стихийных бедствий, количества и распределения осадков) и природно-географических факторов (почв, состояния путей сообщения, орографических особенностей местности). В этой связи среднестатистических показателей, на которых базируются выводы ряда дореволюционных и современных авторов о якобы благоприятных условиях для земледелия, становится недостаточно в решении вопроса об истинной обстановке в сельскохозяйственном секторе Центрального Черноземья. В качестве главного аргумента сторонниками сдержанного подхода был выдвинут тезис о достаточности в целом по России суммы эффективных температур воздуха (от 1 200 до 2 000 °С), необходимых для успешной вегетации растений. При этом, как правило, сбрасывается со счетов то обстоятельство, что сам ход вегетационного периода мог сопровождаться целым спектром неблагоприятных явлений: наводнениями, засухами, суховеями, градобитиями, возвратами холодов, ранними осенними заморозками, существенно корректирующими процесс произрастания и вызревания колосовых культур, огородных растений и фруктовых садов.

Крупнейший экономист второй половины XIX – начала XX вв. Бер Давидович Бруцкус в работе «О природе русского аграрного кризиса» справедливо отмечал, что земледельческие работы в аграрном секторе Европейской России осуществляются крайне неравномерно не только по временам года, но даже в течение месяца, а то и дня. И это обусловлено не только агротехническими, процедурными особенностями производственных процессов, но и различными случайностями, вызванными изменением метеоусловий [Бруцкус 1926, 115].

Анализ неблагоприятных явлений, содержащийся в обзорах погоды за десятилетний период, показывает, что метеорологические отклонения от нормальных величин случались регулярно, но наибо-

льшую опасность представляли тогда, когда выступали совокупно. По информации статистического отдела Воронежской губернии, причины неурожаев и голода в 1891–1892 гг. определились накоплением неблагоприятных метеоусловий: «Сухая с резкими переходами от тепла к холоду погода, при полном отсутствии дождей не дала обсеяться крестьянам с осени, а частью помешала всходам и росту озимых. Суровая и бесснежная зима ещё более ухудшила произведённые посевы. Начавшиеся затем с весны бездождие и несвоевременные морозы, окончательно предрешили неурожай и, после майской и июньской засухи, в большинстве местностей не оказалось ни хлеба, ни трав» [Памятная книжка Воронежской губернии... 1894, 3]. Неурожай в Тамбовской губернии в 1891/1892 гг. также был вызван накоплением последствий негативных воздействий на посевы метеорологических процессов в предшествовавшем 1890 г., когда трёхмесячная засуха, приведшая к несвоевременному севу озимых, была усугублена сильными морозами в конце октября, малоснежной и суровой зимой, ранней холодной весной при минимуме дождей, а также частыми градобитиями [Обзор Тамбовской губернии... 1892, 6].

Становится очевидным, что девиантность и непредсказуемость климатических отклонений от нормы на территории чернозёмной зоны Европейской России, обусловленных факторами циркуляции атмосферы, а также орогеографическими особенностями ландшафта региона, способствовали консервации экономических стереотипов поведения основной массы её крестьянского населения. Теоретические рекомендации специалистов-агрономов, касающиеся опытов искусственного накопления снега или увеличения глубины вспашки с целью защиты плодородного почвенного слоя от размывания ливневыми дождями, не укладывались в канву традиционных агрономических представлений крестьянства. Строгие границы вегетационного периода (по разным свидетельствам от 180 до 225 дней), а также высокая вероятность в этот короткий промежуток экстремальных явлений ориентировала среднестатистического крестьянина на использование главным образом апробированных и прошедших проверку временем сельскохозяйственных технологий, со строгой приверженностью трёхпольной модели севооборота. В сложившейся обстановке, наряду с имманентно присущими региону особенностями природно-географической среды, выдающуюся роль стали играть антропогенные факторы воздействия человека на природу, и в первую очередь на земледелие как приоритетную отрасль экономики в исследуемых губерниях. В агрономической науке и современном ландшафтоведении существует непреложный закон, гласящий, что максимальные изменения в природных ландшафтах под воздействием хозяйственной деятельности человека наблюдаются при освоении земельного фонда в сельскохозяйственных целях. Характерно и то, что наибольший вред ландшафту наносило нарушение оптимально-равновесного состояния основных его компонентов: пашни, пастбищ, сенокосов, населённых пунктов и т. д.

В пореформенное время в сферу активно используемых сельскохозяйственных угодий вовлекались имевшиеся в наделах неудобья, нераспаханные, целинные и заброшенные земли, луга, пастбища, лесные массивы. Агроном А. Советов, посетив летом 1876 г. губернии Центрально-Чернозёмной полосы России, в своём отчёте писал: «Теперь здесь самая интенсивная в известном смысле культура, т. е. нет ни клочка нераспаханного. Всюду и везде поля с всевозможными красными и серыми хлебами» [Советов 1876, 30].

По данным Комиссии 16 ноября 1901 г., в 1900 г. пашня составляла: 82 % удобных надельных земель в Воронежской губернии, 84 % – в Орловской и Тамбовской, 89 % – в Курской [Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 года комиссии... 1903, 60-63]. По отдельным местностям в этом отношении первенствовали: Тимский уезд Курской губернии – 92,3 % и Ливенский уезд Орловской губернии – 88,4 % [РГИА, Л.365]. В этот же период почвоведы и экономисты ставили вопрос о допустимом пределе распашки земель, за которым дальнейшее увеличение пашни могло отрицательно сказаться на развитии крестьянского хозяйства. По утверждению Н.П. Огановского, «в районе чернозёмной полосы предел дальнейшему распространению пашни кладётся тогда, когда она достигает круглым счетом 80 % удобной безлесной территории» [Цит. по: Черменский 1928, 30]. А.Е. Воскресенский, ссылаясь на расчёты экономиста П. Лохтина, утверждал, что при трёхпольном зерновом хозяйстве одни луга должны составлять не менее 100 % пахотной площади, а в центрально-чернозёмных губерниях луга, выгоны, леса, усадебные и приусадебные земли составляли лишь 25,0 % всех угодий [Воскресенский 1903, 64].

Интенсивная распашка земли, предпринятая в Центральном Черноземье в конце XIX – начале XX вв. помимо сиюминутного разрешения земельного вопроса имела гораздо более существенные отрицательные последствия аграрно-экологического характера.

Произведённые в 1880-х гг. земствами чернозёмных губерний опросы местного населения относительно экономического и хозяйственного положения земледельцев, показали, что «урожаи за последние годы понизились, степей и лугов стало меньше, леса подвергаются истреблениям под влиянием непомерных запашек, погода изменилась к худшему: ветры стали дуть чаще и порывистее, дожди выпадают внезапно, участились сухие туманы, реки обмелели и засорились» [Щербина 1887, 4]. В одном из докладов орловской губернской земской управы указывалось: «Нельзя не обратить вни-

мания на значительные изменения в последнее время климата средней чернозёмной полосы. Постоянные ветры, иссушающие почву, скудность дождя, суровая зима, резкие переходы от морозов к жарам вредно влияют на земледелие» [ГА Орловской области..., Л.23 об]. В ответ на запрос МВД о причинах «переселенческой лихорадки» в Воронежской губернии в 1880–1882 гг. местный губернатор, наряду с традиционными сообщениями о недостатке земельных наделов у крестьян, сетовал на недоброкачественность сельскохозяйственных угодий, а также на дефицит выгонов и пастбищных мест [ГАВО..., Л.1-15]. В Тамбовской губернии практически все крестьянские прошения о переселении в Сибирь содержали жалобы крестьян на отсутствие выгонов и пастбищ, недостаток кормов для крупного скота [ГА Тамбовской области..., Л.1-11 об].

Рассмотрение универсальных и специфических черт влияния природно-географического фактора на сельское хозяйство центрально-чернозёмной части Российской империи позволяет сделать ряд существенных выводов.

Природно-географическая среда чернозёмной полосы Европейской России благодаря умеренно-континентальному климату являлась в целом благоприятной для жизни земледельцев и, согласно комплексной оценке природных условий России [Гладкий, Доброскок, Семёнов 2001, 107], относилась к территориям климатического комфорта.

В то же время отдельные особенности климата чернозёмного центра России, характеризующиеся низкими зимними температурами, их частыми колебаниями на протяжении всего сельскохозяйственного периода, неравномерным распределением осадков по сезонам и внутри сезонов, спорадическими стихийными бедствиями, выступали в качестве главных лимитирующих факторов, с точки зрения надёжности и эффективности ведения земледельческих работ.

Неравномерное распределение энергетических затрат лицами крестьянского сословия по сезонам года на хозяйственные работы, импульсивный характер земледельческого труда, прекращаемого и возобновляемого с оглядкой на погодные «причуды», формировали в сознании крестьянства убеждение в низкой эффективности личных трудовых усилий («Три года – урожай, на четвертый не будет»), заставляя придерживаться земледельцев наиболее примитивных технологий в обработке пахенных угодий.

Господство экстенсивных методов в земледелии, предопределённое регулярными климатическими экстремумами, способствовало активизации пагубных антропогенных воздействий на окружающий ландшафт. В результате в чернозёмной полосе Европейской России ускоренными темпами шли процессы деструктуризации ландшафта, формировались антропогенные комплексы низкого бонитета – «антропогенный бедленд»: эродированные и заболоченные почвы, подвижные пески, овраги и т. д. – как следствие нерационального ведения хозяйства. В условиях кризисных изменений ландшафта и его составляющих климат, средние значения которого объективно не являлись препятствиями для сельскохозяйственного производителя, постепенно превращался в реально действующего агента, влияющего на производственные результаты.

Фактическим выражением природно-географической компоненты аграрного кризиса в центрально-чернозёмном районе, проявившего себя ещё в первые пореформенные годы и достигшем критического уровня в 1880–1890-х гг., стали качественные трансформации экономического состояния крестьянских хозяйств, снижение уровня жизни земледельческого населения, рост переселенческой активности крестьянства.

Источники и литература

1. Адамов Н.П. Факторы плодородия русского чернозёма. СПб., 1904.
2. Боголепов М.А. Причины неурожаев и голода в России в историческое время. М., 1922.
3. Бруцкус Б.Д. О природе русского аграрного кризиса // Социалистическое хозяйство. М., 1926.
4. Вернер К. Неурожаи и наше сельское хозяйство // Вестник Европы. 1893. Кн.1.
5. Воейков А.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1948.
6. Воскресенский А.Е. Общинное землевладение и крестьянское малоземелье. СПб., 1903.
7. Гладкий Ю.Н., Доброскок В.А., Семёнов С.П. Социально-экономическая география России: Учебник для ВУЗов. М., 2001.
8. Государственный архив Воронежской области, Ф. 26. Оп. 22. Д. 80.
9. Государственный архив Орловской области, Ф. 525. Оп. 1. Д. 51.
10. Государственный архив Тамбовской области, Ф. 3. Оп. 44. Д. 290.
11. Каминский А.А. Климат и погода в равнинной местности. Л., 1925.
12. Капустин С.Я. Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губернии // Литературный сборник / под. ред. Н.М. Ядринцева. СПб., 1885.
13. Максимов С.А. Метеорология и сельское хозяйство. Л., 1955.
14. Материалы Высочайше учреждённой 16 ноября 1901 года комиссии. СПб., 1903. Ч.1.

15. Метеорологический вестник. СПб., 1891-1900.
16. Обзор Тамбовской губернии за 1891 г. Тамбов, 1892.
17. Памятная книжка Воронежской губернии за 1894 год. Воронеж, 1894.
18. Российский государственный исторический архив, Ф. 1273. Оп. 1. Д. 437.
19. Советов А. Краткий очерк агрономического путешествия по некоторым губерниям черноземной полосы России в течении лета 1876 года. СПб., 1876.
20. Черменский П.Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии. М., 1928.
21. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начало XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006.
22. Щербина Ф.А. Крестьянское хозяйство по Острогжскому уезду. Воронеж, 1887.

«ВЛАСТЬ НА СЕЛЕ» (НА ПРИМЕРЕ КОЛХОЗОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-е ГОДЫ)

*Елена Шорина
(Шексна, Россия)*

Тема власти и властных отношений всегда привлекала и привлекает к себе внимание исследователей [Ватыль 2003, 97-118]. Под общим понятием «власть» подразумевается способность и возможность оказывать определённое воздействие на деятельность, поведение людей, добиться их подчинения с помощью каких-либо средств – воли, авторитета, права, насилия [Рефлексивное крестьяноведение...2002, 436-437].

По мнению немецкого философа М. Вебера власть – это «возможность проводить собственную волю даже вопреки сопротивлению» [Вебер 1968, 58].

Итак, власть – это существенный элемент всякой организации социальной жизни, жизни в коллективе [Чиркин 1999, 83].

Основная цель научной статьи рассмотреть и определить, что понималось под словосочетанием «власть на селе» в 1960-е годы в колхозной деревне Вологодской области.

Шестидесятые годы XX века выбраны не случайно. В эти годы шли массовые призывы от всех органов власти о работе в колхозной деревне. Именно в это время единовременный городской «де-сант» едет в колхозную деревню и не просто в роли специалистов, а в качестве руководителей.

Архивные материалы за 1960-е годы свидетельствуют, что олицетворением власти на селе являлся председатель колхоза. Формально избрание председателя колхоза, осуществлялось общим собранием колхозников. На практике всё было по-другому. Обычно кандидатуры руководителей колхозов «утраивались» районным руководством, и с его подачи кандидаты «выбирались» на этот пост.

Должность председателя колхоза почему-то оказалась номенклатурой райкома, а не номенклатурой самих сельских тружеников. Выборы после того, как будущего кандидата привозили со стороны на колхозное собрание, становились, по существу, профанацией. Ответственным председатель колхоза себя считал уже не перед коллективом, которым руководил, а перед тем органом, который его посадил в председательское кресло и при неудаче пересадит в другое [Шмелёв 2000, 204-205].

В своих мемуарах простой колхозник из деревни Никольщина Кичменгско – Городецкого района Вологодской области А.П. Крутов о 1960-х гг. вспоминал так: «Всё у нас в сельском хозяйстве шло методом проб и ошибок. Очень часто вмешивались в наши крестьянские дела люди, ничего не смыслившие в нём, давали разные команды и указания, начиная с самых высших руководителей и кончая председателем» [Голоса крестьян...1996, 28].

В 1960-е годы возник и умножился в ряде колхозов тип руководителя – «царька». В 1960 г. на имя секретаря Вологодского обкома партии А.С. Дрыгина поступило письмо от колхозников Вологодского района. Колхозники в письме подчёркивали: «Мы хотим сообщить вам о руководстве колхоза имени Суворова Мульганове Е.Н. К нам он послан на руководство колхоза в 1960 г....Надо прямо сказать, что Мульганов работает на руководстве колхоза не для поднятия колхоза, а для своей наживы... Берёт из колхоза корма и зерно в неограниченном количестве и бесплатно... Всего вам не описать, что у нас делается» [ВОАНПИ, л. 49-49 об-50]. Жалоба крестьян проверялась, доводы подтвердились, но председатель отделался выговором. Аналогичных примеров было очень много.

Обратимся к ещё одной «зарисовке» власти на селе, взятой из информационной записки адресованной на имя секретаря Вологодского обкома КПСС. Автором этой записки являлся областной ревизор Марков, который проводил ревизию в колхозе «Россия» Сокольского района Вологодской области в 1963 г. О власти на селе Марков отмечал: «...Председатель колхоза Петруничев получал

зарплату в колхозе в отдельные месяцы дважды за один и тот же месяц, брал в колхозе зерно, поросят, материалы в кредит без дальнейшей оплаты, совещания сопровождал кассовыми расходами в пределах 200 рублей. Путём всевозможных махинаций Петруничев лично причинил ущерб колхозу по неполным данным на сумму 755 рублей 14 копеек...»[ВОАНПИ, л. 26, 43, 45]. В итоге, председатель отделался лишь строгим выговором.

Анализируя крестьянские письма, приходишь к выводу, что жители колхоза, как правило, внимательно и ревностно относились к процессу «обогащения» сельского «царька» - руководителя и его неудачи в управлении хозяйством очень часто связывали с его «успехами» в укреплении личного материального благополучия.

Власть председателей колхозов в 1960-е годы была, действительно, неограниченной. Так, в 1968 г. председатели колхозов «Россия», «Мир», имени Кирова Нюксенского района Вологодской области единолично решали вопросы, входящие в компетенцию правлений колхозов [ГАВО, л. 15].

Объяснить неограниченную власть председателей колхозов в 1960-е годы можно несколькими причинами. Во-первых, на должность председателя назначал райком партии, а не рядовые колхозники, которых ставили перед фактом. Руководители колхозов – это, прежде всего, ставленники райкома, призванные блюсти в первую очередь интересы свои и государства, исполнять соответствующие бюрократические предписания, планы. Во-вторых, забитость, подавленность, страх, отдалённость колхозов, неграмотность и боязнь крестьян позволяли власти на местах делать что угодно. В-третьих, у крестьян в течение многих десятилетий сформировался особый менталитет, то есть своё отношение к власти. Этот менталитет по вкусу немножко отдавал крепостничеством. Председателя, особенно приезжего они (крестьяне) воспринимали, как маленького зажиточного «помещика» или нового хозяина, которому они обязаны подчиняться. В-четвёртых, крестьяне всегда жили по принципу: «Бог терпел и нам велел». В-пятых, в советскую эпоху, особенно в 1960-е годы отсутствовали стимулы «правовой активности» крестьян-колхозников. Необходимо было «выживать», а не проявлять какие-либо знания относительно власти. А уж тем более вступать с властью в конфликт. Иначе на крестьян накладывалась печать антисоветчины, а это было чревато серьёзными последствиями для последних. В-шестых, крестьяне постоянно были заняты повседневными производственными делами, им некогда было посещать колхозные собрания, участвовать в управлении колхозным производством, так как они выполняли тяжёлую колхозную работу. В-седьмых, как таковых «серьёзных» проверок власти на селе из области и района не было. А те, которые были, носили «панибратский» характер и заканчивались коллективными банкетами и фуршетными в колхозных столовых, а иногда и прямо в конторах. В-восьмых, основной целью в стране было стремление к коммунизму, построение нового и светлого общества, основанного на крепком фундаменте марксизма-ленинизма. Во имя осуществления этой цели председателям было дозволено всё: принимать единолично решения, издавать свои приказы, красть коллективную собственность, заниматься очковитирательством, обманом и приписками, оскорблять и унижать людей. В-восьмых, главным для власти на селе было - поддержание железной дисциплины любой ценой. Политика «кнута» постоянно ощущалась на спинах колхозных крестьян, оставляя порой тяжёлые рубцы и кровоточащие, незаживающие раны.

Итак, власть на селе в 1960-е годы осуществлялась в лице председателя колхоза, который получал «скипетр власти» из рук райкома партии. Ставленник райкома для колхозных крестьян всегда оставался «чужим» человеком. Размахивая «скипетром» направо и налево, подчиняя людей, отдавая порой глупые приказы и распоряжения, которые не вписывались в законы логики, председатель не заслуживал и капли их (крестьян) уважения. Ведь «авторитет» его власти был основан на силе и принуждении. А силой, как известно, кроме презрения, ничего не добиться.

Источники и литература

1. Ватыль В.Н. Власть и право в интерпретации русской юридической школы.//Вестник МГУ. Сер. 12-№ 1-С. 2003-С. 97-118.
2. Weber M. Economy and Society. N.Y., Vol, 1, 1968. P. 58.
3. Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее ВОАНПИ) Ф. 2522. Оп. 48. Д. 69. Л. 49-49 об-50.
4. ВОАНПИ Ф. 2522. Оп. 48. Д. 1222. Л. 26, 43, 45.
5. Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996-С. 28.
6. Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО) Ф. 1705. Оп. 25. Д. 44. Л. 15.
7. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России/ Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др.; /Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова – М.: МВШСЭН, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002-С. 436-437.
8. Чиркин В.Е. Государствоведение. М., 1999-С. 83.
9. Шмелёв Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М.: Наука, 2000-С.

204-205.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Альмяшова Людмила Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Кемеровского технологического института пищевой промышленности. ludvik_1@mail.ru

Барынкин Артём Владимирович – аспирант кафедры Европейских исследований Санкт-петербургского государственного университета. samskabo@mail.ru

Барынкин Владимир Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и педагогики Брянской государственной сельскохозяйственной академии. barinvova@yandex.ru

Безгин Владимир Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета. vladuka62@mail.ru

Ворон Виталий Петрович – аспирант Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка. Witalij_1.9.84@tut.by

Герасимчук Александр Михайлович – ассистент кафедры педагогики и методики преподавания истории и общественных дисциплин Института истории, этнологии и правоведения им. А.М. Лазаревского Черниговского национального педагогического университета им. Т.Г. Шевченко. gerasim_o@yahoo.com

Горбаненко Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ранних славян Института археологии НАН Украины. gorbanenko@gmail.com

Гузенков Сергей Григорьевич – доцент кафедры философии и общественно-гуманитарных дисциплин Запорожская областная академия последиplomного педагогического образования. guzenkov@i.ua

Данилов Петр Григорьевич – научный сотрудник Тобольского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. danilovpg@mail.ru

Житков Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Кировоградского государственного педагогического университета имени В. Винниченко. gitkov_oa@ukr.net

Искендеров Гаджимурад Абдуллаевич – доктор исторических наук, профессор. Главный научный сотрудник отдела истории Дагестана XIX – нач. XXI вв. Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Капустин Кирилл Николаевич – аспирант Национального университета «Киево-Могилянская Академия», лаборант Научных фондов Института археологии НАН Украины. kirill231209@gmail.com

Квитковский Виктор Игоревич – соискатель Института археологии НАН Украины, преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин Харьковского гуманитарно-педагогического института. viktorkvi@rambler.ru

Кедун Иван Станиславович - старший преподаватель Нежинского государственного университета имени Н.В. Гоголя, аспирант Института археологии НАН Украины, начальник Новгород-Северской археологической экспедиции.

Кирьянова Елена Анатольевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. Начальник Управления качества образования. e.kiryanova@rsu.edu.ru

Кишлярук Виктор Михайлович – кандидат географических наук, доцент кафедры общего землеведения Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. wiciys@idknet.com

Книга Марина Давидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Центрального филиала Российской академии правосудия» (г. Воронеж). marinakniga@mail.ru

Левченко Ольга Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент Забайкальского института предпринимательства Сибирского университета потребительской кооперации. levchenkozip@mail.ru

Лысенко Юлия Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Дагестана XIX – нач. XXI вв. Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. ljuma78@mail.ru

Медведев Владислав Валентинович – ассистент кафедры истории Древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного университета. vlad.etno@mail.ru

Мищанин Василий Васильевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета. mistschanyn@mail.ru

Морозов Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, заведующий историческим отделом Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». morozov_rostov@mail.ru

Мотков Сергей Иванович – ведущий специалист Российского института по связям с общественностью. s-motkov@yandex.ru

Мотревич Владимир Павлович – доктор исторических наук, профессор. Заведующий кафедрой истории Уральской государственной сельскохозяйственной академии. motrevitch@isnet.ru

Мухин Дмитрий Александрович - старший научный сотрудник архитектурно-этнографического музея Вологодской области.

Новик Татьяна Григорьевна – научный сотрудник отдела фондов Национального архитектурно-исторического заповедника «Чернигов древний».

Новичихин Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Анапского филиала Сочинского государственного университета туризма и курортного дела.

Новожеев Роман Владимирович – кандидат исторических наук, доцент. Заведующий научно-исследовательской лабораторией аграрной истории Брянской государственной сельскохозяйственной академии. povrom@bk.ru

Новожеева Инна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук БФ МПСУ. innanov@bk.ru

Пашкевич Галина Александровна – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник отдела биоархеологии Института археологии НАН Украины.

Поляков Геннадий Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

Посохин Иван Андреевич – магистрант кафедры русского языка философского факультета Университета им. Коменского в Братиславе (Словакия). seanposokhin@gmail.com

Посохина Галина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина (Беларусь).

Потворов Иван Иванович – зам. директора Департамента общего и профессионального образования Брянской области. potvor@mail.ru

Романова Елена Николаевна - студентка 2 курса технологического факультета Кемеровского технологического института пищевой промышленности.

Романович Павел Степанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси. Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. histbel@bsu.brest.by

Руденок Владимир Яковлевич – заведующий отделом научных исследований пещер и памятников археологии Национального архитектурно-исторического заповедника «Чернигов древний».

Сапожников Сергей Евгеньевич - студент 2 курса технологического факультета Кемеровского технологического института пищевой промышленности. seemo_hung@mail.ru

Свистун Геннадий Евгеньевич – ведущий научный сотрудник отдела памятников археологии Харьковского научно-методического центра охраны культурного наследия при Управлении культуры и туризма Харьковской областной государственной администрации. sacaliba@yandex.ru

Сердюк Игорь Александрович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Украины Полтавского национального педагогического университета имени В.Г. Короленко. Ig.Serdiuk@gmail.com

Сологубов Александр Михайлович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии исторического факультета Балтийского федерального университета им. И. Канта, докторант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета. aleks.sologubov@gmail.com

Старовойтов Михаил Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины, ведущий научный сотрудник НИС БГУ.

Стародубец Владимир Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Житомирского государственного университета имени И.Франко. starodubec@gmail.com

Стародубец Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной истории и правоведения Житомирского государственного университета имени И.Франко. starodubec@gmail.com

Стародубцев Геннадий Юрьевич – кандидат исторических наук, директор Курского государственного областного музея археологии. arch1962@mail.ru

Сулимов Вадим Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры права и методики преподавания обществознания Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И.Менделеева. vsulimov@km

Сытый Юрий Николаевич – заместитель директора Центра археологии и древней истории Северного Левобережья им. Д.Я. Самоквасова Черниговского национального педагогического университета им. Т.Г. Шевченко. Старший научный сотрудник. sytyinick@mail.ru

Терещенко Елена Анатольевна – аспирант кафедры всемирной истории Черниговского Национального педагогического университета имени Т.Г. Шевченко. sidknight@rambler.ru

Токарев Николай Васильевич – начальник кафедры гуманитарных дисциплин Тамбовского филиала Московского университета МВД России. n_tokarev@mail.ru

Черненко Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент Черниговского национального педагогического университета им. Т.Г. Шевченко, научный сотрудник Института археологии НАН Украины.

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. fennecfox66@gmail.com

Чуркин Михаил Константинович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. proffchurkin@yandex.ru

Шорина Елена Николаевна – кандидат исторических наук, государственный инспектор администрации Шекснинского муниципального района Вологодской области. elenaschorina@yandex.ru

Научное издание

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

**МАТЕРИАЛЫ I МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»**

Редатор Павлютина И.П.

ISBN 978-5-88517-203-5

Подписано к печати 31.08. 2011 г.
Формат 60X84 ¹/₄. Бумага печатная.
Усл.п.л. 11,51. Тираж 100 экз. Изд. № 2001.

Издательство Брянской государственной сельскохозяйственной академии.
243365, Брянская обл., Выгоничский р-он, с. Кокино, Брянская ГСХА